

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Глобальные демографические
трансформации:
современная урбанизация
и международные миграции*

*Global Demographic
Transformations: Modern
Urbanization and International
Migration*

ТОМ 13 • НОМЕР 1 • 2020

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 13 • NUMBER 1 • 2020

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1

Контурь глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гетеборгский университет, Гетеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Шутов А.Ю., МГУ, Москва, РФ

Учредитель и издатель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Сайт: <http://www.oigt-journal.com>

Тел.: +7 (495) 664-52-07

© Контурь глобальных трансформаций, 2019

E-mail: journal@centero.ru

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 1000 экз.

Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1

Содержание

Социальные трансформации

- Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ.** Экономическая деятельность выходцев из Африки в крупных странах ЕС: новые подходы 6–27
- Роберта АЛОНЦИ.** Миграционные процессы и идентичность ЕС 28–47

Проблемы Старого света

- Елена Александровна МАСЛОВА, Раффаэлло ЛОРЕТО ЧЕЧОНИ.** Китайские мигранты в Италии: социально-экономический портрет 48–62
- Дарья Павловна ШАТИЛО.** Иммиграция как фактор социального расслоения в Париже: анализ территориальной дифференциации 63–83

В национальном разрезе

- Юрий Дмитриевич КВАШНИН.** Современные Афины: миграционные процессы и парадигмы городского развития 84–101
- Наталья Григорьевна РОГОЖИНА.** Экологические риски урбанизации в странах Юго-Восточной Азии. 102–118
- Надежда Юрьевна КУДЕЯРОВА.** Латинская Америка: демографическая динамика и трансформация миграционных процессов 119–140

Точка зрения

- Филипп Владимирович СЛЕЗНОВ.** Соотношение общенациональной и городской политики в сфере миграции 141–158
- Алла Георгиевна МАХРОВА, Роман Александрович БАБКИН, Эдуард Эдуардович КАЗАКОВ.** Динамика дневного и ночного населения как индикатор структурно-функциональных изменений территории города в зоне влияния Московского центрального кольца с использованием данных операторов сотовой связи 159–179

В рамках дискуссии

- Евгений Викторович АНТОНОВ.** Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации 180–202
- Николай Александрович СЛУКА, Владимир Васильевич КАРЯКИН, Евгений Федорович КОЛЯСЕВ.** Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов 203–226

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, èkonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhto, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Goluvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Founder and Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
 Russian Federation
Web-site: <http://www.oqt-journal.com>
Tel.: +7 (495) 664-52-07

E-mail: journal@centero.ru
Frequency: 6 per year
Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1

Contents

Social Transformations

Alexey V. KUZNETSOV. Economic Activities of African Migrants in Major EU Countries: New Approaches 6–27

Roberta ALONZI. Migration Processes and Identity of the EU 28–47

Problems of the Old World

Elena A. MASLOVA, Raffaello LORETO CECIONI. Chinese Migrants in Italy: A Socio-economic Portrait 48–62

Daria P. SHATILO. Immigration as a Social Stratification Factor in Paris: A Territorial Differentiation Analysis 63–83

National Peculiarities

Yury D. KVASHNIN. Modern Athens: Migration Processes and Paradigms of Urban Development 84–101

Natalia G. ROGOZHINA. Environmental Challenges of Urbanization in Southeast Asia 102–118

Nadezhda Yu. KUDEYAROVA. Latin America: Demographic Dynamics and the Migration Processes Transformation 119–140

Point of View

Filipp V. SLEZNOV. Relationship between National and City Policies in the Field of Migration 141–158

Alla G. MAKHROVA, Roman A. BABKIN, Eduard E. KAZAKOV.
The Dynamics of the Day and Night Population as an Indicator of Structural and Functional Changes in the Territory of the City in the Zone of Influence of the Moscow Central Ring Using Data from Mobile Operators 159–179

Under Discussion

Evgenij V. ANTONOV. Urban Agglomerations: Approaches to the Allocation and Delimitation 180–202

Nikolaj A. SLUKA, Vladimir V. KARYAKIN, Evgeny F. KOLYASEV. Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors. 203–226

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Экономическая деятельность выходцев из Африки в крупных странах ЕС: новые подходы

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, врио директора
Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов А.В. (2020) Экономическая деятельность выходцев из Африки в крупных странах ЕС: новые подходы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 6–27.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Статья поступила в редакцию 04.12.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена за счет гранта РФФИ
№ 17-07-00040-ОГН.

АННОТАЦИЯ. Рост интереса к миграционным проблемам в ЕС слабо затронул анализ африканских мигрантов. В центре внимания находятся социальные и политические вопросы, а исследуемые экономические вопросы связаны прежде всего с оценкой причин приезда африканцев в ЕС, траекторий их передвижения, а также масштабов денежных переводов на родину и условий возвращения их самих назад в Африку. В статье акцент сделан на основных чертах экономической деятельности африканских мигрантов в ЕС. Вместо традиционного рассмотрения лишь одной либо нескольких диаспор в отдельной стране или обобщенного анализа всего ЕС сравнивается специфика выходцев из разных стран Африки в 4 крупнейших государствах ЕС (включая Великобританию, покинувшую ин-

теграционный проект в 2020 г.). Статья начинается с обзора исследований, где содержатся сведения по экономической деятельности мигрантов из стран Африки. Затем на основе сведений Евростата и национальной статистики ФРГ, Франции, Италии и Великобритании показана доля выходцев из Африки. Объяснены причины различий между этими четырьмя странами в динамике и структуре иммиграции из Африки. Рассмотрена статистика беженцев, натурализовавшихся за последние 10 лет лиц, иностранных граждан и жителей с миграционными корнями. Лидирует по числу мигрантов Франция, в основном за счет выходцев из франкоязычных стран Северной и Западной Африки. Выделяется из-за географической близости к этому региону и Италия, на которую нацеле-

ны многие нелегальные маршруты мигрантов. Великобритания стала целью преимущественно жителей бывших британских колоний, которые довольно успешно проходят натурализацию в Соединенном Королевстве (поэтому африканцев без местных паспортов в Великобритании столько же, сколько и в ФРГ – по 0,6 млн). Далее показано, что ключевым фактором для занятости той или иной экономической позиции в обществе является статус мигрантов, также важную роль играют их образование (хотя часто африканцы работают на местах, где требуется уровень квалификации ниже, чем они имеют) и языковые барьеры. Есть большие гендерные различия. Завершается статья выводами о проблемах адаптации африканских мигрантов, хотя без занятия ими непривлекательных рабочих мест страны ЕС уже не могут обойтись.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграции, африканские мигранты, страны ЕС, экономические ниши на рынке труда, миграционная статистика, ФРГ, Франция, Италия, Великобритания

Разразившийся в 2010-е гг. миграционный кризис в ЕС породил довольно большой пласт научной литературы. Вместе с тем внимания мигрантам из Африки уделяется явно меньше, нежели выходцам с Ближнего Востока. В странах ЕС, однако, сформировались многочисленные общины выходцев из Северной и Тропической Африки, причем по количеству новых граждан ЕС среди стран исхода уже несколько последних лет лидирует Марокко, а Алжир и Нигерия устойчиво входят в число 15 стран-лидеров.

Европейских исследователей прежде всего интересуют маршруты миграции (в особенности нелегальной), а также социальные проблемы, связан-

ные с пребыванием африканских мигрантов в странах ЕС (например из-за распространения среди приезжих различных опасных болезней или проявлений в принимающих социумах ксенофобии и расизма), эффективность миграционной политики ЕС, включая меры отдельных государств-членов. Нередко в публикациях экспертов рассматривается экономическая связь африканских мигрантов со странами исхода, однако обычно игнорируется тот факт, что африканцы способны вносить позитивный вклад и в развитие экономики самих стран ЕС, особенно когда они занимают ниши на рынке труда, слабо востребованные местным населением. Последний вопрос, на наш взгляд, изучен до сих пор слабо; в качестве примеров его игнорирования приведем две довольно типичные публикации: брошюру, посвященную обзору вопроса в период до последнего миграционного бума [Kohnert 2007], и спецвыпуск журнала пятилетней давности о марокканской миграции в ЕС (см., например, [Sahraoui 2015]). К тому же европейские эксперты все чаще обращают внимание на то, что африканскую миграцию надо изучать не столько как экономическое явление (что предполагало бы среди прочего статистический анализ трудовых отношений мигрантов), сколько как результат развития социальных сетей, иллюстрируя это различными индивидуальными историями мигрантов [Schapendonk 2015]. Тем не менее мы сосредоточимся как раз на основных чертах экономической деятельности африканских мигрантов в ЕС. Анализ в статье будет основан как на обработке разнородной статистики, так и на приводимых в различных научных публикациях фактах о конкретной специфике экономической деятельности выходцев из Африки в четырех крупнейших странах ЕС: ФРГ, Франции, Италии и Великобритании.

Анализ африканской миграции в ведущие страны ЕС

В России исследования африканских мигрантов в Европе ведутся в основном в Институте Африки РАН. Особо отметим опубликованное уже более 10 лет назад монографическое исследование И.О. Абрамовой [Абрамова 2009]. В этом комплексном труде показаны масштабы миграции из Африки (прежде всего внутри континента и в сторону ЕС), возрастная, национальная и конфессиональная структура этих миграционных потоков, основные транзитные маршруты, трансформация миграционной политики самих стран – членов ЕС (в том числе по отношению к временным и нелегальным мигрантам). В основе исследования лежал как анализ обширных статистических материалов, так и интервью с мигрантами, а также чиновниками и экспертами по миграционной проблематике в некоторых африканских странах и крупных государствах – членах ЕС. Акцент был сделан на детальном анализе североафриканской миграции в Германию, Италию и Испанию. Важно подчеркнуть, что в отличие от многих западных работ, где африканская миграция рассматривается преимущественно как источник социально-экономических проблем, И.О. Абрамова показала, что примерно половина переехавших в ЕС африканцев занимаются квалифицированным трудом в промышленности, сельском хозяйстве и сфере обслуживания, нередко улучшив свой социальный статус [Абрамова 2009, с. 82]. Перу этого автора и ее коллег принадлежат и более свежие публикации по африканской миграции (в частности, [Фитуни, Абрамова 2017]).

В стенах Института Африки РАН появляются работы, где детально рассматриваются общины, сформированные выходцами из отдельных африкан-

ских стран. Прежде всего можно отметить статьи Г.А. Карпова, посвященные африканским мигрантам в Великобритании. Этим исследователем отмечаются не только проблемы интеграции выходцев с Черного континента, но и успехи представителей африканских диаспор (хотя среди экспертов есть дискуссии о правомочности такого термина), включая, например, высокий уровень вовлеченности в получение дополнительного образования [Карпов 2016]. Особо выделим обобщившую его предшествовавшие журнальные статьи монографию о специфике диаспор из Сомали, Зимбабве, Нигерии и ЮАР [Карпов 2018]. Отметим также работы по магрибинцам во Франции, опубликованные Е.Б. Деминцевой (например, [Деминцева 2008; Деминцева 2015]). Ее исследовательский интерес обращен во Франции и на выходцев из Сахеля [Деминцева 2013].

В западных исследованиях внимания отдельным африканским диаспорам в ЕС с точки зрения экономики уделяется немного. Скорее, можно говорить о возможности сбора информации по крупным из статей о смежных по тематике исследованиях. Например, полевые исследования по важной для стран ЕС проблеме – отслеживанию маршрутов миграции из разных стран Африки – для наших целей интересны главным образом пониманием мотивации мигрантов и их ожиданий в экономической сфере (например, [Schapendonk 2011, Schapendonk 2015]). Косвенно об экономических позициях мигрантов свидетельствуют результаты анализа дискриминации африканцев на рынках труда: например, во Франции проводилось эконометрическое исследование с целью сравнения зарплат работников с двумя родителями-французами и работников, чей родитель приехал из Африки [Aeberthardt, Fougère, Pouget, Rathelot 2010].

Безусловную ценность имеют большие по охвату и длительности проекты с компонентами социологических и полевых исследований, однако обычно они сопряжены с экспедициями лишь в ограниченное количество стран. Например, многонациональный проект под эгидой французских ученых «Миграции между Африкой и Европой» посвящен миграционным потокам только между Сенегалом и Францией, Италией и Испанией, между Демократической Республикой Конго (далее по тексту – ДР Конго) и Бельгией, Великобританией и между Ганой и Великобританией, Нидерландами¹.

Доминирование определенной тематики у европейских ученых закономерно: если это не этнографические исследования, то на первый план выходят работы по ограничению нелегальной миграции (а в значительной мере миграционный бум неизбежно сопряжен с нарушениями законодательных норм). Далее вопрос лишь в том, стоит ли принимать основные меры по пресечению нелегальной миграции в странах исхода африканцев или на границах с ЕС. Примеров таких работ много – в качестве иллюстрации назовем лишь свежую статью [Crawley, Blitz 2019], где анализируются меры по сокращению миграции в ЕС из стран Африканского Рога, поскольку Эритрея, Сомали и другие страны региона быстро теснят в статистических отчетах о мигрантах Марокко, Нигерию и иные страны Северной и Западной Африки. Осевших в странах ЕС мигрантов надо как-то адаптировать к европейским реалиям, поэтому успешно вписавшиеся в хозяйственную жизнь крупных стран ЕС африканцы – наименее волнующий экспертов феномен. Вместе с тем нельзя сказать, что европей-

ские ученые совсем игнорируют рост враждебности к африканской миграции в ЕС как таковой, когда все чаще в сознании допускается приемлемость въезда лишь высококвалифицированных кадров либо жертв политического насилия [Landau 2018]. В условиях глобализации было бы наивно верить, что соседствующая с Европой Африка с ее динамично растущим населением не будет постоянным источником самых разных миграционных потоков, от которых Европейскому союзу не удастся отгородиться.

Для раскрытия нашей исследовательской темы интерес представляют и некоторые оригинальные по тематике работы ученых из Северной Африки, Нигерии, Ганы. В качестве одного из примеров назовем публикацию алжирского ученого, где с помощью эконометрического анализа показано отсутствие влияния алжирской диаспоры во Франции, Бельгии, Испании и некоторых других странах на трансформацию структуры экспорта Алжира в ЕС (в отличие от позитивной роли, которую, например, играет китайская диаспора для экспорта КНР) [Hadjou 2015]. Другой иллюстрацией служит защищенная в Университете Ганы магистерская диссертация о связи миграций в Италию и другие страны ЕС с транзитом наркотиков через Западную Африку в Европу [Ewintomah 2017]. Нередко африканские ученые обнаруживают подробный анализ диаспор, сформированных их соотечественниками. Отметим, в частности, изучение влияния нигерийской диаспоры (в Великобритании и США) на развитие самой Нигерии [Kunle, Modupe 2019] и комплексный анализ специфики тунисской диаспоры [David, Marouani 2017].

1 https://mafeproject.site.ined.fr/fichier/s_rubrique/20355/leaflet_read_en.en.pdf, дата обращения 12.05.2020.

Беженцы в ЕС: много внимания и детальная статистика, но мало экономики

В 2010-е гг. основное внимание общественности в ЕС было приковано к беженцам, поскольку в 2015–2016 гг. ежегодное количество людей, впервые обратившихся за убежищем, превышало 1 млн чел., тогда как еще в 2009 г. соста-

вило лишь 165 тыс. чел. В этом потоке на африканцев приходится почти $\frac{1}{4}$ часть, причем две страны (Нигерия и Эритрея) в 2010-е гг. находились в первой десятке. Однако по количеству запросивших убежище лидируют жители азиатских и балканских государств (см. табл. 1).

Условность статуса беженцев в ЕС (прежде всего маскировка под них классических экономических мигрантов)

Таблица 1. Беженцы в ЕС в 2009–2019 гг.: происхождение впервые запросивших убежище (тыс. чел.)

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2010–2019	Доля, %
Всего вне ЕС	196	207	263	278	368	563	1257	1206	655	587	657	6236	100,0
Сирия	3	4	6	21	46	119	363	335	102	81	76	1155	18,5
Афганистан	14	16	22	21	21	38	178	183	44	41	55	632	10,1
Ирак	14	13	13	11	8	15	122	127	48	40	31	441	7,1
Пакистан	5	6	15	17	19	21	47	48	30	25	25	257	4,1
Албания	1	1	3	7	11	16	66	29	22	20	21	196	3,1
Иран	6	9	10	12	11	10	25	40	17	23	22	186	3,0
Россия	13	13	13	17	35	14	18	23	13	12	11	182	2,9
Косово	10	12	8	7	17	34	69	9	5	3	2	174	2,8
Африка в целом	69	59	94	77	106	163	194	245	222	160	156	1546	24,8
Нигерия	8	5	12	7	10	19	30	46	39	23	21	220	3,5
Эритрея	5	4	6	6	14	36	33	33	24	15	12	189	3,0
Сомали	17	13	11	13	15	15	20	19	13	11	13	158	2,5
Гвинея	4	4	6	4	6	5	5	13	18	13	12	91	1,5
ДР Конго	4	5	6	7	8	7	6	5	7	7	9	71	1,1
Алжир	3	3	4	4	6	6	8	11	9	9	9	71	1,1
Мали	1	1	4	2	6	13	8	9	10	6	6	67	1,1
Гамбия	1	1	1	1	3	11	12	16	12	4	3	67	1,1
Судан	2	2	3	2	3	6	11	11	9	8	7	64	1,0
Кот-д'Ивуар	1	1	5	2	2	3	6	11	14	9	8	63	1,0
Марокко	1	1	2	2	4	4	5	11	8	8	9	54	0,9
Сенегал	1	1	2	2	3	6	9	10	10	5	5	53	0,8
Гана	2	1	5	2	2	4	6	8	7	3	2	40	0,6
Египет	1	1	2	2	5	4	3	5	4	5	5	37	0,6
Камерун	1	1	2	1	2	2	3	5	6	5	5	34	0,5
Ливия	1	1	3	1	2	3	5	4	4	4	3	31	0,5
Эфиопия	1	1	1	2	2	3	6	6	4	3	2	30	0,5

Источник: интерактивные таблицы Евростата // <https://ec.europa.eu/eurostat/web/asylum-and-managed-migration/data/database>

Примечание: Великобритания покинула ЕС 31 января 2020 г., но весь наш анализ ведется для ЕС-28, поскольку Соединенное Королевство входило в интеграционную группировку в исследуемый период (Хорватия стала членом ЕС 1 июля 2013 г.). Косово рассматривается в статистике ЕС как отдельная страна.

подтверждена исследователями многими фактами. В частности, некоторые государства, охваченные гражданской войной, по количеству запросивших убежище многократно уступают вполне благополучным странам: например, за 10 лет из Ливии в ЕС «бежало» в 6 раз меньше людей, чем из России. Заметим также, что в «пиковые» годы количество беженцев возрастало по сравнению с 2009–2010 гг. из большинства стран, даже если там не происходило никаких социально-политических катаклизмов. К тому же многие «настоящие» беженцы все равно ориентируются на традиционные мотивы мигрантов, например языковой фактор. Довольно рельефно это прослеживается и по распределению между наиболее привлекательными для

беженцев странами – членами ЕС, выходцев из отдельных государств, в том числе африканских (см. табл. 2).

Так, в Великобритании доля африканских беженцев выше среднего по ЕС, причем количество запросивших убежище в 2010–2019 гг. жителей Эритреи, Судана или Нигерии было больше численности беженцев-сирийцев. В Швеции, которая в деле предоставления политического убежища иностранцам, несмотря на свой малый размер, сопоставима с ведущими государствами ЕС, почти не было беженцев из бывших французских колоний и в целом доля африканцев среди лиц, запросивших убежище, относительно невелика (исключение составляют жители Сомали и Эритреи). Напротив, во Франции,

Таблица 2. Лица, впервые запросившие убежище, по отдельным странам ЕС (тыс. чел.)

Страна	Германия		Франция		Италия		Швеция		Велико-британия		Греция		Испания	
	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019	2019	2010–2019
Всего	142	2128	120	786	35	593	23	495	44	365	75	292	115	249
Сирия	39	620	2	25	0	6	5	124	1	14	11	72	2	20
Афганистан	10	237	10	39	1	18	1	64	2	24	24	53	0	1
Ирак	14	210	1	14	1	9	1	35	4	21	6	29	0	1
Африка, всего	30	326	51	308	8	375	4	102	10	111	11	38	10	36
Нигерия	9	54	4	19	1	103	0	4	1	16	0	2	0	2
Эритрея	4	68	2	10	0	20	1	33	2	19	0	2	0	0
Сомали	4	45	3	11	0	13	1	36	0	6	2	4	0	1
Гвинея	2	17	7	34	0	19	0	0	0	1	0	1	1	3
ДР Конго	0	2	4	45	0	1	0	1	0	2	4	7	0	1
Алжир	1	15	3	21	0	1	0	3	0	3	0	3	1	6
Мали	0	4	4	18	0	37	0	0	0	0	0	0	1	5
Гамбия	1	17	0	1	0	39	0	1	0	3	0	0	0	1
Судан	1	8	3	29	0	3	0	2	2	15	0	1	0	0
Кот-д'Ивуар	1	6	5	23	0	26	0	0	0	1	0	1	1	2
Марокко	1	14	1	4	2	9	0	4	0	1	0	2	2	5
Сенегал	0	4	2	8	1	33	0	0	0	0	0	1	1	2

Источник: интерактивные таблицы Евростата // <https://ec.europa.eu/eurostat/web/asylum-and-managed-migration/data/database>

Примечание: данные округлены до 1 тыс. чел., т. е. 0 означает меньше 500 беженцев.

где из Африки приехали почти 2/5 беженцев, выделяются франкоязычные государства (особенно ДР Конго – бывшее Бельгийское Конго). Поток беженцев в Италию резко уменьшился, но в целом за 2010-е гг. она занимала 3-е место, причем в силу географического положения 63% лиц, запросивших убежище, были африканцами, прежде всего из Нигерии, Мали, Гамбии и Сенегала. Этот поток из Западной Африки в ЕС до свержения и убийства М. Каддафи боевиками при поддержке НАТО успешно удерживался Ливией. В Германии абсолютное количество беженцев из Африки было меньше, нежели в Италии (а их доля составляла только 15%, что было все-таки выше показателя Испании и Греции, которые находятся вблизи Африки), причем убежище запрашивали жители самых разных стран, хотя лидировали Эритрея, Нигерия и Сомали.

Текущая ситуация с миграцией из Африки в странах ЕС

На наш взгляд, при анализе экономических последствий иммиграции (а не текущих социально-политических проблем, которые обострились действительно из-за наплыва беженцев) следует опираться на показатели натурализации мигрантов в странах ЕС. Альтернативным методом был бы учет лиц с гражданством иностранных государств или жителей стран с мигрантским прошлым. Ниже будет проведено сопоставление предлагаемого нами и данного методов, однако сразу отметим, что статистика по иностранцам очень разнородна по отдельным странам – членам ЕС. К тому же именно структурные параметры процессов натурализации, причем состоявшейся в последние годы, по нашему мнению, позволяют изучать тех мигрантов, которые еще

не порвали со своим африканским прошлым, но уже довольно прочно закрепились на «новой родине», заняв те или иные экономические ниши.

По данным Евростата, ежегодно в ЕС гражданство получают 0,8–1,0 млн мигрантов, причем свыше ¼ из них – как раз африканцы (см. табл. 3). Если лидером по абсолютному количеству розданных иностранцам паспортов была Великобритания, то африканцам гражданство охотнее всего предоставляет Франция. В целом четыре ведущих страны интеграционной группировки за 10 лет выдали африканцам более 1,7 млн паспортов (почти 69% всех случаев натурализации африканцев в ЕС за этот период). Не имевшая колоний в Африке ФРГ сильно отстает не только от Франции, но и от Великобритании и Италии, будучи сопоставима с маленькой Португалией.

Почти половина африканцев, получивших в 2009–2018 гг. паспорта стран ЕС, – выходцы из Северной Африки. Однако в Италии их доля среди натурализовавшихся африканцев превысила 71%, во Франции составила 63%, тогда как в Великобритании – только 8,5%. Бесспорный лидер – Марокко, но прежде всего за счет миграции во Францию (где с марокканцами почти сопоставимы алжирцы) и Италию. В то же время на выходцев из Западной Африки в Великобритании пришлось 33,4%, тогда как в целом по ЕС – 23,7%. Прежде всего речь идет о нигерийцах и жителях Ганы (во Францию едут, однако, жители бывших французских колоний). Наиболее важным регионом исхода для новых граждан Великобритании с Черного континента стала Восточная Африка, прежде всего Зимбабве (в другие страны ЕС жители этой бывшей британской колонии редко переезжают) и Сомали. Относительно значимое место этот регион занимает у Франции, но преимущественно

за счет франкоязычных островных государств. Центральная Африка в силу распространения французского языка также выделяется у Франции, тогда как 5 англоязычных стран Южной Африки (а вернее, ЮАР) – у Великобритании.

Языковое и историческое прошлое в принципе играют решающую роль в большинстве случаев. Например, Португалия, выдавшая за 10 лет

более 104 тыс. паспортов африканцам, в основном предпочитала натурализацию жителей своих бывших колоний: из Кабо-Верде (42 тыс. чел.), Гвинеи-Бисау, Анголы и т. д. Однако языковой фактор не стоит абсолютизировать: из почти 96 тыс. африканцев, натурализовавшихся за 10 лет в Нидерландах, южноафриканские буры составили менее 2 тыс. чел., тогда как ма-

Таблица 3. Мигранты, получившие гражданство стран – членов ЕС (тыс. чел.)

Страна	ЕС-28, всего		Германия		Франция		Италия		Великобритания	
	2018	2009–2018	2018	2009–2018	2018	2009–2018	2018	2009–2018	2018	2009–2018
Всего	829	9247	117	1197	110	1287	113	1170	157	1780
Африка в целом	220	2555	11	107	68	795	30	399	33	455
Северная Африка	106	1274	5	48	38	503	20	285	3	39
Марокко	68	822	2	30	15	229	15	215	0	6
Алжир	19	234	0	5	15	186	1	11	0	10
Тунис	11	137	1	11	7	81	2	34	0	2
Египет	5	59	1	5	1	7	1	23	1	9
Западная Африка	56	605	3	26	15	141	8	91	13	152
Нигерия	15	160	1	10	0	2	2	17	9	87
Гана	7	91	1	7	0	2	2	24	3	41
Сенегал	8	72	0	1	3	28	3	26	0	1
Кабо-Верде	5	53	0	0	1	7	0	2	0	0
Кот-д’Ивуар	4	49	0	1	3	31	1	9	0	4
Восточная Африка	35	374	1	14	7	52	1	16	11	173
Сомали	13	125	0	2	0	1	0	2	3	48
Зимбабве	3	54	0	0	0	0	0	0	3	52
Эритрея	4	33	0	3	0	0	0	3	2	15
Центральная Африка	18	228	2	17	8	98	1	7	1	27
ДР Конго	4	65	0	5	1	23	0	2	1	14
Камерун	6	61	1	10	3	29	0	3	0	6
Ангола	3	40	0	3	1	7	0	1	0	5
Конго	3	35	0	1	3	27	0	1	0	2
Гвинея	4	34	0	1	2	16	0	1	0	2
Мали	4	33	0	0	4	29	0	1	0	0
Южная Африка	4	75	0	1	0	1	0	1	4	64
ЮАР	4	73	0	1	0	1	0	1	4	63

Источник: расчеты автора на основе интерактивных таблиц Евростата // https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=migr_acq&lang=en

Примечание: данные округлены до 1 тыс. чел., т. е. 0 означает меньше 500 чел.

рокканцев было 45 тыс. чел. Неслучайно немало выходцев из Нигерии (бывшей британской колонии) приезжают в ФРГ, получают там гражданство, а лишь потом перебираются в Соединенное Королевство.

Таким образом, дальнейший анализ разумно вести с пониманием того факта, что среди рассматриваемых четырех государств марокканцы, впрочем как и сенегальцы, в основном проживают во Франции и Италии, алжирцы и тунисцы (как камерунцы и выходцы из ДР Конго) – во Франции, нигерийцы, сомалийцы и южноафриканцы – в Великобритании, выходцы из Ганы – также и в Италии. Общины африканцев в Германии невелики по численности, но выделяются выходцы из Марокко и Нигерии.

На наш взгляд, пусть и приближенно, но сведения Евростата по выданным за последние годы паспортам позволяют выделить основные общины африканцев в каждой из крупных стран ЕС, причем имеющаяся статистика по ФРГ, Франции, Италии, Великобритании (да и всем другим странам интеграционной группировки) является полностью сопоставимой. Тем не менее совсем отказываться от национальной статистики по мигрантам из Африки нельзя, т. к. именно она часто привязана к детальным сведениям о структуре занятости мигрантов, их имущественном положении и т. д. (что будет показано в последнем разделе статьи). Вместе с тем каждая из крупных стран ЕС учитывает мигрантов по собственным методикам.

Например, в Германии есть два параллельных метода учета мигрантов: в узком смысле это иностранцы (лица без паспорта ФРГ, включая других граждан ЕС), а в широком смысле это жители с мигрантским прошлым (как владельцы иностранных паспортов, так и натурализовавшиеся иностранцы, немецкие переселенцы из Восточной Европы и даже уроженцы ФРГ – дети мигрантов). В 2018 г. в Германии на фоне 1,2 млн мигрантов, получивших гражданство за последние 10 лет, общее число жителей с мигрантским прошлым составляет 20,8 млн чел., причем лишь около половины являются иностранцами². Среди лиц с мигрантским прошлым с африканскими корнями в Германии – 936 тыс. чел., в т. ч. 240 тыс. марокканцев, 202 тыс. других североафриканцев и 494 тыс. выходцев из Тропической Африки³. Иностранцев с паспортами африканских стран в ФРГ зарегистрировано только 600,9 тыс., в т. ч. из Северной Африки – 185,0 тыс., из Западной – 185,4 тыс., Восточной – 163,8 тыс., Центральной и Южной – 66,8 тыс. Среди отдельных стран по числу проживающих в ФРГ граждан выделяются Марокко (78,3 тыс.) и Нигерия (73,5 тыс.), далее следуют Гана, Тунис и Египет (по 36–37 тыс.)⁴. Легко заметить, что пятерки африканских стран-лидеров по числу иностранцев и по количеству получивших германские паспорта (см. табл. 3) почти совпадают (исключение составляет Камерун, который по числу граждан в ФРГ занимает 6-е место, а по числу натурализовавшихся за 10 лет – 3-е).

2 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung Ergebnisse des Ausländerzentralregisters (2019) // Statistisches Bundesamt. Fachserie 1 Reihe 2, April 15, 2020 // <http://www.destatis.de>, дата обращения 12.05.2020. Деление на регионы Африки в ФРГ отличается от принятого в ЕС в целом. Например, Судан отнесен к Центральной, а не Северной Африке, а Малави, Мозамбик, Замбия и Зимбабве – к Южной, а не Восточной Африке.

3 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus (2018) // Statistisches Bundesamt. Fachserie 1 Reihe 2.2, August 21, 2019 // <http://www.destatis.de>, дата обращения 12.05.2020, S. 63. Данные по отдельным странам Тропической Африки не выделяются.

4 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus (2018) // Statistisches Bundesamt. Fachserie 1 Reihe 2.2, August 21, 2019 // <http://www.destatis.de>, дата обращения 12.05.2020, S. 27.

В Великобритании отдельный учет ведется по месту рождения (свыше 9,4 млн чел. родились за пределами Соединенного Королевства) и нынешнему гражданству (6,2 млн чел. без британского подданства). Африканцев среди иностранцев столько же, сколько в Германии – 0,6 млн, но родившихся в Африке намного больше – 1,4 млн чел. Основные африканские страны исхода мигрантов – ЮАР (соответственно 91 тыс. чел. с паспортами африканского государства и 255 тыс. там родившихся), Нигерия (90 тыс. и 207 тыс.), Зимбабве (48 тыс. и 126 тыс.), Гана (46 тыс. и 116 тыс.), Сомали (36 тыс. и 98 тыс.), т. е. пятерки стран по числу мигрантов без паспорта и количеству натурализовавшихся в Великобритании в последние 10 лет (вновь см. табл. 3) совпадают. Правда, дальше в списке можно увидеть страны из числа бывших колоний, где почти все мигранты обзавелись паспортами: Кению (16 тыс. без британского подданства против 124 тыс. родившихся в этой стране жителей Великобритании), Египет (11 тыс. против 33 тыс.), Уганду (10 тыс. против 61 тыс.), Маврикий (10 тыс. против 36 тыс.). Это не идет ни в какое сравнение, например, с Эритреей, где из 28 тыс. приехавших в Великобританию 18 тыс. по-прежнему иностранцы⁵.

Во Франции, как и в Великобритании, учитываются не только иностранные граждане, но и мигранты по странам рождения – в 2018 г. из 6,5 млн таких жителей в стране было почти 3 млн чел., рожденных в Африке, в т. ч. 842 тыс. в Алжире и 775 тыс. в Ма-

рокко⁶. С гражданством африканских стран во Франции проживают почти 2 млн чел. – вслед за Алжиром и Марокко (по 0,5 млн чел.) идут с большим отрывом Тунис (менее 0,2 млн чел.), Коморские острова, далее Мали, Сенегал, Конго, Кот-д'Ивуар, ДР Конго и Камерун (все – более чем по 50 тыс. чел.)⁷. В Италии приводится только обобщенная статистика по гражданам стран, не входящих в ЕС: африканцев среди них в конце 2018 г. было почти 1161 тыс. чел., в т. ч. 707,5 тыс. чел. из Северной Африки и 384,5 тыс. чел. из Западной Африки⁸. Как и в остальных случаях, видно, что в целом есть соответствие национальной структуры выходцев из Африки без итальянского гражданства и натурализовавшихся в Италии в последние годы жителей этого континента.

Во всех четырех крупнейших странах ЕС в 2010-е гг. в структуре населения с африканскими корнями наблюдалось сохранение традиционных связей, обусловленных языковой и исторической близостью. Вместе с тем процессы усложнились как за счет потоков беженцев и трудовых мигрантов из новых стран массового исхода, так и за счет усиливающейся миграции выходцев из Северной и Тропической Африки внутри ЕС. Однако для выявления наиболее характерных для той или иной диаспоры особенностей интеграции в хозяйственную жизнь крупных стран ЕС достаточно рассмотреть ситуацию в одном, реже – двух государствах-членах, где в основном концентрируются выходцы из соответствующей африканской страны.

5 Population of the UK by Country of Birth and Nationality, June 2018 to June 2019 // Office for National Statistics // <https://www.ons.gov.uk>, дата обращения 12.05.2020.

6 Étrangers – Immigrés (2020) // Institut National d'Études Démographiques, February 27, 2020 // <https://www.ined.fr>, дата обращения 12.05.2020.

7 Étrangers par Nationalité Détaillée (2019) // Institut National d'Études Démographiques, September 2, 2019 // <https://www.ined.fr>, дата обращения 12.05.2020.

8 Annuario Statistico Italiano 2019 // <https://www.istat.it>, дата обращения 12.05.2020, p. 110.

Особенности трудовых ролей выходцев из Африки в разных странах

Распределение выходцев из отдельных государств Африки преимущественно по разным странам – членам ЕС показывает, что в основном мигранты занимают экономические ниши безотносительно к своему национальному происхождению. Традиционные виды занятости в ЕС для определенных африканских народов были более актуальны для середины XX в., тогда как массовый наплыв трудовых мигрантов (и в особенности беженцев) с конца 1990-х гг. привел почти к полному исчезновению данного феномена. Так, если в первой половине XX в. оседавшие в Европе сомалийцы из-за распространенных на родине традиций мореплавания в основном становились моряками и портовыми работниками, то бегство сомалийцев от многолетней гражданской войны привело к тому, что половина из них теперь вообще не имеют никакой профессиональной специальности, что ведет к маргинализации сомалийской диаспоры. Например, в Великобритании 31% мужчин и 84% женщин трудоспособного возраста из Сомали не учатся, не работают и не ищут работу [Карнов 2017]. В случае североафриканских «гастарбайтеров» (преимущественно во Франции) размывание специализации на рубеже веков произошло из-за активизировавшегося процесса воссоединения семей и начала трудовой деятельности второго поколения арабов и берберов – выросших во Франции потомков мигрантов из Марокко и Алжира.

Ключевым фактором для занятия той или иной экономической позиции в обществе является статус мигрантов, также важную роль играет их образование (хотя часто африканцы работают на местах, где не требуется да-

же тот уровень квалификации, о котором свидетельствует их образование) и языковые барьеры. Среди нелегальных мигрантов превалирует занятость в теневом секторе, который довольно значителен во многих странах ЕС. Некоторая часть таких мигрантов вовлечена в криминальную экономику, в т. ч. путем использования рабского труда (чаще всего нелегальных мигрантов из числа женщин и подростков).

Особую категорию составляют официально зарегистрированные беженцы, особенно в период, когда они еще не могут выйти на рынок труда. Своя специфика есть и у африканских студентов, которые подрабатывают (далеко не всегда легально) в европейских странах, где проходят свое обучение. Получив образование, многие остаются в ЕС, причем в бывших метрополиях, как правило, карьерные траектории оказываются намного успешнее (возможно, из-за отсутствия языкового барьера). Например, большая часть западноафриканской молодежи, намеревающаяся учиться в Европе, изначально не планирует возвращаться на родину и считает, что связь с ней достаточно поддерживать через диаспору [Dako-Gyeke 2015].

Наш акцент на трудовой деятельности как характеристики занятия выходцами из Африки тех или иных экономических ниш в ЕС основан на том, что большинство потенциальных мигрантов (особенно глав семейств) почти всегда на первый план ставят мотивы, связанные с поиском работы либо преодолением бедности, что бы они потом ни декларировали при пересечении границы. Это наглядно демонстрируют результаты 2019 г., опубликованные Афробарометром по итогам опроса 45,8 тыс. жителей 34 стран в период с сентября 2016 г. по сентябрь 2018 г. [Sanny, Logan, Gyimah-Boadi 2019]. Только у 25% опрошенных родствен-

ники жили в последние три года за рубежом, однако 37% респондентов отнесены к «потенциальным эмигрантам», т. к. подумывают об эмиграции (половина из них настроена довольно решительно, а десятая часть – т. е. 3% жителей Африки – уже предпринимает соответствующие шаги). Среди «потенциальных эмигрантов» в Европу намерены уехать 27%, в т. ч. 68% из Марокко, 66% из Кабо-Верде, 58% из Туниса, 54% из Сенегала, 52% из Мадагаскара, 47% из Гамбии, по 45% из Кот-д’Ивуара и Маврикия, 40% из Габона, 37% из Мали, 31% из Ганы. Основной мотив в целом по 34 обследованным странам Африки – найти работу (44%), выделяются также следующие цели: избежать нищеты (29%), получить образование (6%) и попутешествовать (5%), тогда как воссоединение с семьей называли 3% респондентов, а тягу к демократическим свободам или поиск мира и безопасности – по 2%. Среди марокканцев эмиграцию ради работы называли 53%, избегание нищеты – 13%, получение образования – 10%, среди тунисцев показатели составляли соответственно 47, 24 и 3%, среди сенегальцев – 54, 26 и 7% и т. д.

Часто существуют большие гендерные различия: например, среди сенегальцев во Франции и особенно в Италии многие женщины не работают, рассчитывая на заработок мужей (других мужчин-родственников) [Castagnone, Sakho, Nazio, Schoumaker, Rakotonarivo 2013, pp. 9, 15–18]. Безусловно, отчасти различается и мотивация к миграции: как показывает Афробарометр (правда, без разделения по отдельным странам, что могло хотя бы косвенно отнести эти данные к эмиграции в ЕС), 47% мужчин и только 40% женщин в Африке готовы эмигрировать главным образом ради работы, зато избегание нищеты называют 28% мужчин и 31% женщин [Samu, Logan, Gyimah-Boadi 2019, p. 17].

Доля мужчин, работающих в обрабатывающей промышленности и строительстве, закономерно выше, зато женщины чаще находят работу в торговле и сфере обслуживания. На примерах ганских мигрантов в Великобритании показано довольно распространенное превышение образовательного уровня у африканских мужчин-мигрантов по сравнению с женщинами, что также сказывается на различиях в их трудовых траекториях [Black, Quartey, Castagnone, Nazio, Schoumaker, Rakotonarivo 2013, p. 6].

Отдельного внимания заслуживают мигранты во втором и даже в третьем поколении, которые так и не натурализовались в ЕС. Как правило, их отличает невысокий образовательный уровень, в результате чего на рынке труда они оказываются в тех же сегментах, что и недавно прибывшие африканцы с низким образовательным уровнем, а также специалисты-мигранты, которые не смогли подтвердить свою квалификацию в ЕС (например, медицинские работники, которые массово покидают Черный континент в поисках лучших условий жизни). Отметим также, что наличие сложившейся диаспоры, некоторые представители которой успели добиться успеха на «новой родине», позволяет вновь прибывшим соотечественникам быстрее находить работу в соответствующих странах ЕС.

Массовый переезд в ЕС образованных африканцев, особенно молодых, реже попадает в поле зрения исследователей, однако высокая безработица и сложная внутривнутриполитическая ситуация во многих странах Африки существенно стимулируют такой исход. Еще одна причина эмиграции молодежи ради образования – нехватка мест в африканских вузах из-за недальновидной политики местных властей. Это наглядно проявилось в случае Нигерии, из которой массово эмигрируют буду-

щие британские (и ирландские) студенты, причем семьи молодых нигерийцев обычно готовы платить по 15–25 тыс. ф. ст. в год [Olutayo 2016]. Таким образом, происходит приращение человеческого капитала в ЕС без значимых затрат со стороны самих европейцев.

Вместе с тем значительная часть заработанных африканскими иммигрантами средств покидает ЕС в форме денежных переводов на родину (именно поэтому большие африканские семьи часто оказывают родственникам существенную помощь в эмиграции в ЕС, которую недоучитывают чиновники ЕС, рассматривающие преимущественно экономические мотивы мигрантов-одиночек). Как показали опросы ганских мигрантов в Италии, возврат на родину наиболее вероятен, если африканцам удастся заработать в ЕС стартовый капитал для создания и продвижения бизнеса на родине. Однако немаловажный мотив их «временного» пребывания в ЕС, растягивающегося на деле на многие годы, – возможность дать детям хорошее европейское образование [Agyeman, Garcia 2016].

Успешными оказываются и дети африканских мигрантов «первой волны», которые смогли получить на «новой родине» качественное образование и влиться в ряды квалифицированных европейских кадров. Например, в Великобритании нигерийская община выделяется довольно высоким уровнем образования, а как следствие, в стране немало бизнесменов, ученых и работников СМИ с нигерийскими корнями [Карпов 2018, с. 54–57].

Справедливости ради надо заметить, что ежегодно десятки тысяч образованных африканцев добровольно возвращаются из ведущих стран ЕС

к себе на историческую родину. Примечательно, что до сих пор свыше трети африканских мигрантов высказывают намерения вернуться со временем на родину (однако показатель существенно упал по сравнению с 1960-ми гг., к тому же планировать и реально действовать в будущем в этом направлении – не синонимы). К сожалению, точная статистика не ведется, к тому же многие мигранты просто перебираются в иные страны ЕС (от 20 до 50% в течение первых 5 лет) [Flahaux, Beauchemin, Schoemaker 2014].

Как вовлеченность в сектор обслуживания на низкооплачиваемых, по меркам ЕС, рабочих местах, так и наличие значимой группы профессионально успешных представителей диаспоры предопределяют высокую концентрацию многих африканцев в крупных городах, особенно столицах. Например, 41,5% жителей Великобритании, родившихся в Нигерии, и немногим более 60% выходцев из Сомали и Ганы сосредоточились в Лондоне. Однако концентрация мигрантов в крупнейших городах – не универсальная закономерность. Так, в британской столице поселились только 14,3% проживающих в Соединенном Королевстве зимбабвийцев и 24,7% выходцев из ЮАР. У зимбабвийцев Юго-Восток Англии и Западный Мидлендс популярнее Большого Лондона⁹. Отчасти это связано с исходом «белого» населения из Зимбабве и ЮАР, хотя в последние годы из Зимбабве эмигрируют в основном представители местных национальностей.

При этом у зимбабвийцев (почти не испытывающих проблем с владением английским языком) особенно популярны должности младшего медицинского персонала в сфере по уходу за

9 Population of the UK by Country of Birth and Nationality. June 2018 to June 2019 // Office for National Statistics // <https://www.ons.gov.uk>, дата обращения 12.05.2020.

инвалидами и пожилыми людьми. Речь идет как о мигрантах, получивших образование на родине до эмиграции, так и тех, кто прошел подготовку уже в Великобритании [Карнов 2018, с. 32–33]. Миграция врачей и медсестер характерна и для других стран. Например, по данным на середину 2000-х гг. (а с тех пор цифры лишь выросли), во Франции около половины врачей-мигрантов приехали из Африки, в основном Северной (показатель превышал 6 тыс. чел.). В Германии, Италии и Великобритании из Африки был только каждый шестой врач-мигрант, но если их число в первых двух странах достигло 2 тыс., то в Великобритании превышало 15 тыс. чел. [Dussault, Fronteira, Cabral 2009, pp. 6, 13–14].

Особую категорию составляют мелкие предприниматели, в основном в сфере торговли (в частности, в британской столице действует несколько тысяч фирм, принадлежащих нигерийцам). При этом широко распространен семейный бизнес (как среди выходцев из Черной Африки, так и у арабов – причем во всех крупных странах ЕС). На примере сенегальской миграции было показано, что языковой барьер способствует большей склонности африканцев к samozанятости. Так, во Франции владеющие французским сенегальцы, получавшие образование по сходной с существующей во Франции системе, чаще работают по найму по сравнению с Италией [Castagnone, Sakho, Nazio, Schoumaker, Rakotonarivo 2013, p. 10]. Примечательно, что во всех крупных странах ЕС значительная часть предпринимателей обслуживает других мигрантов в случае формирования «гетто». Однако рабочие места, связанные с обслуживанием бывших соотечественников, не обязательно относятся к мелким и средним бизнесменам – достаточно упомянуть учителей и религиозных деятелей.

Наиболее детальная статистика по всем видам занятости мигрантов есть во Франции (см. табл. 4). Хорошо видно, что в целом мигранты из Африки, особенно из стран южнее Сахары, находятся на более низких социальных позициях (исключение составляют только турки). Среди мигрантов из Северной Африки наиболее высоким социальным положением выделяются туниисцы (структура занятости близка к испанской общине). Отдельного внимания заслуживает удельный вес фермеров, ремесленников, торговцев и владельцев предприятий, который, безусловно, не показывает многих важных деталей (прежде всего размер компании, контролируемой мигрантами). Однако для выходцев из Черной Африки этот показатель во Франции в любом случае находится на крайне низком уровне (в 2,5 раза ниже, чем в среднем в мигрантской среде).

Представленные данные сложно сопоставить со статистикой других стран, т. к. в Германии, например, приводятся только сведения по результатам микропереписи для лиц с мигрантским прошлым, включая обладателей немецких паспортов из числа детей мигрантов и натурализовавшихся приезжих. Однако в целом, как и во Франции, можно отметить менее благополучное положение выходцев из Африки на рынках труда ФРГ. Если в целом по Германии в 2018 г. работу не имели 3,4% экономически активного населения (попутно заметим, что этот показатель несколько отличается от уровня безработицы по методологии МОТ), то среди лиц с мигрантским прошлым показатель составлял 5,8%, среди лиц с марокканскими корнями – уже 8,3%, другими североафриканскими корнями – 10,4%, иными африканскими корнями – 10,0%. Самозанятыми были только 5% лиц с африканскими корнями, тогда как в целом по жителям ФРГ с мигрантским прошлым

показатель составлял 8,4%, а в среднем по населению страны – 9,6%. В то же время рабочими были 25,4% имевших работу выходцев из Африки или их детей против 16,6% в среднем среди жителей Германии. В промышленности и строительстве было занято 23,3% работавших жителей ФРГ с африканскими корнями против 30% в целом по лицам с мигрантским прошлым и 27,3% в среднем среди экономически активного населения. Зато в торговле, гостиничном бизнесе и транспорте показатели были обратные – 38,2% по лицам с афри-

канскими корнями (причем почти 40% у марокканцев и других североафриканцев и их детей) против 31,7% у всех жителей с мигрантским прошлым и 25,9% в целом по стране. Почти четверть работавших жителей ФРГ с африканскими корнями (в т. ч. 26,4% выходцев из Тропической Африки либо их детей) зарабатывали менее 900 евро в месяц, тогда как в целом по стране показатель был на уровне 15% (по работающим мигрантам – 20%). Если в ФРГ средний персональный нетто-доход превышал 2 тыс. евро, то для выходцев из Тропической

Таблица 4. Структура занятости мигрантов во Франции, % (2018 г.)

Страна	Фермеры (мелкие, средние, крупные), ремесленники, торговцы и владельцы предприятий	Лица свободных и творческих профессий, профессора, ученые, инженеры, административный персонал учреждений и компаний	Служащие среднего звена (учителя, средний медицинский персонал, священники, техники, бригадиры на заводах и др.)	Служащие нижнего звена всех отраслей, военнослужащие	Рабочие всех отраслей (включая сельское хозяйство), водители
Все мигранты	8,2	14,9	15,5	29,8	31,7
Все граждане Франции, включая детей мигрантов	7,7	18,6	27,2	27,1	19,4
Мигранты из Африки в целом	6,2	12,5	14,0	32,8	34,5
Мигранты из Алжира	9,7	11,8	14,2	29,7	34,7
Мигранты из Марокко	6,9	13,5	14,6	28,2	36,8
Мигранты из Туниса	9,3	19,7	13,3	27,6	30,1
Мигранты из Черной Африки	3,2	10,5	13,8	38,7	33,9
<i>Справочно:</i>					
Итальянцы	8,6	37,3	21,2	24,2	8,7
Испанцы	9,4	19,2	20,6	29,7	21,1
Британцы	21,3	39,6	17,2	19,2	2,6
Турки	11,6	4,3	6,4	13,6	64,1
Китайцы	17,1	23,9	8,8	31,3	19,0

Источник: Catégories Socioprofessionnelles des Immigrés par Origine Géographique en 2018 (19.07.2019) // <https://www.insee.fr>

Африки либо их детей он равнялся 1,5 тыс. евро, для марокканцев – 1,7 тыс. евро, для других североафриканцев – 1,9 тыс. евро (в целом для лиц с мигрантским прошлым показатель в Германии составлял 1,8 тыс. евро)¹⁰.

Наконец, нельзя обойти вниманием немногочисленные группы мигрантов, слабо вписывающиеся в традиционную социальную структуру, которые тем не менее заметны для общества. В первую очередь упомянем спортсменов с африканским происхождением, которых немало в европейских спортивных клубах и национальных сборных. О целенаправленной охоте спортивных бизнесменов из ЕС, например, за футбольными кадрами через организацию спортивных школ в Африке эксперты писали уже в начале XXI в. (например, [Darby, Akindes, Kirwin 2007]).

* * *

Показанная выше мозаика способов встраивания африканцев в экономику ЕС, причем иногда заметно различающихся в зависимости от страны эмиграции и страны иммиграции, осложняется весьма противоречивыми мерами государств-членов и Евросоюза в целом по регулированию новых миграционных потоков и адаптации уже поселившихся в ЕС африканцев. Не случайно еще в прошлом десятилетии, до наплыва беженцев, некоторые эксперты писали об отсутствии искреннего желания справиться с потоком мигрантов из Африки у многих групп интeресов в ЕС [Haas 2008]. Большинство стран ЕС по-прежнему заинтересованы в дешевой, а часто еще и нерегулярной занятости в сельском хозяйстве, строительстве и некоторых отраслях сферы услуг. В Италии и некоторых других странах остро требуются женщи-

ны-мигранты для помощи по дому и для ухода за стариками. До сих пор, несмотря на большие различия в моделях интеграции мигрантов (см., например, [Hübschmann 2015, pp. 48–51]), адаптация африканцев в ФРГ, Франции, Италии и Великобритании сопряжена с меньшим средним заработком по сравнению с местным населением при наличии часто серьезного социального расслоения в диаспоре. Передко именно африканские мигранты, особенно из Африки южнее Сахары, обеспечивают ЕС наибольшую среди других миграционных потоков выгоду в части приращения человеческого капитала, занимая при этом преимущественно невостребованные местным населением ниши на рынках труда. Вместе с тем следует подчеркнуть, что до сих пор данные о мигрантах из Африки настолько фрагментарны в ЕС и часто слишком неточны, чтобы можно было проводить по-настоящему глубокий анализ с выходом на эффективные практические рекомендации.

Тем не менее на основе нашего исследования можно сделать несколько важных выводов, которые имеют практическое значение не только для крупных стран ЕС, но и для других государств Глобального Севера. Сокращение нелегальной миграции (включая маскировку трудовых мигрантов под беженцев) можно обеспечить только в тесном взаимодействии с властями стран эмиграции, причем принимаемые меры необходимо подкреплять серьезными социологическими исследованиями «миграционных намерений». Нельзя недооценивать стремление к качественному образованию (как высшему, так и среднему специальному), в т. ч. для детей иммигрирующих африканских семей, в качестве важного мотива к переезду в раз-

10 Bevölkerung und Erwerbstätigkeit Bevölkerung mit Migrationshintergrund, S. 400–404.

витые страны и отказа от возвратной миграции в будущем. Большое внимание надо уделять преодолению языкового барьера, т. к. именно он, а не низкая доля высококвалифицированных кадров создает многие социальные проблемы при иммиграции африканцев (поскольку принимающее общество часто заинтересовано в не очень квалифицированных кадрах, однако способных к интеграции в принимающий социум). Что касается преобладания в той или иной диаспоре каких-то особых экономических ниш в трудовой деятельности, то это верный признак конкретной экономической или социальной специфики соответствующей страны исхода. Наконец, с европейских стран не снимается историческая ответственность за содействие экономическому развитию государств Африки, тем более что инвестиции в создание рабочих мест, совершенствование инженерной и социальной инфраструктуры Африканского континента сократят стимулы для миграции его жителей на Глобальный Север.

Список литературы

- Абрамова И.О. (2009) Африканская миграция: опыт системного анализа. М.: Институт Африки.
- Деминцева Е.Б. (2008) Магрибинское сообщество во Франции: формирование диаспоры и политика интеграции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. № 1. С. 83–97 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_10332467_79385201.pdf, дата обращения 12.05.2020.
- Деминцева Е.Б. (2013) «Мы приехали сюда за надеждой»: опыт жизни иммигрантов-малийцев во Франции // Этнографическое обозрение. № 1. С. 104–117 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18870123_31406533.pdf, дата обращения 12.05.2020.
- Деминцева Е.Б. (2015) «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «бунтом окраин» и «Шарли Эбдо» // Этнографическое обозрение. № 5. С. 135–148 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24852453_31126382.pdf, дата обращения 12.05.2020.
- Карпов Г.А. (2016) У Великобритании – африканское будущее? // Азия и Африка сегодня. № 1. С. 59–64.
- Карпов Г.А. (2017) Сомалийцы в Великобритании: разобщенность или единство? // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 26–29.
- Карпов Г.А. (2018) Африканские диаспоры современной Великобритании (сомалийцы, зимбабвийцы, нигерийцы, южноафриканцы). Чебоксары: Среда.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. (2017) Феномен «восточного общества» в современной Европе: парадигмы, вызовы, прогнозы // Современная Европа. № 4. С. 5–16 // <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vostochnogo-obschestva-v-sovremennoy-evrope-paradigmy-vyzovy-prognozy/viewer>, дата обращения 12.05.2020.
- Aeberthardt R., Fougère D., Pouget J., Rathelot R. (2010) Wages and Employment of French Workers with African Origin // Journal of Population Economics, vol. 23, pp. 881–905. DOI: 10.1007/s00148-009-0266-3
- Agyeman E.A., Garcia M.F. (2016) Connecting Return Intentions and Home Investment: the Case of Ghanaian Migrants in Southern Europe // Journal of International Migration and Integration, vol. 17, no 3, pp. 745–759. DOI: 10.1007/s12134-015-0432-2
- Black R., Quartey P., Castagnone E., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) Understanding Afro-European Labour Trajectories: Integration of Migrants into the European Labour Market & Reintegration into the Country of Origin:

The Case of Ghana. MAFE Working Paper 28. January.

Castagnone E., Sakho P., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) African Migrants at Work. Patterns of Labour Market Integration in Europe, Transnational Economic Participation and Economic Re-integration of Migrants in Origin Countries. The Case of Senegal. MAFE Working Paper 29. January.

Crawley H., Blitz B.K. (2019) Common Agenda or Europe's Agenda? International Protection, Human Rights and Migration from the Horn of Africa // *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 12, pp. 2258–2274. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1468393

Dako-Gyeke M. (2015) We Never Plan to Return Home: Voices of Pre-migrant Ghanaian Youth // *Journal of Youth Studies*, no 2, pp. 169–182. DOI: 10.1080/13676261.2015.1059929

Darby P., Akindes G., Kirwin M. (2007) Football Academies and the Migration of African Football Labor to Europe // *Journal of Sport & Social Issues*, vol. 31, no 2, pp. 143–161. DOI: 10.1177/0193723507300481

David A., Marouani M.A. (2017) Migration Patterns and Labor Market Outcomes in Tunisia // *Economic Research Forum Working Paper*, no 1166 (December) // <https://erf.org.eg/publications/migration-patterns-and-labor-market-outcomes-in-tunisia/>, дата обращения 12.05.2020.

Dussault G., Fronteira I., Cabral J. (2009) Migration of Health Personnel in the WHO European Region, Lisbon: Instituto de Higiene e Medicina Tropical.

Ewuntomah R. (2017) International Migration and Drug Trafficking in Ghana, Center for Migration Studies. University of Ghana // <http://ugspace.ug.edu.gh/handle/123456789/23506>, дата обращения 12.05.2020.

Flahaux M.-L., Beauchemin C., Schoumaker B. (2014) From Europe to Africa: Re-

turn Migration to Senegal and the Democratic Republic of Congo // *Population & Societies*, no 515 (October), pp. 1–3.

Haas H. de (2008) The Myth of Invasion: The Inconvenient Realities of African Migration to Europe // *Third World Quarterly*, no 7, pp. 1305–1322. DOI: 10.1080/01436590802386435

Hadjou L. (2015) Does Immigration Fosters the Algerian Exports? A Static and Dynamic Analysis // 55th Congress of the European Regional Science Association: “World Renaissance: Changing Roles for People and Places”, Lisbon, 25–28 August // <http://hdl.handle.net/10419/124553>, дата обращения 12.05.2020.

Hübschmann Z. (2015) Migrant Integration Programs: The Case of Germany // *Global Migration Research Paper*, no 11.

Kohnert D. (2007) African Migration to Europe: Obscured Responsibilities and Common Misconceptions // *GIGA Working Papers*, no 49 (May).

Kunle A., Modupe A.F. (2019) Challenges of Diaspora's Contributions to Nigeria's National Development: The British/American Case Study // *American Journal of Humanities and Social Sciences Research*, vol. 3, no 4, pp. 130–154 // <https://www.ajhssr.com/wp-content/uploads/2019/04/R1934130154.pdf>, дата обращения 12.05.2020.

Landau L.B. (2018) A Chronotope of Containment Development: Europe's Migrant Crisis and Africa's Reterritorialisation // *Antipode: A Radical Journal of Geography*, vol. 51, no 1, pp. 169–186. DOI: 10.1111/anti.12420

Olutayo A.O. (2016) Democracy, Funding of Higher Education and Students' ‘Brain Drain’ in Nigeria: Development Implications for Now and the Future // *Journal of Management and Social Sciences*, vol. 5, no 2, pp. 1–14 // <http://fountainjournals.com/index.php/fujmas/article/view/70>, дата обращения 12.05.2020.

Sahraoui N. (2015) Acquiring ‘Voice’ through ‘Exit’: How Moroccan Emigrants

Became a Driving Force of Political and Social Change // The Journal of North African Studies, vol. 20, no 4, pp. 522–539. DOI: 10.1080/13629387.2015.1065037

Sanny J.A.-N., Logan C., Gyimah-Boadi E. (2019) In Search of Opportunity: Young and Educated Africans Most Likely to Consider Moving Abroad // AFRObarometer, no 288 (26 March) // https://media.africaportal.org/documents/ab_r7_dispatch-no288_looking_for_opportunity_africans_views_on_emigration1.pdf, дата обращения 12.05.2020.

Schapendonk J. (2011) Turbulent Trajectories: Sub-Saharan African Migrants Heading North // Dissertation, October 20, 2011, Radboud University Nijmegen // <https://repository.ubn.ru.nl/bitstream/handle/2066/91326/91326.pdf>, дата обращения 12.05.2020.

Shapendonk J. (2015) What if Networks Move? Dynamic Social Networking in the Context of African Migration to Europe // Population, Space and Place, vol. 21, no 8, pp. 809–819. DOI: 10.1002/psp.1860

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Economic Activities of African Migrants in Major EU Countries: New Approaches

Alexey V. KUZNETSOV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Acting Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 1179997, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

CITATION: Kuznetsov A.V. (2020) Economic Activities of African Migrants in Major EU Countries: New Approaches. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-1

Received: 04.12.2019.

ACKNOWLEDGEMENT: The research is made under financial support of the RFBR (project no 17-07-00040-OGN).

ABSTRACT. *The growing interest in migration issues in the EU has not affected the analysis of African migrants. The focus is on social and political issues, while the economic issues studied are primarily related to the assessment of the reasons for the arrival of Africans in the EU, the trajectory of their movement, as well as*

the scale of remittances to their homeland and the conditions for their return back to Africa. The article focuses on the main features of African migrants' economic activity in the EU. Instead of the traditional consideration of only one or several diasporas in a single country or a generalized analysis of the entire EU, we compare the

specifics of immigrants from different African countries in the 4 largest EU member states (including the UK, which left the integration project in 2020). Our article begins with a review of studies that contain information on the economic activities of migrants from African countries. Then, based on data from Eurostat and national statistics from Germany, France, Italy and the UK, the role of people from Africa in these countries population is shown. The reasons for the differences between these four countries in the dynamics and structure of immigration from Africa are explained. Statistics of refugees, naturalized persons over the past 10 years, foreign citizens and residents with migration past are considered. France is the leader in the number of migrants, mainly due to people from French-speaking countries of North and West Africa. Italy stands out because it is targeted by many illegal migrant routes due to its geographical proximity to this region. The UK has become a target mainly for residents of former British colonies who are quite successful in naturalization in the United Kingdom (therefore, there are as many Africans without local passports in the UK as in Germany – 0.6 million). Further, it is shown that the key factor for taking a particular economic position in society is the status of migrants, their education also plays an important role (although Africans often work in places where a lower level of qualification is required than they have), as well as language barriers. There are big gender differences. At the end of the article we make conclusions about the problems of African migrants' adaptation, although the EU countries cannot refuse to employ migrants in unattractive jobs in any case.

KEY WORDS: migrations, African migrants, EU member states, economic niches on labor markets, migration statistics, Germany, France, Italy, United Kingdom

References

- Abramova I.O. (2009) *African Migration: Experience of System Analysis*, Moscow: Institute of Africa (in Russian).
- Aeberthardt R., Fougère D., Pouget J., Rathelot R. (2010) Wages and Employment of French Workers with African Origin. *Journal of Population Economics*, vol. 23, pp. 881–905. DOI: 10.1007/s00148-009-0266-3
- Agyeman E.A., Garcia M.F. (2016) Connecting Return Intentions and Home Investment: the Case of Ghanaian Migrants in Southern Europe. *Journal of International Migration and Integration*, vol. 17, no 3, pp. 745–759. DOI: 10.1007/s12134-015-0432-2
- Black R., Quartey P., Castagnone E., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) *Understanding Afro-European Labour Trajectories: Integration of Migrants into the European Labour Market & Reintegration into the Country of Origin: The Case of Ghana*. MAFE Working Paper 28. January.
- Castagnone E., Sakho P., Nazio T., Schoumaker B., Rakotonarivo N. (2013) *African Migrants at Work. Patterns of Labour Market Integration in Europe, Transnational Economic Participation and Economic Re-integration of Migrants in Origin Countries. The Case of Senegal*. MAFE Working Paper 29. January.
- Crawley H., Blitz B.K. (2019) Common Agenda or Europe's Agenda? International Protection, Human Rights and Migration from the Horn of Africa. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no 12, pp. 2258–2274. DOI: 10.1080/1369183X.2018.1468393
- Dako-Gyeke M. (2015) We Never Plan to Return Home: Voices of Pre-migrant Ghanaian Youth. *Journal of Youth Studies*, no 2, pp. 169–182. DOI: 10.1080/13676261.2015.1059929
- Darby P., Akindes G., Kirwin M. (2007) Football Academies and the Migration of

African Football Labor to Europe. *Journal of Sport & Social Issues*, vol. 31, no 2, pp. 143–161. DOI: 10.1177/0193723507300481

David A., Marouani M.A. (2017) Migration Patterns and Labor Market Outcomes in Tunisia. *Economic Research Forum Working Paper*, no 1166 (December). Available at: <https://erf.org.eg/publications/migration-patterns-and-labor-market-outcomes-in-tunisia/>, accessed 12.05.2020.

Demintseva E.B. (2008) Maghreb Community in France: Diaspora Formation and Integration Policy. *Vostok (Oriens)*, no 1, pp. 83–97. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_10332467_79385201.pdf, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Demintseva E.B. (2013) “We Came Here for the Hope”: Life Experience of Mali Immigrants in France. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 1, pp. 104–117. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18870123_31406533.pdf, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Demintseva E.B. (2015) “Troubled Suburbs” and Their Inhabitants: the Parisian Suburbs between “Riot of the Suburbs” and “Charlie Ebdo”. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 5, pp. 135–14. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24852453_31126382.pdf, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Dussault G., Fronteira I., Cabral J. (2009) *Migration of Health Personnel in the WHO European Region*, Lisbon: Instituto de Higiene e Medicina Tropical.

Ewuntomah R. (2017) *International Migration and Drug Trafficking in Ghana, Center for Migration Studies*. University of Ghana. Available at: <http://ugspace.ug.edu.gh/handle/123456789/23506>, accessed 12.05.2020.

Fituni L.L., Abramova I.O. (2017) The Phenomenon of “Eastern Society” in Contemporary Europe: Paradigmes, Challenges, Forecasts. *Contemporary Europe*, no 4,

pp. 5–16. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-vostochnogo-obschestva-v-sovremennoy-evrope-paradigmy-vyzovy-prognozy/viewer>, accessed 12.05.2020 (in Russian).

Flahaux M.-L., Beauchemin C., Schoumaker B. (2014) From Europe to Africa: Return Migration to Senegal and the Democratic Republic of Congo. *Population & Societies*, no 515 (October), pp. 1–3.

Haas H. de (2008) The Myth of Invasion: The Inconvenient Realities of African Migration to Europe. *Third World Quarterly*, no 7, pp. 1305–1322. DOI: 10.1080/01436590802386435

Hadjou L. (2015) Does Immigration Fosters the Algerian Exports? A Static and Dynamic Analysis. *55th Congress of the European Regional Science Association: “World Renaissance: Changing Roles for People and Places”*, Lisbon, 25–28 August. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/124553>, accessed 12.05.2020.

Hübschmann Z. (2015) Migrant Integration Programs: The Case of Germany. *Global Migration Research Paper*, no 11.

Karpov G.A. (2016) Does Great Britain Have African Future? *Asia and Africa Today*, no 1, pp. 59–64 (in Russian).

Karpov G.A. (2017) Somalis in Great Britain: Separation or Unity? *Asia and Africa Today*, no 5, pp. 26–29 (in Russian).

Karpov G.A. (2018) *African Diasporas of Contemporary Great Britain (Somalis, Zimbabweans, Nigerians and South Africans)*, Cheboksary: Sreda (in Russian).

Kohnert D. (2007) African Migration to Europe: Obscured Responsibilities and Common Misconceptions. *GIGA Working Papers*, no 49 (May).

Kunle A., Modupe A.F. (2019) Challenges of Diaspora’s Contributions to Nigeria’s National Development: The British/American Case Study. *American Journal of Humanities and Social Sciences Research*, vol. 3, no 4, pp. 130–154. Available at: <https://www.ajhssr.com/wp->

content/uploads/2019/04/R1934130154.pdf, accessed 12.05.2020.

Landau L.B. (2018) A Chronotope of Containment Development: Europe's Migrant Crisis and Africa's Reterritorialisation. *Antipode: A Radical Journal of Geography*, vol. 51, no 1, pp. 169–186. DOI: 10.1111/anti.12420

Olutayo A.O. (2016) Democracy, Funding of Higher Education and Students' 'Brain Drain' in Nigeria: Development Implications for Now and the Future. *Journal of Management and Social Sciences*, vol. 5, no 2, pp. 1–14. Available at: <http://fountainjournals.com/index.php/fuj-mas/article/view/70>, accessed 12.05.2020.

Sahraoui N. (2015) Acquiring 'Voice' through 'Exit': How Moroccan Emigrants Became a Driving Force of Political and Social Change. *The Journal of North African Studies*, vol. 20, no 4, pp. 522–539. DOI: 10.1080/13629387.2015.1065037

Sanny J.A.-N., Logan C., Gyimah-Boadi E. (2019) In Search of Opportunity: Young and Educated Africans Most Likely to Consider Moving Abroad. *AFRObarometer*, no 288 (26 March). Available at: https://media.africaportal.org/documents/ab_r7_dispatchno288_looking_for_opportunity_africans_views_on_emigration1.pdf, accessed 12.05.2020.

Schapendonk J. (2011) Turbulent Trajectories: Sub-Saharan African Migrants Heading North. *Dissertation*, October 20, 2011, Radboud University Nijmegen. Available at: <https://repository.ubn.ru.nl/bitstream/handle/2066/91326/91326.pdf>, accessed 12.05.2020.

Shapendonk J. (2015) What if Networks Move? Dynamic Social Networking in the Context of African Migration to Europe. *Population, Space and Place*, vol. 21, no 8, pp. 809–819. DOI: 10.1002/psp.1860

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2

Миграционные процессы и идентичность ЕС

Роберта АЛОНЦИ

PhD по истории международных отношений, научный сотрудник, Институт современных языков межкультурной коммуникации и миграции (ИСЯМКМ) Российский университет дружбы народов (РУДН), 117198, Миклухо-Маклая ул., д. 6, Москва, Российская Федерация;

доцент

Высшая школа переводчиков, 50139, Виа Болоньезе, д. 52, Флоренция, Италия; эксперт по истории международных отношений

Сиенский университет, 53100, Виа Пьер Андреа Маттиоли, д. 10, Сиена, Италия

E-mail: alonziroberta@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3604-3283

ЦИТИРОВАНИЕ: Алонци Р. (2020) Миграционные процессы и идентичность ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 28–47. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2

Статья поступила в редакцию 15.03.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена при финансовой поддержке Европейского союза в рамках проекта Jean Monnet Module «Enhanced Skills and Competences in European Studies for Landscape Architects, environmental specialists and managers» (Проект № 611545-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-MODULE).

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется влияние миграционных явлений на сложный процесс формирования европейской политической идентичности. В центре исследования – вопросы: почему миграционные процессы ведут к размыванию идентичности Европейского союза и какой тип европейской идентичности возникает в результате данных миграционных процессов?

Автор проводит различие между концепцией европейской идентичности и концепцией идентичности Европейского союза. Природа ЕС носит политический характер, она связана с достижением членами Союза договоренностей о признании общих ценностей и их значимости для граждан. Выдвинутые во всесторонних исследованиях

концепции заставляют сделать, хотя иногда и не прямой, вывод, что динамика миграционных процессов негативно влияет на формирование политической идентичности Европейского союза, поскольку они усиливают его аполитичность.

С одной стороны, между государствами – членами ЕС нет согласованного отношения к тому, как управлять процессами миграции, а с другой, – политика интеграции иммигрантов, проводимая различными государствами, трансформируется в политику дезинтеграции национальной идентичности, не способствуя эволюции к наднациональности. Мультикультурализм и плюрализм, космополитическое гражданство – это переменные, противоре-

чающие основным принципам легитимности европейской власти, европейскому гражданству, европейскому культурному универсализму, идее коллективной и особой идентичности европейцев.

Автор приходит к выводу, что именно ценности метаполитической природы, а не сама по себе структура самого Союза, подрывают источники европейской политической идентичности. Выявляющийся потенциал миграционных процессов раскрывается наиболее полно именно в данном контексте. Не случайно метаполитической ценностью нынешней либеральной мысли является политкорректность. Проблема соблюдения политической корректности превращается в привилегию европейских элит трактовать миграцию в политическом смысле с помощью монолитного нарратива, используемого элитами для интерпретации феномена миграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция, Европейский союз, политическая идентичность ЕС, европейский космополитизм, плюрализм, мультикультурализм, универсализм, политкорректность

Миграционные процессы и система международных отношений

В данной статье с опорой на новые материалы продолжено исследование темы «Миграция и идентичность ЕС», которая уже изучалась в наших публикациях в российских научных журналах и сборниках [Алонци 2017; Алонци (1) 2018; Алонци (2) 2018; Алонци (3) 2018; Алонци 2019; Алонци 2020; Любин, Алонци 2018].

Миграционные явления традиционно считаются функцией системы международных отношений [Johnson 2017]. Без государств нет границ для

пересечения, и именно пересечение границ остается в центре миграционной политики. Кто их пересекает, как, где и почему – эти оперативные вопросы лежат в основе выработки политики, дискуссий и практики миграции.

Данная тематика и сам этот феномен в последние десятилетия стали настолько важным предметом всестороннего научного изучения, что уже 20 лет назад это явление получило справедливое название «революция миграции» [Любин 2003; Султанова 2015]. А миграциология с ее, например, лингвистическими или связанными с международными отношениями аспектами стала университетской дисциплиной как на Западе, так и в России [Сухов, Трыканова 2011; Малахов 2015; Мухомель 2016; Цапенко, Гришин 2018; Потемкина 2016; Потемкина 2017; Громыко 2019; Мчедлова 2019]. Она является одним из наиболее актуальных и изучаемых предметов, т. к. затрагивает множество людей и массу проблем.

Изучение феномена миграции вышло на новые рубежи, когда сильнейший миграционный кризис 2015–2016 гг. на деле «потряс» многие страны «старой Европы», издавна составляющие ядро ЕС. Изучая связанные с этим потрясения в наиболее экономически продвинутых странах ЕС, исследователи, как правило, сосредоточивались на анализе основных, по их представлению, направлений: выработке общей миграционной политики Союза, обеспечении охраны общих границ, принятии визового и трудового кодексов ЕС, уточнении юридических аспектов и выработке законов, с помощью которых регулируется въезд мигрантов и членов их семей. В этом плане большое внимание уделялось разработке и последующему проведению в жизнь «Стратегических принципов для законодательного и оперативного планирования пространства свободы, безопасности и правосудия»,

составной частью которых считалось и обновление иммиграционной политики. Тут, видимо, следует заметить (эти строки пишутся в марте 2020 г.), что разразившаяся в странах ЕС и больше всего затронувшая Италию, которая понесла наиболее многочисленные жертвы среди населения, пандемия коронавируса Covid-2019 опрокинула многие, в т. ч. и эту, тщательно, на протяжении многих лет выстраивавшиеся бюрократией ЕС и его научными экспертами конструкции. В условиях чрезвычайных обстоятельств и слабой помощи пострадавшим гражданам и странам со стороны брюссельских властей и структур Евросоюза оказалось намного эффективнее обращаться к национальным государственным структурам и институтам медицинской помощи, а провозглашенная одной из главных ценностей ЕС общая солидарность стран-членов дала заметный сбой. Помощь от России и Китая, за которую итальянцы очень благодарны, пришла много раньше малой помощи от стран и структур ЕС и потом США.

На момент написания статьи Еврогруппа, которая должна была принять решение о пакете неотложных мер (всего 500 млрд евро) для смягчения воздействия пандемии Covid-19 на европейскую экономику, не смогла добиться синтеза между крайними позициями стран Северной Европы (Австрия, Голландия, Финляндия и Дания) и позицией Италии, частично поддержанной Францией и Испанией. Предметами спора являются прежде всего план реконструкции, который, в соответствии с французским проектом, должен финансироваться совместным выпуском ценных бумаг стран еврозоны, своего рода «легким» евробондом, потому что он ограничен во времени (срок погашения облигаций – 3–5 лет), и сама цель плана, которая состоит в том, чтобы восстановить и возобновить экономическую и производственную струк-

туру ЕС, которая, как и ожидалось, будет опустошена месяцами длительной и вынужденной спячки [Geroni 2020].

Разумеется, когда говорят об иммиграции в европейские страны, ученые-европеисты, и прежде всего экономисты из стран ЕС, уделяют пристальное внимание именно экономическому фактору. Они связывают приток молодых мигрантов с экономической необходимостью и созданием благоприятных условий для европейских экономик. И одновременно увязывают этот приток с демографическими проблемами, старением коренного населения и возможностью занять многие рабочие места прибывающей свежей и молодой по возрастному составу рабочей силой из третьих стран. Другие исследователи призывают добавить к этому политический и геополитический факторы. Как отмечала специализирующаяся в изучении миграционных процессов в ЕС О.Ю. Потемкина, «общая» иммиграционная политика ЕС не означает единый свод идентичных для всех правил, она лишь призывает следовать «общим рамкам, целям и принципам на основе субсидиарности», но «неизменным остается тот факт, что Европейский союз, несмотря на тяжелые кризисные времена, остается и, видимо, будет оставаться привлекательным для граждан третьих стран в течение длительного времени» [Потемкина 2015, с. 35].

Очевидно меньше, чем всем этим названным выше проблемам, западные и российские эксперты уделяют внимание философским аспектам изучения феномена миграции и растущего потока переселенцев, стремящихся приехать для работы и жизни в страны так называемого золотого миллиарда. Параллельно с ними существуют социальные аспекты, которые рассматриваются социологами и другими представителями общественных наук, но пока что явно недостаточно.

Участники дискуссии по проблемам миграции сходятся в одном: системный ответ на миграцию, по мнению многих, – это интеграция мигрантов в общество. В качестве инструментов для этого пытаются использовать вместо провалившегося мультикультурализма межкультурность или интеркультурность, а также интеграционизм. Считается, что в настоящее время существуют признанные методы языковой и социокультурной интеграции. Однако проблемы возникают, когда выясняется, что интеграция несовместима с теми параметрами, которые лежат в основе идентичности тех обществ, в которые прибывают иммигранты. Часто при этом нарушаются принципы, на которых основана идентичность системы, в которую их хотят интегрировать. На возникающих парадоксах при сопоставлении самых разных ипостасей миграции с параметрами идентичности Европы и европейцев нам бы и хотелось далее остановиться.

В числе наиболее затронутых проблемами массового перемещения людских масс в последние десятилетия находятся страны «старой Европы», к которым относятся в первую очередь государства – основатели ЕС: Германия, Франция, Италия и страны группы Бенилюкс. Объединенные в ЕС 27 европейских стран пытаются коллективно противостоять потокам нелегальной иммиграции в ЕС, прежде всего в ее самые развитые экономически страны.

Нынешняя весьма острая ситуация на южных и юго-восточных сухопутных и морских границах ЕС (больше всего оказались затронуты Греция, Италия, Испания, Франция) связана с новым витком прибытия в Европу нелегальных мигрантов из Африки и Азии (в особенности из мест их сосредоточения в Турции в первые месяцы 2020 г.).

Как подтверждают результаты социологических опросов Евробарометра, проведенные летом 2018 г., 32% граждан ЕС считали положение с иммиграцией важной современной проблемой, которая в состоянии повлиять на будущее развитие Евросоюза [Europeans and the Future of Europe 2018]. Согласно последним данным Евробарометра, мнения европейцев очень различаются в том, что касается темы отношения правительств стран ЕС к мигрантам и их интеграции в общество.

Во Франции, в соответствии с курсом на гражданскую интеграцию иммигрантов, идентичность новых граждан иностранного происхождения должна определяться принятыми национальными политическими правилами, а не их этнокультурными или религиозными корнями [Цапенко, Монусова 2018, с. 90]. Повсюду в ЕС, как и во Франции, иммиграция, как уже отмечалось, рассматривается правящими кругами в качестве ресурса экономического роста [Преображенская 2018, с. 153]. Франция проводит селективную иммиграционную политику. Во время кризиса массового притока беженцев 2015–2016 гг. Франция использовала все возможности, чтобы вернуть в Италию и Германию непригодных для себя мигрантов, прибывших из этих стран.

Если обратиться к итальянской модели, то тут можно констатировать, что 80% прибывших в Италию мигрантов покинули свои страны по экономическим причинам, а значит, большая их часть не имела права на получение статуса беженца [Molfetta, Marchetti 2019]. Принятые в Италии законы о приеме мигрантов делают страну более толерантной для мигрантов и беженцев, чем это имеется по их законам у соседей: немцев, французов, шведов.

Вся входящая в ЕС большая часть Европы смотрит на положение в ведущих странах, прежде всего на Германию.

Поскольку Германия и ее политическая эволюция будут иметь решающее значение для будущего европейского проекта, рассматриваются углубляющиеся перемены в ее государственной политике. В Германии востребованы успешные практики налаживания межкультурной коммуникации и предотвращения конфликтов, но миграционная политика – острая общенациональная проблема, способная рассорить ядро правящей коалиции – партии ХДС/ХСС и СДПГ [Бардин 2018, с. 189–195]. «Оседлав» именно положение с миграцией в ФРГ как свою излюбленную тему, занявшая крайне правый фланг «Альтернатива для Германии» сумела набрать на последних выборах в Бундестаг 2017 г. более 12% голосов и стать третьей по численности партий в стране, хотя ее депутаты остаются до сих пор «нерукопожатными» для партий истеблишмента [Любин 2018]. У каждой из оппозиционных партий – Зеленых, Левых, АдГ – свое отношение к мигрантам и беженцам и к их мало удающейся интеграции в общество.

После того же кризиса 2015–2016 гг. в Швеции был принят закон, ограничивающий возможности просителей убежища получить вид на жительство. Прежние социальные пособия новоприбывшим сокращены до общеевропейского, общеевропейского минимума [Гришин 2018, с. 129].

Миграция и изменение политической сущности ЕС

Следует отметить, что, в отличие от европейской идентичности, идентичность Европейского союза находится в стадии разработки и еще не обладает запасом прочности.

По мнению американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, европейские страны сталкиваются с наибольшими

трудностями в интеграции иммигрантов из-за совмещения этнических и религиозных факторов. Он отмечает, что европейские нации создавались путем инкорпорации этнонационального базиса, что также означает идентификацию национальной принадлежности и религиозного вероисповедания, хотя в Европе существует разделение между церквями и государством [Fukuyama 2006].

В отличие от культурной и религиозной идентичности Европы, которая является результатом долгой эволюции истории и традиций европейского континента и имеет универсальный характер, идентичность Европейского союза может приобрести лишь политический характер, поскольку требуется достичь политического соглашения или общего подхода его членов к совместному пониманию значения данной идентичности. Это происходит потому, что политическая идентичность – это не только список фундаментальных ценностей и принципов, таких как те, которые провозглашены в разделе основных прав в недавно принятых конституциях. Политическая идентичность – это, прежде всего, состояние сознания граждан (как индивидуумов, так и, в некоторых случаях, представителей институтов, таких как страны – члены ЕС), и она может существовать лишь при их взаимодействии и взаимопонимании.

Некоторые ученые полагают, что ЕС не соблюдает никаких предварительных условий, необходимых для существования политической идентичности, чтобы быть сообществом, которое основывается на общей судьбе, ценностях и солидарности [Gehrke 1998]. По мнению других, формирование наднационального единства, такого как Союз, означает в абстрактном смысле преодоление последней формы национальной принадлежности, т. е. пространственно-территориальной, с по-

мощью которой созданы современные государства [Garcia Faroldi 2010].

Динамика миграции привносит новый элемент неопределенности в и так уже неопределенную картину, в рамках которой определяется политическая идентичность ЕС. Поэтому интересно выявить, как динамика миграции влияет на политическую сущность ЕС и каков потенциал ее влияния на выстраивание вероятных моделей идентичности для ЕС.

При отсутствии четких координат, которые можно было бы безапелляционно определить как принципы политической идентичности «новой» Европы, следует обратиться к основным моментам, определяющим политическую сущность ЕС: принцип легитимности власти, концепция европейского гражданства и концепция политической идентификации.

Принцип легитимности власти. Существование четкой политической структуры является само по себе фактором, который усиливает легитимность системы власти ЕС. Законность, в свою очередь, является тем ресурсом, который заключается в возможности власти прибегнуть к оправдательным действиям при использовании источников этой легитимности [Weiler 2012].

Специфика нынешнего ЕС заключается в том, что можно попробовать создать европейскую идентичность, не укрепляя легитимности системы власти ЕС, и без опоры на эту легитимность. Кроме того, легитимность власти ЕС не обязательно опирается на чувство европейской принадлежности, разделяемое гражданами Европы. То обстоятельство, что, по мнению некоторых, возможно построить европейскую идентичность без усиления легитимности ЕС, и является истоком распространившегося евроскептицизма [Казаринова 2014; Любин, Алонци 2018].

С этой точки зрения абстрактная идея, которая легитимизирует членство европейцев в Европейском союзе, менее всего пригодна в качестве принципа, облегчающего интеграцию мигрантов. Этот дискурс приобретает больший смысл, если применить его к народам, которые имеют историческую и юридическую культуру, отличную от европейской, где принцип легитимации власти выражен сильнее и менее абстрактен, хотя и связан с иной логикой. Трудности в управлении миграционными потоками со стороны Европейского союза, а также государств-членов выявляют слабость процесса построения легитимности европейской наднациональной власти и ослабляют легитимность власти национальных правительств, которые сталкиваются со «свободной юридической волей» со стороны так называемых неправительственных организаций. И именно неправительственные организации вместе с различными местными некоммерческими организациями узаконивают альтернативные структуры власти в противовес структурам власти национальных государств, и как раз на этот тип поведения и ориентированы мигранты в принимающей их стране.

Концепция европейского гражданства. Идея сосуществования индивидуумов в политическом сообществе тесно связана с концепцией гражданства. Создание гражданства или кодификация прав и обязанностей отдельных граждан и связанной с этим практики является центральным элементом процесса государственного строительства [Kuhnle 1987; Eder 2017]. Гражданство Европейского союза было введено для укрепления «европейской идентичности» (чувства принадлежности европейцев к своему политическому сообществу) [Cristóbal Jiménez Lobeira 2012; Palombella 2005; Dellavalle 2002]. Первоначальный европейский проект был на-

целен на «все более тесный союз народов Европы», и граждане ЕС являются членами общего политического сообщества. Но в сложившихся ныне условиях концепцию космополитического европейского гражданства невозможно реализовать в такой высокоструктурированной с политической точки зрения системе, какой должен быть ЕС.

Идея космополитического европеизма, безусловно, соответствует приверженности ценностям, носителями которых, в конечном итоге, являются сами европейцы. Не следует забывать о том, что Европейская конституция основана на понятии коллективной идентичности, подкрепляемом такими понятиями, как общее происхождение, общая судьба, избранное сообщество людей, общность ценностей, общие институты, участие в политической жизни.

На этом фоне распространение этноцентрического популизма и национализма представляет собой логический ответ на малореалистичную природу космополитической либеральной модели, которой вдохновляется концепция постнационального гражданства [Auer 2010]. Среди прочего кризис европейского космополитизма ощутим как раз в последние дни в результате быстрого распространения в европейских странах пандемии коронавируса, и это ставит под сомнение сложную систему ценностей, на которой основано потенциальное открытое европейское общество.

Идея универсальности прав, мира, личных свобод, свобод трафика транзакций и юстиции, идея, что любое право возможно и мыслимо, создает очень слабую политическую парадигму, и это связано с судьбой всякого космополитизма. Это происходит потому, что такая политическая концепция является концепцией «дематериализованной» [Galli della Loggia 2020].

Политическая идентификация. Понятие европейской идентичности

включает в себя четыре главных требования [Bryder 2005]. Первым требованием к политической идентификации является признание себя отличным от других. Во-вторых, должно быть признание того, что это «я», и эта идентификация противоречит понятию «они». Третий шаг в создании отдельной политической идентичности включает когнитивное упрощение мира, в котором большинство событий интерпретируются в двух категориях как «европейское против неевропейского». Четвертое и последнее требование касается ожидаемых и желаемых целей.

Эти цели могут быть разработаны как утопические системы или модели, как федералистские и конфедеративные концепции нового европейского экономического порядка или порядка безопасности, или для актуального исполнения прагматически воспринимаемых потребностей. Политическая идентичность Союза, в результате, представляет собой набор политических и отчасти этических ценностей и принципов, взаимно признаваемых членами такой группы, которые отождествляют себя с понятиями «мы» или «сообщество» [Cerutti 2006; Рябов 2017].

Однако, как утверждает американский историк Эндрю Михта, в данный момент европейцы не могут четко ответить на фундаментальный вопрос «кто мы?» [Michta 2018]. К тому же Европа перешла из состояния относительного оптимизма в отношении будущего в нынешнее состояние переосмысления. Согласно опросу, проведенному итальянским научно-исследовательским институтом SWG в начале апреля 2020 г., рейтинги одобрения Европейского союза в Италии снижаются. На вопрос «насколько вы доверяете Европейскому союзу?» только 27% опрошенных ответили положительно. То-

да как раньше доверие к ЕС составляло 42% в 2019 г., 37% в 2018 г., 38% в 2017 г., 40% в 2016 г. и 30% в 2015 г. [Giorgi 2020].

В результате совместимость «модели европейской идентичности» с единой формой идентичности, связанной с принадлежностью к ЕС, проявляется только в «институциональной идентичности» [Bettin Lattes 2001]. Данные Евробарометра подтверждают, что чувство принадлежности к Евросоюзу напрямую связано с поддержкой политики Сообщества [Schmitt 2003; Aldrin 2010; Höpner, Jurczyk 2012; Höpner, Jurczyk 2015; Zalan 2019].

С этой точки зрения следует отметить, что политика, принятая Европейским союзом для регулирования миграционных потоков, в действительности в некоторых случаях превратилась лишь в лозунги в защиту миграции, не давая точного ответа на запросы о координатии решений, которые должны быть приняты государствами-членами.

Миграция и процесс создания модели идентичности ЕС

Как мы видели, моменты, признанные в качестве основополагающих в политической идентичности ЕС, не очень совместимы с принципами, которые должны регулировать влияние миграционных процессов на политическое существование ЕС.

Если мы рассмотрим две возможные модели построения политической идентичности Европейского союза (демократическая модель и культурно-политическая модель), мы можем прийти к одним и тем же выводам.

Демократическая модель идентичности. Существование коллективной идентичности обычно рассматривается как одна из основных предпосылок демократичной природы ЕС [Scharpf 1999]. Согласно сверхнациональной

сущности ЕС, особая модель демократии в ЕС не может повторять типичные черты национальных демократий. Это означает, что идея демократии осуществляется при легитимации власти элит.

При таком подходе деполитизация является неотъемлемой и необходимой чертой европейского строительства, направленной на то, чтобы сделать решения Евросоюза менее подверженными влиянию настроений многих стран и каким-то образом ограничить способность национальных правительств влиять на них. Другими словами, в данном случае происходит деполитизация во имя сохранения эффективности и стабильности общеевропейской политики.

Модель данной демократии не совместима с канонами конвенциональной демократии в применении прежде всего к европейскому демосу, который представляет собой фундаментальный элемент. Конвенциональная демократия строится на основе основополагающих признаков государства: территории, обладающего суверенитетом народа, государственной системы. Нация – это феномен, к которому европейцы по традиции привычны и ему доверяют. Даже в постмодернистской Европе, где конструктивизм и критические теории восприятия ЕС как единого целого проникают во все возрастающее число академических дисциплин, чувство принадлежности к более широкому национальному сообществу остается основой существования политического сообщества.

Таким образом, возвращаясь к миграции, отметим, что, в соответствии со своим взглядом на «деполитизацию» европейской демократии, в последние годы политическая, экономическая и управленческая элиты настаивали на приеме и интеграции мигрантов в странах – членах ЕС. Однако сложности с самим этим феноменом и изменения в европейской иммиграционной

политике, введенные под давлением государств-членов, показывают, что идея демократии не может быть «абстрактной» до такой степени, чтобы полностью отделить ее от национального контекста и демократической культуры, которые на протяжении длительного времени создавались в национальном контексте.

Культурно-политическая модель. Определение общей политической культуры можно рассматривать как практический аспект проведения политики идентичности для всякой системы, целью которой остается построение макрополитической идентичности (гражданской, национальной или постнациональной) или поиск общих ценностей совместными действиями государственных акторов и групп интересов [Семененко 2017, с. 23; Семененко 2011].

Политическая и экономическая элиты играют особую роль в процессе формирования политической идентичности [Фадеева 2016]. Поэтому поиск политической культуры, общей для членов Европейского союза, тоже осуществляется через деполитизацию.

Возвышение плюрализма как доминирующего принципа комплексного институционального развития ЕС в свете неоднородности последнего с социокультурной точки зрения негативно влияет на перцепцию легитимности. Кризис легитимности, пронизывающий европейские институты, связан, главным образом, с отсутствием солидарности, которая характеризует отношения между государствами – членами нынешнего Европейского союза (как показывают неудавшиеся попытки правящих элит в отдельных странах выстроить управление миграционными потоками).

Проблема кризиса, связанного с усилившимся притоком иммигрантов, не может быть сведена лишь к ис-

пользованию в качестве лекарственного средства обращения к политизации интеграционной философии, которая заменила провалившийся мультикультурализм.

Итальянские левые силы, например, стали сторонниками тезисов мультикультурализма/интеграционизма. Кроме того, в соответствии с политически корректным *modus operandi*, женщины-представительницы правительственных левых партий нередко фотографировались в исламской вуали во время посещений мечетей и мусульманских меньшинств. В итальянских школах во время рождественских и пасхальных каникул множатся инициативы отказа от соблюдения христианских праздников с тем, чтобы не обижать учеников других религиозных конфессий.

Формула мультикультурализма провалилась, потому что она смогла бы сработать только в тех реалиях, когда происходит ее идентификация с высшей идеей нации. Фактически мультикультурализм представляет собой своего рода политическую «стратегию» для управления межэтническими отношениями, которая в некоторых случаях также стала определять национальную идентичность, как это произошло в Канаде, которая представляет собой первую страну, где в 1971 г. мультикультурализм стал официальной практической концепцией. Сама по себе концепция мультикультурного общества не может означать лишь простое сосуществование различных культур в данном национальном контексте. Общество может быть названо мультикультурным, только если в нем одинаково уважаются различия в обычаях, культуре и этнической принадлежности и это признано и закреплено в принятых в стране законах.

По этим причинам от интеграционизма нельзя ожидать больших успе-

хов, будь то в многокультурной или межкультурной перспективе.

Отношение к плюрализму и, в частности, культурному плюрализму означает признание упорядоченного мирного сосуществования компонентов общества при гарантиях правовой системы, в которой западный универсализм противопоставлен культурному релятивизму, но также происходит их взаимодействие с фундаментализмом, имеющим культурное, политическое, псевдоюридическое и религиозное измерения.

Примером дилемм, лежащих в основе европейской культурно-политической модели, было решение недавно избранной председателем Европейской комиссии У. фон дер Ляйен, которая включила в полномочия европейских комиссаров также «защиту европейского образа жизни». На самом деле политкорректная практика, принятая в качестве внутренней мягкой силы, которая способствует самопредставлению руководящих органов ЕС для своих членов, показывает, что названный европейский образ жизни связан с отсутствием определения «европейского образа жизни». Это видно по политике, принятой в отношении мигрантов или всех тех категорий, которые считаются «меньшинствами», именно в силу их культурной коннотации, которая не является строго европейской.

Заключение

Нынешние миграционные процессы, происходящие на европейском континенте, ставят под вопрос не только концепцию политической идентичности Европейского союза (которая еще не достигнута), но и концепцию «европейской» идентичности Союза, который в таком случае становится лишь географическим понятием.

Почему миграционные процессы ведут к размыванию идентичности Европейского союза? А если не ведут к размыванию идентичности ЕС, какой тип европейской идентичности возникает в результате данных процессов?

Очевидно ценности нынешней аполитической природы, а не сама по себе структура самого Союза, размывают его политическую идентичность, находящуюся в стадии выстраивания. В этом контексте противостоящий построению идентичности потенциал миграционных явлений проявляется наиболее полно и заметно.

В подобных условиях основной фактор, определяющий политическую сущность нынешнего ЕС, носит «метapolитический» характер, или, иными словами, основан на принципе «политкорректности». Тем самым проблема соблюдения «политической корректности» является чуть ли не единственной единицей измерения, которая помогает европейским элитам трактовать в политическом смысле проблему миграции. Это отражается в монолитности применяемого нарратива, с помощью которого трактуют феномен миграции.

Принятые клише такого подхода сводятся к следующему.

Во-первых, это признание «вины», которую Европа в течение длительного времени испытывает по отношению к своему прошлому и этим разжигает настоящую ненависть к себе. Тем самым Европейский континент в знак искупления своих прошлых проступков в отношении народов южного полушария обязан взять на себя обязательства по приему мигрантов.

Во-вторых, налицо попытки устранения фундаментального характера европейской идентичности, основанного на биноме «христианство – просветительство» и его положительных для Европы результатах по сравнению с любой другой культурой.

В-третьих, предполагается, что, исходя из этих первых двух положений, логически оправдано приветствие массового прибытия иммигрантов в ЕС. Побочным результатом этого является предлагаемое теоретически в перспективе аннулирование границ между странами.

Четвертый пункт касается экономических причин приема мигрантов. Аргумент против – то, что в ближайшие несколько лет роботизация устраним многие рабочие места, поэтому потребность в рабочей силе может не расти, а уменьшаться. С тех пор, как масса иммигрантов в 2015–2016 гг. значительно возросла, не было видно, чтобы в странах Европы проводились крупные кампании по их обучению и найму на работу. Улицы городов Италии (возможно, в других странах не так, хотя и сомнительно) наполняют приехавшие иммигранты, бездельничающие или просящие милостыню перед супермаркетами. Раздражение итальянцев, как отмечала пресса, вызвало то, что получающие за их счет пособия и нигде не работающие мигранты в разгар пандемии как ни в чем не бывало продолжали собираться группами и, например, играть в футбол вблизи римского вокзала Тибуртина, и это вызывающее несоблюдение правил карантина, которым подчинялись законопослушные граждане, было очень опасно с точки зрения дальнейшего распространения инфекции в стране, остро переживающей эту беду [Benignetti 2020].

С другой стороны, именно мигранты в лице медсестер и другого медперсонала во время пандемии 2020 г., благодаря своевременной сертификации в странах ЕС их документов о полученном медицинском образовании в других странах, очень помогли в лечении больных в переполненных больницах. Это и многие другие подтверждения большой пользы, которую могут при-

носить квалифицированные мигранты, подтверждают правоту тех, кто считает, что их приток является положительной величиной для стран ЕС, оказавшихся, как и весь мир, в серьезном кризисе в связи с данной пандемией. Ощутима также польза от труда и неквалифицированных мигрантов, занимающих те рабочие места, на которых не хочет трудиться местное население.

Пятое обстоятельство – то, что иммигранты, помогающие справиться с демографическим спадом, якобы смогут внести вклад в развитие традиционной культуры, является еще одной распространенной иллюзией. Выражаются надежды на то, что именно мигранты, в семьях которых растут не один или два ребенка, как у большинства европейцев, а несколько детей, помогут разрешить не только демографические и экономические, но также и культурно-социологические проблемы европейских обществ. При этом иммигранты пользуются бесплатным для них медицинским обслуживанием в странах ЕС, в которое не внесли, в отличие от коренных жителей, никакого вклада. И все-таки у воспитываемого в семьях иммигрантов молодого поколения, хотя оно и проходит весь цикл обучения в местных школах, а иногда и университетах, нередко не получается стать безоговорочным выразителем главных для европейской культуры ценностей. И часто это происходит, при наличии стремления потомков мигрантов стать выразителями европейской культуры, лишь во втором, третьем или следующих поколениях.

Если принять во внимание перечисленные обстоятельства, обсуждаемые теми, кто пытается переосмыслить то, что происходит в странах ЕС с миграцией, становится ясным, что, хотя многие европейские аналитики уже давно бьют во все колокола, они не могут достучаться до правящих национальных

элит и до чиновников, занимающих ведущие позиции в административных структурах ЕС. Упомянутый разразившийся серьезнейший за все время существования объединенной Европы (начиная с 1957 г.) кризис, связанный с пандемией Covid-2019, высветивший крупные недостатки наднациональных структур ЕС, не отличавшихся необходимой адекватной реакцией и внятной ответственностью на острые вызовы времени, ставит под вопрос эффективность этих структур. Они призваны защищать интересы всех стран и всех граждан Европейского союза, но в чрезвычайных обстоятельствах не сумели проявить необходимые для такой защиты качества. После тяжелейшего экономического, социального и гуманитарного кризиса, начавшегося весной 2020 г., который, вероятно, затянется на неопределенное время, это серьезнейшее потрясение основ вынудит органы ЕС серьезно пересмотреть все направления своей политики, в т. ч. и в том, что касается понимания и регулирования такого феномена, как рассмотренный здесь феномен миграции.

Проведенный анализ проблем миграции и их значения для сохранения или постепенной утраты европейской идентичности и идентичности ЕС как такового (а его до сих пор связывают с надеждами европейских граждан на создание новой и более справедливой объединенной Европы) показывает, что не теряющий остроты феномен миграции, глубоко затрагивающий европейское общество, и его влияние на все еще не выстроенную идентичность ЕС, остаются актуальными и нуждаются в дальнейших исследованиях. В намерения автора статьи входило как можно более объективно осветить сложившееся положение, а также с помощью конструктивной критики показать, в чем состоят «слабые места» политики тех, от кого зависит принятие реше-

ний в вопросах миграции и конструирования идентичности ЕС, неразрывно связанной с самой традиционной европейской идентичностью. Приведенные здесь исследовательские подходы могут послужить нахождению путей, на которых те, кто заинтересован в дальнейшей интеграции объединенной Европы, могли бы достичь оптимального решения рассмотренных проблем.

Список литературы

Алонци Р. (2017) Кризис идентичности Евросоюза: исторические подходы // Современная Европа: 60 лет после Римских Договоров. М.: Институт Европы РАН. С 13–21.

Алонци Р. (1) (2018) Миграционные процессы и конструирование идентичности ЕС // Вестник РУДН. Серия Политология. Т. 20. № 2. С. 167–175 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35448045_78704049.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Алонци Р. (2) (2018) Влияние миграционных процессов на общеполитическое положение Европы: от кризиса идентичности к формированию постнационального гражданства // Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва 6–9 декабря 2018 г. М.: Аспект Пресс. С. 30–31.

Алонци Р. (3) (2018) Политическая идентичность ЕС: новые парадигмы и старые проблемы // Современная Европа. № 6. С. 142–151. DOI: 10.15211/soveurope62018142151

Алонци Р. (2020) В поисках политической идентичности ЕС. Опыт желто-зеленого правительства в Италии, 2018–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. Т. 22. № 1. С. 92–104. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-92-104

Бардин А.Л. (2018) Германия: интеграционная политика перед вызовами миграционного кризиса // Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН. С. 186–202.

Гришин И.В. (2018) Иммиграция и общество: проблемы взаимoadaptации в Швеции // Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН. С. 122–151.

Громыко Ал.А. (ред.) (2019) Глобальные и региональные аспекты миграционных процессов. М.: ИЕ РАН.

Казаринова Д.Б. (2014) Европейское гражданство и культурное разнообразие в Европе: проблемы соотношения // Человек. Сообщество. Управление. № 3. С. 41–50 // http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2014_3/2014_3_Kazarinova.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Любин В.П. (2003) Революция миграции и её регулирование. Опыт России, Германии и ЕС. Доклад на II Всероссийском социологическом конгрессе, М.: МГУ, 30.09–02.10.2003 г. // <http://alestep.narod.ru/lubin/migration.htm>, дата обращения 21.04.2020.

Любин В.П. (2018) Решающий 2017 год: Политические партии и выборы в Германии // Актуальные проблемы Европы. № 2. С. 37–61 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_34921055_26693398.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Любин В.П., Алонци Р. (2018) Волна миграции в Европе и изменения в политике стран ЕС (на примере Германии и Италии, 2015–2018 гг.) // Большая Евразия: Национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества. М.: ИНИОН РАН. С. 20–25.

Малахов В. (ред.) (2015) Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия».

Мукомель В.И. (2016) Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. № 14. С. 411–467 // <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-i-integratsiya-migrantov-metodologicheskie-podhody-k-otsenke-rezultativnosti-i-rol-prinimayushchego-obshchestva>, дата обращения 21.04.2020.

Мчедлова М.М. (2019) Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // Философия политики и права. № 10. С. 128–137 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41239546_39779488.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Потемкина О.Ю. (2015) Новые тенденции в иммиграционной политике Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 18–37 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24343144_42806222.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Потемкина О.Ю. (2016) Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. № 4. С. 38–60 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27397270_60539529.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Потемкина О.Ю. (2017) Новые инициативы Евросоюза в сфере урегулирования миграционного кризиса и внутренней безопасности // Европейский Союз: факты и комментарии. Выпуск 87. С. 29–34.

Преображенская А.А. (2018) Интеграция иммигрантов во французское общество: проблемы и перспективы // Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН. С. 152–168.

Рябов Д.О. (2017) Политика европейской идентичности: направления и формы // Символическая политика. Выпуск 5. Политика идентичности. М.:

РАН ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований. С. 133–144.

Семененко И.С. (2011) Идентичность в предметном поле политической науки // Семененко И.С., Фадеева Л.А. (ред.) Идентичность как предмет политического анализа. М.: РАН ИМЭМО. С. 8–12.

Семененко И.С. (2017) Политика идентичности: меняющаяся повестка дня // Символическая политика. Выпуск 5. Политика идентичности. М.: РАН ИНИОН, Центр социальных научно-информационных исследований. С. 21–40.

Султанова Н.Д. (2015) Реорганизация личностной системы вынужденных мигрантов зрелого возраста. Автореф. дисс. на соиск. степени д-ра психолог. наук. М.

Сухов А.Н., Трыканова С.А. (2011) Миграция в Европе и её последствия. М.: Флинта.

Фадеева Л.А. (2016) Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политическая наука. № 2. С. 164–180 // <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-kategoriya-politicheskoy-nauki-issledovatel'skoe-pole-i-kognitivnyy-potentsial/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) (2018) Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН.

Цапенко И.П., Монусова Г.А. (2018) Эволюция подходов принимающих государств к организации культурного разнообразия // Цапенко И.П., Гришин И.В. (ред.) Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. М.: ИМЭМО РАН. С. 81–101.

Aldrin P. (2010) From Instruments to the Instrumentalisation of “European Opinion”: A Historical Sociology of the Measurement of Opinions and the Man-

agement of the Public Space // A Political Sociology of the European Union: Re-assessing Constructivism (eds. Rowell J., Mangenot M.), Manchester: Manchester University Press, pp. 206–224.

Auer S. (2010) ‘New Europe’: Between Cosmopolitan Dreams and Nationalist Nightmares // JCMS: Journal of Common Market Studies, vol. 48, no 5, pp. 1163–1184. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2010.02108.x

Benignetti A. (2020) I Migranti se ne Infischiano del Virus: Giocano a Calciotto in Stazione // Il Giornale, April 7, 2020 // <https://www.ilgiornale.it/news/roma/roma-emergenza-covid-i-migranti-giocano-calcetto-stazione-1850987.html>, дата обращения 21.04.2020.

Bettin Lattes G. (2001) Verso una Comune Identità Europea: Le Appartenenze Difficili // Giovani, Jeunes, Jóvenes. Rapporto di Ricerca sulle Nuove Generazioni e la Politica nell’Europa del Sud (ed. Bettin Lattes G.), Firenze: Firenze University Press, pp. 557–584.

Bryder T. (2005) European Political Identity. An Attempt at Conceptual Clarification // *Psicología Política*, no 31, pp. 37–50 // <https://www.uv.es/garzon/psicologia%20politica/N31-3.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Cerutti F. (2006) Constitution and Political Identity in Europe // Postnational Constitutionalisation in the New Europe (eds. Liebert U., Falke J., Maurer A.), Baden-Baden: Nomos, pp. 277–290.

Cristóbal Jiménez Lobeira P. (2012) EU Citizenship and Political Identity: The Demos and Telos Problems // *European Law Journal*, vol. 18, no 4, pp. 504–517. DOI: 10.2139/ssrn.1682422

Dellavalle S. (2002) Una Costituzione Senza Popolo? La Costituzione Europea alla Luce delle Concezioni del Popolo Come Potere Costituente, Milano: Giuffrè.

Eder K. (2017) European Citizenship and Identity Politics in Europe: Is the Citizenship Narrative A Good Plot for Constructing the Collective Identity of the Peo-

ple Living in Europe? // *The Transformation of Citizenship*. Volume 2: Boundaries of Inclusion and Exclusion (eds. Mackert J., Turner B.S.), London, New York: Routledge, pp. 152–168.

Europeans and the Future of Europe (2018) // *Standard Eurobarometer* 89, European Union: March 2018.

Fukuyama F. (2006) Identity, Immigration, and Liberal Democracy // *Journal of Democracy*, vol. 17, no 2, pp. 5–20. DOI: 10.1353/jod.2006.0028

Galli della Loggia E. (2020) Coronavirus, Idee, Cultura, Valori, Interessi: È Ormai un'Europa Inaridita // *Corriere della Sera*, April 6, 2020 // https://www.corriere.it/editoriali/20_aprile_06/idee-cultura-valori-interessie-ormai-un-europa-inaridita-2ddda25c-7832-11ea-98b9-85d4a42f03ea_preview.shtml?reason=unauthenticated&cat=1&cid=UO2eLU4R&pi ds=FR&credits=1&origin=https%3A%2F%2Fwww.corriere.it%2Feditoriali%2F20_aprile_06%2Fidee-cultura-valori-interessie-ormai-un-europa-inaridita-2ddda25c-7832-11ea-98b9-85d4a42f03ea.shtml, дата обращения 21.04.2020.

Garcia Faroldi L. (2010) Identità Complesse in un'Europa Plurale // *Società-Mutamento Politica*, vol. 1, no 1, pp. 171–187. DOI: 10.13128/SMP-8468

Gehrke G. (1998) *Europe without the Europeans: A Question of Communication?* Düsseldorf: The European Institute for the Media.

Geroni A. (2020) Eurogruppo, Dopo il Fiasco Provvisorio il Vero Ago della Bilancia Sarà la Germania // *Il Sole 24 Ore*, April 12, 2020 // <https://www.ilsole24ore.com/art/eurogruppo-il-fiasco-provvisorio-vero-ago-bilancia-sara-germania-ADIP1yI>, дата обращения 21.04.2020.

Giorgi A. (2020) Sondaggio, Sale la Fiducia in Conte e Crolla quella nell'Ue // *Il Giornale*, April 7, 2020 // <https://www.ilgiornale.it/news/politica/sondaggio-sale-fiducia-in-conte-e-crolla-nellue-1850976.html>, дата обращения 21.04.2020.

Höpner M., Jurczyk B. (2012) Kritik des Eurobarometers: Über die Verwischung der Grenze Zwischen Seriöser Demoskopie und Interessengeleiteter Propaganda // *Leviathan*. Berliner Zeitschrift für Sozialwissenschaft, vol. 40, no 3, pp. 326–349.

Höpner M., Jurczyk B. (2015) How the Eurobarometer Blurs the Line between Research and Propaganda (October 13, 2015) // MPIfG Discussion Paper 15/6 // <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/121867/1/838014135.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Johnson H. (2017) Immigration and International Relations // *Oxford Bibliographies in Political Science* // <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0204.xml>, дата обращения 21.04.2020.

Kuhnle S. (1987) 'Citizenship' // *The Blackwell Encyclopaedia of Political Science* (ed. Bogdanor V.), Oxford and Cambridge: Basil Blackwell Ltd, pp. 94–95.

Micha A. (2018) Europeans in Search of Themselves // *The American Interest*, June 19, 2018 // <https://www.the-american-interest.com/2018/06/19/europeans-in-search-of-themselves/>, дата обращения 21.04.2020.

Molfetta M., Marchetti C. (eds.) (2019) *Report 2019: Non si Tratta Solo di Migranti. L'Italia che resiste. L'Italia che Accoglie*, Todi: Editrice Tau.

Palombella G. (2005) Whose Europe? After the Constitution: A Goal-Based, Reflexive Citizenship // *International Journal of Constitutional Law*, no 2–3, pp. 357–377 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1658587, дата обращения 21.04.2020.

Scharpf F. (1999) *Governing in Europe: Efficient and Democratic?* Oxford: Oxford University Press.

Schmitt H. (2003) The Eurobarometers: Their Evolution, Obvious Merits, and Ways to Add Value to Them // *European Union Politics*, vol. 4, no 2, pp. 243–251. DOI: 10.1177/1465116503004002005

Weiler J.H.H. (2012) In the Face of Crisis: Input Legitimacy, Output Legitimacy and the Political Messianism of European Integration // *Journal of European Integration*, vol. 34, no 7, pp. 825–841. DOI: 10.1080/07036337.2012.726017

Zalan E. (2019) EU Commission Defends Eurobarometer Methodology // *EuObserver*, December 5, 2019 // <https://euobserver.com/institutional/146834>, дата обращения 21.04.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2

Migration Processes and Identity of the EU

Roberta ALONZI

PhD in History of International Relations, Researcher, Institute of Contemporary Languages of Intercultural Communication and Migration (ISMMC)
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 117198, Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russian Federation;
Habilitation Associate Professor
University Unicollege SSML, 50139, Via Bolognese, 52, Firenze, Italy;
Expert in History of the International Relations
University of Siena, 53100, Via Pier Andrea Mattioli, 10, Siena, Italy
E-mail: alonziroberta@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3604-3283

CITATION: Alonzi R. (2020) Migration Processes and Identity of the EU. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 28–47 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-2

Received: 15.03.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article was prepared with financial support of the European Union, the Jean Monnet Module "Enhanced Skills and Competences in European Studies for Landscape Architects, environmental specialists and managers" (611545-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-MODULE).

ABSTRACT. *The article delves into the influence of the migration phenomenon on the complex process of the European political Identity-building process. The main research question is: why do migration processes erode the identity of the European Union? Or: what type of European identity is the result of these migratory processes?*

Firstly, the author defines the difference between European identity and identity of European Union. The character of the latter, being the result of a negotiation pro-

cess between its members on the shared values to be adopted and the meanings that the Union must assume for its citizens, can be only political. The approaches suggested, sometimes even indirectly, by studies conducted on the matter allow us to deduce that the dynamics of migration processes negatively affect the creation of the political identity of the European Union. Instead, they reinforce its apolitical character. On the one hand, there is not a shared vision between the EU Member States of rules and frameworks to manage migration phenom-

anon. While there is no agreement between the EU Member States on how to manage migration, the integration policies adopted by the various States are being transformed into policies of disintegration of national identities, without any advantage for the evolution of supranationality. Multiculturalism and pluralism, cosmopolitan citizenship, are variables that run counter to the basic principles of the legitimacy of European power, namely European citizenship, European cultural universalism, the idea of the collective and the particular identity of Europeans.

The author concludes that it is, therefore, “metapolitical” values, rather than the structure of the Union itself, that undermines the foundations of European political identity. It is in this context that the disidentitary potential of migratory phenomena finds the conditions for its full accomplishment. It is no coincidence that the metapolitical value that current liberal thought cannot do without is “politically correct”. The “political correctness” is a privileged dimension, which helps European elites interpret the problem of migration in a political sense, and this is reflected in the monolithic nature of the applied narrative, with which they interpret the phenomenon of migration.

KEY WORDS: migration, European Union, EU political identity, European cosmopolitanism, pluralism, multiculturalism, universalism, politically correctness

References

- Aldrin P. (2010) From Instruments to the Instrumentalisation of “European Opinion”: A Historical Sociology of the Measurement of Opinions and the Management of the Public Space. *A Political Sociology of the European Union: Re-assessing Constructivism* (eds. Rowell J., Mangenot M.), Manchester: Manchester University Press, pp. 206–224.
- Alonzi R. (2017) The Crisis of the EU Identity: Historical Approaches. *Modern Europe: 60 Years after the Treaty of Rome*, Moscow: Institute of Europe, pp. 13–21 (in Russian).
- Alonzi R. (1) (2018) Contemporary Migration Processes and Construction of European Identity. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 20, no 2, pp. 167–175. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35448045_78704049.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Alonzi R. (2) (2018) The Influence of Migration Processes on the General Political Situation in Europe: From the Crisis of Identity to the Formation of Post-national Citizenship. *Development Policy, State and World Order*. Proceedings of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists’ Congress, Moscow, December 6–8, 2018 (eds. Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N.), Moscow: Aspect Press, pp. 30–31 (in Russian).
- Alonzi R. (3) (2018) EU Political Identity: New Paradigms, Old Problems. *Contemporary Europe*, no 6, pp. 142–151 (in Russian).
- Alonzi R. (2020) In Search of the Political Identity of the EU. The Experience of the Yellow-Green Government in Italy, 2018–2019. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, no 1, pp. 92–104 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-92-104
- Auer S. (2010) ‘New Europe’: Between Cosmopolitan Dreams and Nationalist Nightmares. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, vol. 48, no 5, pp. 1163–1184. DOI: 10.1111/j.1468-5965.2010.02108.x
- Bardin A.L. (2018) Germany: Integration Policy Facing the Challenges of the Migration Crisis. *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism* (eds. Tsapenko I.P., Grishin I.V.), Moscow: IMEMO, pp. 186–202.
- Benignetti A. (2020) I Migranti se ne Infischiano del Virus: Giocano a Calciotto in Stazione. *Il Giornale*, April 7, 2020. Avail-

able at: <https://www.ilgiornale.it/news/roma/roma-emergenza-covid-i-migranti-giocano-calcetto-stazione-1850987.html>, accessed 21.04.2020.

Bettin Lattes G. (2001) Verso una Comune Identità Europea: Le Appartenenze Difficili. *Giovani, Jeunes, Jóvenes. Rapporto di Ricerca sulle Nuove Generazioni e la Politica nell'Europa del Sud* (ed. Bettin Lattes G.), Firenze University Press, pp. 557-584.

Bryder T. (2005) European Political Identity. An Attempt at Conceptual Clarification. *Psicología Política*, no 31, pp. 37-50. Available at: <https://www.uv.es/garzon/psicologia%20politica/N31-3.pdf>, accessed 21.04.2020.

Cerutti F. (2006) Constitution and Political Identity in Europe. *Postnational Constitutionalisation in the New Europe* (eds. Liebert U., Falke J., Maurer A.), Baden-Baden: Nomos, pp. 277-290.

Cristóbal Jiménez Lobeira P. (2012) EU Citizenship and Political Identity: The Demos and Telos Problems. *European Law Journal*, vol. 18, no 4, pp. 504-517. DOI: 10.2139/ssrn.1682422

Dellavalle S. (2002) *Una Costituzione Senza Popolo? La Costituzione Europea alla Luce delle Concezioni del Popolo Come Potere Costituente*, Milano: Giuffrè.

Eder K. (2017) European Citizenship and Identity Politics in Europe: Is the Citizenship Narrative A Good Plot for Constructing the Collective Identity of the People Living in Europe? *The Transformation of Citizenship* (eds. Mackert J., Turner B.S.), Volume 2: Boundaries of Inclusion and Exclusion, London-New York: Routledge, pp. 152-168.

Europeans and the Future of Europe (2018). *Standard Eurobarometer 89*, European Union: March 2018.

Fadeeva L.A. (2016) Identity as Political Science Term: Research Area and Cognitive Resource. *Political Science*, no 2, pp. 164-180. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-kat>

egoriya-politicheskoy-nauki-issledovatel-skoe-pole-i-kognitivnyy-potentsial/viewer, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Fukuyama F. (2006) Identity, Immigration, and Liberal Democracy. *Journal of Democracy*, vol. 17, no 2, pp. 5-20. DOI: 10.1353/jod.2006.0028

Galli della Loggia E. (2020) Coronavirus, Idee, Cultura, Valori, Interessi: È Ormai un'Europa Inaridita. *Corriere della Sera*, April 6, 2020. Available at: https://www.corriere.it/editoriali/20_aprile_06/idee-cultura-valori-interessie-ormai-un-europa-inaridita-2ddda25c-7832-11ea-98b9-85d4a42f03ea_preview.shtml?reason=unauthenticated&cat=1&cid=UO2eLU4R&pids=FR&credits=1&origin=https%3A%2F%2Fwww.corriere.it%2Feditoriali%2F20_aprile_06%2Fidee-cultura-valori-interessie-ormai-un-europa-inaridita-2ddda25c-7832-11ea-98b9-85d4a42f03ea.shtml, accessed 21.04.2020.

Garcia Faroldi L. (2010) Identità Complesse in un'Europa Plurale. *Società e Mutamento Politica*, vol. 1, no 1, pp. 171-187. DOI: 10.13128/SMP-8468

Gehrke G. (1998) *Europe without the Europeans: A Question of Communication?* Düsseldorf: The European Institute for the Media.

Geroni A. (2020) Eurogruppo, Dopo il Fiasco Provvisorio il Vero Ago della Bilancia Sarà la Germania. *Il Sole 24 Ore*, April 12, 2020. Available at: <https://www.ilsole24ore.com/art/eurogruppo-il-fiasco-provvisorio-vero-ago-bilancia-sara-germania-ADIP1yI>, accessed 21.04.2020.

Giorgi A. (2020) Sondaggio, Sale la Fiducia in Conte e Crolla quella nell'Ue. *Il Giornale*, April 7, 2020. Available at: <https://www.ilgiornale.it/news/politica/sondaggio-sale-fiducia-conte-e-crolla-nellue-1850976.html>, accessed 21.04.2020.

Grishin I.V. (2018) Immigration and Society: Problems of Mutual Adaptation in Sweden. *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism* (eds. Tsapenko I.P.,

Grishin I.V.), Moscow: IMEMO, pp. 122–151 (in Russian).

Gromyko A.I. (ed.) (2019) *Global and Regional Aspects of Migration Processes*, Moscow: IE RAS (in Russian).

Höpner M., Jurczyk B. (2012) Kritik des Eurobarometers: Über die Verwischung der Grenze Zwischen Seriöser Demoskopie und Interessengeleiteter Propaganda. *Leviathan. Berliner Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, vol. 40, no 3, pp. 326–349.

Höpner M., Jurczyk B. (2015) How the Eurobarometer Blurs the Line between Research and Propaganda (October 13, 2015). *MPIfG Discussion Paper 15/6*. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/121867/1/838014135.pdf>, accessed 21.04.2020.

Johnson H. (2017) Immigration and International Relations. *Oxford Bibliographies in Political Science*. Available at: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199756223/obo-9780199756223-0204.xml>, accessed 21.04.2020.

Kazarinova D.B. (2014) European Citizenship and Cultural Diversity in Europe: Correlation Problems. *Human. Community. Management*, no 3, pp. 41–50. Available at: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2014_3/2014_3_Kazarinova.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Kuhnle S. (1987) 'Citizenship'. *The Blackwell Encyclopaedia of Political Science* (ed. Bogdanor V.), Oxford and Cambridge: Basil Blackwell Ltd, pp. 94–95.

Lyubin V.P. (2003) *The Revolution of Migration and Its Regulation. The Experience of Russia, Germany and the EU*. Conference Paper. The Second All-Russian Sociological Congress, Moscow: Moscow State University, 30.09–02.10.2003. Available at: <http://alestep.narod.ru/lubin/migration.htm>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Lyubin V.P. (2018) Decisive 2017: Political Parties and Elections in Germany. *Urgent Problems of Europe*, no 2, pp. 37–

61. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_34921055_26693398.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Lyubin V.P., Alonzi R. (2018) The Wave of Migration in Europe and Changes in EU Policies (on the Example of Germany and Italy, 2015–2018). *The Great Eurasia: National Aspects of Development and Cooperation*, Moscow: INION RAS, pp. 20–25 (in Russian).

Malakhov V. (ed.) (2015) *Integration of Migrants: Concepts and Practices*, Moscow: Fond «Liberal'naya Missiya» (in Russian).

Mchedlova M.M. (2019) Migration and Transformation of the World Order: The Need for a New Political Reflection. *Filosofiya politiki i prava*, no 10, pp. 128–137. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41239546_39779488.pdf, accessed 21.04.2020.

Micha A. (2018) Europeans in Search of Themselves. *The American Interest*, June 19, 2018. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2018/06/19/europeans-in-search-of-themselves/>, accessed 21.04.2020.

Molfetta M., Marchetti C. (eds.) (2019) *Report 2019: Non si Tratta Solo di Migranti. L'Italia che resiste. L'Italia che Accoglie*, To-di: Editrice Tau.

Mukomel' V.I. (2016) Adaptation and Integration of Migrants: Methodological Approaches towards Assessing of Policy Effectiveness and the Role of the Receiving Society. *Rossiia reformiruyushchayasya*, no 14, pp. 411–467. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-i-integratsiya-migrantov-metodologicheskieskopodhody-k-otsenke-rezultativnosti-i-rol-prinimayushchego-obschestva>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Palombella G. (2005) Whose Europe? After the Constitution: A Goal-Based, Reflexive Citizenship. *International Journal of Constitutional Law*, no 2–3, pp. 357–377. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1658587, accessed 21.04.2020.

Potemkina O.Yu. (2015) New Trends in the Immigration Policy of the European Union. *Urgent Problems of Europe*, no 4, pp. 18–37. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24343144_42806222.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Potemkina O.Yu. (2016) Migration Crisis and the Policy of the European Union. *Urgent Problems of Europe*, no 4, pp. 38–60. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27397270_60539529.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Potemkina O.Yu. (2017) New EU Initiatives to Resolve the Migration Crisis and Internal Security. *European Union: Facts and Comments*. Issue 87, pp. 29–34 (in Russian).

Preobrazhenskaya A.A. (2018) The Integration of Immigrants in French Society: Problems and Prospects. *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism*, (eds. Tsapenko I.P., Grishin I.V.), Moscow: IMEMO, pp. 152–168 (in Russian).

Ryabov D.O. (2017) The Policy of European Identity: Directions and Forms. *Symbolic Politics*. Issue 5. Identity Politics, Moscow: RAS INION, Center for Social Research and Information Research, pp. 133–144 (in Russian).

Scharpf F. (1999) *Governing in Europe: Efficient and Democratic?* Oxford: Oxford University Press.

Schmitt H. (2003) The Eurobarometers: Their Evolution, Obvious Merits, and Ways to Add Value to Them. *European Union Politics*, vol. 4, no 2, pp. 243–251. DOI: 10.1177/14651165030004002005

Semenenko I.S. (2011) The Concept of Identity in Political Science. *Identity as a Subject of Political Analysis* (eds. Semenenko I.S., Fadeeva L.A.), Moscow: RAS IMEMO, pp. 8–12 (in Russian).

Semenenko I.S. (2017) Identity Policy: A Changing Agenda. *Symbolic Politics*. Issue 5. Identity Politics, Moscow: RAS INION, Center for Social Research and Information Research, pp. 21–40 (in Russian).

Sukhov A.N., Trykanova S.A. (2011) *Migration in Europe and Its Consequences*, Moscow: Flinta.

Sultanova N.D. (2015) *Reorganization of the Personality System of Adult Forced Migrants*. Abstract. diss. for Dr. of Science degree, Moscow (in Russian).

Tsapenko I.P., Grishin I.V. (eds.) (2018) *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism*, Moscow: IMEMO (in Russian).

Tsapenko I.P., Monusova G.A. (2018) The Evolution of Host Country Approaches to Cultural Diversity. *Integration of Migrants with Different Cultural Background: Prospects of Interculturalism* (eds. Tsapenko I.P., Grishin I.V.), Moscow: IMEMO, pp. 81–101 (in Russian).

Weiler J.H.H. (2012) In the Face of Crisis: Input Legitimacy, Output Legitimacy and the Political Messianism of European Integration. *Journal of European Integration*, vol. 34, no 7, pp. 825–841. DOI: 10.1080/07036337.2012.726017

Zalan E. (2019) EU Commission Defends Eurobarometer methodology. *EuObserver*, December 5, 2019. Available at: <https://euobserver.com/institutional/146834>, accessed 21.04.2020.

Проблемы Старого света

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-3

Китайские мигранты в Италии: социально-экономический портрет

Елена Александровна МАСЛОВА

кандидат политических наук, доцент кафедры интеграционных процессов
Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации, 119454, проспект Вернадского, д. 76,
Москва, Российская Федерация;

старший научный сотрудник

Институт Европы РАН, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 3, Москва, Российская
Федерация

E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-2493-3900

Раффаэлло ЛОРЕТО ЧЕЧОНИ

бакалавр

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации, 119454, проспект Вернадского, д. 76,
Москва, Российская Федерация

E-mail: loreto.r@my.mgimo.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Маслова Е.А., Лорето Чечони Р. (2020) Китайские мигранты в Италии: социально-экономический портрет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 48–62. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-3

Статья поступила в редакцию 07.10.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями (КМУ-IX).

АННОТАЦИЯ. Италия – одна из европейских стран с крупным китайским населением. Так называемые китайские новые мигранты стали прибывать в Италию с начала 1980-х гг., выполняя заказы местных компаний, производящих текстильную продукцию и изделия из кожи. Постепенно китайские мигранты встроились в целый сектор экономики – индустрию моды. Помимо легкой промышленности, китайцы трудоустроились в сфере услуг и торговли. На основе статистических данных дается

краткий портрет-характеристика китайского мигранта в Италии.

В настоящей статье анализируются факторы, повлекшие за собой увеличение численности китайской диаспоры в Италии. В частности, авторами выделяются факторы «толчка», побуждающие китайцев покинуть родину, и «притяжения», заложенные в итальянской национальной специфике. Для китайцев Италия является страной назначения (а не страной-транзитером), это во многом обусловлено уже сло-

жившейся сетью связей (гуаньси). Адаптация китайских мигрантов и связанные с этим особенности рассмотрены на примере текстильного кластера Италии – города Прато, который неформально называют «китайским эксклавом».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Италия, Китай, КНР, миграция, трудовые мигранты, хуацяо, *Made in Italy*

Теоретико-методологический каркас исследования

Миграция представляет собой комплексное явление, входящее в сферу научных интересов экономистов, социологов, политологов, а также антропологов, этнографов и др. Соответственно, толкование и анализ миграционных потоков базируется на различных подходах и теориях.

В данной работе за методологическую рамочную основу анализа взята базовая теория «толчка – притяжения» (push – pull theory). Теория «выталкивающих» и «притягивающих» факторов является одной из первых, позволяющих найти рациональное объяснение феномену миграции.

Э. Ли, разрабатывающий данную теорию [Lee 1966], писал о том, что существует ряд факторов, которые побуждают индивида эмигрировать (и эти факторы связаны с обстановкой в стране происхождения мигранта), и факторы, которые побуждают стать иммигрантом в какой-то конкретной стране.

Данная теория была впоследствии доработана, на ее основе или в противовес появлялись новые, однако для целей настоящей работы ограничимся теорией «толчка – притяжения», чтобы проанализировать, что побуждает китайцев покидать родину и выбирать Апеннины.

Актуальность исследования особенностей современной китайской миграции определяется тем, что при Си Цзиньпине Китай переходит от скромной внешней политики к дипломатии «сильного государства», демонстрируя новый уровень внешней открытости [Денисов 2015; Денисов 2017; Лукин 2019]. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» [Лукин, Якунин 2019] усиливается инвестиционная активность, в т. ч. частных предприятий, что в перспективе может вызвать рост китайской бизнес-миграции в промышленно развитые страны Запада.

Кроме этого, уточним ряд понятий, связанных с китайской зарубежной общиной. Существует несколько категорий «заморских» китайцев (Chinese overseas), употребляемых в научной литературе. «Хуацяо» (или «цяобао») принято называть китайского гражданина, постоянно проживающего за рубежом (на законных основаниях). «Вайцзи хуажэнь» (сокр. «хуажэнь») – хуацяо или его потомки, принявшие гражданство иностранного государства. «Гуйцяо» – реэмигрант, вернувшийся на родину хуацяо. «Цяоцзюань» – родственники хуацяо или гуйцяо, оказывающие им поддержку. Самая общая категория – «хайвай», куда относятся все этнические китайцы, проживающие за рубежом, вне зависимости от гражданства [Ларин (1) 2006, с. 29].

В настоящей статье речь пойдет о хуацяо, если не оговорено иное. Отметим также, что за китайцев в данном исследовании принимаются в расчет все представители КНР (включая жителей Гонконга, Макао и Тайваня), исходя из позиции официального руководства ЕС и Италии, признающих целостность Китая (One China policy).

Содержание статьи составляет малоизученный сюжет в отечественной литературе, связанный с жизнедеятельностью китайской общины в Ита-

лии. В то же время немало трудов отечественной школы китаеведческих исследований посвящено китайской диаспоре за рубежом, политике Пекина в китайском зарубежье и другим сюжетам, связанных с ролью и влиянием хайвай. Прежде всего, необходимо упомянуть труды А.В. Афонасьевой [Афонасьева 2011; Афонасьева 2013; Афонасьева 2016; Афонасьева 2017], В.Г. Гельбраса [Гельбрас (1) 2005; Гельбрас (2) 2005], А.Г. Ларина [Ларин (1) 2006; Ларин (2) 2006; Ларин 2007; Ларин 2008; Ларин 2014].

Италия в контексте мировых миграционных процессов

Присутствие мигрантов на территории Италии – свершившийся факт. Уже почти 50 лет страна является одним из основных направлений иммиграции в глобальном измерении. Первые потоки мигрантов стали прибывать в страну в 1960-е гг. Италия рассматривалась прежде всего как отправная точка для дальнейшего переселения за океан или в другие европейские государства.

Количество мигрантов¹, находящихся на территории Италии, достаточно стабильно. Число иностранцев, не являющихся гражданами стран ЕС, не подвержено значительным колебаниям: на 1 января 2018 г. количество постоянно проживающих на территории Италии мигрантов составляло 3,7 млн чел. (6,1% населения), т. е. немногим более, чем годом раньше [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 6].

Иммиграция на территорию Италии весьма неоднородна с точки зрения географии происхождения, в то же время она достаточно равномерно распределяется между Европой, Африкой

и Азией. Фиксируется небольшое преобладание африканской составляющей (32%), в то время как из Азии прибывает 30% мигрантов, а 28% – выходцы из не входящих в ЕС европейских стран. Кроме того, каждый десятый мигрант приезжает из Америки [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 6].

Характерным элементом Италии в глобальной картине миграции является разнообразие стран происхождения. Можно констатировать отсутствие значительного перевеса какой-либо из многочисленных общин над другой. Однако представляется возможным выделить 15 государств, на долю которых приходится 75% мигрантов из стран, не входящих в ЕС. Треть постоянно проживающих на территории Италии мигрантов происходят из Марокко (11,9%), Албании (11,6%) и Китая (8,3%) [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 6].

Китайцы в Италии

Помимо статистических данных, собираемых Национальным институтом статистики (ISTAT), Министерство труда Итальянской Республики ежегодно публикует отдельный доклад о китайской общине в стране.

Согласно этому докладу, больше половины (57%) китайских граждан проживает на севере Италии. Именно на Севере страны расположены две из трех областей по наибольшему числу проживающих там китайцев: Ломбардия (где четверть населения не имеет гражданства ЕС), которая принимает 23% всех китайцев, проживающих в Италии, и Венето (третий регион по количеству китайских граждан), на долю которого приходится приблизи-

¹ Здесь и далее рассматриваются мигранты, пребывающие на территории Италии легально.

тельно 13% (граждане из третьих стран составляют 10,4%) [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 19].

В большом количестве представители китайской диаспоры представлены в области Тоскана, которая считается второй по числу проживающих там китайцев: 58 тыс. чел., что составляет около 19% от общего числа, или более 10% относительно всех мигрантов неграждан ЕС. На юге Италии проживают 11,5% членов китайской общины (чуть меньше, чем число постоянно проживающих на территории Италии граждан без гражданства ЕС) с наибольшей концентрацией в области Кампания (3,5%) и на Сицилии (2,2%) [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 20].

Возможно выделение трудовой «специализации» каждой из диаспор, проживающей в Италии. Так, 30,8% представителей индийской общины заняты в сельском хозяйстве, а 43,3% пакистанцев работают в промышленном секторе. Строительная отрасль дает занятость 29,2% албанцам, в то время как другие диаспоры широко представлены в торговле (35,6% китайцев и 34,9% сенегалцев), а также в сфере услуг и социальном секторе (62% украинцев и 63% филиппинцев) [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 13].

Уровень занятости членов китайской общины в Италии один из самых высоких – 72,7% (китайцы в возрасте от 15 до 64 лет). При этом данный показатель значительно выше, чем показатели занятости лиц, не имеющих гражданства ЕС и мигрантов из Азии: 13,6% и 6,7% соответственно [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 39].

Китайская диаспора отличается высоким уровнем вовлеченности женщин на рынке труда – 67%, что значительно выше общего уровня среди женщин-мигрантов не из ЕС – 46%. Кроме того, следует уточнить, что в китайской диаспоре самый низкий (из всех основных

этнических групп) показатель женской безработицы: 3,5% [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 39].

Рейтинг профессий среди китайских мигрантов показывает, что первые два места занимают продавцы розничной торговли и портные (на них приходится соответственно 12,1% и 11,3%). Существенна доля приема на работу в сфере общественного питания (всего приблизительно 21%) на должности поваров (10,6%), официантов (6,7%) и барменов (3,6%). Около 10% составляют работники, занятые в выделке кож. Кроме того, упоминаются сапожники и продавцы обуви (3,1%), а также производители чемоданов и сумок, смежных профессий (6,6%). В целом на долю китайских граждан, занятых в этих специальностях, приходится 83% от общего количества мигрантов не из ЕС, работающих в данных сферах [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 45].

Помимо значительной вовлеченности представителей китайской диаспоры в отрасль обработки кожи, ощущается их существенное присутствие и в текстильном производстве: с китайскими гражданами было подписано 12 тыс. рабочих контрактов на должности портного, раскройщика, макетчика, что составляет примерно 81% от общего числа этих специальностей, по которым работают мигранты, не имеющие гражданства ЕС. В то же время этот показатель снижается до 67,7% в отношении промышленных рабочих в отрасли производства готовых изделий и тканей [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 45].

Помимо работы по найму, китайцы активно проявляют себя в предпринимательстве. На конец 2017 г. в Италии насчитывалось около 374 тыс. индивидуальных предприятий, открытых гражданами из стран, не входящих в ЕС. При этом число таких предприятий увеличилось на 2,1% в сравнении

с предыдущим годом, что идет вразрез с общей тенденцией сокращения индивидуальных предпринимателей (–0,6%). На конец 2017 г. в Италии было зарегистрировано около 52 тыс. владельцев индивидуальных предприятий китайского происхождения, что составляет примерно 14% от общего количества предпринимателей – неграждан ЕС. Относительно 2018 г. число индивидуальных предприятий, владельцами которых являются китайские граждане, выросло на 2,6% (+1.338). Китайская диаспора – третья по количеству мигрантов – неграждан ЕС в Италии – одновременно занимает второе место по числу владельцев индивидуальных предприятий [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 52].

При этом 78,5% предпринимателей из стран, не входящих в ЕС, – мужчины, а на долю женщин приходится 21,5%. В некоторых общинах эта доля значительно выше: среди украинской диаспоры 57% владельцев индивидуальных предприятий – женщины; среди филиппинской общины женщины-предприниматели составляют 48%, среди китайской – 46%, среди нигерийской – 44% [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 53]. Китайская диаспора занимает первое место (среди общин из стран, не входящих в ЕС) по числу женщин-предпринимателей (24 тыс.) и третье место по доле женщин от общего количества предпринимателей. Кроме того, количество предприятий под женским управлением продолжает увеличиваться более быстрыми темпами по сравнению с предприятиями, принадлежащими мужчинам. В частности, можно констатировать, что в период с 2016 по 2017 г. увеличение числа индивидуальных предприятий, принадле-

жащих китайским мужчинам, выросло на 2,2%, а количество китайских женщин-предпринимателей за то же время увеличилось на 3,1% [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 53].

С точки зрения географического распределения частных компаний картина выглядит следующим образом: на первом месте находится область Ломбардия, на территории которой расположены около 11 тыс. предприятий под управлением китайских граждан (20,5% от общего числа), затем следуют Тоскана приблизительно с таким же количеством китайских предприятий (20,4% от общего количества) и Венеция (10,9%) [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 53]².

По числу предприятий, принадлежащих выходцам из Китая, на первом месте располагается Милан и его провинция (11,1%), за которыми следуют тосканские провинции Флоренция и Прато (7,8 и 10,1% соответственно). Китайские компании, функционирующие в Прато, составляют практически три четверти от общего числа индивидуальных предприятий в этой провинции. На четвертой и пятой позиции расположились Рим и Неаполь с соответствующей долей 6,7 и 5% [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 54].

По видам экономической деятельности предприниматели, не являющиеся гражданами ЕС, сконцентрированы в большей степени в торговле и транспортном секторе (46%), а также в строительстве (21%), в то время как другие хозяйственные сферы занимают менее 10%: перерабатывающая отрасль – 8,2%; услуги, оказываемые предприятиям – 6,2%; гостиничный и ресторанный бизнес – 5,8%; сельское хозяйство – 2,2%. Распределение по видам хозяйственной

2 В то же время совокупно основными областями для предпринимателей, не имеющих европейского гражданства, являются Ломбардия (19,1%), Лацио (11,6%) и Тоскана (9,8%).

деятельности владельцев индивидуальных предприятий китайского происхождения показывает преобладающую концентрацию таких компаний в сфере торговли и транспорта (37,8%). На втором месте находится перерабатывающая промышленность, в которой занято около трети китайских предприятий (именно в этой области – самая высокая доля китайских граждан от общего числа предпринимателей, не являющихся гражданами стран ЕС – представители китайской общины составляют 57% от общего количества индивидуальных предпринимателей – неграждан ЕС, работающих в данной отрасли). Далее расположилась индустрия гостеприимства, где существенна доля представителей китайской диаспоры относительно общего числа предпринимателей из третьих стран: 32,7% [La Comunità Cinese in Italia 2018, p. 54].

Китайские мигранты: «выталкивающие» и «притягивающие» факторы

Широко распространено мнение, что одной из причин, способствующей на макроуровне миграции китайцев в другие страны, явилась новая политика переселения, принятая китайским руководством в конце 1970-х – начале 1980-х гг. после объявления политики реформ и открытости, которая была направлена на создание за границей сильных патриотичных прокитайских анклавов. Эта политика, положившая начало новому этапу широкомасштабной миграции, получила название «открытая мобильность» [Liu 2011; Liu, van Dongen 2016].

Что же касается выбора страны конечного назначения, то на это в большей степени повлияли факторы микроуровня и, в первую очередь, наличие в Италии миграционной сети, другими

словами, системы межличностных отношений, связывающей иммигрантов и потенциальных мигрантов (гуаньси). С точки зрения китайского мировоззрения такое явление представляет собой распространение на трансграничном уровне системы контактов и связей, на которых основываются отношения и устои общества и которые напрямую влияют на направления миграции.

На Западе эту стратегию традиционные противники так называемого китайского экспансионизма классифицируют как «подрывающую» единство западного мира, «угрозу» западным ценностям и существованию западной цивилизации. Однако данный анализ является поверхностным. К началу проведения рыночных реформ и политики открытости за границей существовала уже сформировавшаяся группа китайских эмигрантов первых волн (во время гражданской войны задолго или непосредственно до образования КНР), сохранивших свою идентичность, язык и память о родине и, что самое главное, накопивших немалые богатства. Политика Дэн Сяопина была направлена на привлечение инвестиций во вновь открытую китайскую экономику именно со стороны тех состоятельных «заграничных китайцев», которые, однажды покинув свою родину, сохранили память о ней и теперь могли помочь ее восстановлению и повышению уровня жизни живущих на материке соотечественников. При этом китайские власти следовали собственному пониманию прав человека, согласно которому именно «право на жизнь», т. е. обеспечение основных материальных потребностей человека, имеет фундаментальное значение и приоритет по сравнению с другими правами и свободами [Лукин 2007].

Бедность в Китае действительно может подтолкнуть китайца эмигрировать в западную страну (особенно ту-

да, где уже развита сеть мигрантов, как, например, в Италии). В странах ЕС уровень среднемесячной заработной платы значительно превышает 1000 долларов США [Average Wages 2019]. В то время как в Китае лишь в 2018 г. среднемесячная заработная плата достигла этого порога³ – после многократных усилий правительства по борьбе с бедностью и мер по повышению доходов граждан.

Это обстоятельство хорошо вписывается в перечень как «притягивающих» факторов, так и «выталкивающих». Однако через несколько месяцев после переезда и запуска малого бизнеса, хуацяо сразу обнаружит следующий факт: оставаясь в легальном поле деятельности, он никогда не сможет достичь среднего показателя по уровню ежемесячных доходов, а, скорее всего, добьется лишь немногим более того, что получал в родной провинции. Это происходит, в основном, из-за высокой стоимости аренды и налогообложения, более высокой по сравнению с Китаем стоимостью потребительской корзины, бремени дополнительных расходов.

Отсюда склонность китайских мигрантов к открытию маленьких супермаркетов и/или продуктовых магазинов с импортной китайской продукцией (часто привезенной некоммерческим способом в качестве товаров для личного потребления обычными авиарейсами) или ресторанов китайской кухни в уже населенных китайцами районах, использование данных помещений в качестве места жительства (или проживания в нелегальных общежитиях, заброшенных зданиях и т. д.) и, разумеется, массовый уход от местных и национальных налогов.

Китайцы в итальянском обществе

В последние годы в Италии широко обсуждается феномен китайских иммигрантов. Появление за границей китайских диаспор всегда вызывает большие споры. С одной стороны, китайский мигрант никогда не сидит на месте. Он не живет за счет пожертвований местного населения, пособий по безработице, как нередко происходит с переселенцами других национальностей. Новые хуацяо открывают парикмахерские, магазины китайской техники, делают массаж, чинят компьютеры, шьют и ремонтируют одежду и обувь. Это услуги, для получения которых ранее местное население обращалось к высококвалифицированным специалистам, прошедшим многолетнее обучение и получившим лицензию.

Мировой экономический кризис 2008 г. вынудил многих представителей среднего класса Италии отказаться от потребления дорогих услуг, предоставляемых высококвалифицированными мастерами, и этой ситуацией воспользовались китайские мигранты, которые мгновенно заняли места разорившихся итальянских специалистов.

Китайцы, часто не говорящие на языке страны проживания и зачастую работающие нелегально, тем не менее умело используют местные условия для зарабатывания репутации и доверия. Так, например, они не уходят в длительный летний отпуск, буквально парализующий в Италии целые города, когда практически невозможно получить самые обычные в другое время года услуги. Китайские мастерские и магазинчики, особенно многочисленные в традиционно самых бедных районах

3 По данным China Statistical Yearbook 2019, среднемесячная заработная плата в Китае в 2018 г. составила 1037,83 долларов США. Уровень ВВП (2018 г.) на душу населения в КНР составил 9768,79 долларов США.

и на окраине города, охотно компенсируют недостаток услуг, а местное население готово смириться с низким уровнем обслуживания, удовлетворяясь более низкой ценой. Такая работа позволяет китайским мигрантам накопить первоначальный капитал, а далее, в некоторых случаях, срабатывает известный на весь мир талант китайцев в торговле и бизнесе. По мере достижения успеха они постепенно выходят из теневого сектора экономики.

Волны китайской миграции

Первые волны китайской миграции в Италию пришлись на 1980-е и 1990-е гг. Многие из перебравшихся в тот период в Италию китайцев уже давно вернулись на родину. Вторая волна конца 1990-х – начала 2000-х гг. – это китайские эмигранты, бежавшие от бедности по примеру или по призыву эмигрантов первой волны, в основном трудоустроившиеся в производственном секторе. В то время Китай смог получить двойную выгоду: перенос в эту страну западных производств обеспечил экономический рост Китая, а многочисленные китайские мигранты за рубежом смогли получить работу в основных и смежных отраслях. В Италии подобная практика имела наибольший успех: многие бренды, стремясь сократить производственные издержки и одновременно сохранить марку «Сделано в Италии», начали заказывать изготовление своей продукции производствам, работающим в Италии с привлечением дешевого труда китайских мигрантов. Это явление получило широкое освещение в научной литературе [Chen 2015;

Dei Ottani 2014; Lan, Zhu 2014]. Именно таким образом многие китайцы трудоустроились на итальянских предприятиях, в первую очередь текстильных. Небольшой городок Прато неподалеку от Флоренции получил широкую мировую известность, в т. ч. благодаря феномену китайских мигрантов.

Модель Вэньчжоу

Чжэцзян – китайская провинция на восточном побережье страны, омываемая Восточно-Китайским морем. Юг провинции Чжэцзян и, в частности, портовый городской округ Вэньчжоу является родиной 90% итальянских хуацяо⁴. Несмотря на то, что в настоящее время Чжэцзян – одна из самых богатых китайских провинций, уровень жизни ее жителей не всегда был благополучным. В течение многих веков своей истории это был отстающий аграрный регион, а большинство населения, проживающего в маленьких деревнях, было занято сельским хозяйством. Этим объясняются низкий по сравнению с соотечественниками, проживающими в больших городах, уровень образования и традиционный образ жизни, характеризующийся тесными семейными связями. Тяжелые жизненные условия на гористых территориях с небольшим количеством пригодных для возделывания земель и бедность подтолкнули жителей искать удачу далеко за морем [Dominici 2015].

Неблагополучное экономическое положение только в самом начале стало основным фактором, побудившим жителей провинции к эмиграции. Еще в 1980-е гг. они начали открывать не-

4 В то время как 90% хуацяо в мире являются выходцами из провинций Гуандун и Фуцзянь. См. подробнее: Тихвинский С.Л. (ред.) (2014) История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. М.: Восточная литература. Т.10: Гудошников Л.М., Степанова Г.А. (ред.) Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора.

большие семейные предприятия, а уже в 1990-е гг. коммерческий успех выходцев из Вэньчжоу вдохновил многих китайцев из других сельскохозяйственных регионов, которые пошли тем же путем, копируя данную модель развития. Такая модель, получившая название «модель Вэньчжоу», базируется на росте, который обеспечивается семейным предпринимательством, ставшим движущей силой экономического и торгового развития эмигрантов из южных районов провинции Чжэцзян в Италии и других странах Европы.

Тесные связи между Италией и Вэньчжоу способствуют развитию торгового потенциала в интересах обеих стран. В последние годы оба государства выдвигают многочисленные предложения по увеличению взаимных инвестиций и развивают разнообразные формы долгосрочного сотрудничества, такие, например, как двусторонние договоры между Вэньчжоу и итальянскими городами Прато и Неаполь. В 2019 г. состоялось подписание Меморандума о намерениях между Италией и КНР.

Помимо решения задачи по привлечению итальянских инвестиций, Вэньчжоу стал привилегированным каналом сбыта итальянских товаров высокого и среднего ценового сегмента. Не исключено, что сотрудничество с жителями Вэньчжоу, ставшими, благодаря своим предпринимательским способностям, знаменитыми во всем Китае, превратит этот город в основной центр импорта товаров Made in Italy.

«Китайский эксклав» – город Прато

Флорентийский городок Прато издавна славился своими текстильными и обувными предприятиями, поставляющими продукцию крупнейшим мировым брендам. С XIII в. Прато знаме-

нит своими портными и высококачественной вышивкой [Storia di Prato]. Зная о качестве продукции и традициях производства, европейские модные дома нередко обращались именно к мастерам из Прато. В Прато производились шторы, ковры, белье, скатерти, подушки для вилл и дворцов Тосканы и всей Италии. В XVIII в., в период промышленной революции, Прато одним из первых стал индустриальным кластером.

В начале 2000-х гг. город, адаптируясь к условиям современной эпохи, вновь становится европейской столицей текстиля, благодаря также и трудовым мигрантам из Китая, чей труд позволил городу успешно противостоять конкурентам. Сегодня Прато – центр текстильной индустрии и мировой модной индустрии, куда приезжают, чтобы подробно изучить особенности разных видов тканей и процесс производства одежды.

Благодаря китайским мигрантам, город приобрел новый облик. Появилось огромное количество заведений, которыми владеют китайцы, оказывающие услуги (от массажа до общественного питания) только живущим в Прато соотечественникам. Названия улиц в населенных китайцами районах указаны на двух языках, а в некоторых случаях исключительно на китайском.

Несмотря ряд на преимуществ (дешевая рабочая сила, отсутствие логистических затрат) для производителей, фактор китайской миграции стал причиной многочисленных скандалов и расследований, связанных с критической санитарной ситуацией, массовой неуплатой налогов, фальсификацией документов и даже нелегальным захоронением людей [Мурашкина, Табаринцева-Романова, Мухамадиева 2018]. Последние два преступления, совершенные в Прато, стали особенно резонансными. Китайцы обвинялись в том,

что после смерти одного из соотечественников они присваивали себе документы умершего (от китайского заграничного паспорта до документов, выданных итальянскими ведомствами) [Passaporti Falsi 2017]. Согласно информации следователей, это происходило из-за того, что по фотографиям на документах и с использованием имеющихся методов идентификации итальянские власти не могли точно установить личность человека [Bassi 2016].

Из-за подобных случаев среди итальянцев широкое распространение (особенно в тех областях, где китайская община многочисленна) получила фраза «китайцы никогда не умирают». Однако в суде так никто и не смог доказать феномен многократного использования одних и тех же документов членами китайской общины. Биометрическая революция, если еще не поставила, то поставит окончательную точку в этом вопросе, касающемся не только мигрантов китайской национальности. Кроме этого, традиция провести последние годы своей жизни на родине сказывается на количестве пожилых китайцев за границей и ограничивает число умирающих на чужбине хуацяо. Эту традицию чтут и новые китайские мигранты: по данным Итальянского статистического агентства, например, в Милане за 2016 г. зарегистрировано более 350 новорожденных детей у китайских пар и только 14 смертей [Bassi 2016].

Основные характеристики китайской общины в Италии выглядят следующим образом. Во-первых, абсолютное большинство китайской общины проживает на севере страны, преимущественно в области Ломбардия, Тоскана – вторая область по числу китайских мигрантов. На сегодняшний день эти области – одни из наиболее высоко развитых экономически. Китайцы – од-

на из общин с самым низким уровнем безработицы, при этом женщины также активно участвуют на рынке труда. Кроме того, хуацяо заняты не только в качестве наемных работников, но активно вовлечены в предпринимательскую деятельность. Китайские предприниматели в большей степени присутствуют в сфере торговли и транспорта, а наемные рабочие нашли применение в розничной торговле, сфере услуг и общественного питания.

К «выталкивающим» факторам можно отнести существование в КНР определенной миграционной политики, не полностью решенную проблему бедности в отдельных провинциях (особенно в отдаленных от главных городских центров уездах и деревнях), а также жесткую конкуренцию на рынке труда. За границами Китая уже сформировалась сеть китайских эмигрантов, которые поддерживают контакты с проживающими в КНР соотечественниками. К «притягивающим» элементам относятся особенности итальянского миграционного законодательства и политика итальянского правительства, которое проводило частые амнистии для нелегальных мигрантов, спрос на низкоквалифицированную рабочую силу, высокая доля теневого сектора экономики.

Китайские мигранты в Италии смогли не просто занять, а встроиться в определенную сферу экономики страны. Так, в тосканском городе Прато китайцы смогли в значительной степени заместить ставших менее доступными с экономической точки зрения местных портных и в настоящее время представляют собой новую рабочую силу. Так хуацяо заняли ниши экономики, которые традиционно считались культурным достоянием Италии и предметом национальной гордости (индустрия моды, легкая промышленность и кожевенное производство). Низкая стоимость услуг, быстрота обслужива-

ния, почти круглосуточный график работы – лишь некоторые преимущества китайского трудового мигранта в сравнении с местным конкурентом.

Итальянские производства сумели с выгодой для себя адаптироваться к новым условиям – они сохранили бренд *Made in Italy* и при этом смогли сэкономить на дешевой рабочей силе из Китая, отказавшись от переноса производства в развивающиеся страны. Таким образом, бренд *Made in Italy* находит новое измерение – *Made in Italy by the Chinese*.

Китайское предпринимательство развивается в Италии благодаря самим китайцам. Бизнес хуацяо в основном рассчитан на предоставление услуг другим китайцам. Пока трудно точно определить долю китайского вклада в итальянский ВВП и сказать, как экономическая активность китайских предпринимателей сказывается на экономике страны (в т. ч. теневой). Однако с уверенностью можно говорить о том, что труд китайцев распространился по всей стране, в первую очередь в областях-локомотивах итальянской экономики, играя при этом немалую роль в экономике страны.

Анализ основных характеристик хуацяо, хронологии и масштабов китайской миграции, а также факторов «толчка» и «притяжения» вносит вклад в изучение зарубежной китайской миграции, в частности, на европейском направлении, и служит отправной точкой для проведения дальнейших исследований.

Список литературы

- Афонасьева А.В. (2011) Как зарубежные китайцы помогают КНР // *Азия и Африка сегодня*. № 8(649). С. 30–36 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17034309_98350350.pdf, дата обращения 21.04.2020.
- Афонасьева А.В. (2013) Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.). М.: ИДВ РАН.
- Афонасьева А.В. (2016) Зарубежные китайцы как один из инструментов реализации проекта Экономического пояса шелкового пути // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 4(10). С. 102–115 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28368238_66606728.pdf, дата обращения 21.04.2020.
- Афонасьева А.В. (2017) Экономическая деятельность зарубежных китайцев в странах по маршруту морского шелкового пути XXI века // *Проблемы Дальнего Востока*. № 6. С. 39–48 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30676225_40393350.pdf, дата обращения 21.04.2020.
- Гельбрас В. (1) (2005) Миграция, преобразующая Китай // *Азия и Африка сегодня*. № 9(578). С. 48–55.
- Гельбрас В. (2) (2005) Миграция, преобразующая Китай. Окончание // *Азия и Африка сегодня*. № 10(579). С. 17–22.
- Денисов И.Е. (2015) Об основах сицизньпинизма. Идеологический портрет «пятого поколения» руководителей КНР // *Тетради по консерватизму*. № 5. С. 112–118 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26342199_24783151.pdf, дата обращения 21.04.2020.
- Денисов И.Е. (2017) Внешняя политика Китая при Си Цзиньпине: преемственность и новаторство // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 10. № 5. С. 83–98. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98
- Ларин А.Г. (1) (2006) Роль китайской диаспоры в развитии экономики Китая // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 28–36 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13012160_30458962.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Ларин А.Г. (2) (2006) Роль китайской диаспоры в развитии экономики Китая // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 39–46 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13012174_76354348.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Ларин А.Г. (2007) Китай и китайская диаспора // Азия и Африка сегодня. № 10(603). С. 22–28.

Ларин А.Г. (2008) Китай и зарубежные китайцы. М.: ИДВ РАН.

Ларин А.Г. (2014) Усиление Китая и возвышение мировой китайской диаспоры // Общество и государство в Китае. Т. 44. № 1. С. 232–242 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25295427_80406930.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Лукин А. (2007) Китай: опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et Contra. № 6. С. 72–94 // http://www.intelros.ru/pdf/pro_et_contra_11_2007/lukin.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Лукин А.В. (2019) Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Лукин А.В., Якунин В.И. (ред.) (2019) Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. М.: Весь мир.

Муратшина К.Г., Табарицнева-Романова К.Г., Мухамадиева Я.И. (2018) Китайские мигранты в Италии: положительный опыт интеграции или источник проблем? // Вестник МГИМО-Университета. № 3(60). С. 89–103. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-89-103

Average Wages (2019) // OECD // <https://data.oecd.org/earnwage/average-wages.htm>, дата обращения 21.04.2020.

Bassi Ch. (2016) A Milano 28 Mila Cinesi ma Quest'Anno ne Sono Morti Solo 14 // Il Giornale, September 26, 2016 // [lano-28-mila-cinesi-questanno-ne-sono-morti-solo-14-1310910.html, дата обращения 21.04.2020.](http://www.ilgiornale.it/news/politica/mi-</p></div><div data-bbox=)

Chen C. (2015) Made in Italy (by the Chinese): Migration and the Rebirth of Textiles and Apparel // Journal of Modern Italian Studies, vol. 20, no 1, pp. 111–126. DOI: 10.1080/1354571X.2014.973160

Dei Ottati G. (2014) A Transnational Fast Fashion Industrial District: An Analysis of the Chinese Businesses in Prato // Cambridge Journal of Economics, vol. 38, no 5, pp. 1247–1274. DOI: 10.1093/cje/beu015

Dominici M. (2015) Wenzhou, la Città d'Origine dei Cinesi d'Italia // ISPI, March 23, 2015 // <https://www.ispionline.it/it/focus-cina/wenzhou-la-citta-dorigine-dei-cinesi-ditalia-12962>, дата обращения 21.04.2020.

La Comunità Cinese in Italia. Rapporto Annual Sulla Presenza dei Migrant (2018) // Ministero del Lavoro e delle Politiche Sociali // <https://www.lavoro.gov.it/documenti-e-norme/studi-e-statistiche/Documents/Rapporti%20annuali%20sulle%20comunita%20migranti%20in%20Italia%20-%20anno%202018/Cina-rapporto-2018.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Lan T., Zhu S. (2014) Chinese Apparel Value Chains in Europe: Low-end Fast Fashion, Regionalization, and Transnational Entrepreneurship in Prato, Italy // Eurasian Geography and Economics, vol. 55, no 2, pp. 156–174. DOI: 10.1080/15387216.2014.948471

Lee E. (1966) A Theory of Migration // Demography, vol. 3, no 1, pp. 47–65. DOI: 10.2307/2060063

Liu H. (2011) An Emerging China and Diasporic Chinese: Historicity, State, and International Relations // Journal of Contemporary China, vol. 20, no 72, pp. 813–832. DOI: 10.1080/10670564.2011.604502

Liu H., van Dongen E. (2016) China's Diaspora Policies as a New Mode of Transnational Governance // Journal of Contemporary China, vol. 25, no 102, pp. 805–821. DOI: 10.1080/10670564.2016.1184894

Passaporti Falsi, Arrestato a Prato (2017) // La Repubblica, April 11, 2017 // http://firenze.repubblica.it/cronaca/2017/04/11/news/passaporti_falsi_arrestato_a_prato-162709228, дата обращения 21.04.2020.

Storia di Prato. Storia della Tradizione Tessile a Prato // Po-net // <http://www2.ponet.prato.it/artestoria/storia/tradizione-tessile/pagina28.html>, дата обращения 21.04.2020.

Problems of the Old World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-3

Chinese Migrants in Italy: A Socio-economic Portrait

Elena A. MASLOVA

PhD in Politics, Associate Professor, Chair of Integration Studies
MGIMO University, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation;
Senior Researcher
Institute of Europe RAS, 125009, Mokhovaya St., 11, bld. 3, Moscow, Russian Federation
E-mail: e.maslova@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-2493-3900

Raffaello LORETO CECIONI

Bachelor
MGIMO University, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: loreto.r@my.mgimo.ru

CITATION: Maslova E.A., Loreto Cecioni R. (2020) Chinese Migrants in Italy: A Socio-economic Portrait. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 48–62 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-3

Received: 07.10.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by MGIMO University (grant number: KMU-IX).

ABSTRACT. *Italy is one of the European countries hosting the largest number of Chinese immigrants. In the early 1980s, the first Chinese new migrants came to Italy, where they would find an employment in the Italian textile industry. Since then, Chinese overseas have played an important role in the field of fashion, a sector of the Italian economy with a high demand in produc-*

tion and manual work. Petty trading and small-scale enterprises are also representations of the Chinese population's activity in Italy. This article provides statistics concerning the Chinese migrants as an economically active person and the activities of the Chinese community in Italy as a whole.

The authors analyze the phenomenon of Chinese labour migration to Italy from the

point of view of the “push and pull factors” migration theory. This article illustrates the main factors leading Chinese citizens to leave their home country and shift to Italy, where China turns out to be the point of origin for one of the largest communities of extra-EU immigrants. It is shown that for the Chinese, Italy is a destination country, which is largely due to the already existing migrant network. As a case-study in the frame of this analysis, the authors take Prato (a municipal township located in Tuscany), renowned for hosting the largest Chinatown in Europe (so called “Chinese exclave”).

KEY WORDS: Italy, China, PRC, migration, labour migrants, overseas Chinese, Made in Italy

References

- Afonasieva A.V. (2011) How Overseas Chinese Help PRC. *Asia and Africa Today*, no 8(649), pp. 30–36. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17034309_98350350.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Afonasieva A.V. (2013) *Chinese Overseas – Business in the PRC: Economic Activity of Chinese Overseas and Re-emigrants in the PRC during the Reforms (1979–2010)*. Moscow: IDV RAN (in Russian).
- Afonasieva A.V. (2016) Chinese Overseas as a Tool of Implementation of Belt and Road Initiative. *The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World*, no 4(10), pp. 102–115. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28368238_66606728.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Afonasieva A.V. (2017) The Economic Activity of Overseas Chinese in Countries along the Route of the Sea Silk Way of the 21st Century. *Far Eastern Affairs*, no 6, pp. 39–48. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30676225_40393350.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Average Wages (2019). OECD. Available at: <https://data.oecd.org/earnwage/average-wages.htm>, accessed 21.04.2020.
- Bassi Ch. (2016) A Milano 28 Mila Cinesi ma Quest'Anno ne Sono Morti Solo 14. *Il Giornale*, September 26, 2016. Available at: <http://www.ilgiornale.it/news/politica/milano-28-mila-cinesi-questanno-ne-sono-morti-solo-14-1310910.html>, accessed 21.04.2020.
- Chen C. (2015) Made in Italy (by the Chinese): Migration and the Rebirth of Textiles and Apparel. *Journal of Modern Italian Studies*, vol. 20, no 1, pp. 111–126. DOI: 10.1080/1354571X.2014.973160
- Dei Ottati G. (2014) A Transnational Fast Fashion Industrial District: An Analysis of the Chinese Businesses in Prato. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 38, no 5, pp. 1247–1274. DOI: 10.1093/cje/beu015
- Denisov I.E. (2015) Foundations of Xijnpingism. Ideological Portrait of China's Fifth Generation of Leaders. *Tetradì po konservatizmu*, no 5, pp. 112–118. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26342199_24783151.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Denisov I.E. (2017) Chinese Foreign Policy under Xi Jinping: Continuity and Innovation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 10, no 5, pp. 83–98 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-83-98
- Dominici M. (2015) Wenzhou, la Città d'Origine dei Cinesi d'Italia. *ISPI*, March 23, 2015. Available at: <https://www.ispi-online.it/it/focuscina/wenzhou-la-citta-dorigine-dei-cinesi-ditalia-12962>, accessed 21.04.2020.
- Gelbras V. (1) (2005) Migration Transforming China. *Asia and Africa Today*, no 9(578), pp. 48–55 (in Russian).
- Gelbras V. (2) (2005) Migration Transforming China. Ending. *Asia and Africa Today*, no 10(579), pp. 17–22 (in Russian).

La Comunità Cinese in Italia. Rapporto Annual Sulla Presenza dei Migrant (2018). *Ministero del Lavoro e delle Politiche Sociali*. Available at: <https://www.lavoro.gov.it/documenti-e-norme/studi-e-statistiche/Documents/Rapporti%20annuali%20sulle%20comunità%20migranti%20in%20Italia%20-%20anno%202018/Cina-rapporto-2018.pdf>, accessed 21.04.2020.

Larin A.G. (1) (2006) The Chinese Diaspora's Role in the Development of Chinese Economy. *Russian Foreign Economic Journal*, no 2, pp. 28–36. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13012160_30458962.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Larin A.G. (2) (2006) The Chinese Diaspora's Role in the Development of Chinese Economy. *Russian Foreign Economic Journal*, no 3, pp. 39–46. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13012174_76354348.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Larin A.G. (2007) China and Chinese Diaspora. *Asia and Africa Today*, no 10(603), pp. 22–28 (in Russian).

Larin A.G. (2008) *China and Chinese Overseas*, Moscow: IDV RAN (in Russian).

Larin A.G. (2014) China Strengthening and the Rise of world Chinese Diaspora. *Society and State in China*, no 1, vol. 44, pp. 232–242. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25295427_80406930.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Lan T., Zhu S. (2014) Chinese Apparel Value Chains in Europe: Low-end Fast Fashion, Regionalization, and Transnational Entrepreneurship in Prato, Italy. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 55, no 2, pp. 156–174. DOI: 10.1080/15387216.2014.948471

Lee E. (1966) A Theory of Migration. *Demography*, vol. 3, no 1, pp. 47–65. DOI: 10.2307/2060063

Liu H. (2011) An Emerging China and Diasporic Chinese: Historicity, State, and International Relations. *Journal of Contemporary China*, vol. 20, no 72, pp. 813–832. DOI: 10.1080/10670564.2011.604502

Liu H., van Dongen E. (2016) China's Diaspora Policies as a New Mode of Transnational Governance. *Journal of Contemporary China*, vol. 25, no 102, pp. 805–821. DOI: 10.1080/10670564.2016.1184894

Lukin A. (2007) China: A Dangerous Neighbour or a Profitable Partner? *Pro et Contra*, no 6, pp. 72–94. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/pro_et_contra_11_2007/lukin.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Lukin A.V. (2019) Discussion on the Development of China and Prospects for Its Foreign Policy. *Polis*, no 1, pp. 71–89 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Lukin A.V., Yakunin V.I. (eds.) (2019) *Roads and Belts of Eurasia. National and International Development Projects in the Eurasian Space and Prospects for Their Connection*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).

Muratshina K.G., Tabaritsneva-Romanova K.G., Mukhamadiev Ya.I. (2018) Chinese Migrants in Italy: Positive Integration Experience or a Challenging Factor? *MGIMO Review of International Relations*, no 3(60), pp. 89–103 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2018-3-60-89-103

Passaporti Falsi, Arrestato a Prato (2017). *La Repubblica*, April 11, 2017. Available at: http://firenze.repubblica.it/cronaca/2017/04/11/news/passaporti_falsi_arrestato_a_prato-162709228, accessed 21.04.2020.

Storia di Prato. Storia della Tradizione Tessile a Prato. *Po-net*. Available at: <http://www2.po-net.prato.it/artestoria/storia/tradizione-tessile/pagina28.html>, accessed 21.04.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-4

Иммиграция как фактор социального расслоения в Париже: анализ территориальной дифференциации

Дарья Павловна ШАТИЛО

кандидат географических наук, научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 117218, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2, Москва, Российская Федерация

E-mail: shatilo@inion.ru

ORCID: 0000-0003-2575-0927

ЦИТИРОВАНИЕ: Шатило Д.П. (2020) Иммиграция как фактор социального расслоения в Париже: анализ территориальной дифференциации // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 1. С. 63–83. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-4

Статья поступила в редакцию 23.03.2020.

АННОТАЦИЯ. Париж – один из интересных примеров внутригородского расселения иммигрантов. На различных исторических этапах иммиграции разнообразие группы селились в определенных зонах. Иммиграционная политика, дифференциация цен на жилую недвижимость, распределение социального жилья привели к тому, что в настоящее время в некоторых районах наблюдается концентрация выходцев из развивающихся стран, которые создают напряженную обстановку в районе, а то и в целом городе. Это и есть районы, которые сочетают в себе признаки «гетто», отрицаемые на официальном уровне длительное время. Рассматривая территориальную структуру иммигрантов, стоимость жилья, уровень доходов, распределение социального жилья, безработицу, автор выявляет особенности территориальной дифференциации Парижа. Данные о стоимости жилья собирались по авторскому алгоритму. Особый практический интерес представляет дифференциация цен на жилье в городе Пари-

же. Выявлена корреляция между стоимостью жилья и расселением иммигрантов. Однако в Париже проживают как выходцы из очень богатых стран (например, США, Японии), так и из развивающихся, поэтому в «дорогих» районах может наблюдаться как большая доля иммигрантов, так и маленькая. Мигранты из Алжира, Марокко и Туниса селятся в северной части «Малой Короны» Парижа. На юго-восточных окраинах департамента Валь-де-Марн наблюдается небольшая концентрация иммигрантов португальского происхождения. Мигранты-турки проживают в районах департамента Сена-Сен-Дени. Выявлено неоднозначное влияние расселения мигрантов на уровень доходов, занятости и размещение социального жилья: при сопоставлении всех факторов проявилась мозаичность распределения районов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Париж, социальная дифференциация, расселение иммигрантов, рынок жилья, социальное жилье, доходы

Введение

Париж – один из крупнейших глобальных городов в Европе (второй после Лондона). В городах процессы социально-экономической дифференциации, а в особенности глобальных, проявляются наиболее ярко [Трейвиш, Курасов 2009; Капралов 2009; Савоскул 2015; Слука Н., Слука А. 2002; Слука, Кузовлев 2020; Jaszewska, Grzegorzczuk 2016; Oberti, Prêteceille 2016]. В последние 15–20 лет Париж сталкивается с этническими и социальными нерешенными задачами: массовые волнения во Франции 2005 г., очаг которых был в одном из неблагоприятных районов Парижа, продемонстрировали неуспех социальной и миграционной политики, а также мер по адаптации иммигрантов. Актуальность выявления причин социальной дифференциации и сегрегации может быть обусловлена массовыми беспорядками, число которых постоянно растет, т. к. увеличиваются и миграционные потоки в город. Помимо этого, опыт Парижа может быть использован при принятии градостроительных и политических решений для Москвы, поскольку столица Российской Федерации также притягивает международных мигрантов начиная с 2000-х гг. Даже несмотря на то, что в стране свои миграционные процессы и структура иммигрантов, большинство из них приезжают именно в столицу, создавая социально-этническую напряженность.

Многие исследователи видят корни проблем именно в расселении иммигрантов и размещении социального жилья в Париже [Fougère, Safi 2006; Favre 2007; Ferré 2006; Prix et Volume de Ventes 2017]. Предполагая, что, кроме социального жилья, дешевая недвижимость притягивает иммигрантов в район, в настоящем исследовании применен сравнительный и карто-

графический метод распределения цен на жилье и некоторых социальных показателей. Цены на жилую недвижимость собирались по определенному алгоритму автором. Сопоставляя различные показатели с территориальной структурой иммигрантов, автор пытается найти взаимосвязь социальной дифференциации Парижа и мест проживания отдельных категорий мигрантов.

В исследованиях, как правило, Париж в административных границах рассмотрен крайне редко, ведь его население – 2,2 млн чел., проживающих на площади 105,4 кв. км. Поэтому территория изучения ограничена «Малой Коронай» Парижа – т. е. Париж и три окрестных департамента – О-де-Сен, Сена-Сен-Дени (Сен-Сен-Дени) и Валь-де-Марн – с населением 6,7 млн чел., размещенных на площади более 760 кв. км.

Городская социальная и этномиграционная дифференциация Парижа стала проявляться наиболее остро в конце XX в., когда прогрессировали все формы социальной поляризации и сегрегации, поменялся состав жилищного фонда, образование, положение домохозяйств [Rhein 1998; Tammaru, Marcinczak, Van Ham, Musterd 2015; Vallée, Le Roux, Chauvin 2016; Le Roux, Vallée, Commenge 2017]. В Париже выделяли три типа районов [Cassiers, Kesteloot 2012; Grzegorzczuk 2013]:

- экономически активный центр, где проживали руководители и высококвалифицированные специалисты;
- средние районы периферии города с высокой долей домохозяйств, состоящих из одного человека;
- восточные и северо-восточные районы, которые часто ошибочно изображали как районы джентрификации, но она на самом деле имела место лишь в некоторых местах [Chabrol 2011; Shatilo 2015].

Парижская демографическая ситуация характеризуется двумя процессами: старением населения в районах застройки 1960–1970 гг. и увеличением числа семей с иностранными гражданами, что отчасти связано с концентрацией «синих воротничков» иностранного происхождения на северо-востоке города [Préteceille 1996; Grzegorzczak 2014; Tammari, Marcinczak, Van Ham, Musterd 2015].

Исследователи отмечают концентрацию иностранцев (в стране выделяют именно их) в рабочих пригородах, где они селились десятилетиями. Однако в пригородах, где больше представителей среднего класса, и в самых богатых районах доля иностранного населения убывала. Тут особое внимание уделяют связям занятости, жилищных предпочтений и состава домохозяйств [Rhein 1998; Body-Gendrot 1996; Body-Gendrot 2013; Grzegorzczak 2013; Grzegorzczak 2014; Préteceille 2009; Préteceille 2020]. В Большом Париже социальная сегрегация рабочих групп, иностранцев и изоляция элитных профессиональных категорий выше, чем в столичном департаменте, а у среднего класса они ниже. Именно в пригородах статусные группы создают компактные однородные ареалы, идет процесс социальной элиминации (исключений) [Préteceille 2009; Oberti, Préteceille 2016; Sassen 2018].

Иммиграции

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Среди особенностей современной миграционной политики можно отметить, что, возможно, Франция из-за комплекса «колониальной вины» пытается помочь мигрантам влиться в принимающее общество, предоставляя им пособия, льготы на страховку и налоги, бесплатное образование, об-

учая местным традициям и т. д. [Орехова 2016; INSEE 2019; INED 2019]. Родившиеся уже во Франции дети получают французское гражданство, а родители – такие же льготы, что и французы. Однако большинство мигрантов по-прежнему остаются не интегрированными в социум: уровень занятости у них заметно ниже, чем у французов [INSEE 2019], они часто создают свои анклав. Размещение целых кварталов социального жилья в пригородах Парижа и его предоставление иммигрантам привели к концентрации там людей без образования, безработных, делая такие кварталы проблемными, которые можно назвать этническими гетто. Новая политика социальной поддержки и снижение льгот вместо мотивирования жителей работать стали в итоге вызывать недовольство и протестные движения и у коренных французов.

ЭТАПЫ ИММИГРАЦИИ В ПАРИЖ

Социальное расслоение в Париже всегда тесно связано с миграцией, и в настоящее время французское гражданство получают ежегодно около 100 тыс. чел. Основные этапы иммиграции в Париж характеризуются следующими волнами.

Крупный пик приток иммигрантов в Париж до Второй мировой войны связан со спросом на рабочую силу в промышленности, сюда пребывали выходцы из соседних стран – Бельгии и Италии, а также польские и русские беженцы. Кроме того, демократический образ страны притягивал тех, кто спасался от строгих режимов соседних государств. В послевоенный период также среди иммигрантов преобладали европейцы – трудовые иммигранты из Южной Европы, которые были заняты на промышленных предприятиях или в строительном секторе Парижа. Однако самая многочисленная волна имми-

грантов спровоцирована распадом колониальной системы, в результате которого в страну, и в частности в столицу, хлынул массовый приток иммигрантов из африканских колоний (Алжира, Марокко, Туниса), а также Индокитая. Около 60–70% прибывших составили выходцы из французских колоний, в т. ч. большое число малообразованных иммигрантов из традиционных сообществ. Они стали замещать французов на низкооплачиваемых работах, а также вытеснять иммигрантов предыдущих волн. Власти Франции поощряли в 1950–1960 гг. приток таких иммигрантов т. к. полагали, что те вернутся на родину и будут способствовать прогрессу там. Однако, как правило, многие прибывшие не только предпочитали оставаться на территории Франции (и Парижа соответственно), но и стали «перетягивать» свои семьи, увеличивая тем самым численность общин. Для 1990-х гг. характерна диверсификация состава иммигрантов, воссоединение семей и приток нелегалов. Кроме того, выходцы из арабского мира, соблюдая свои традиции, имея сильно расширенное воспроизводство населения, свою религию и нормы поведения, создают анклав традиционализма [Битюкова (Шатило) 2013; Atlas des Populations Immigrées 2001; Atlas National des Populations Immigrées 2012].

На современном этапе состав иммигрантов вновь расширился. Помимо притока из стран – бывших колоний, появились выходцы с Кавказа, беженцы из Сирии, Ирака, иммигранты из стран Восточной Европы и самая массовая категория – выходцы из Китая [Доронина, Шатило 2018].

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ ИММИГРАНТОВ

На каждом этапе иммигранты создавали свои системы расселения. Сначала они занимали пустоты и свободные места в городе, где европейские

иммигранты создавали свои мастерские. Затем массовая миграция способствовала возникновению компактных ареалов расселения, называемых *бидонвили*, с трущобным жильем и антисанитарией. В 1970-х гг. на их месте стали размещать доступное социальное жилье – HLM (*habitation à loyer modéré* – «ашелем» – русск.). Однако эти объекты «устарели» сейчас, в этих многоквартирных домах и комплексах, «франко-арабских» общежитиях, дешевых гостиницах – своя жизнь, а зачастую – и свои правила. В этот период Париж и соседние департаменты стали массово строить колоссальные массивы социального дешевого жилья. Такие очаги «депривации» старались вынести как можно дальше от Парижа, изменив тем самым население пригородов, что приводило к забастовкам и протестным движениям.

Однако современное расселение иммигрантов спровоцировано больше социальными факторами, чем этническим. Самой локализованной группой иммигрантов с конца XX в. остаются выходцы из арабских стран. Наибольшая концентрация иммигрантов отмечается в северо-восточной и северной части департамента Париж и в департаменте Сена-Сен-Дени. Среди них преобладают алжирцы, марокканцы, тунисцы и португальцы (рис. 1).

В целом весь столичный регион Иль-де-Франс притягивает иммигрантов: их доля в 2017 г. составила 18% – и это максимальная доля по стране, а в «Малой Короне» Парижа оседает их большая часть. Всего в Большом Париже 1,6 млн иммигрантов, кроме того, есть молодые люди, у которых хотя бы один родитель имеет мигрантские корни. В департаменте Сена-Сен-Дени почти треть населения составляют иммигранты, здесь видны районы их концентрации – до 43%. Они в основном проживают в коммунах, где много не-

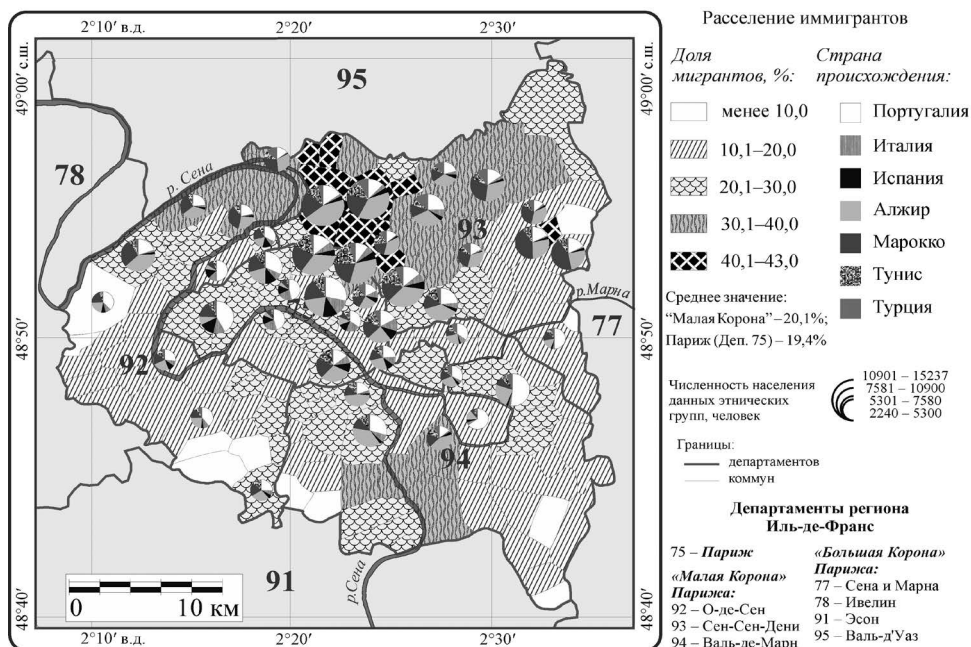
качественного, дешевого или социального жилья. На северо-востоке департамента О-де-Сен тоже видны зоны, где доля иммигрантов выше средней, что, скорее всего, связано с размещением социального жилья и территориальной близостью к «мигрантским» районам соседнего Сена-Сен-Дени. В департаменте Париж мигрантов мало, за исключением северо-восточного XIX округа. Средняя доля по Парижу составила 19,4%, по «Малой Короне» – 20,1%.

К наибольшему группам мигрантов относятся алжирцы, марокканцы, португальцы (рис. 2, рис. 3). Алжирцы, проживающие в «Малой Короне», расселены в районах с наибольшей общей долей иммигрантов в департаменте Сена-Сен-Дени (Сен-Дени, Обервилье

и Л'Иль-Сен-Дени). Наибольшая концентрация марокканцев наблюдается в северной части департамента О-де-Сен (район Женвилье) и в «мигрантских» районах департамента Сена-Сен-Дени. Португальцы расселены равномерно, за исключением нескольких районов департамента Валь-де-Марн, что, возможно, объясняется их спецификой занятости и близостью рабочих мест (т. е. историческим размещением предприятий, часто промышленных), на которых работали выходцы из Португалии.

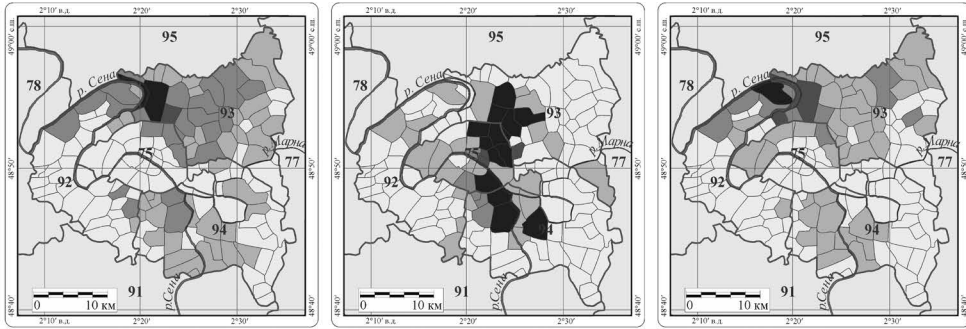
Наиболее концентрированно селятся мигранты из Турции, Китая и США. Мигранты турецкого происхождения проживают в районах департамента Сена-Сен-Дени (Клиши-су-Буа, Бобиньи, Бонди, Оне-су-Буа). Однако замет-

Рисунок 1. Расселение иммигрантов и их происхождение, 2016 г.
Fig. 1. The immigrants' settlement pattern and their origin, 2016.

Составлено автором по материалам [INSEE 2019].
Authors' calculations based on [INSEE 2019].

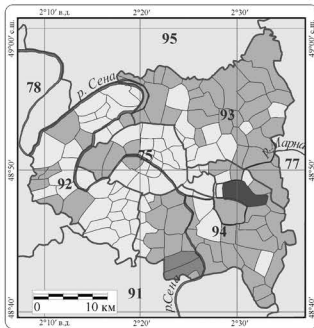
Рисунок 2. Расселение групп мигрантов по стране происхождения, 2017 г.
Fig. 2. The immigrants settlement pattern by country of origin, 2017.

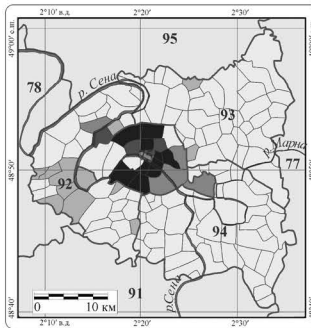
Иммигранты алжирского происхождения
Всего **208 800** чел. (**3,1%**) –
“Малая Корона” Парижа;
46 160 чел. (**2,1%**) – Париж
(Департамент 75)

Иммигранты китайского происхождения
Всего **58 420** чел. (**0,9%**) –
“Малая Корона” Парижа;
25 180 чел. (**0,2%**) – Париж
(Департамент 75)

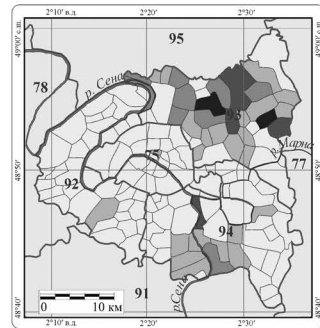
Иммигранты марокканского происхождения
Всего **149 870** чел. (**1,8%**) –
“Малая Корона” Парижа;
37 510 чел. (**1,7%**) – Париж
(Департамент 75)

Иммигранты португальского происхождения
Всего **120 230** чел. (**1,8%**) –
“Малая Корона” Парижа;
27 440 чел. (**1,2%**) – Париж
(Департамент 75)

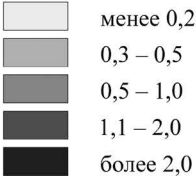

Доля уроженцев США,
Всего **12 540** чел. (**0,2%**) –
“Малая Корона” Парижа;
9 520 чел. (**0,4%**) – Париж
(Департамент 75)

Доля иммигрантов турецкого происхождения,
Всего **33 170** чел. (**0,5%**) –
“Малая Корона” Парижа;
4 980 чел. (**0,2%**) – Париж
(Департамент 75)

Иммигранты от населения района, %:

Границы: — коммун — департаментов

Департаменты региона Иль-де-Франс

75 – Париж

«Малая Корона»:

92 – О-де-Сен

93 – Сен-Сен-Дени

94 – Валь-де-Марн

«Большая Корона»:

77 – Сена и Марна

78 – Ивелин

91 – Эсон

95 – Валь-д'Уаз

Составлено автором по [INSEE 2017]
Authors' calculations based on [INSEE 2017]

на зона концентрации в департаменте Валь-де-Марн (Альфорвиль и другие окружающие южные районы). Кроме того, именно для выходцев из Турции, по данным INSEE, характерна концентрация и в департаменте Валь-д'Уаз («Большая Корона» Парижа) в районах, расположенных на границе с департаментом Сена-Сен-Дени [INSEE 2019]. Районы проживания выходцев из Китая субмеридионально вытянуты через департаменты Сена-Сен-Дени, Париж и Валь-де-Марн. Уроженцы из США расселены в основном в департаменте Париж, а также немного в департаменте О-де-Сен.

Недвижимость

КАК СОБИРАЛАСЬ СТАТИСТИКА

Так как автор занимается в основном сравнением территориальной структуры многих городов (а не только Парижа), одним из наиболее общих показателей можно считать цены на жилую недвижимость, потому что в каждой стране свои правила учета иммигрантов; принципы сбора данных о доходах, безработице и других социальных показателях тоже отличаются. Собирались данные на сопоставимое жилье – квартиры и дома с двумя спальнями площадью 50–80 кв. м¹. Распределение цен на жилую недвижимость дает понять, какова взаимосвязь с расселением иммигрантов (но не размеров

рынка), и в Париже тоже. По каждому району и коммуне «Малой Короны» собирались данные с 2009 до 2020 г., выборка насчитывала по 40 предложений; в Париже intra-muros² кварталы слишком малы – 20–50 га, в них найти все 40 предложений сложно, поэтому число предложений в кварталах пришлось уменьшить вдвое. Всего кварталов 1371, без нежилых, строительных и хозяйственных зон. Эксперты³ в сфере недвижимости считают такую выборку достаточной именно для выявления закономерностей (а не анализа самого рынка жилья).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЦЕН НА ЖИЛУЮ НЕДВИЖИМОСТЬ

Максимальны цены в центральных округах Парижа: цены за 11 лет выросли в 1,6 раза, но в целом дифференциация стоимости жилья почти не меняется (рис. 4). Особенно резко растет верхний предел цен, который до сих пор один из самых высоких в европейских городах. Однако более дешевые районы, особенно те, где возникли массовые волнения в 2005 г., по-прежнему остаются таковыми. Распределение цен на жилье все же связано с расселением иммигрантов. Кроме того, много дешевого жилья и в периферийных районах, которые сильно удалены для маятниковых миграций в центр (например юго-запад департамента Валь-де-Марн). Районы департамента Сена-Сен-Дени, к северу от

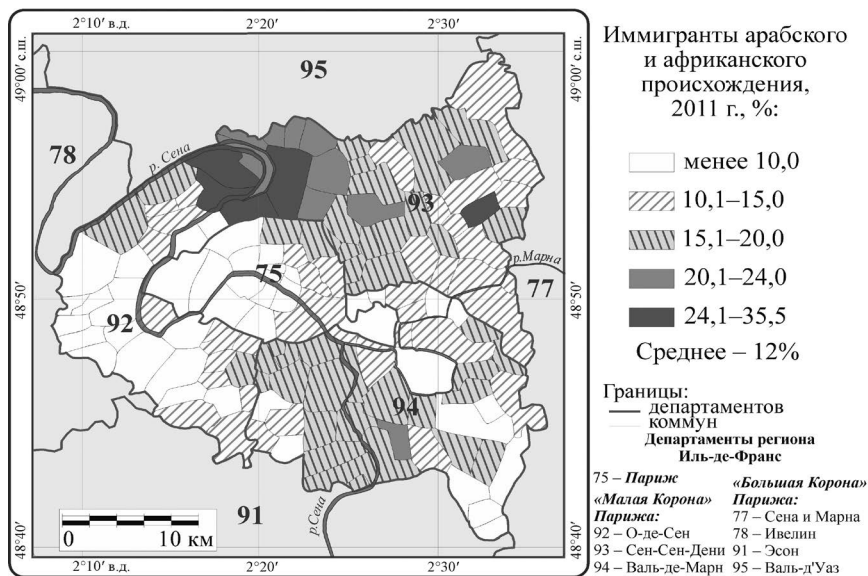
1 Автор занимается сравнением нескольких городов, именно такие квартиры наиболее репрезентативны для сравнения в разных городах (а не только Парижа). Выяснить, какие именно квартиры пользуются спросом у иммигрантов, невозможно. Однако власти Парижа переводят в фонд социального жилья дома, квартиры в которых преимущественно 2- и 3-комнатные [INSEE 2020]. В такую выборку не входят ни дешевые квартиры, ни дорогие. Не редкость, что в социологических исследованиях экстремумы отсечены, но брать весь спектр предложений жилья в каждом районе и квартале города нелегко, это колоссальная работа. В базе по авторским «стандартным» квартирам по Парижу уже более 200 тыс. предложений. «Стандарт» – вынужденная мера.

2 Intra-muros – здесь и далее: территории Парижа в пределах окружной дороги, не включая Булонский и Венсенский лес.

3 Например, руководитель аналитического центра Циан, к. г. н. А.А. Попов [Попов 2014] и владельцы лондонских компаний Н. Умер (Fazons Property) и Н. Дикарло Уилсон (Guards Real Estate) в ходе глубинных интервью с автором подчеркнули, что такая выборка репрезентативна для целей исследования.

Рисунок 3. Расселение иммигрантов, имеющих арабское или африканское происхождение в 2011 г.

Fig. 3. The immigrants settlement pattern by country of origin, 2017.

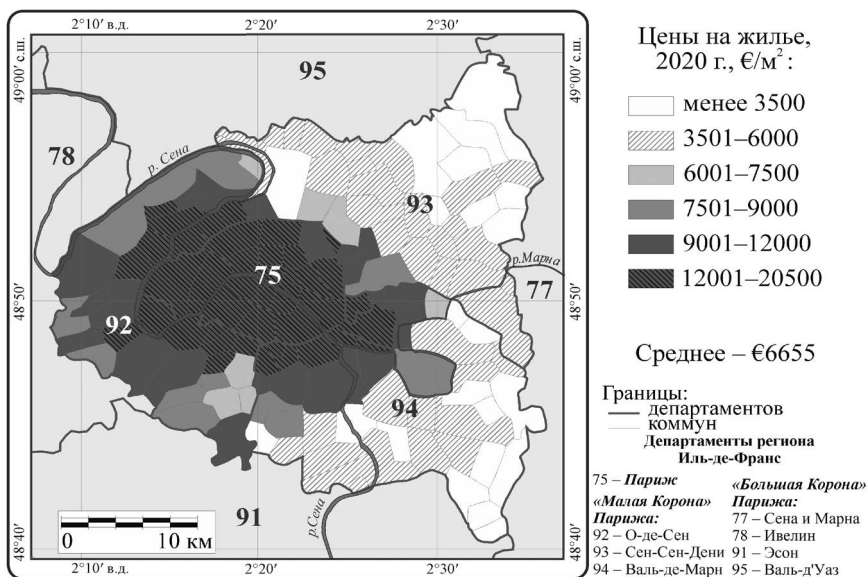

Составлено автором по [INSEE 2018].

Authors' calculations based on [INSEE 2018].

Рисунок 4. Распределение цен продажи жилой недвижимости в 2020 г.

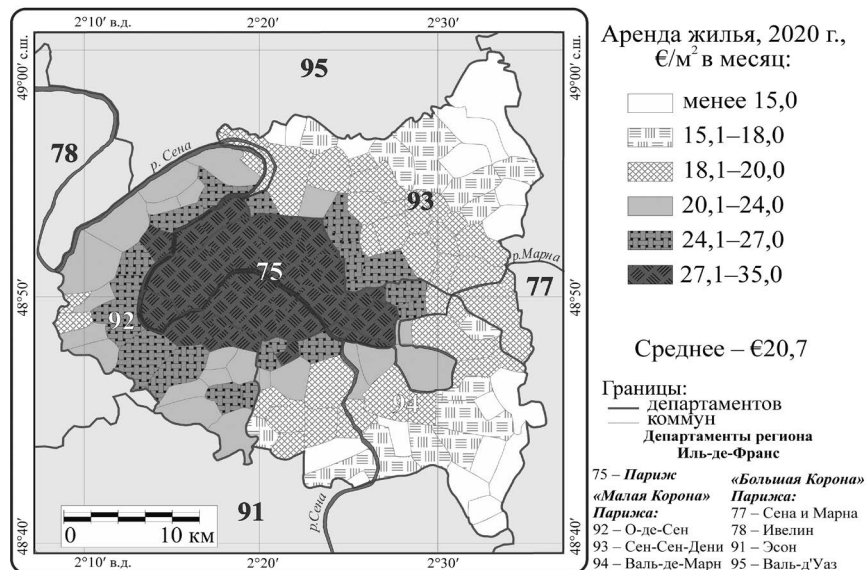
Fig. 4. Residential real estate prices in 2020.

Составлено автором по собранным данным риелторских компаний.

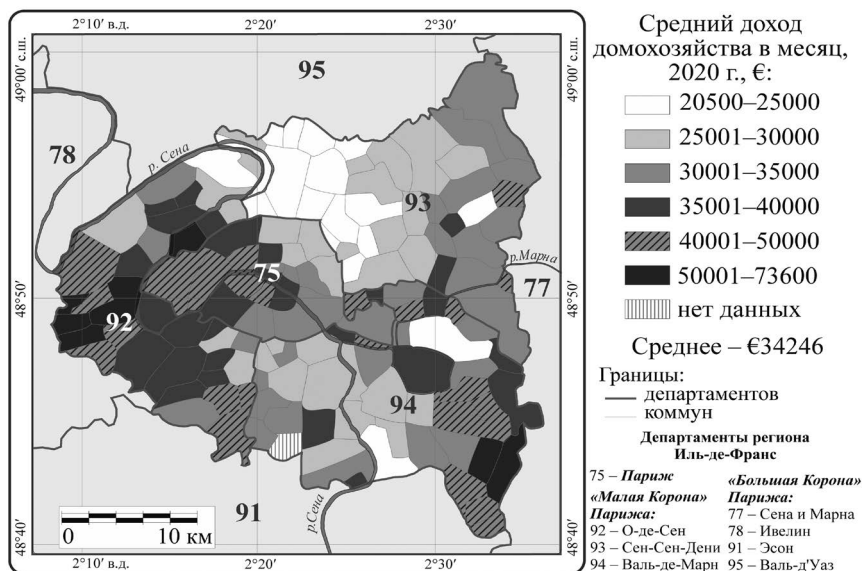
Authors' calculations.

Рисунок 5. Стоимость аренды жилья в месяц в 2020 г.
Fig. 5. Housing rental prices in 2020.

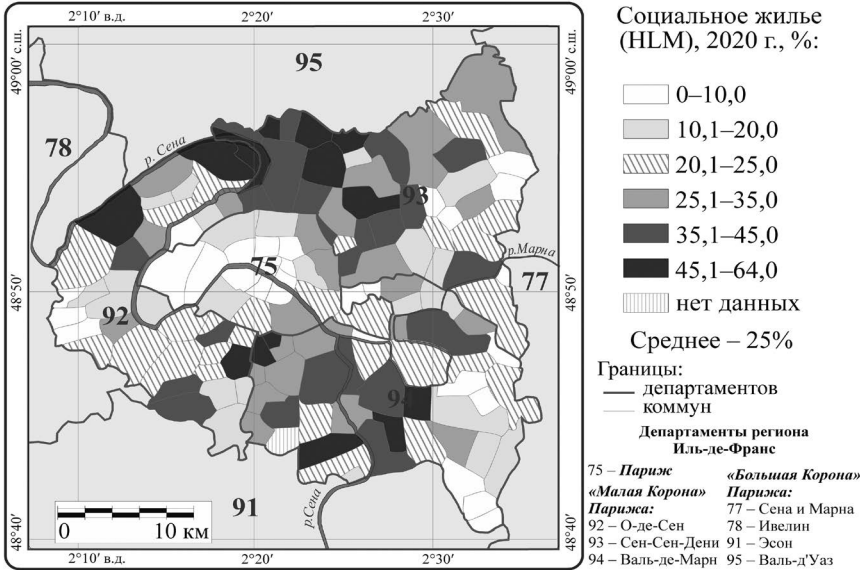
Составлено автором по собранным данным риелторских компаний.
Authors' calculations.

Рисунок 6. Распределение среднего дохода домохозяйств в 2020 г.
Fig. 6. Average household income distribution in 2020.

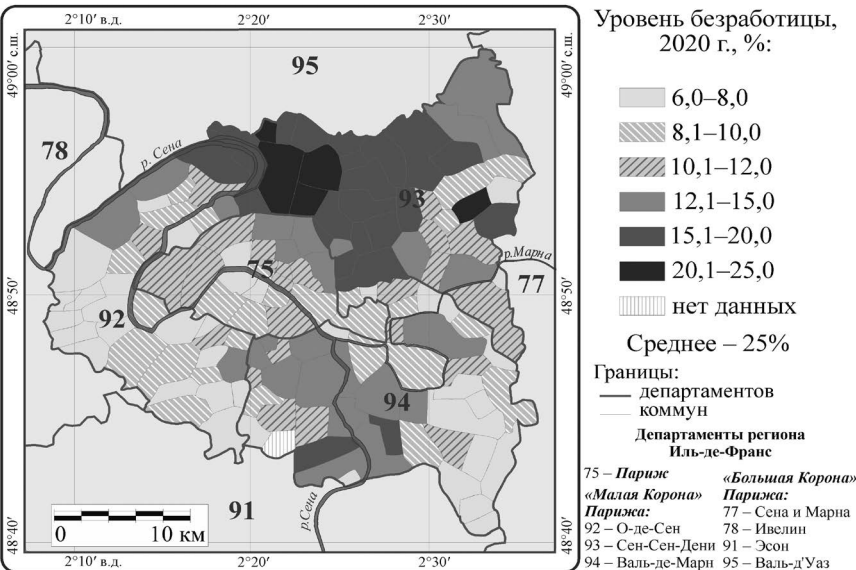
Составлено по [INSEE 2020].
Authors' calculations based on [INSEE 2020].

Рисунок 7. Распределение социального жилья (HLM) в 2020 г.
Fig. 7. Distribution of social housing (HLM, "rent-controlled housing") in 2020.

Составлено по [INSEE 2020; ONPES 2020].
Authors' calculations based on [INSEE 2020; ONPES 2020].

Рисунок 8. Безработица среди экономически активного населения, 2020 г.
Fig. 8. Unemployment among economically active population, 2020.

Составлено по [INSEE 2020].
Authors' calculations based on [INSEE 2020].

центра зоны дешевого и дорогого жилья, выделяются более резко, и первые больше соответствуют высокой доле мигрантов.

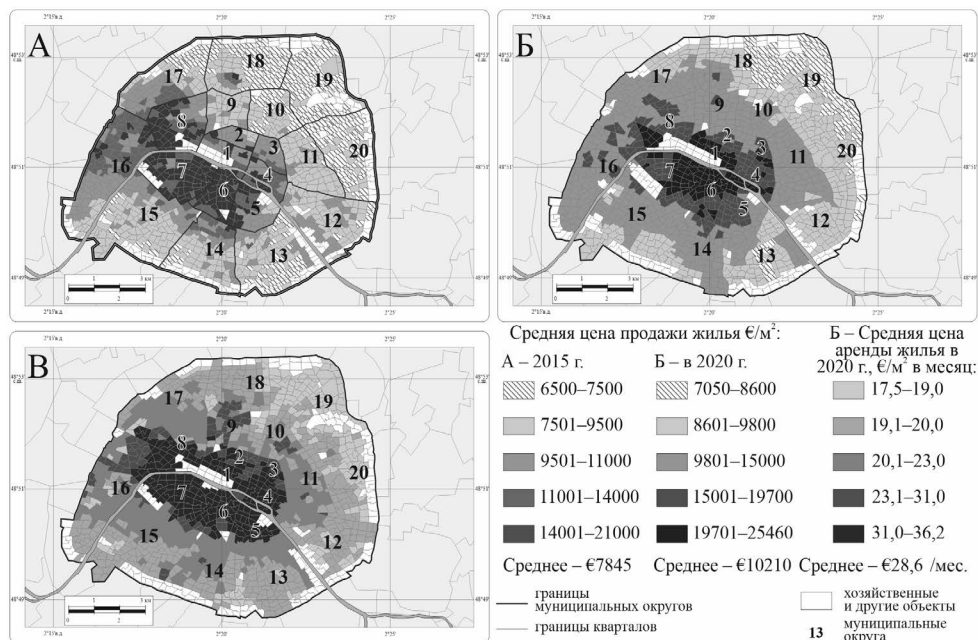
Составленная автором более детальная карта распределения цен на жилье в Париже *intra-muros* показывает, что в районах, расположенных в северо-восточной части, цены более низкие (рис. 9). В этих районах часто встречаются жилые объекты меньшей площади и неотреставрированное жилье, здесь много иммигрантов, средние и низкие доходы, раньше размещались промышленные объекты. Самая дорогая недвижимость характерна для центральных и западных округов, где много достопримечательностей мирового

значения, объектов деловой инфраструктуры, посольств и государственных организаций. На стоимость жилья влияет близость к берегу Сены, паркам, размещение достопримечательностей и привлекательность района (к примеру, заметна зона дорогих цен возле Холма Монмартр). Кроме того, для Парижа *intra-muros* характерно практически полное соответствие распределения цен продажи и аренды жилья, что, вполне вероятно, связано со свободным рынком недвижимости.

Однако те же процессы наблюдаются и в Большом Париже (рис. 5). Ярко выделяется весь дорогой Париж и коммуны, близкие к зонам деловой активности (например Ла-Дефанс).

Рисунок 9. Распределение стоимости жилой недвижимости А – 2015 г., Б – 2020 г.; В – средняя стоимость аренды в месяц по кварталам Парижа (*intra-muros*).

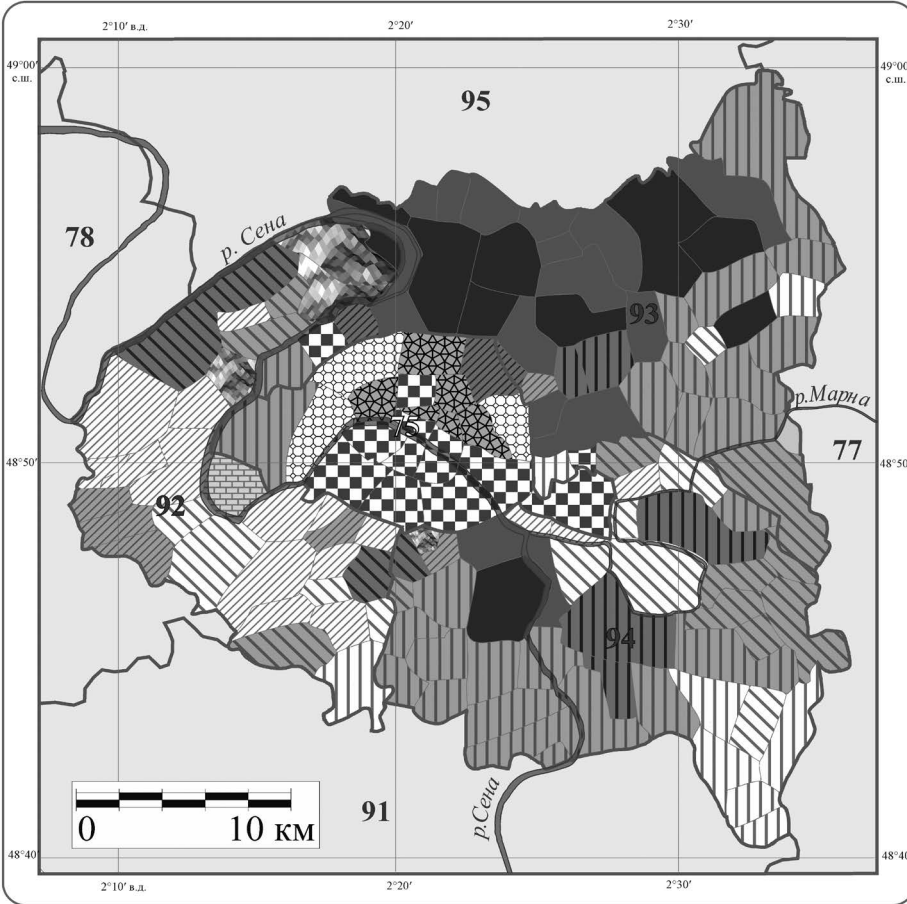
Fig. 9. Residential real estate prices distribution А – 2015, Б – 2020, В – Average housing rental prices per month in Paris (*intra-muros*) quarters.

Составлено по [INSEE 2020].
Authors' calculations based on [INSEE 2020].

Рисунок 10. Районы Большого Парижа по соотношению стоимости жилой недвижимости и расселения иммигрантов.

Fig. 10. Greater Paris districts by the ratio of residential real estate prices and the immigrants' settlement.

Доля иммигрантов, %	Средняя цена предложения, Евро / 1 кв. м			
	менее 4000	4001 – 10000	10001 – 15000	более 15000
менее 15				
15 – 20				
21 – 25				
26 – 43				

Департаменты
региона
Иль-де-Франс:

75 – Париж

«Малая Корона» Парижа:
92 – О-де-Сен
93 – Сен-Сен-Дени
94 – Валь-де-Марн

«Большая Корона» Парижа:
77 – Сена и Марна
78 – Ивелин
91 – Эсон
95 – Валь-д'Уаз

Составлено автором.
Authors' calculations.

Как связано расселение иммигрантов и стоимость жилой недвижимости

В Париже рассчитанный автором коэффициент корреляции между долей иммигрантов и стоимостью жилья составил $-0,49$ [Доронина, Шатило 2018], что выше статистической значимой величины (но не сильно). Это говорит о том, что связь, в принципе, есть: чем выше доля иммигрантов, тем дешевле цены на жилье и наоборот, т. е. цена определяет социоэтническое расслоение. Однако в Париже проживают как выходцы из очень богатых стран (например, США, Японии), так и из развивающихся, поэтому в «дорогих» районах может наблюдаться как большая доля иммигрантов, так и маленькая. В большинстве районов с самой дешевой недвижимостью доля иммигрантов составляет среднюю по Парижу или выше средней, что видно на карте (рис. 10).

В районах на севере департамента Сена-Сен-Дени цены одни из самых низких, а доля иммигрантов там максимальная. Здесь сконцентрированы зоны проживания иммигрантов арабского происхождения. В департаменте О-де-Сен наблюдаются выраженная зона с дешевым жильем и небольшой долей иммигрантов (15–20%) – это, чаще всего, португальцы, социальный состав которых не всегда одинаков. В городе Париже они другие (например женщины, занятые в сфере услуг), а в пригородах больше всего рабочих-мужчин [INSEE 2019]. В бывших промышленных ареалах департамента Валь-де-Марн португальцев мало [Капралов 2009; INSEE 2019]. А, например, испанцы по своему социальному статусу ближе к французам и более интегрированы в принимающее общество. В департаменте О-де-Сен со средними и высокими ценами доля иммигрантов небольшая.

Таким образом, в Париже в целом мигранты более-менее равномерно расселены (по сравнению, например, с Лондоном) [Шатило 2015], и вместе с тем есть группы мигрантов, которые узко локализованы, зачастую создают напряженную обстановку в районе, а есть более рассеянные по городу и менее конфликтные, – все на фоне контрастной стоимости жилья.

Влияние расселения мигрантов на уровень доходов и занятости, размещение социального жилья

ДОХОДЫ

В официальных источниках публикуется лишь распределение доходов по домохозяйствам, которые разделены по категориям: 1) с доходами ниже средних; 2) с высокими доходами; 3) со средними доходами [INSEE 2014–2020]. Важно понимать, что доходы домохозяйств, предоставляемые статистикой, – это суммарная зарплата без налогов, премий, надбавок, социальных пособий, льгот (налоговых и жилищных и др.), дивидендов от недвижимости и т. д. Основные доходы рассчитываются на потребителя (видимо, оправдывая тем самым недоучет многочисленных источников доходов. Доходы дифференцированы, но их нельзя вести к заработной плате работающих).

Расслоение по доходам заметнее в Париже, в пригородах оно меньше. Многочисленнее всего домохозяйства со средним уровнем доходов, и зоны их концентрации выделены на юго-востоке. В Париже велико число семей, состоящих из одного человека или пар без детей. А зоны распределения более низких доходов отчасти совпадают с высокой долей иммигрантов. И вместе с тем многочисленные слои населе-

ния среднего класса пока не имеют возможности «обособления» и отселения из окруженных иммигрантами кварталов; они требуют от властей отгородить их от такого соседства.

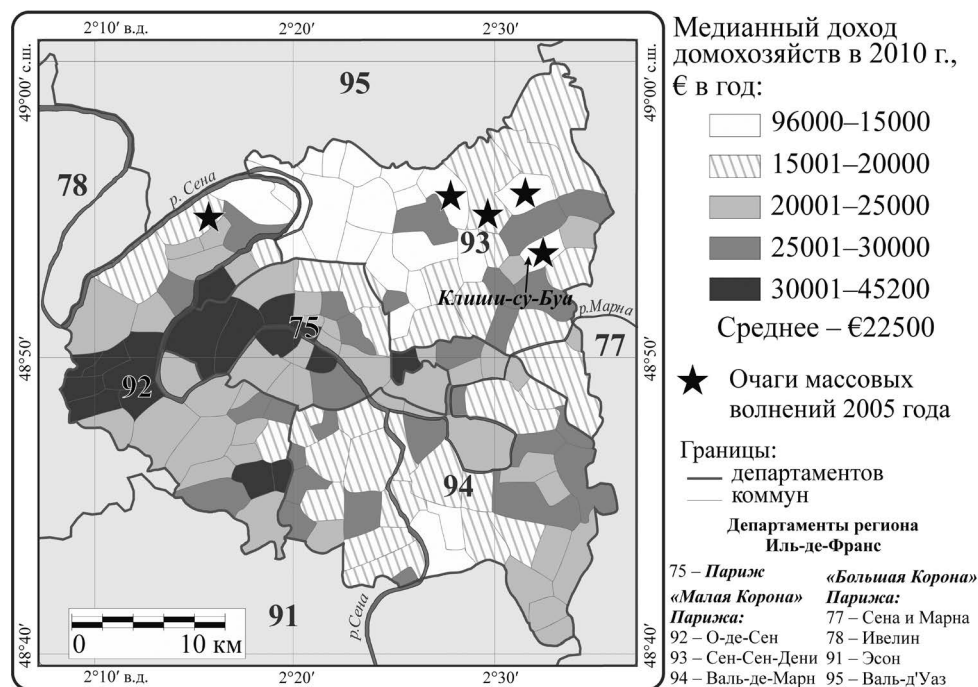
Дифференциация по доходам, в принципе, сопоставима со стоимостью жилья (рис. 6). Однако есть большие отличия. Добавление к распределению стоимости жилья и расселению иммигрантов еще хотя бы одного показателя приводит к мозаичности распределения районов.

Большинство «неблагополучных» районов приходится на департамент Сена-Сен-Дени (рис. 7). В департаменте О-де-Сен больше всего районов с ми-

нимальной долей мигрантов, а в Париже вообще не встречается районов с минимальной долей мигрантов. Согласно закону, социального жилья должно быть 20%; там, где много социального жилья, – как правило, эта доля превышает положенную на 1–5%, сильно больше – как правило, в мигрантских районах. Коммуны, в которых социального жилья мало, платят штрафы, в основном это довольно богатые и дорогие районы. Массовые волнения в 2005 г. начались с района, который выделяется в худшую сторону по многим признакам (в т. ч. низкими доходами) и окружен более благополучными районами (рис. 11).

Рисунок 11. Медианный доход домохозяйств по районам, 2010 г. (звездочками показаны очаги массовых волнений 2005 г.).

Fig. 11. Median household income by district, 2010. (stars indicate the start of French riots in 2005).

Составлено автором по материалам [INSEE 2019].
 Authors' calculations based on [INSEE 2019].

СОЦИАЛЬНОЕ ЖИЛЬЕ

Все иммигранты довольно равномерно распределяются на нанимателей социального жилья, арендаторов частного жилья и владельцев недвижимости. Так, они составляют лишь четверть жителей «ашелем» (HLM), треть – собственники жилья. Собственников жилья больше в пригородных районах. Тенденция к пространственной кластеризации иммигрантов – это результат миграционной и жилищной политики. Из-за программ по воссоединению семей мигрантов из арабских стран и из Африки южнее Сахары увеличилась их концентрация в районах с дешевой стоимостью аренды и жилой недвижимости. Таким образом, они получали социальное жилье для семей, но оно предоставлялось в пределах «Большой Короны», а не в «Малой».

ЗАНЯТОСТЬ И БЕЗРАБОТИЦА

По данным за 2020 г., безработица среди экономически активного населения в Большом Париже составила 25% (рис. 8) [INSEE 2020; Paris Data 2020]. Департамент О-де-Сен отличается меньшей долей безработных, чем в Большом Париже в целом. Минимальная доля наблюдалась именно в районах департамента О-де-Сен, где сконцентрировано население преимущественно со средними и высокими доходами, где дорогое жилье. Здесь не во всех районах доля социального жилья удовлетворяет требованиям закона, районы зеленые, с хорошо развитой инфраструктурой. Однако видна и северо-восточная зона на границе с департаментом Сена-Сен-Дени, где уровень безработицы высок: там большая доля мигрантов, много социального жилья, высокая концентрация промышленных объектов (рис. 7). В департаменте Валь-де-Марн в районах с наибольшей долей безработицы – средняя доля мигрантов, много социального жилья. Здесь есть ме-

ста приложения труда, но, возможно, их не хватает. По департаменту Сена-Сен-Дени доля безработных самая высокая, здесь же и большинство районов с максимальным числом безработных: Сен-Дени, Обервилье, Клиши-су-Буа, Вилетанез, Ла-Курнев. Это районы с большой долей социального жилья, на их территории были размещены в прошлом или находятся в настоящее время промышленные предприятия; также в них большая доля мигрантов, в т. ч. из стран Магриба и Африки южнее Сахары; доходы, как правило, низкие, наблюдаются небольшие зоны ветхого жилья. В районе Клиши-су-Буа недостаточная обеспеченность объектами социальной инфраструктуры и большое количество социального жилья, что привело к изолированности района по сравнению с соседними. Планировалось, что социальное жилье поможет мигрантам лучше интегрироваться в общество, но до сих пор эти сложности так и не решены.

Выводы

Сравнительный анализ социально-экономических показателей и их территориальной структуры по Парижу позволил выявить следующие особенности социальной дифференциации в городе.

В Париже большое абсолютное число иммигрантов, их расселение в городе подвержено дифференциации стоимости жилья, миграционной, социальной и градостроительной политике. Приезжая в город на разных этапах иммиграции, иммигранты переводили свои семьи, традиции, демографические особенности, образ жизни и др. Размещение социального жилья привело к концентрации групп иммигрантов в обособленных кварталах. Это и есть те самые «гетто», наличие которых дли-

тельное время отрицалось на официальном уровне. И вместе с тем в Большом Париже немало дорогих районов с обилием богатых иммигрантов, что говорит об их успешной адаптации и интеграции в общество, хотя встречаются и зоны дешевого социального жилья, где приезжих мало.

Мигранты из Магриба и Африки южнее Сахары селятся в основном в департаменте Сена-Сен-Дени: здесь преобладают выходцы из Алжира, Марокко и Туниса. На юго-восточных окраинах департамента Валь-де-Марн наблюдается небольшая концентрация иммигрантов португальского происхождения из-за исторической близости мест приложения труда. Однако наибольшая концентрация отличает систему расселения выходцев из Турции, Китая и США. Турки расселены в северных районах «Малой Короны» (но есть и ареал в близких к этим районам в «Большой Короне» Парижа). Ареалы с наибольшей долей иммигрантов китайского происхождения вытянуты с севера на юг через город Париж. Иммигранты из США проживают в основном в департаменте Париж, зачастую в районах с дорогой недвижимостью и высокими доходами.

Цена жилья становится важным фактором социального расслоения (оно же этническое, в т. ч. в сознании многих людей), т. к. влияет на выбор места проживания как горожан, так и иммигрантов. Более дешевое жилье привлекает менее состоятельных иммигрантов, а образ «мигрантского» района дополнительно снижает стоимость недвижимости. Кроме того, стоимость жилья может демонстрировать как репутацию района (квартала), так и состояние городской среды. По стоимости жилой недвижимости выделяется Париж в административных границах, деловые кварталы О-де-Сен. Департамент Сена-Сен-Дени отличает большое

число коммун с высокой долей иммигрантов и дешевым жильем.

Выявлена не только связь со стоимостью жилой недвижимости, но и с распределением доходов. Однако при дифференциации сразу трех показателей (цен на жилье, долей иммигрантов и уровнем доходов) в «Малой Короне» наблюдается яркая мозаичность, т. е. в Париже не все так однозначно с иммигрантами.

Кроме того, несмотря на темпы роста стоимости жилья и увеличение числа иммигрантов, в 2020 г., по сравнению с данными за период 2008–2012 гг., дифференциация меняется мало. Однако некоторые изменения заметны при рассмотрении доходов населения. Но нельзя говорить о том, что увеличивается разрыв между «богатыми» районами и районами с более низким уровнем доходов: доходы, стоимость жилья и доля иммигрантов растут везде, просто верхняя «планка» увеличивается быстрее.

Многолетняя политика смешанного расселения в Париже не дала ожидаемого эффекта. Массовые волнения возникают при контрасте с более богатыми районами. Этническая сегрегация зависит от доходов, занятости, цен на жилье. Обилие мигрантов, их слабая интеграция, волнения на фоне экономических и политических сложностей приводят к тому, что европейцам все сложнее проявлять толерантность.

Список литературы

Битюкова (Шатило) Д.П. (2013) Где живут мигранты в европейских столицах // Демоскоп Weekly. № 557–558 // http://demoscope.ru/weekly/2013/0557/s_map.php#1, дата обращения 21.04.2020.

Доронина К.А., Шатило Д.П. (2018) Миграционные процессы в крупных

городах // Ревич Б.А., Кузнецова О.В. (ред.) Человек в мегаполисе: опыт междисциплинарного исследования. М.: ЛЕНАНД. С. 469–486.

Капралов А.В. (2008) Социально-экономические проблемы расселения иммигрантов в Парижской агломерации // Вестник Московского университета. Серия: География. № 6. С. 54–59 // <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/280/280>, дата обращения 21.04.2020.

Орехова С.В. (2016) Миграционная политика Франции: история и современность // Власть. № 3. С. 149–151 // <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/2555/2357>, дата обращения 21.04.2020.

Попов А.А. (2014) Пространственно-временной анализ факторов ценообразования на рынке жилой недвижимости Москвы // Региональные исследования. Смоленский государственный университет. № 4. С. 70–80 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22629413_89358041.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Савоскул М.С. (2016) Территориальные системы международных миграций населения // Вестник Московского университета. Серия: География. № 6. С. 11–18 // <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/188/190>, дата обращения 21.04.2020.

Слука Н.А., Кузовлев С.С. (2020) Современный образ Парижа в русскоязычном сегменте интернета // Вестник Московского университета. Серия: География. № 2. С. 110–114.

Слука Н.А., Слука А.Е. (2002) Современная демогеография Большого Парижа // Вестник Московского университета. Серия: География. № 6. С. 49–55.

Трейвиш А.И., Курасов А.В. (2009) Мировые города в постиндустриальной экономике: термины, теоретические конструкции и реальность // Мир России. № 1. С. 34–46 // [https://mirros.](https://mirros.hse.ru/article/view/5128/5478)

[hse.ru/article/view/5128/5478](https://mirros.hse.ru/article/view/5128/5478), дата обращения 21.04.2020.

Atlas des Populations Immigrées en Ile-de-France (2001), Paris: INSEE.

Atlas National des Populations Immigrées (1996) // PRIPI 2010–2012. Secrétaire Général à l'Immigration et l'Intégration. Département des Statistiques, des Études et de la Documentation.

Body-Gendrot S. (1996) Paris: A 'Soft' Global City? // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 22, no 4, pp. 595–605. DOI: 10.1080/1369183X.1996.9976562

Body-Gendrot S. (2013) Urban Violence in France and England: Comparing Paris (2005) and London (2011) // Journal of Ethnic and Migration Studies, vol. 23, no 1, pp. 6–25. DOI: 10.1080/10439463.2012.727608

Cassiers T., Kesteloot C. (2012) Socio-spatial Inequalities and Social Cohesion in European Cities // Urban Studies, vol. 49, no 9, pp. 1909–1924. DOI: 10.1177/0042098012444888

Chabrol M. (2011) De Nouvelles Formes de Gentrification? Dynamiques Résidentielles et Commerciales à Château-Rouge (Paris), Paris: Université de Poitiers.

Favre H. (2007) Is Paris Burning? A Tentative Analysis of the November 2005 Riots in the French Suburban Cités // World Public Forum 'Dialog of Civilizations' Bulletin 2003–2007, Moscow: Studiya Matrica, pp. 237–241.

Ferré T. (2004) 1,9 Million d'Immigrés en Ile-de-France à la mi-2004, Paris: INSEE.

Fougère D., Safi M. (2006) L'Acquisition de la Nationalité Française: Quels Effets sur l'Accès à l'Emploi des Immigrés? // France Portrait Social. Edition 2005–2006, Paris: INSEE, pp. 163–184.

Grzegorzczak A. (2013) Social and Ethnic Segregation in the Paris Metropolitan Area at the Beginning of the 21st Century // Miscellanea Geographica – Regional Studies on Development, vol. 17, no 2, pp. 20–29. DOI: 10.2478/v10288-012-0040-3

Grzegorzczak A. (2014) The Paris Suburbs – Blessed or Cursed? // Suburbanization versus Peripheral Sustainability of Rural-Urban Areas Fringes, Urban Development and Infrastructure Series (eds. Czerny M., Hoyos Castillo G.), New York: Nova Publishers, pp. 89–102.

INED (L'Institut National d'Études Démographiques) // <https://www.ined.fr/>, дата обращения 21.04.2020.

INSEE (L'Institut National de la Statistique et des Études Économiques) // <https://www.insee.fr/>, дата обращения 21.04.2020.

Jaczevska B., Grzegorzczak A. (2016) Residential Segregation of Metropolitan Areas of Warsaw, Berlin and Paris // *Geographia Polonica*, vol. 89, no 2, pp. 141–168. DOI: 10.7163/GPol.0051

Le Roux G., Vallée J., Commenges H. (2017) Social Segregation around the Clock in the Paris Region (France) // *Journal of Transport Geography*, vol. 59, pp. 134–145. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2017.02.003

Oberti M., Préteceille E. (eds.) (2016) La Ségrégation Urbaine, Paris: La Découverte.

ONPES (L'Observatoire National de la Pauvreté et de l'Exclusion Sociale) // <http://www.onpes.gouv.fr/>, дата обращения 21.04.2020.

Paris Data – Mairie de Paris // <https://opendata.paris.fr>, дата обращения 21.04.2020.

Preteceille E. (1996) Division Sociale de l'Espace et Globalisation // *Societes Contemporaines*, vol. 22, no 1, pp. 33–67 // https://www.persee.fr/doc/socco_1150-1944_1995_num_22_1_1530?pageid=t3_66, дата обращения 21.04.2020.

Préteceille E. (2009) La Ségrégation Ethno-Raciale Ethno-raciale a-t-elle Augmenté dans la Métropole Parisienne //

Revue Française de Sociologie, vol. 50, no 3, pp. 489–519 // <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-sociologie-1-2009-3-page-489.htm>, дата обращения 21.04.2020.

Préteceille E., Cardoso A. (2020) Socioeconomic Segregation and the Middle Classes in Paris, Rio de Janeiro and São Paulo: A Comparative Perspective // *Handbook of Urban Segregation* (ed. Musterd S.), Urban Studies Series, pp. 270–288.

Prix et Volume de Ventes: Des Evolutions de Plus en Plus Divergentes entre la Capitale et le Reste de l'Île-de-France. Le Marché Immobilier Résidentiel Ancien en Île-de-France (2017).

Rhein C. (1998) Globalisation, Social Change and Minorities in Metropolitan Paris: The Emergence of New Class Patterns // *Urban Studies*, vol. 35, no 3, pp. 429–447. DOI: 10.1080/0042098984844

Sassen S. (2018) Cities in a World Economy, Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.

Shatilo D.P. (2015) Role of the Residential Real Estate Market in the Ethnosocial Differentiation of European Capitals: London, Paris, Madrid, and Moscow // *Regional Research of Russia*, vol. 5, no 1, pp. 45–57. DOI: 10.1134/S2079970515010098

Tammaru T., Marcinczak S., Van Ham M., Musterd S. (eds.) (2015) Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East Meets West, London: Routledge.

Vallée J., Le Roux G., Chauvin P. (2016) Quartiers et Effets de Quartier. Analyse de la Variabilité de la Taille des Quartiers Perçus dans l'Agglomération Parisienne // *Annales de Géographie*, no 2, pp. 119–142 // <https://www.cairn.info/revue-annales-de-geographie-2016-2-page-119.htm>, дата обращения 21.04.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-4

Immigration as a Social Stratification Factor in Paris: A Territorial Differentiation Analysis

Daria P. SHATILO

PhD in Geography, Researcher

Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION), 117218, Krzhizhanovsky St., 15, bld. 2, Moscow, Russian Federation

E-mail: shatilo@inion.ru

ORCID: 0000-0003-2575-0927

CITATION: Shatilo D.P. (2020) Immigration as a Social Stratification Factor in Paris: A Territorial Differentiation Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 63–83 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-4

Received: 23.03.2020.

ABSTRACT. *Paris is one of the most interesting examples of immigrants' settlement pattern in the city. At various historical immigration stages, different immigrants groups settled in certain areas. Immigration policy, real estate prices differentiation, and the distribution of social housing have led to the concentration in some areas people from developing and poor countries. Sometimes they create a tense situation in the region and even in the city in general. These areas combine the signs of the "ghettos", which has been denied for a long time by authorities. Considering the immigrants territorial structure, the housing prices, incomes, distribution of social housing, unemployment, the author reveals the features of the territorial differentiation in Paris. Data on the cost of real estate prices was collected according to the author's algorithm. The differentiation of the residential real estate market in the Paris department is an interesting case. There also was found a correlation between the housing prices and the immigrants' settlement pattern. However, there are immigrants from developed countries (for example, the USA, Japan), and from developing*

once in Paris. That is why in "expensive" areas there can be observed a large share of immigrants, as well as a small one. Immigrants from Algeria, Morocco and Tunisia settle in the northern part of the Petit-Couronne. On the Val-de-Marne department in southeastern periphery, there is a small concentration of immigrants from Portugal. Turkish immigrants mostly live in the Seine-Saint-Denis department. The ambiguous effect of the immigrants settlement pattern on income, unemployment and social housing was revealed. The comparison of all factors revealed a mosaic territorial distribution.

KEY WORDS: *Paris, social differentiation, immigrant settlement pattern, real estate prices, social housing, income*

References

Atlas des Populations Immigrées en Ile-de-France (2001), Paris: INSEE.

Atlas National des Populations Immigrées (1996). PRIPI 2010–2012. Secrétaire Général à l'Immigration et l'Intégration.

Département des Statistiques, des Études et de la Documentation.

Bityukova (Shatilo) D. (2013) Where Do Migrants Live in European Capitals. *Demoscope Weekly*, no 557–558. Available at: http://demoscope.ru/weekly/2013/0557/s_map.php#1, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Body-Gendrot S. (1996) Paris: A 'Soft' Global City? *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 22, no 4, pp. 595–605. DOI: 10.1080/1369183X.1996.9976562

Body-Gendrot S. (2013) Urban Violence in France and England: Comparing Paris (2005) and London (2011). *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 23, no 1, pp. 6–25. DOI: 10.1080/10439463.2012.727608

Cassiers T., Kesteloot C. (2012) Socio-spatial Inequalities and Social Cohesion in European Cities. *Urban Studies*, vol. 49, no 9, pp. 1909–1924. DOI: 10.1177/0042098012444888

Chabrol M. (2011) *De Nouvelles Formes de Gentrification? Dynamiques Résidentielles et Commerciales à Château-Rouge (Paris)*, Paris: Université de Poitiers.

Doronina K., Shatilo D. (2018) Migration Processes in Large Cities. *Human in Megapolis: A Cross-disciplinary Study* (eds. Revich B., Kuznetsova O.), Moscow: LENARD, pp. 469–486 (in Russian).

Favre H. (2007) Is Paris Burning? A Tentative Analysis of the November 2005 Riots in the French Suburban Cités. *World Public Forum 'Dialog of Civilizations' Bulletin 2003–2007*, Moscow: Studiya Matri-ca, pp. 237–241.

Ferré T. (2004) *1,9 Million d'Immigrés en Ile-de-France à la mi-2004*, Paris: INSEE.

Fougère D., Safi M. (2006) L'Acquisition de la Nationalité Française: Quels Effets sur l'Accès à l'Emploi des Immigrés? *France Portrait Social. Edition 2005–2006*, Paris: INSEE, pp. 163–184.

Grzegorzczak A. (2013) Social and Ethnic Segregation in the Paris Metropolitan

Area at the Beginning of the 21st Century. *Miscellanea Geographica – Regional Studies on Development*, vol. 17, no 2, pp. 20–29. DOI: 10.2478/v10288-012-0040-3

Grzegorzczak A. (2014) The Paris Suburbs – Blessed or Cursed? *Suburbanization versus Peripheral Sustainability of Rural-Urban Areas Fringes, Urban Development and Infrastructure Series* (eds. Czerny M., Hoyos Castillo G.), New York: Nova Publishers, pp. 89–102.

INED (L'Institut National d'Études Démographiques). Available at: <https://www.ined.fr/>, accessed 21.04.2020.

INSEE (L'Institut National de la Statistique et des Études Économiques). Available at: <https://www.insee.fr/>, accessed 21.04.2020.

Jaczevska B., Grzegorzczak A. (2016) Residential Segregation of Metropolitan Areas of Warsaw, Berlin and Paris. *Geographia Polonica*, vol. 89, no 2, pp. 141–168. DOI: 10.7163/GPol.0051

Kapralov A. Socio-economic Problems of Immigrants' Settlements Pattern Paris Agglomeration. *Bulletin of Moscow University, Series: Geography*, no 6, pp. 54–59. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/280/280>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Le Roux G., Vallée J., Commenges H. (2017) Social Segregation around the Clock in the Paris Region (France). *Journal of Transport Geography*, vol. 59, pp. 134–145. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2017.02.003

Oberti M., Prêteceille E. (eds.) (2016) *La Ségrégation Urbaine*, Paris: La Découverte.

ONPES (L'Observatoire National de la Pauvreté et de l'Exclusion Sociale). Available at: <http://www.onpes.gouv.fr/>, accessed 21.04.2020.

Orekhova S. (2016) Migration Policy of France: History and Modernity. *Vlast'*, no 3, pp. 149–151. Available at: <https://www.jour.isras.ru/index.php/vlast/article/view/2555/2357>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Paris Data – Mairie de Paris. Available at: <https://opendata.paris.fr>, accessed 21.04.2020.

Popov A.A. (2014) Spatiotemporal Analysis of Key Factors for Residential Real Estate Estimates in Moscow. *Regional Studies. Smolensk State University*, no 4, pp. 70–80. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_22629413_89358041.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Preteceille E. (1996) Division Sociale de l'Espace et Globalisation. *Sociétés Contemporaines*, vol. 22, no 1, pp. 33–67. Available at: https://www.persee.fr/doc/socco_1150-1944_1995_num_22_1_1530?pageid=t3_66, accessed 21.04.2020.

Préteceille E. (2009) La Ségrégation Ethno-Raciale Ethno-raciale a-t-elle Augmenté dans la Métropole Parisienne. *Revue Française de Sociologie*, vol. 50, no 3, pp. 489–519. Available at: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-sociologie-1-2009-3-page-489.htm>, accessed 21.04.2020.

Préteceille E., Cardoso A. (2020) Socioeconomic Segregation and the Middle Classes in Paris, Rio de Janeiro and São Paulo: A Comparative Perspective. *Handbook of Urban Segregation* (ed. Musterd S.), Urban Studies Series, pp. 270–288.

Prix et Volume de Ventes: Des Evolutions de Plus en Plus Divergentes entre la Capitale et le Reste de l'Ile-de-France. Le Marché Immobilier Résidentiel Ancien en Ile-de-France (2017).

Rhein C. (1998) Globalisation, Social Change and Minorities in Metropolitan Paris: The Emergence of New Class Patterns. *Urban Studies*, vol. 35, no 3, pp. 429–447. DOI: 10.1080/0042098984844

Sassen S. (2018) *Cities in a World Economy*, Thousand Oaks: SAGE Publications Inc.

Savoskul M. (2015) Territorial Systems of International Population Migration. *Bulletin of Moscow University, Series: Geography*, no 6, pp. 11–18. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/188/190>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Shatilo D.P. (2015) Role of the Residential Real Estate Market in the Ethnosocial Differentiation of European Capitals: London, Paris, Madrid, and Moscow. *Regional Research of Russia*, vol. 5, no 1, pp. 45–57. DOI: 10.1134/S2079970515010098

Sluka N., Kuzovlev S. (2020) The Modern Image of Paris in the Russian-language Segment of the Internet. *Bulletin of Moscow University, Series: Geography*, no 2, pp. 110–114 (in Russian).

Sluka N., Sluka A. (2002) Modern Demography of Greater Paris. *Bulletin of Moscow University, Series: Geography*, no 6, pp. 49–55 (in Russian).

Tammaru T., Marcinczak S., Van Ham M., Musterd S. (eds.) (2015) *Socio-Economic Segregation in European Capital Cities: East Meets West*, London: Routledge.

Treivish A., Kurasov A. (2009) World Cities in the Post-industrial Economy: Terms, Theoretical Constructions and Reality. *Mir Rossii*, no 1, pp. 34–46. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/5128/5478>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Vallée J., Le Roux G., Chauvin P. (2016) Quartiers et Effets de Quartier. Analyse de la Variabilité de la Taille des Quartiers Perçus dans l'Agglomération Parisienne. *Annales de Géographie*, no 2, pp. 119–142. Available at: <https://www.cairn.info/revue-Annales-de-geographie-2016-2-page-119.htm>, accessed 21.04.2020.

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-5

Современные Афины: миграционные процессы и парадигмы городского развития

Юрий Дмитриевич КВАШНИН

кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация;
доцент, кафедра мировой экономики
Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация
E-mail: ykvashnin@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2042-7215

ЦИТИРОВАНИЕ: Квашнин Ю.Д. (2020) Современные Афины: миграционные процессы и парадигмы городского развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 84–101.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-5

Статья поступила в редакцию 22.10.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00251 «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций») в Московском государственном институте международных отношений (университете) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье предпринята попытка оценить роль миграционных процессов в городском развитии Афин на протяженном временном отрезке – с 1834 г., когда город стал столицей независимого греческого государства, по наше время. История Афин, менее чем за столетие превратившихся из небольшого регионального центра в одну из десяти крупнейших в Европейском союзе городских агломераций, представля-

ет собой показательный кейс характерной для средиземноморских стран «спонтанной урбанизации» со всеми ее издержками: нелегальным строительством, чрезмерно высокой плотностью населения и инфраструктурными проблемами. В конце XX – начале XXI вв. Афины столкнулись с новым вызовом – массовой иммиграцией сначала выходцев из стран бывшей Югославии и особенно Албании, а после вхождения Греции в шенгенскую зо-

ну – из государств Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии. Во время миграционного кризиса 2015 г. Греция стала главными воротами для сотен тысяч беженцев и экономических мигрантов в объединенную Европу. Эти тенденции оказали самое непосредственное влияние на экономику и социальную среду греческой столицы, усилили такие тренды, как рост числа жителей с низким уровнем доходов, этническая сегрегация по районам и субурбанизация – отъезд коренного населения из обветшалого центра в более безопасные и удобные для проживания пригороды и города-спутники.

Необходимость перехода к более ответственному городскому планированию стала очевидна еще в 1980-е гг., когда впервые на законодательном уровне был утвержден генеральный план, определявший стратегию развития производственного сектора, транспортной системы, землепользования и политики на рынке жилья. Серьезным стимулом для осуществления инфраструктурных проектов, частично профинансированных за счет структурных фондов ЕС, стало проведение в 2004 г. Олимпийских игр. В 2014 г. на фоне долгового кризиса и экономической рецессии администрацией города была принята Стратегия устойчивого развития до 2030 г., учитывающая такие хронические проблемы, как деградация инфраструктуры, нерегулярная миграция, а также низкое качество управления. На современном этапе в силу отсутствия необходимых финансовых ресурсов решающая роль в улучшении городской среды отводится частному сектору. Так, муниципальные власти способствуют джентрификации центральных районов столицы, имеющих нереализованный туристический и инвестиционный потенциал, предостав-

ляя значительные налоговые льготы и стимулы для ведения бизнеса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Афины, миграционные процессы, субурбанизация, сегрегация, джентрификация, городское планирование

Столица Греции обычно ассоциируется с ее уникальным историко-культурным наследием – построенным задолго до начала нашей эры Акрополем, древнеримским Одеоном и многочисленными музеями, хранящими памятники античности и византийского средневековья. Но даже одного дня пребывания в Афинах достаточно, чтобы за туристическим фасадом увидеть их «темную сторону»: бывшие рабочие кварталы, облюбованные анархистами и нелегальными иммигрантами, простирающиеся до самой линии горизонта (которую, впрочем, не всегда удастся разглядеть из-за городского смога) каменные джунгли, заброшенные строения, заваленные мусором и исписанные граффити. Печальным символом города стала площадь Омония, которая в конце XX в. из некогда процветающего района превратилась в его криминальный центр.

Заметные даже невооруженным взглядом проблемы отображены и в международных рейтингах, отводящих Афинам устойчиво низкие позиции. В списке лучших городов для проживания, который составляется консалтинговой компанией Mercer с учетом десяти различных параметров (возможности для отдыха, качество жилья, экономические условия, доступность потребительских товаров, коммунальные услуги и транспорт, политическая и социальная среда, экология, культура, образование и здравоохранение), Афины в 2019 г. были помещены на 89-е место. Среди столичных городов Европейского сою-

за худшие показатели продемонстрировали только Рига, Загреб, Бухарест и София.¹ Также Афины устойчиво занимают самые низкие среди западноевропейских городов позиции в ранкинге журнала *The Economist*: так, в 2018 г. они заняли 72-е место², расположившись по соседству с городами Китая, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки (Монтевидео, Сучжоу, Куала-Лумпур и пр.). В ранкинге благоприятности условий ведения бизнеса, который рассчитывается по одному-двум крупнейшим городам соответствующих стран (в случае с Грецией это только Афины), Греческая Республика в 2019 г. оказалась на 72-м месте³.

Конечно, на положение Афин повлияли мировой экономический кризис и последовавшая за ним «великая рецессия» (2008–2016 гг.), в результате которых валовой региональный продукт Аттики – греческого региона, основу которого составляет Афинская городская агломерация, – в расчете на одного жителя сократился на 17,5%⁴, что резко сузило финансовые возможности для реализации городских программ. И все же кризис стал не причиной, а катализатором давно назревших проблем, в последнее десятилетие ставших предметом оживленных дискуссий, причем не только внутри страны, но и за ее пределами. Корень этих проблем лежал в специфике греческой урбанизации, характеризовавшейся неконтролируемым ростом населения крупнейшего в стране города.

Конструирование будущего vs возвращение прошлого

В первой трети XIX в. Афины были небольшим населенным пунктом на юге Балканского полуострова, по численности населения уступавшим не только Константинополю, Салоникам и Адрианополю, но также Патрам и Триполи – крупнейшим городам, вошедшим в 1830 г. в состав вновь образованного греческого государства. До 1834 г. столичные функции выполнял расположенный на востоке Пелопоннеса Нафплион, где заседал греческий парламент и находился дворец первого президента страны И. Каподистрии, в то время как Афины лежали в руинах. По воспоминаниям путешественников, там, где возникла демократия, «раскинулся ветхий маленький городок, черный от дыма, тихий хранитель мертвых памятников с узкими и нерегулярными тропами» [*Kallivretakis* 2017]. Вместе с тем удручающее состояние города, в котором после окончания войны за независимость уцелело не более 300 домов, создавало бескрайние возможности для реализации уникального для того времени градостроительного эксперимента – возведения фактически с нуля новой столицы на месте, имевшем для Греции особое значение. Как отмечает О.Е. Петрунина, «само название «Афины» постепенно стало восприниматься не просто как символ древнегреческой культуры, а как символ нации в противостоянии остальным балканским народам... Афины XIX в. представляют собой попытку

1 Quality of Living City Ranking (2019) // Mercer // <https://mobilityexchange.mercer.com/Insights/quality-of-living-rankings>, дата обращения 21.04.2020.

2 The Economist Global Liveability Index 2018: The World's Most and Least Liveable Cities // <https://bobmschwartz.com/2018/08/14/the-economist-global-liveability-index-2018-the-worlds-most-and-least-liveable-cities>, дата обращения 21.04.2020.

3 Благоприятность условий ведения бизнеса. Греция // Всемирный банк // <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/explore-economies/greece>, дата обращения 21.04.2020.

4 Regional Gross Domestic Product (PPS per inhabitant) by NUTS 2 Regions // Eurostat // <https://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=en&pcode=tgs00005&plugin=1>, дата обращения 21.04.2020.

возрождения древнего города, возрождения, которое в точности оправдывало бы и древнее название» [Петрунина 2010, с. 331–332].

В 1832 г. по поручению правительства два молодых архитектора, С. Клеантис и Э. Шауберт (ученики выдающегося прусского зодчего К. Шинкеля), представили детальный план городской застройки. Этот план предполагал превращение Афин в современную европейскую столицу с широкими бульварами, просторными площадями и многочисленными зелеными насаждениями, которые должны были обеспечить комфортную городскую среду с учетом роста населения города с 6 тыс. до 40 тыс. жителей. При этом планировалось развернуть основное строительство на севере от исторического центра, а Акрополь и сопредельные территории – после «расчистки» от ветхих лачуг и проведения раскопок – сделать благоустроенным археологическим парком. Но в 1834 г., когда Афины официально стали греческой столицей, этот план был заморожен. Отчасти это было связано с приходом к власти короля Оттона, при котором в город устремились архитекторы из Баварии, придерживавшиеся более консервативных подходов к городскому планированию, отчасти – с давлением со стороны земельных собственников, которые отнюдь не желали передавать участки государству под создание общественных пространств⁵ [Wynn 2017, pp. 8–10]. Новый, более реалистичный план, который в итоге и был осуществлен, был подготовлен баварцем Л. фон Кленце и предполагал сохранение (а точнее – воссоздание) средневекового города возле Акрополя, разделенного на

маленькие кварталы с узкими улицами, и относительно скромные масштабы регулярного городского строительства [Mirkovic 2012, pp. 150–153].

На протяжении продолжительного периода, с момента наделения Афин столичными функциями до 1920-х гг., их развитие сочетало две тенденции – усиление вмешательства государства в городские дела, в основном в инфраструктурной сфере, при одновременном росте масштабов частного строительства, которое по мере расширения города охватывало все большую его часть. Эти тенденции стали особенно заметны в начале XX в. на фоне ускорения индустриализации и утверждения Афин в качестве не только административного, но и важного промышленного центра.

Накануне Первой мировой войны Афины стали городом контрастов, в котором престижные кварталы, расположенные в непосредственной близости от Старого королевского дворца (в настоящее время – здание парламента) соседствовали с рабочими районами, не обеспеченными в должной мере дорогами, школами, церквями и пр. Эти проблемы решались властями *ad hoc* – путем принятия постановлений, связанных с вопросами безопасности, гигиены и архитектурно-художественного облика зданий, и экспроприации отдельных земельных участков для создания необходимой инфраструктуры. Как правило, эти меры принимались с большим опозданием. В частности, как отмечает греческий историк-урбанист А. Папагеоргиу-Венетас, запланированное еще в 1830-е гг. озеленение города стало осуществляться лишь в последние годы XIX в., причем соответ-

5. Весьма неоднозначную реакцию также вызвал предложенный К. Шинкелем проект строительства на вершине Акрополя, между Парфеноном и Эрехтейоном, королевского дворца, от которого власти отказались под угрозой общественного недовольства. В итоге резиденция короля (в настоящее время – здание парламента) расположилась на площади Синтагма [Carter 1979].

ствующая программа, по сути, была ограничена афинскими холмами (Ликавитос, Филопаппу и пр.) [*Parageorgiou-Venetas* 1997, p. 17].

Переломным этапом для Афин стали 1920-е гг., связанные с трагическими событиями в греческой истории – поражением в войне с Турцией и греко-турецким обменом населением. Приток беженцев из Малой Азии в сочетании с продолжавшейся внутренней миграцией привел к тому, что число жителей Аттики с 1922 по 1928 г. возросло на 68%, в т. ч. муниципалитета Афин – на 72% (с 267 тыс. до 459 тыс. чел.) и Пирея – на 88% [*Gerasimou, Perdicoúlis* 2009, p. 178]. В центре и на окраинах Афин стихийно появлялись многочисленные временные поселения («трущобы надежды»), возводимые на средства как самих переселенцев, так и финансируемого правительством Фонда помощи беженцев. Впоследствии, однако, этот процесс был упорядочен, и для беженцев были отведены три специальных района возле Афин (Неа-Иония, Кесариани и Виронас) и один район вблизи Пирея (Неа-Коккиния), которые впоследствии обособились в отдельные муниципалитеты в составе Афинской агломерации [*Leontidou* 2017]. Таким образом власти пытались решить сразу две задачи: ограничить угрожающе высокие темпы роста численности населения основной части города и при помощи территориальной сегрегации не допустить эскалации противоречий между афинянами и выходцами из Малой Азии, которые значительной частью коренных греков воспринимались как чужестранцы. Обратной стороной этой политики стали сложности с интеграцией беженцев в греческое общество, которые привели к тому, что в период Гражданской войны 1946–1949 гг. многие из них поддержали Коммунистическую партию Греции, противостоявшую официальному правительству.

В 1923 г. в Греции впервые был принят рамочный закон, в соответствии с которым городское пространство было разделено на территории, застраиваемые согласно городским планам, и территории, на которые система планирования не распространялась. Для первых вводились достаточно жесткие для того времени ограничения, касавшиеся размеров и этажности зданий, их внешнего вида, плотности застройки и т. д. Законодательство предусматривало возможность отчуждения (или принудительного обмена на равноценные участки) у прежних владельцев земли, необходимой для прокладки улиц и площадей, а также предоставления принадлежащих государству участков в концессию под строительство общественно значимых объектов. Что касается территорий, оказавшихся «вне плана», то их обустройство государством не регулировалось. Впоследствии было принято еще несколько законов, регламентировавших строительство в промышленных зонах, а также в историческом центре Афин, который получил статус археологического памятника [*Hatzopoulou, Gerasimou, Ntougia* 2005, p. 3807].

В 1930-е гг. из-за ухудшения экономической ситуации законодательные инициативы в области городского планирования постепенно сошли на нет. По окончании фашистской оккупации и Гражданской войны, которые нанесли колоссальный ущерб народному хозяйству, главной задачей стало как можно быстрее восстановить жилой фонд и дать кров десяткам тысяч внутренних переселенцев, устремившихся в столицу из разоренных войнами регионов. Поскольку финансовые возможности правительства для реконструкции Афин были крайне ограничены, решение этой задачи было отдано на откуп частному сектору. В истории города начался продлившийся более трех десяти-

тилетий период, характеризовавший-ся осознанным отказом государства от городского планирования. Феноменом развития греческих городов и Афин в первую очередь стала система «антипарохи», позволившая в сжатые сроки решить жилищную проблему, но при этом изменившая городскую среду до неузнаваемости.

«Антипарохи», или победа хаоса над порядком

У слова «антипарохи» (греч. – *αντιπαροχή*) нет устоявшегося перевода на иностранные языки, но ближе всего ему соответствуют значения «обмен», «вклад», «компенсация». Речь идет о спонтанно возникшей, но при этом не противоречившей закону практике передачи земельных участков их владельцами компании-застройщику под строительство многоэтажного здания в обмен на последующее предоставление в собственность части квартир (обычно двух или трех). Благодаря этой схеме прежний хозяин земли вместо своего старого и, как правило, давно пришедшего в негодность дома получал сопоставимое или даже превосходящее по площади жилье, а застройщик извлекал прибыль от последующей продажи оставшихся квартир по рыночной цене. Важно отметить, что государство почти никак не регулировало подобную деятельность (лимитировалась лишь этажность зданий) и не взимало с нее налогов.

Плюсы «антипарохи» очевидны. Впервые, Греции удалось быстро удовлетворить спрос на жилую недвижимость. Благодаря ее низкой себестоимости большая часть греков стала проживать в собственных квартирах. По данным на 2017 г., свое жилье имеют 63,9% домохозяйств (один из самых высоких показателей в ЕС), 10% выплачивают

ипотеку, 18,8% пользуются жильем на правах аренды, 7,3% живут в квартирах и домах, принадлежащих их родственникам и знакомым [Thanopoulos 2019, pp. 106–107]. Во-вторых, появление доступного жилья способствовало сглаживанию имущественных контрастов и социальной интеграции расколотого гражданской войной греческого общества. В-третьих, система «антипарохи» привела к расцвету строительной отрасли, которая с 1950 по 1973 г. была одним из драйверов роста экономики и занятости. В-четвертых, уйдя из жилищного строительства, государство сэкономило немалые бюджетные средства на решение других задач: развитие транспортной инфраструктуры, туризма, сельского хозяйства и пр. [Sakalis 2019].

Однако строительный бум имел и свою негативную сторону. Возможность приобретения недорогого жилья стала ключевым протягивающим фактором набравшей обороты урбанизации и взрывного роста численности населения агломерации Афин. Если в 1950 г. оно составляло 1,35 млн, то в 1960 г. – 1,81 млн, в 1970 г. – 2,48 млн, а в начале 1980-х гг. превысило 3 млн чел. Число жителей муниципалитета Афин на своем пике вплотную приблизилось к 900 тыс. чел., вследствие чего в 1980-е гг. город стал самой плотно населенной европейской столицей (впоследствии пальма первенства отошла Парижу).

Все это неизбежно вело к усилению транспортных проблем, ухудшению ситуации с экологией, деградации архитектурного облика (вместо неоклассических и модернистских зданий строились неказистые, но вмещавшие большее число жителей бетонные коробки). Афины быстро превращались в хаотичный и некомфортный для жизни город, по многим своим характеристикам напоминавший большие горо-

да Третьего мира [Prevelakis 2002, p. 56]. Ответом наиболее обеспеченных слоев общества стал переезд за черту города, однако из-за нехватки земли пригороды стремительно обрастали многоэтажными зданиями, а затем трансформировались в города-спутники, сливавшиеся с центральной частью агломерации. Интересно, что в некоторых исследованиях греческих урбанистов современные Афины называются «городом без пригородов», и на то есть веские основания. Согласно данным Ф. Грамменоса, в начале XXI в. в наименее заселенных районах, расположенных в радиусе от 6 до 13 км от афинского центра, плотность населения была выше, чем в центральных деловых районах таких американских городов, как Денвер, Вашингтон, Сиэтл и Хьюстон [Grammenos 2011].

Первые попытки ограничить «антипарохи» были предприняты в 1970-е гг. Так, правительство «черных полковников» издало законодательный декрет 1003/1971 о городском планировании с учетом географических, экономических, социальных и эстетических факторов, а в 1973 г. разработало Общий строительный регламент, предусматривавший защиту традиционных поселений и строений. К ним, в частности, относился исторический центр Афин. Конституция 1975 г., утвержденная после падения хунты, включала положение (ст. 24), согласно которому «для определения района как жилого, а также для активизации на его территории градостроительной деятельности владельцы входящей в его состав недвижимости в принудительном порядке участвуют в предоставлении, без компенсации со стороны соответствующей организации, необходимой территории

для сооружения улиц, площадей и в целом мест общего пользования, а также берут на себя расходы по сооружению основных градостроительных объектов общего пользования, как это определено законом»⁶. Формально это положение не имело отношения к «антипарохи», но на практике создавало определенные сложности как для застройщиков, так и для новых владельцев собственности, которые были вынуждены нести дополнительные расходы на благоустройство городской территории.

Пришедшая к власти в 1981 г. социалистическая партия ПАСОК ставила своей задачей остановить приток капитала и трудовых ресурсов в крупнейшую в стране агломерацию. В 1982 г. правительством был принят закон, в соответствии с которым при распределении государственных льгот и субсидировании инвестиционных проектов предпочтение отдавалось отсталым регионам, тогда как Афины и Салоники соответствующие привилегии утратили. Аналогичная политика стала проводиться в сфере здравоохранения [Никитина 2017, с. 286]. В 1985 г. для столицы стал действовать новый генеральный план, озаглавленный как «Афины должны снова стать Афинами». Он предполагал заморозку некоторых инфраструктурных проектов (например, вместо строительства метрополитена предпочтение было отдано более дешевому трамвайному транспорту), ужесточение экологических стандартов, перемещение административных сооружений за пределы городского центра, а также введение ряда мер, затруднявших развитие производственной деятельности [Loukas 2017; Skayannis 2013, pp. 195–197]. При этом особый акцент был сделан на улучше-

6 The Constitution of Greece as Revised by the Parliamentary Resolution of April 6th 2001 of the VIIth Revisionary Parliament // Всемирный банк // <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreeconomies/greece>, дата обращения 21.04.2020.

ние качества жизни, охране окружающей среды и культурного наследия.

Многие из этих пунктов, однако, так и остались на бумаге. Под давлением афинян, которые стали массово разочаровываться в политике социалистов, проекты в сфере дорожно-транспортного строительства были реанимированы, а на рубеже 1990–2000-х гг., во время подготовки к Олимпийским играм, они и вовсе приобрели ключевое значение⁷. В 2011 г., в самый разгар экономического кризиса, греческие власти предприняли очередную попытку решить проблему региональных диспропорций, реформировав административное деление Греции (программа «Калликратис») и улучшив качество государственных услуг, предоставляемых местными органами власти [Александрова 2017, с. 203]. Тем не менее роль Афин в экономике страны по-прежнему огромна. В столице и прилегающих районах, по данным на 2017 г., сосредоточено 47% ВВП, а в расчете на душу населения валовой региональный продукт Аттики в 1,3 раза выше среднего по Греции.

После принятия генплана население муниципалитета Афин действительно стало сокращаться: если в 1981 г. в нем проживали 886 тыс. чел., то в 2011 г. – всего 664 тыс. (снижение на 25%). Но вопрос о том, в какой мере это было связано с мерами регулирования, а в какой – с другими факторами (например, началом демографической стагнации), остается открытым. Кроме того, следует учитывать, что в агломерации население росло до конца 1980-х гг., а в Аттике – до начала XXI в. Эпоха «антипарохи» окончательно завершилась лишь в 2006 г., когда в Греции были введены изменения в налоговое законода-

тельство, в соответствии с которыми прежний собственник участка должен был уплатить налог в размере 18% от стоимости квартир, полученных в результате сделки с застройщиком.

Внешняя миграция, сегрегация и дома-призраки

Так и не решив проблему перенаселенности и связанного с ней низкого качества городской среды, на рубеже XX–XXI вв. власти Афин столкнулись с новым вызовом – массовой внешней миграцией. Ее причинами стали геополитические процессы в соседних странах и регионах: распад Советского Союза и Югославии, трансформационные процессы в Албании, а в начале текущего столетия – политическая дестабилизация на Ближнем Востоке и события «арабской весны». Немалую роль в этом сыграло присоединение Греции в 2000 г. к Шенгенскому соглашению, в результате которого она, наряду с Италией, стала для мигрантов главными воротами в Европу. Миграционные проблемы Греции оказались в центре внимания мировых СМИ в 2015 г., когда в разгар европейского кризиса беженцев в страны ЕС прибыли 856 тыс. мигрантов, использовавших в качестве перевалочной базы греческие острова, расположенные вблизи Эгейского побережья Турции (Лесбос, Хиос, Самос и др.).

Иммиграция в Грецию имеет узкую географическую направленность: приток мигрантов приходится главным образом на крупные города, располагающие возможностями для трудоустройства. Мигранты в первом поколении составляют 9,1% постоянного населения

7 Так, в 2000 г. были открыты две новые линии метрополитена, в 2001 г. – Афинский международный аэропорт им. Э. Венизелоса.

Аттики, тогда как в среднем по Греции их доля – всего 6,4%⁸. Большинство мигрантов, проживающих в данном регионе (81%), – выходцы из стран, не входящих в Европейский союз. В муниципалитете Афин концентрация мигрантов еще выше и достигает 23%. По национальному составу мигрантов достоверной статистики нет, поскольку значительную их часть составляют граждане третьих стран, находящиеся в городе нелегально и не подававшие прошений о предоставлении вида на жительство. Среди тех, кто соответствующее разрешение получил, большинство образуют албанцы (49%), филиппинцы (8%), бангладешцы (6%), украинцы и египтяне (по 5%), грузины и пакистанцы (по 4%) [Working Together for Local Integration 2018, p. 21]. Очевидно, однако, что общая доля албанцев среди иммигрантов несколько ниже (поскольку при получении вида на жительство у них, как правило, не возникает проблем), тогда как доля приехавших из стран Африки и Ближнего Востока, напротив, существенно выше. Кроме того, в Афинах временно находится немало мигрантов, которые рассматривают город как временное пристанище и планируют подавать прошение об убежище в других странах ЕС.

В научных исследованиях феномен внешней миграции в Афинах рассматривается в общестрановом контексте трансформации Греции из моноэтнического в полиэтническое государство. Соответственно, наибольший интерес вызывают такие вопросы, как экономическая и политическая интеграция беженцев и экономических мигрантов в принимающее сообщество [Baldwin-Edwards 2005; Anagnostou et al. 2016], отношение к ним со стороны местных

жителей, межэтнические столкновения, возросшая в середине 2010-х гг. популярность ультранационалистических партий в городских районах с высокой долей мигрантского населения [Sekeris, Vasilakis 2016; Vasilakis 2017]. Однако некоторые аспекты в научной литературе изучены не столь широко, в их числе – влияние новой миграционной волны на пространственное развитие Афин, которое выражалось в первую очередь в процессах социальной и этнической сегрегации и появлении кварталов-гетто.

Городская сегрегация – явление для греческой столицы не новое. Еще в первой половине XX в. существовало разделение, хотя и достаточно условное, на богатый восток (включая фешенебельный район Колонаки, где селились чиновники, врачи, юристы и представители других высокооплачиваемых профессий) и пролетарский запад (районы Метаксургио, Гази, Псири и пр.). В межвоенные годы, как уже отмечалось, государство сознательно размещало малоазийских греков в афинских предместьях. В 1980-е гг. сегрегация способствовала переезд состоятельных жителей в пригороды, а также упадок некоторых рабочих кварталов в связи с начавшейся в городе деиндустриализацией.

Интересно, что помимо сегрегации по районам и кварталам, в Афинах получила распространение так называемая вертикальная сегрегация, которая заключалась в том, что богатые афиняне стали селиться в просторных апартаментах на верхних этажах, тогда как нижние этажи дробились на множество малогабаритных квартир, которые продавались либо сдавались в аренду приезжим грекам. Такая практика была

8 Database on Migrants in OECD Regions // OECD // https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=REGION_MIGRANTS#, дата обращения 21.04.2020.

характерна не только для многоэтажных строений, появившихся во время расцвета «антипарохи», но и для меньших по размеру зданий, сохранившихся в центральных районах. В 1999-е гг. нижние этажи зданий стали пользоваться спросом со стороны иностранных мигрантов, которые не могли себе позволить аренду (и, тем более, покупку) более дорогого жилья. По подсчетам, сделанным Т. Малутасом и С. Спиреллисом, в муниципалитете Афин в 2011 г. среди обитателей первых этажей доля иммигрантов составляла примерно 22%, цокольных этажей – 39%, подвальных помещений – 69% [Maloutas 2015].

Миграционная волна 1990–2000-х гг. существенно изменила облик греческой столицы. Самые яркие примеры – площадь Омония, ставшая благодаря своему удачному местоположению и сравнительно низким ценам на аренду средоточием нелегалов, а также прилегающие к ней кварталы районов Экзархия, Вати и пр. Важно отметить, что компактное расселение характерно главным образом для иммигрантов из стран Южной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки⁹, которые хуже всего ассимилируются и тяготеют к созданию закрытых этнических сообществ, существующих автономно от остального населения. В центре Афин действует порядка ста подпольных мечетей, большая часть которых находится в гаражах и подвальных помещениях афинских зданий.

В греческой научной литературе [Rerres 2010], равно как и в публици-

стических статьях [Hrisohoou 2012], посвященных миграционному вызову, часто говорится о геттоизации Афин. По сути это верно, однако появление неблагополучных районов нельзя объяснить исключительно фактором миграции. Появление в греческой столице десятков тысяч инокультурных мигрантов не породило, а лишь обострило застарелые проблемы городского развития, ускорив и без того быстрый отток из całego ряда центральных районов представителей среднего класса и заселение этих районов маргинальными слоями общества, среди которых мигранты зачастую составляют важную, но не доминирующую часть. Так, известный по новостным лентам район Экзархия в последние десятилетия стал пристанищем не только беженцев, но и деклассированных коренных жителей: нищих, безработных, «вечных студентов», анархистов и пр. Широко распространенным явлением стал сквоттинг – самовольное заселение оставленных прежними владельцами зданий (домов-призраков), число которых только в историческом центре составляет порядка полутора тысяч¹⁰.

Рецессия, джентрификация и ренессанс городского планирования

«Великая рецессия» конца 2000-х – первой половины 2010-х гг. оказала серьезное влияние на развитие Афинской агломерации. Снижение валового регионального продукта, сокращение ин-

9 Так, 88% всех проживающих в Аттике пакистанцев приходится на муниципалитет Афин, прежде всего район Омонии. Индекс централизации, отражающий уровень концентрации отдельных групп населения в центральной части агломерации, для выходцев из развивающихся стран составляет 0,213, для албанцев – 0,116, а для мигрантов из развитых стран – лишь 0,035 [Arapoglou 2006, p. 27].

10 Forget the Parthenon: How Austerity Is Laying Waste to Athens' Modern Heritage (2017) // The Guardian // www.theguardian.com/cities/2017/sep/12/athens-modern-heritage-austerity-neoclassical-architecture-acropolis-greece, дата обращения 21.04.2020.

вестиций в городскую инфраструктуру, катастрофическая ситуация с занятостью (в 2013 г. безработица достигала 28,7% экономически активного населения), рост социальной напряженности, массовые акции протеста и уличные беспорядки – вот далеко не полный перечень проблем, с которыми Афины сталкиваются на современном этапе. Вместе с тем экономический кризис открыл перед городом новые возможности, которые, при адекватной политике властей, могут заложить основу для улучшения городской среды если не во всей столице, то по крайней мере в отдельных ее районах. В первую очередь это относится к историческому центру Афин, куда после падения цен на недвижимость (в 2017 г. в среднем по городу они были на 44% ниже, чем до кризиса) потянулись многочисленные джентрификаторы: рестораторы, отельеры, представители творческих профессий (музыканты, художники, дизайнеры). В Псири («афинском Сохо»), Гази, Керамике, Петралоне и других районах на месте полуразрушенных зданий появились картинные галереи; ранее заселенные мигрантами и гражданами с низким уровнем доходов цокольные этажи были переоборудованы в кафе и магазины; повсеместным явлением стала посуточная сдача квартир в аренду туристам.

Джентрификация в Афинах имеет ряд особенностей. Во-первых, следует отметить ограниченный характер этого явления. Она началась сравнительно недавно (хотя район Плака, самый близкий к Акрополю, был облагоустроен еще на исходе прошлого века) и охватила лишь центр города. Во-вторых, греческие предприниматели покупают и арендуют недвижимость в указанных районах, как правило, с целью развития бизнеса, ориентированного на иностранных туристов, а не для собственного проживания. Это, однако, вовсе не

означает, что они паразитируют на возросшем в 2010-е гг. туристическом потоке. Напротив, благодаря их деятельности в городе растет число мест, представляющих интерес для гостей города, – от небольших частных музеев до ночных клубов и салонов татуировок. В-третьих, в большинстве районов, подверженных джентрификации, имеет место своеобразная чересполосица: отреставрированные здания соседствуют с домами-призраками, новые свесы – с разбитыми тротуарами, творческая богема – с нелегальными иммигрантами. В-четвертых, правительство Греции и городские власти оказывают всемерную поддержку этому процессу. Так, Министерство охраны окружающей среды совместно с Министерством экономики приняли стимулирующие меры для реконструкции района Метаксургио, предоставив налоговые вычеты предпринимателям, занимающимся восстановлением обветшалых зданий, и снизив ставку налога на передачу прав на недвижимость. Кроме того, джентрификаторы стали привлекаться к разработке планов городского развития [Alexandri 2018]. Используются и карательные меры. В 2019 г. в Экзархии, которую ранее силы правопорядка обходили стороной, консервативное правительство во главе с К. Микотакисом провело серию полицейских операций, направленных на выдворение нелегальных иммигрантов из этого проблемного района.

Отношение в джентрификации в греческом обществе неоднозначное. Несмотря на то что этот процесс эффективно способствует облагораживанию центральной части Афин и развитию туристического потенциала, у него есть и негативные стороны. Главными его жертвами стали малообеспеченные жители города, столкнувшиеся с ростом цен на аренду недвижимости в своих районах. Оплотом набираю-

щего обороты движения против джентрификации стала уже упомянутая Экзархия, где местные анархисты объявили войну полиции, девелоперам, туристам, яппи, хипстерам и отдельно – компании Airbnb¹¹ (популярной интернет-площадке для размещения предложений о краткосрочной аренде недвижимости). Примечательно, что интересы анархистов здесь полностью совпадают с интересами владельцев традиционных отелей и ресторанов, которым становится все сложнее конкурировать с новомодными сервисами, предлагаемыми джентрификаторами.

Еще одна особенность сегодняшних Афин – возросший интерес властей к стратегическому планированию и разработка соответствующих документов, учитывающих новые экономические реалии и согласующихся с общеевропейской повесткой дня в области городской политики. В 2014 г. Министерством окружающей среды и энергетики была принята региональная программа, в основу которой легла концепция устойчивого развития. В качестве приоритетных направлений были обозначены улучшение имиджа города (флагманским проектом в этой области стало преобразование центральной улицы Панепистимиу в пешеходную зону), повышение устойчивой городской мобильности, защита и устойчивое управление пригородами и горными территориями, а также прибрежной зоны [УРЕКА 2014]. Схожие задачи ставит утвержденный в том же году первый за 29 лет Генеральный план развития Афин и Аттики, в котором акцент делается на озеленении города, охране природных экосистем и умном использовании городского ландшафта и водных ресурсов [Papageorgiou,

Gemenetzi 2017]. Принятая на муниципальном уровне Стратегия устойчивого развития Афин до 2030 г., в свою очередь, направлена на решение таких ключевых проблем, как сейсмическая уязвимость зданий, изменение климата, гражданские беспорядки, киберпреступность, макроэкономические вызовы, износ инфраструктуры, неконтролируемая иммиграция и недоверие к городским службам [City of Athens 2017].

Очевидно, что авторы этих и других подобных документов исходят из того, что пик урбанизации региона уже пройден и главной задачей сейчас является улучшение условий жизни населения. При этом во главу угла ставится не строительство дорогостоящих инфраструктурных объектов, как это было в период до проведения Олимпиады, а устранение социальных и экономических контрастов, ревитализация депрессивных районов, помощь (при содействии муниципальных органов власти и институтов гражданского общества) наиболее уязвимым группам населения, включая иммигрантов.

* * *

История Афин представляет собой любопытный «кейс» растянувшегося на два столетия противостояния двух начал городского развития – государственно-планового и стихийно-рыночного. С одной стороны, власти стремились спланировать городские процессы и привести их в соответствие со стратегиями, отвечающими, с их точки зрения, интересам греческого общества и государства. План построения образцово-показательной европейской столицы Клеантиса – Шауберта, попытка партии ПАСОК искусственно повернуть

11 Athens, Greece: Breaking the Sword of Capital Hanging over Exarcheia (2019) // <https://actforfree.nostate.net/?p=33531>, дата обращения 21.04.2020.

вспять урбанизацию Аттики и снизить значение Афин для греческой экономики, современные инициативы в области устойчивого развития – это яркие, но не единственные примеры такого подхода. С другой стороны, огромное влияние на развитие города оказывали внешние факторы, которые едва ли могли быть учтены акторами городской политики и неоднократно приводили к краху стройных, на первый взгляд, концепций, а в отдельные периоды (особенно в эпоху «антипарохи») и вовсе вынуждали государство уходить из сферы городского планирования. В случае с Афинами среди таких факторов наибольшее значение приобрела миграция, как внешняя, так и внутренняя. Именно она в конечном счете предопределила гипертрофированную роль столицы в экономике Греции. Она же породила значительную часть стоящих перед городом проблем, на решение которых уйдет не одно десятилетие.

Список литературы

- Александрова А.К. (2017) Антикризисная политика правительства Г. Папандреу в Греции (октябрь 2009 – май 2010). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
- Никитина Т.В. (2017) Модернизация Греции: внутренняя политика правительства А. Папандреу (1981–1989) // Государственное управление. Электронный вестник. № 64. С. 278–298 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30519153_33292062.pdf, дата обращения 21.04.2020.
- Петрунина О.Е. (2010) Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М.: КДУ.
- Alexandri G. (2018) Planning Gentrification and the ‘Absent’ State in Athens // *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 42, no 1, pp. 36–50. DOI: 10.1111/1468-2427.12566
- Anagnostou D., Kontogianni A., Skleparis D., Tzogopoulos G. (2016) Local Government and Migrant Integration in Greece, Athens: ELIAMEP.
- Arapoglou V. (2006) Immigration, Segregation, and Urban Development in Athens: The Relevance of the LA Debate for Southern European Metropolises // *The Greek Review of Social Research*. Special Issue 121, pp. 11–38 // <https://ejournals.epublishing.ekt.gr/index.php/ekke/article/viewFile/9567/>, обращения 21.04.2020.
- Baldwin-Edwards M. (2005) The Integration of Immigrants in Athens: Developing Indicators and Statistical Measures, Athens: Panteion University.
- Carter R. (1979) Karl Friedrich Schinkel’s Project for a Royal Palace on the Acropolis // *The Journal of the Society of Architectural Historians*, vol. 38, no 1, pp. 34–46. DOI: 10.2307/989347
- City of Athens (2017). Redefining the City: Athens Resilience Strategy for 2030 // https://www.100resilientcities.org/wp-content/uploads/2017/06/Athens_Resilience_Strategy_-_Reduced_PDF.compressed.pdf, дата обращения 21.04.2020.
- Gerasimou S., Perdicoúlis A. (2009) Urban Renaissance on Athens Southern Coast: The Case of Palaio Faliro // *International Journal of Energy and Environment*, vol. 3, no 4, pp. 178–185 // <http://www.naun.org/main/NAUN/energyenvironment/19-216.pdf>, дата обращения 21.04.2020.
- Grammenos F. (2011) European Urbanism: Lessons from a City without Suburbs // *Planetizen*, February 10, 2011 // <https://www.planetizen.com/node/48065>, дата обращения 21.04.2020.
- Hatzopoulou A., Gerasimou S., Ntougia E. (2005) The Evolution and the Influence of Greek Urban Law on the Physiognomy of the Olympic City of Athens // *The 2005 World Sustainable Building Conference*, Tokyo: SB05, pp. 3806–3811 //

<http://www.irbnet.de/daten/iconda/CIB4178.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Hrisoohou E. (2012) Coverage of the Concentration of Foreign Population in the Districts of Athens in the Daily Press and Public Perception of the “Ghetto” Problem // *Criminalistics, Yearbook. Issue 2*, pp. 99–105 (in Greek).

Kallivretakis L. (2017) Athens in the 19th Century: From Regional Town of the Ottoman Empire to Capital of the Kingdom of Greece. *Archeology of the City of Athens* // *Brewminate*, June 17, 2017 // <https://brewminate.com/athens-in-the-19th-century-from-regional-town-of-the-ottoman-empire-to-capital-of-the-kingdom-of-greece/>, дата обращения 21.04.2020.

Leontidou L. (2017) Slums of Hope // *Athens Social Atlas* // <https://www.athens-socialatlas.gr/en/article/slums-of-hope>, дата обращения 21.04.2020.

Loukas T. (2017) The Spatial Planning Framework for Athens City Centre. Aspects of Strategic and Normative Planning // *Athens Social Atlas* // <https://www.athenssocialatlas.gr/en/article/spatial-planning>, дата обращения 21.04.2020.

Maloutas T., Spyrellis S. (2015) Vertical Social Segregation in Athenian Apartment Buildings // *Athens Social Atlas* // <https://www.athenssocialatlas.gr/en/article/vertical-segregation>, дата обращения 21.04.2020.

Mirkovic A. (2012) Who Owns Athens? Urban Planning and the Struggle for Identity in Neo-Classical Athens (1832–1843) // *Cuadernos de Historia Contemporánea*, vol. 34, pp. 147–158 // https://pdfs.semanticscholar.org/b7da/37646a411eb88551a5a8174f16b95009aa53.pdf?_ga=2.255361480.1961721937.1586601583-1745969251.1586374520, дата обращения 21.04.2020.

Papageorgiou M., Gemenetzi G. (2017) Spatial Environmental Planning in Athens and Thessaloniki // 15th International Conference on Environmental Sci-

ence and Technology. Rhodes: CEST // https://cest2017.gnest.org/sites/default/files/presentation_file_list/cest2017_01368_oral_paper.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Papageorgiou-Venetas A. (1997) Athens: Modern Planning in an Historic Context. Planning Initiatives and their Impact on the Gradual Creation of the Cultural-Archeological Park of the City // <http://papageorgiou-venetas.com/site/ergasies/2%20Athens-modern%20planning%20in%20a%20historic%20context.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Prevelakis G. (2002) Capital Planning in Greece: the Experience of Athens // *Aihoros*, no 1, pp. 50–59 (in Greek).

Rerres K. (2010) Ghettoization of Part of the Historical Center of Athens and the Consequences of This Phenomenon for the Economic Life of the City, Athens (in Greek).

Sakalis A. (2019) Why Does Athens Look So Quirky? // *BBC*, October 15, 2019 // <http://www.bbc.com/culture/story/20191011-the-surprising-story-of-athens-offbeat-architecture>, дата обращения 21.04.2020.

Sekeris P., Vasilakis C. (2016) The Mediterranean Refugees Crisis and Extreme Right Parties: Evidence from Greece // *MPRA Paper*, no 72222 // https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72222/1/MPRA_paper_72222.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Skayannis P. (2013) The (Master) Plans of Athens and the Challenges of its Re-Planning in the Context of Crisis // *International Journal of Architectural Research*, vol. 7, no 2, pp. 192–205. DOI: 10.26687/archnet-ijar.v7i2.165

Thanopoulos A. (2019) Living Conditions in Greece, Athens: Hellenic Statistical Authority.

Vasilakis C. (2017) Massive Migration and Elections: Evidence from the Refugee Crisis in Greece // *International Migration*, vol. 56, no 3, pp. 28–43. DOI: 10.1111/imig.12409

Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees in Athens (2018) // OECD, July 26, 2018 // <https://www.oecd.org/greece/working-together-for-local-integration-of-migrants-and-refugees-in-athens-9789264304116-en.htm>, дата обращения 21.04.2020.

Wynn M. (ed.) (2017) Planning and Urban Growth in Southern Europe, New York: Routledge Revivals.

ΥΠΕΚΑ (Ministry of Environment & Energy) (2014). Program for Athens and Attica-2014 // www.ypeka.gr/LinkClick.aspx?fileticket=si4RHaIMdY8=&tabid=37, дата обращения 21.10.2019 (in Greek).

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-5

Modern Athens: Migration Processes and Paradigms of Urban Development

Yury D. KVASHNIN

PhD in History, Head of Center for European Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation;

Associate Professor

MGIMO University, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: ykvashnin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2042-7215

CITATION: Kvashnin Y.D. (2020) Modern Athens: Migration Processes and Paradigms of Urban Development. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 84–101 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-5

Received: 22.10.2019

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is prepared at the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) under the grant of the Russian Science Foundation 19-18-00251 "Socio-economic development of large European cities: influence of foreign investments and labour migrations".

ABSTRACT. *This article attempts to assess the role of migration processes in the urban development of Athens over an extended period of time – since 1834, when the city became the capital of an independent Greek state, up to this day. The history of modern Athens, which in less than a century has turned from a small regional center into one of the ten largest urban ag-*

glomerations in the European Union, is a peculiar case of Mediterranean-type spontaneous urbanization with all its drawbacks, such as illegal construction, excessively high population density and infrastructural problems. At the turn of the 20th century Athens faced a new challenge – the mass inflow of immigrants from the former Yugoslavian countries and Alba-

nia, and after Greece entered the Schengen zone – from the countries of North Africa, the Middle East and South Asia. During the 2015 migration crisis, Greece became the main gateway for hundreds of thousands of refugees and economic migrants to the European Union. These trends have had a direct impact on the economy and social environment of the Greek capital, reinforcing challenges such as an increase in the number of low-income residents, ethnic segregation by regions and suburbanization – relocation of indigenous people from a dilapidated center to safer and more comfortable suburbs and satellite towns.

The need for a transition to more responsible urban planning became apparent in the 1980s, when the first (to be legislated) master plan was adopted, which determined the development strategy for the manufacturing sector, transport system, land use and housing market policies. A serious incentive for the implementation of infrastructure projects – partially funded by EU structural funds – was the holding of the 2004 Olympic Games. In 2014, against the backdrop of a debt crisis and economic recession, the city administration adopted Athens Resilience Strategy for 2030, which takes into account such chronic problems as infrastructure degradation, irregular migration, as well as poor management at the regional and prefectural levels. Presently, due to the lack of necessary financial resources, a decisive role in improving the urban environment is assigned to the private sector. Thus, municipal authorities contribute to the gentrification of the central regions of Athens, which have got unfulfilled tourism and investment potential, providing significant tax benefits and incentives for doing business.

KEY WORDS: Athens, migration processes, suburbanization, segregation, gentrification, urban planning

References

- Alexandri G. (2018) Planning Gentrification and the 'Absent' State in Athens. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 42, no 1, pp. 36–50. DOI: 10.1111/1468-2427.12566
- Alexandrova A.K. (2017) *Anti-crisis Policy of the Government of G. Papandreou in Greece (October 2009 – May 2010)*. PhD Theses in History (in Russian).
- Anagnostou D., Kontogianni A., Skleparis D., Tzogopoulos G. (2016) *Local Government and Migrant Integration in Greece*, Athens: ELIAMEP.
- Arapoglou V. (2006) Immigration, Segregation, and Urban Development in Athens: The Relevance of the LA Debate for Southern European Metropolises. *The Greek Review of Social Research*. Special Issue 121, pp. 11–38. Available at: <https://ejournals.epublishing.ekt.gr/index.php/ekke/article/viewFile/9567/9753>, accessed 21.04.2020.
- Baldwin-Edwards M. (2005) *The Integration of Immigrants in Athens: Developing Indicators and Statistical Measures*, Athens: Panteion University.
- Carter R. (1979) Karl Friedrich Schinkel's Project for a Royal Palace on the Acropolis. *The Journal of the Society of Architectural Historians*, vol. 38, no 1, pp. 34–46. DOI: 10.2307/989347
- City of Athens (2017). Redefining the City: Athens Resilience Strategy for 2030. Available at: https://www.100resilientcities.org/wp-content/uploads/2017/06/Athens_Resilience_Strategy_-_Reduced_PDF.compressed.pdf, accessed 21.04.2020.
- Gerasimou S., Perdicoúlis A. (2009) Urban Renaissance on Athens Southern Coast: The Case of Palaio Faliro. *International Journal of Energy and Environment*, vol. 3, no 4, pp. 178–185. Available at: <http://www.naun.org/main/NAUN/energyenvironment/19-216.pdf>, accessed 21.04.2020.
- Grammenos F. (2011) European Urbanism: Lessons from a City without Sub-

urbs. *Planetizen*, February 10, 2011. Available at: <https://www.planetizen.com/node/48065>, accessed 21.04.2020.

Hatzopoulou A., Gerasimou S., Ntougia E. (2005) The Evolution and the Influence of Greek Urban Law on the Physiognomy of the Olympic City of Athens. *The 2005 World Sustainable Building Conference*, Tokyo: SB05, pp. 3806–3811. Available at: <http://www.irbnet.de/daten/iconda/CIB4178.pdf>, accessed 21.04.2020.

Hrisochoou E. (2012) Coverage of the Concentration of Foreign Population in the Districts of Athens in the Daily Press and Public Perception of the “Ghetto” Problem. *Criminalistics, Yearbook*. Issue 2, pp. 99–105 (in Greek).

Kallivretakis L. (2017) Athens in the 19th Century: From Regional Town of the Ottoman Empire to Capital of the Kingdom of Greece. *Archeology of the City of Athens. Brewminate*, June 17, 2017. Available at: <https://brewminate.com/athens-in-the-19th-century-from-regional-town-of-the-ottoman-empire-to-capital-of-the-kingdom-of-greece/>, accessed 21.04.2020.

Leontidou L. (2017) Slums of Hope. *Athens Social Atlas*. Available at: <https://www.athenssocialatlas.gr/en/article/slums-of-hope>, accessed 21.04.2020.

Loukas T. (2017) The Spatial Planning Framework for Athens City Centre. Aspects of Strategic and Normative Planning. *Athens Social Atlas*. Available at: <https://www.athenssocialatlas.gr/en/article/spatial-planning>, accessed 21.04.2020.

Maloutas T., Spyrellis S. (2015) Vertical Social Segregation in Athenian Apartment Buildings. *Athens Social Atlas*. Available at: <https://www.athenssocialatlas.gr/en/article/vertical-segregation>, accessed 21.04.2020.

Mirkovic A. (2012) Who Owns Athens? Urban Planning and the Struggle for Identity in Neo-Classical Athens (1832–1843). *Cuadernos de Historia Contemporánea*, vol. 34, pp. 147–158. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/b7da/>

37646a411eb88551a5a8174f16b95009aa53.pdf?_ga=2.255361480.1961721937.1586601583-1745969251.1586374520, accessed 21.04.2020.

Nikitina T.V. (2017) Modernization of Greece: Domestic Policy of the A. Papan-dreou Government (1981–1989). *E-journal Public Administration*, no 64, pp. 278–298. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30519153_33292062.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Papageorgiou M., Gemenetzi G. (2017) Spatial Environmental Planning in Athens and Thessaloniki. *15th International Conference on Environmental Science and Technology*. Rhodes: CEST. Available at: https://cest2017.gnest.org/sites/default/files/presentation_file_list/cest2017_01368_oral_paper.pdf, accessed 21.04.2020.

Papageorgiou-Venetas A. (1997) *Athens: Modern Planning in an Historic Context. Planning Initiatives and Their Impact on the Gradual Creation of the Cultural-Archeological Park of the City*. Available at: <http://papageorgiou-venetas.com/site/ergasies/2%20Athens-modern%20planning%20in%20a%20historic%20context.pdf>, accessed 21.04.2020.

Petrulina O.E. (2010) *Greek Nation and State in XVIII–XX Centuries: Essays of Political Development*, Moscow: KDU (in Russian).

Prevelakis G. (2002) Capital Planning in Greece: the Experience of Athens. *Ai-horos*, no 1, pp. 50–59 (in Greek).

Rerres K. (2010) *Ghettoization of Part of the Historical Center of Athens and the Consequences of This Phenomenon for the Economic Life of the City*, Athens (in Greek).

Sakalis A. (2019) Why Does Athens Look So Quirky? *BBC*, October 15, 2019. Available at: <http://www.bbc.com/culture/story/20191011-the-surprising-story-of-athens-offbeat-architecture>, accessed 21.04.2020.

Sekeris P., Vasilakis C. (2016) The Mediterranean Refugees Crisis and Ex-

treme Right Parties: Evidence from Greece. *MPRA Paper*, no 72222. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72222/1/MPRA_paper_72222.pdf, accessed 21.04.2020.

Skayannis P. (2013) The (Master) Plans of Athens and the Challenges of its Re-Planning in the Context of Crisis. *International Journal of Architectural Research*, vol. 7, no 2, pp. 192–205. DOI: 10.26687/archnet-ijar.v7i2.165

Thanopoulos A. (2019) *Living Conditions in Greece*, Athens: Hellenic Statistical Authority.

Vasilakis C. (2017) Massive Migration and Elections: Evidence from the Refugee Crisis in Greece. *International*

Migration, vol. 56, no 3, pp. 28–43. DOI: 10.1111/imig.12409

Working Together for Local Integration of Migrants and Refugees in Athens (2018). *OECD*, July 26, 2018 Available at: <https://www.oecd.org/greece/working-together-for-local-integration-of-migrants-and-refugees-in-athens-9789264304116-en.htm>, accessed 21.04.2020.

Wynn M. (ed.) (2017) *Planning and Urban Growth in Southern Europe*, New York: Routledge Revivals.

YPEKA (Ministry of Environment & Energy) (2014). Program for Athens and Attica-2014. Available at: www.ypeka.gr/LinkClick.aspx?fileticket=si4RHaIMdY8=&tabid=37, accessed 21.10.2019 (in Greek).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-6

Экологические риски урбанизации в странах Юго-Восточной Азии

Наталья Григорьевна РОГОЖИНА

доктор политических наук, главный научный сотрудник

Национальный исследовательский институт мировой экономики и

международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,

д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

ЦИТИРОВАНИЕ: Рогожина Н.Г. (2020) Экологические риски урбанизации в странах Юго-Восточной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 102–118. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-6

Статья поступила в редакцию 29.02.2020.

АННОТАЦИЯ. Одной из наиболее важных тенденций современного этапа социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) является ускорение процесса урбанизации, который будет определять будущее региона. К 2050 г. доля городского населения в составе всего населения региона должна возрасти до 65% по сравнению с 42% в настоящее время. Автор статьи отмечает, что процесс урбанизации в ЮВА имеет ряд отличительных характеристик. Во-первых, следует отметить неравномерность распределения городского населения по странам региона. Во-вторых, наблюдается ускоренный рост средних по размеру городов. В-третьих, в социально-экономических и политических системах стран ЮВА по-прежнему доминируют крупные города и прежде всего столицы. Являясь фундаментом экономического роста и социального прогресса, урбанизация в то же время таит в себе угрозу ухудшения среды обитания для почти половины населения региона. При всем разнообразии социально-экономического развития и политического устройства стран ЮВА

экологическая ситуация в их городах, и прежде всего столицах, поразительно схожа, что свидетельствует о наличии общих причин, вызывающих обострение экологических проблем. В статье отмечается, что экологическая напряженность в городах, спровоцированная, в первую очередь, проблемами, связанными с урбанизацией, в то же время является и проявлением общенационального экологического кризиса, причина которого – в осуществлении модели экстенсивного экономического развития, реализация которой сопровождается переэксплуатацией природных ресурсов и ростом загрязнения окружающей среды. Обострение экологической обстановки в городах, проявляющееся в высоком уровне загрязнения окружающей среды, ограничении доступа населения к источникам питьевой воды, наращивании производства твердых отходов при несовершенстве технологий их утилизации, обесценивает результаты экономического и социального прогресса стран ЮВА. В статье подробно рассматриваются основные экологические проблемы городов, анализируются при-

чины их возникновения и оцениваются возможности их разрешения. Последнее предполагает комплексный подход к преодолению экологического кризиса при осуществлении мер на разных уровнях и в разных сферах. Автор приходит к выводу, что несмотря на то, что в последние годы наметились определенные позитивные сдвиги в подходе властей к решению наиболее острых экологических проблем, тем не менее рассчитывать в скором времени на заметное улучшение экологической обстановки в городах не приходится без изменения самой философии развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юго-Восточная Азия, урбанизация, экологические проблемы, экологическая инфраструктура, климатические изменения, экономическое развитие, загрязнение атмосферного воздуха, «умный» город

Предположение, что битва за устойчивое развитие будет выиграна или проиграна в городах, вполне обоснованно, учитывая продолжающийся рост численности городских жителей в мире. Сегодня эта цифра достигает 3,9 млрд чел. (более половины населения земного шара), а к 2030 г. должна возрасти до 5 млрд чел. Города играют важную роль в стимулировании экономического роста, в улучшении уровня жизни населения, являются центрами деловой активности и инновационного развития. Города производят 70% мирового ВВП. В то же время урбанизация связана с рисками, к которым относятся и ухудшение среды обитания человека в результате обострения экологических проблем. Пример стран Юго-Восточной Азии (ЮВА) достаточно убедительно доказывает: неконтролируемая урбанизация сопровождается экологическими потерями, которые, в свою очередь, обесценивают результаты экономического и социального прогресса.

Урбанизация в странах ЮВА. Общая характеристика

Совокупный объем экономики стран ЮВА, численность населения которых превышает 620 млн чел. (8,8% населения планеты), сопоставим с седьмой экономикой мира (после США, Китая, Японии, Германии, Великобритании и Франции). Согласно имеющимся оценкам, они имеют потенциал продвигнуться на четвертую позицию по этому показателю. ВВП региона, по прогнозам, утроится за период с 2013 по 2040 г. Согласно данным исследования Азиатского банка развития *Asia 2050*, драйвером экономического роста останутся города [Steinberg, Hakim 2018]. В течение ближайших 20 лет города будут обеспечивать 70% прироста ВВП.

Экономическое развитие и урбанизация – процессы взаимосвязанные. С экономическим ростом в ЮВА связан и ускоряющийся процесс урбанизации, который лежит в основе их экономической модернизации в рамках реализации стратегии догоняющего развития на основе экспортоориентированной модели индустриализации. Городское население, пополняющееся в основном за счет миграции избыточной рабочей силы из сельских районов, возросло с 62 млн в 1980 г. до 280 млн в 2015 г., а к 2030 г. должно составить уже 372 млн чел. К 2050 г. его доля в составе всего населения региона должна возрасти до 65% по сравнению с 42% в настоящее время [ASEAN 2018, pp. 16–17]. А это означает, что появятся 200 млн новых горожан. Темпы роста численности городских жителей превосходят средние показатели для всего населения и составляют 3% в год.

Процесс урбанизации в ЮВА имеет ряд отличительных характеристик.

Во-первых, следует отметить неравномерность распределения городского

го населения по странам региона в зависимости от стадии их экономической модернизации. Самый высокий уровень урбанизированности у Сингапура, который опережает страны и по экономическим показателям, – 100% (выше, чем в Японии и США). За ним следуют Малайзия (75%), Индонезия и Таиланд (50%), Филиппины (44%), Вьетнам (30%), Лаос (30,6%) и Камбоджа (20%) [Florida, Fasche 2017, p. 7]. По прогнозам на 2030 г., эти показатели возрастут во всех странах региона, что коррелируется с динамикой их экономического развития.

Во-вторых, наблюдается ускоренный рост средних по размеру городов с населением от 300 тыс. чел. в результате расширения пространственных границ урбанизации под влиянием таких факторов, как развитие торговли и интеграционных связей между странами региона и за его пределами, создание экономических кластеров и городов-спутников вокруг мегаполисов¹. В 2018 г. в Таиланде было зарегистрировано 28 городов с населением 300 тыс. чел. (в 2014 г. – 19). За этот же период на Филиппинах возникло 13 новых средних по размеру городов, во Вьетнаме – два, в Малайзии – один. В их состав к 2050 г. должно войти 200 новых городов [Sustainable Urban Infrastructure Transitions 2018, p. 5]. В городах, число жителей которых не превышает 500 тыс. чел., проживает 67% городского населения ЮВА (165 млн) [Yap Kioe Sheng 2011]. Именно здесь будут наблюдаться самые высокие темпы прироста численности населения, прежде всего за счет миграции сельских жителей из прилегающих областей.

В-третьих, в социально-экономических и политических системах стран ЮВА по-прежнему доминируют крупные города и прежде всего столицы.

Отличительной чертой процесса урбанизации в регионе является концентрация городского населения в столицах, ставших мегаполисами. Например, Бангкок по численности населения превосходит второй по величине город страны Чиенгмай в 15,2 раза, Джакарта – город Сурабаи в 3,6 раза. Для Манилы этот показатель составляет 13:1, Куала-Лумпура – 24:1, Хошимина – 8:1.

Самым населенным городом ЮВА является Манила (13,0 млн чел.), за ней следует Джакарта (10,3 млн), Бангкок (9,3 млн), Хошимин (7,3 млн), Куала-Лумпур (6,9 млн) и Сингапур (5,6 млн чел.). Согласно оценкам *World Urbanization Prospects*, к 2035 г. население Хошимина возрастет на 55%, Куала-Лумпура, Манилы и Джакарты – на 30%, Бангкока – на 25% [Yusuke Suzuki 2019].

Столичные районы отличаются от других городов не только по численности населения, но и по экономическим показателям, и по уровню жизни населения. Бангкок производит три четверти (75,9%) ВВП страны, Манила – 64,2%, Куала-Лумпур – 50,8%, Джакарта – 36,1% и Хошимин – 38,2%. Доход на душу населения в Маниле и Хошимине в 6 раз выше, чем в целом по стране, в Бангкоке – в 4 раза, в Куала-Лумпуре и Джакарте – в 3 раза. В число самых богатых по ВВП городов мира (всего 151 город) входят Сингапур (215 млрд долл.), Манила (149 млрд долл.), Бангкок (119 млрд долл.) и Джакарта (92 млрд долл.) [Yap Kioe Sheng 2013].

Проблема современных городов состоит в том, что им необходимо одновременно решать несколько задач: поддерживать экономический рост и удовлетворять потребности растущего по численности населения с минимальными для окружающей среды потерями. Однако если ускоренный процесс урба-

1 В регионе зарегистрировано 1600 экономических кластеров, или экономических зон различного типа.

низации будет осуществляться и далее в рамках модели экономического роста, основанной на интенсивном использовании природных ресурсов и росте загрязнения окружающей среды, то рассчитывать на улучшение экологической ситуации в городах ЮВА не приходится. Наоборот, к имеющимся проблемам прибавятся новые.

Экологические последствия урбанизации

Поскольку темпы урбанизации от года к году возрастают, то, соответственно, растет и число экологических проблем городов. С учетом динамики роста населения в столичных районах было бы логично объяснить ухудшение экологической ситуации демографическими процессами. Не отрицая влияния демографического фактора на дестабилизацию экологических процессов, следует учитывать и то, что негативный характер его воздействия на окружающую среду проявился и обострился в период осуществления стратегии форсированной экономической модернизации. Крупные города, прежде всего столичные, обязаны своим ростом проведению программ промышленного развития, в ходе которых они и обрели свой статус торгово-промышленных и финансовых центров региона и стали местом притяжения для переселенцев из других районов страны. И поскольку индустриальное развитие первоначально локализовалось в пределах крупных городов, то они в первую очередь и ощутили на себе все негативные последствия осуществляемой модели экстенсивного экономического роста.

Концентрация промышленных объектов, жилых построек, транспортных средств в сочетании с предельно высокой плотностью населения повышают степень экологического риска, свя-

занного с ростом столичных районов. Процесс развития последних сопровождается усилением воздействия антропогенного и техногенного факторов на окружающую среду. Естественные адаптационные возможности городской экосистемы выдержать возрастающую антропогенную нагрузку либо уже исчерпаны, либо находятся на пределе. Это подтверждает и показатель ресурсного следа городов ЮВА. При темпе роста городского населения на 3% в год выбросы двуокиси углерода возрастают на 6,1%. К 2025 г. объем производства отходов увеличится на 150% по сравнению с 1995 г. Многие городские районы попадают в зону повышенного риска, связанного с изменением климата [ASEAN 2018, p. 4].

Обострение экологической обстановки в городах, связанное с высоким уровнем загрязнения окружающей среды, ограниченным доступом населения к источникам питьевой воды и санитарным удобствам, а также нерешенностью жилищного вопроса, превращается в острейшую проблему для большинства стран ЮВА. Попытки улучшить состояние городской экосистемы предпринимаются на протяжении последних 20 лет, но пока ощутимых результатов не дали.

ЗАГРЯЗНЕНИЕ АТМОСФЕРЫ

Большинство экологических проблем городов связано с проведением программ индустриализации. Превращение их в центры экономической активности сопровождается ростом промышленного производства с сопутствующим увеличением техногенной нагрузки на окружающую среду, что, в первую очередь, проявляется в загрязнении воздуха. В большинстве стран региона создана административно-командная система экологического регулирования, в соответствии с которой вводятся нормы выбросов для про-

мышленных предприятий. Несмотря на то, что эта система далека от совершенства, она позволяет снизить экологическую угрозу, исходящую от стационарных источников загрязнения, чего нельзя сказать о транспортных средствах. На их долю приходится до 75% вредных выбросов в атмосферу.

Практически для всех столичных городов (за исключением Сингапура) характерно превышение уровня взвеси и углекислого газа в воздухе сверх установленных стандартов. По содержанию опасных взвесей в атмосфере Джакарта, Бангкок, Ханой и Хошимин, как и в середине 1990-х гг., относятся к числу самых загрязненных городов мира. Смертность от загрязнения воздуха в Джакарте оценивается в 7 тыс. чел. в год. При этом число горожан, подверженных воздействию загрязнения атмосферы, возросло с 35% в 2011 г. до 58% в 2016 г. И они были вынуждены потратить 51,2 трлн рупий (79 млрд долл.) на лечение болезней, вызванных плохой экологией².

Непоправимый урон здоровью людей наносят токсичные выбросы, производимые угольными тепловыми электростанциями, транспортными средствами, промышленными предприятиями, бытовым хозяйством, мусорными свалками. Этот далеко не полный перечень источников загрязнения атмосферы остается неизменным на протяжении многих лет. И ситуация может только ухудшиться, учитывая запланированный ввод в эксплуатацию пяти новых угольных электростанций в окрестностях Джакарты. Их токсичные выбросы сопоставимы с объемом эмиссий 10 млн автомобилей, на которые приходится 70% общего объема

выбросов в воздушное пространство столичного района³.

Автомобильный парк Джакарты постоянно пополняется за счет частных транспортных средств, ставших символом материального благополучия среднего городского класса. Муниципальные власти пытаются решить эту проблему за счет введения ограничений на использование личных транспортных средств, но результат оказывается минимальным. Индонезия на 5 лет отстает от Таиланда по стандартам качества используемого автомобильного топлива. К тому же популярным видом столичного транспорта в условиях постоянных пробок на дорогах остаются конструкционно устаревшие и экологически опасные модели мотоциклов с двухтактным двигателем.

Летом 2019 г. экологическая ситуация в столице Индонезии настолько обострилась, что ее последствием, согласно выводам ученых из университета Чикаго, может стать сокращение продолжительности жизни горожан на 2–3 года. Жители столицы подали иски в судебные инстанции против центральных и местных властей, от которых они хотели добиться принятия нового закона по контролю над загрязнением атмосферы взамен устаревшего от 1999 г., повысить эффективность системы мониторинга за состоянием воздушного пространства и обеспечить доступ общественности к информации.

Экономические потери от загрязнения атмосферы в Бангкоке (по этому показателю столица Таиланда занимает седьмое место в мире) возросли с 211 млрд батов (6,7 млрд долл.) в 1990 г. до 871 млрд батов (27 млрд долл.) в 2013 г.⁴ Страдают от астмы 10–

2 Jakarta Now Rivals Beijing and New Delhi for Dirty Air (2019) // Bangkok Post, July 4, 2019 // <https://www.bangkokpost.com/world/1706910/jakarta-now-riv>, дата обращения 21.04.2020.

3 Walton K. (2019) Jakarta's Air Quality Kills Its Residents – and It's Getting Worse // The Interpreter, July 5, 2019 // www.lowyinstitute.org/the-interpreter/jakarta-s-air-quality-kills-its-residents-and-it-s-getting-worse, дата обращения 21.04.2020.

15% местных детей, и их число с каждым годом возрастает, поскольку смог уже на протяжении ряда лет накрывает столицу. По мнению министра природных ресурсов и экологии Варавут Слипа-оча, это стихийное бедствие на 76% связано с вредными выбросами транспортных средств, число которых в Бангкоке за последнее десятилетие возросло в 2 раза (до 10,5 млн единиц), что приводит к пробкам на дорогах. В часы пик средняя скорость на автотрассах не превышает 19 км/ч.

Автодорожная сеть, которая занимает только 9% от общей площади Бангкока (для Токио этот показатель составляет 25%, Нью-Йорка – 30%), не справляется с возрастающей из года в год транспортной нагрузкой. Бангкок застраивался, не имея планов развития автодорожной системы. Трудности со строительством новых дорог возникают из-за нехватки площадей и высокой стоимости земли в Бангкоке. Согласно статистике, ежедневно в городе регистрируется 1000 новых транспортных средств. Однако не было принято никаких мер по их ограничению. В настоящее время 65% жителей столицы используют личный транспорт для передвижения по городу (4,3 млн единиц) и лишь 35% – городской. В задачу городской администрации входит строительство новых линий метро и надземных электричек, что позволит увеличить число жителей Бангкока, пользующихся услугами городской транспортной системы, до 50%⁴. По оценкам экспертов, страна теряет 11 млрд

батов (317 млн долл. в год), или 60 млн батов в сутки, из-за пробок на дорогах в Бангкоке⁵.

Однако имеются и другие источники загрязнения – выбросы промышленных предприятий и сельского хозяйства. По подсчетам экспертов, экономические потери Бангкока от смога в течение только одного месяца (с 5 января по 5 февраля 2019 г.) оцениваются в 3,2 млрд батов (100 млн долл.) в год, 2–3 млрд (73 млн долл.) – это затраты на лечение заболевших. За январь 2019 г. число пациентов, страдающих респираторными заболеваниями и обратившихся в местные больницы, возросло на 150% по сравнению с предыдущим месяцем. В 2,4 млрд батов (76 млн долл.) оцениваются потери туристического сектора экономики и в 200–600 млн (6–18 млн долл.) – предприятий сферы услуг⁶.

Правительство Таиланда в условиях роста общественного недовольства и в попытке завоевать доверие населения в преддверии проведения всеобщих парламентских выборов вынуждено было активизировать действия по борьбе с загрязнением атмосферы в Бангкоке. В январе 2019 г. кабинет принял пакет мер по сокращению выбросов, в числе которых – введение ограничений на проезд грузовиков в центр столицы, добровольный отказ от использования личных автотранспорта средств, проведение мониторинга экологического состояния промышленных предприятий и их закрытие в случае невыполнения государ-

4 The Pollution Paralysis: Thailand's Structural Inability to Clean up Its Air (2019) // The Bangkok Post, November 17, 2019 // <https://www.bangkokpost.com/thailand/special-reports/1796019/the-pollution-paralysis-thailands-structural-inability-to-clean-up-its-air>, дата обращения 21.04.2020.

5 Nophakhun Limsamarnphun (2018) Bangkok Traffic Nightmare // The Nation, August 17, 2018 // <https://www.nationthailand.com/news/30352400>, дата обращения 21.04.2020.

6 Yukako Ono (2016) Reforming Bangkok's Smarled Traffic // The Nikkei Asian Review, October 6, 2016 // <https://asia.nikkei.com/Economy/Reforming-Bangkok-s-snarled-traffic-2>, дата обращения 21.04.2020.

7 Pollution Could Cost Bangkok Bt6 Billion, Researchers Say (2020) // The Nation, January 23, 2020 // https://www.nationthailand.com/news/30380964?utm_source=homepage&utm_medium=internal_referral, дата обращения 21.04.2020.

ственных предписаний, запрет на поджог биомассы в окрестностях Бангкока.

Опасаясь принятия правительством более жестких мер, способных повлечь за собой немалые экономические потери, автомобильная промышленность решила продемонстрировать свою социальную ответственность и выразила готовность предоставить 20%-ю скидку на приобретение компонентов для машин, способствующих сокращению вредных эмиссий, провести бесплатную инспекцию 60 тыс. легковых автомобилей. А государственная нефтяная компания РТТ, в свою очередь, пообещала снизить в 2 раза цену на бензин для этих автомобилей⁸.

Однако все эти меры носят частичный и временный характер и не могут предотвратить дальнейшее разрастание экологического кризиса в Таиланде, имеющее глубинные корни. Поэтому вряд ли можно рассчитывать на достижение заявленной министром природных ресурсов и экологии цели по улучшению состояния атмосферы к 2022 г. Обострение экологической ситуации в Бангкоке является закономерным следствием проводимой на протяжении десятилетий стратегии экономического роста при игнорировании экологических потребностей развития. Сфера охраны окружающей среды финансируется по остаточному принципу. В национальном бюджете на 2019 г. на ее долю приходилось лишь 0,4% всех государственных расходов, или 0,05% ВВП (в 13 раз меньше, чем в Китае, в 14 раз меньше, чем в Евросоюзе)⁹.

То, что государство по-прежнему не рассматривает экологическую сферу в числе приоритетов национальной политики, отрицательно сказывается и на работе институтов, ответственных за охрану окружающей среды, межведомственному сотрудничеству которых препятствуют корпоративные интересы. Безрезультатными оказались попытки создать независимую структуру, наделенную всеми полномочиями по решению экологических вопросов. По-прежнему, как и 10 лет назад, слабо контролируется выполнение экологических законов.

Все еще широко используются грязные с экологической точки зрения автотранспортные средства. Несмотря на запрет сжигания биомассы, 66% производителей сахарного тростника используют огонь как самый дешевый способ расчистки полей. Все эти причины обострения экологических проблем в Бангкоке известны не первый год, как и высказываемые экспертами предложения: усилить контроль над источниками загрязнения, в первую очередь, транспортными средствами¹⁰; повысить стандарты качества воздушного пространства, которые в Таиланде занижены по сравнению с рекомендованными ВОЗ¹¹; применять экономические стимулы в качестве меры воздействия на поведение загрязнителей, например, ввести налог на транспорт в зависимости от наносимого вреда здоровью населения; создать новый рынок для сельскохозяйственной продукции, при производстве которой не

8 Masayuki Yuda (2020) Smog-Choked Bangkok Struggles To Improve Air Quality // The Nikkei Asian Review, January 27, 2020 // <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Environment/Smog-choked-Bangkok-struggles-to-improve-air-quality>, дата обращения 21.04.2020.

9 The Pollution Paralysis: Thailand's Structural Inability to Clean up Its Air (2019) // The Bangkok Post, November 17, 2019 // <https://www.bangkokpost.com/thailand/special-reports/1796019/the-pollution-paralysis-thailands-structural-inability-to-clean-up-its-air>, дата обращения 21.04.2020.

10 Введение стандарта Euro 5 откладываются уже на протяжении 13 лет из-за лоббистской деятельности нефтеперерабатывающих компаний, не желающих делать новые инвестиции. Закон должен вступить в силу только в 2022 г.

11 Департамент по контролю над загрязнением должен пересматривать нормы каждые 5 лет, но с 2010 г. никаких изменений в закон не вносилось.

используется метод расчистки полей с помощью огня; расширить полномочия местных органов власти в рамках политики децентрализации¹². Однако реализация этих мер возможна только в случае корректировки проводимой экологической политики.

УПРАВЛЕНИЕ ТВЕРДЫМИ ОТХОДАМИ

Росту экономики и улучшению материального положения населения сопутствует увеличение объема производимых твердых отходов, лишь незначительная часть которых проходит обработку и рециклинг. Средняя цифра по странам ЮВА составляет 1,14 кг на человека в сутки, что в 4 раза выше, чем в целом по странам АТЭС [Amit Jain 2017, p. vi]. В настоящий момент города тратят 20–30% своего бюджета на сбор отходов и их утилизацию. Твердые отходы – это, главным образом, мусор. В его структуре преобладают органические отходы (данный факт не касается Сингапура) и пластик.

Основной метод сбора и утилизации отходов – сброс в отвалы и открытое сжигание. Но если применение первого метода наталкивается на трудности с отводом новых площадок под свалки и связано с экологическими рисками (во время каждого сезона дождей мусор с открытых свалок попадает в реки, вызывая их загрязнение), то второй также имеет свои ограничения. Сжигание мусора (достаточно экологически вредное производство) является экономически дорогостоящим предприятием, поскольку большая часть отходов – мусор органического происхождения, утилизация которого требует высоких температур, а соответственно, является энергозатратной.

В Индонезии примерно 85% малых городов и 53% средних сбрасывают отходы на открытых площадках. Незаконное захоронение остается распространенной практикой утилизации вредных отходов, вызывая рост загрязнения почвы и воды и нанося вред здоровью населения.

Во всех странах АСЕАН, за исключением Камбоджи и Лаоса, начали вводиться в действие технологии вторичной переработки мусора и его рециклинга, однако они мало применяются в отношении отходов электронной промышленности и пластика, что представляет сегодня серьезную проблему для региона. Даже в Сингапуре, который имеет самую эффективную систему управления твердыми отходами, перерабатывается только 61% мусора.

В небольших городах сбором, сортировкой и вторичным использованием мусора занимается неформальный сектор, в то время как крупные предприятия коммунального хозяйства, руководствуясь сугубо коммерческими интересами, собирают только «прибыльный мусор».

Несмотря на то, что большинство стран ЮВА разработали национальные стратегии по управлению отходами, их реализация наталкивается на ряд трудностей: технологических, инфраструктурных, финансовых, правовых. Развитие инфраструктуры для удаления твердых отходов отстает от темпов их роста. В Индонезии коммунальными службами собирается не более 50% мусора, при этом менее 10% перерабатывается. В городах Ханое и Хошими не примерно 1 млн т твердых отходов остаются несобранными каждый год. В Малайзии не существует отдельного сбора мусора.

12. В то время как местные власти пытаются ввести запрет на открытое сжигание биомассы, национальная сельскохозяйственная политика, наоборот, поддерживает развитие предприятий, использующих этот метод.

Неэффективное управление отходами является причиной роста загрязнения окружающей среды: атмосферы, почвы и воды. Поэтому развитие инфраструктуры по их утилизации является сегодня самой неотложной задачей, требующей срочного решения. Но если в крупных городах, прежде всего в столичных мегаполисах, ей уделяется повышенное внимание со стороны местных властей, то этого нельзя сказать о малых и средних городах, испытывающих нехватку финансовых средств и технологических ресурсов. Ситуация усугубляется тем, что многие жители городов, особенно проживающие в бедных кварталах без коммунальных удобств, по-прежнему сбрасывают мусор в водоемы, вызывая их загрязнение.

Учитывая темпы роста промышленного производства и численности населения в средних городах, есть все основания полагать, что они в самое ближайшее время столкнутся с проблемой накопления на свалках твердых отходов. И в отсутствии надлежащей системы их удаления вынуждены будут заплатить за это высокую социальную и экономическую цену, измеряемую потерями качества жизни населения, снижением производительности труда и потерей своей конкурентоспособности. По мере урбанизации стран ЮВА, роста численности населения и увеличения уровня потребления проблема, связанная с управлением отходами, будет только нарастать.

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ

В Индонезии от 75% до 90% загрязнения воды в городах связано с антисанитарным размещением бытовых отходов. В 13 рек, протекающих по террито-

рии Джакарты, ежедневно попадает более 2,5 млн куб. м сточных вод, 70% составляют сбросы домашних хозяйств. Согласно официальным данным на 2018 г., 96% водных ресурсов относятся к категории сильно загрязненных и не могут быть использованы как источники питьевой воды. Единственная в Джакарте водоочистная станция способна удовлетворить лишь 2,2% спроса на воду¹³. Хотя закон о загрязнении водных ресурсов 2009 г. запрещает компаниям сливать неочищенные стоки в водоемы, однако слабый контроль над его выполнением имеет необратимые экологические и социальные последствия. Отсутствие развитого коммунального хозяйства обходится экономике Индонезии в 7,6 млрд долл., или в 2% ВВП [Investing in a More Sustainable Indonesia 2009, p. 8].

В Джакарте менее половины населения пользуются водопроводной водой, 30% вынуждены покупать воду. К 2022 г. планируется создание в Джакарте канализационной системы (Jakarta Sewerage System (JSS) для очистки стоков домашних хозяйств перед их сбросом в водоемы с целью расширить доступ населения к питьевой воде и предотвратить использование в этих целях грунтовых вод. Последнее представляет особую опасность для Джакарты, которая подвержена наводнениям и затоплению.

Загрязнение водоемов угрожает Хошимину и Ханюю в отсутствии развитой системы канализации, несмотря на то, что правительство страны вкладывает ежегодно 56 млн долл. в развитие коммунального хозяйства. Реки и каналы продолжают выполнять роль сточных ям, куда сбрасывается мусор и сливаются отходы домашнего хозяйства и

13 Callistasia Anggun Wijaya (2018) What Makes Jakarta's Rivers Ugly and Smelly? // The Jakarta Post, July 24, 2018 // <https://www.thejakartapost.com/news/2018/07/23/what-makes-jakartas-rivers-ugly-and-smelly.html>, дата обращения 21.04.2020.

промышленных предприятий. Аналогичная картина в городах Лаоса: открытые водоемы превратились в побочные коллекторы. Не лучше обстоит дело в Бангкоке и Маниле. Правительство Филиппин уже давно обвиняют в затягивании с вводом в эксплуатацию системы водоснабжения столицы.

Большая часть инфраструктуры коммунального хозяйства устарела, находится в плохом техническом состоянии и не соответствует нуждам возросшего по численности городского населения. Например, ориентированная на социальные запросы 300 тыс. жителей Ханоя, она вынуждена, однако, обслуживать более 1 млн чел. (по некоторым оценкам, даже 2–3 млн). Учитывая перспективный рост экономического производства и увеличение численности городского населения, потребность в развитии сферы экологических услуг будет возрастать. Приоритет в решении этой задачи отводится расширению доступа населения к питьевой воде. В то же время созданию современной канализационной системы и проведению очистных работ уделяется меньшее внимание из-за напряженности городских бюджетов.

Проблема низкого качества воды имеет, прежде всего, социальный характер. Прогноз на будущее весьма пессимистичный – из-за ограниченного доступа к санитарным удобствам продолжительность жизни населения региона может сократиться на 2 года. Разрыв в уровне обеспечения городского населения питьевой водой и коммунальными удобствами особенно заметен в районах, населенных беднотой. В столицах концентрируются и разрастаются анклавы нищеты. Жители бедняцких кварталов, лишённые коммунальных удобств, особенно остро ощущают на себе последствия загрязнения окружающей среды. В Маниле уровень заболеваемости

дизентерией в районах, населённых беднотой, в 2 раза выше среднего показателя по городу.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

В прогнозах относительно развития стран ЮВА на среднесрочную и долгосрочную перспективу обязательно учитывается экологический фактор. При этом приоритетное внимание уделяется проблеме изменения климата, угрожающей дестабилизации социально-экономической, политической и экологической ситуации. По имеющимся оценкам, в результате изменения климата страны ЮВА понесут экономические убытки в размере 6–13 ВВП к 2100 г. [The Economics of Climate Change 2009, p. xxii; Groff 2017, p. 10].

Хотя вклад ЮВА в мировое производство парниковых газов составляет 12%, однако регион относится к числу самых уязвимых к изменению климата. В зоны климатического риска попадают те районы, которым угрожает поднятие уровня моря и связанные с этим наводнения и штормы. В прибрежных зонах проживает 36% городского населения стран ЮВА [Yap Kioe Sheng 2011]. Например, на Филиппинах в зону затопления попадают 70% городов с населением 13 млн чел. [The Future Of Asian & Pacific Cities 2019, p. 48]. Вторую категорию составляют территории, подверженные циклонам (перенаселённые районы западной Явы, Мьянма, Филиппины, Таиланд и восточное побережье Вьетнама и Камбоджи). И, наконец, к третьей категории причисляются вододефицитные районы. Все это в сочетании с потерей значительной части посевных территорий в результате их затопления и эрозии почв приведет к массовой миграции сельских жителей в города, что ставит перед властью новые задачи по совершенствованию городской инфраструктуры, снабжению людей водой, санитарными услу-

гами и жильем. Планирование переселения людей, создание новых рабочих мест, вложение крупных средств в инфраструктуру, формирование системы борьбы со стихийными бедствиями – лишь часть проблем, стоящих перед городской властью.

Ситуация усугубляется тем, что Бангкок, Манила, Джакарта и Хошимин, куда традиционно направляется массовый поток мигрантов из сельской местности, сами оказываются в зоне климатического риска, поскольку расположены на побережье и им угрожает затопление в случае поднятия уровня моря.

40% территории Джакарты уже находится ниже уровня моря. Его повышение в период муссонных дождей становится причиной частых наводнений. Массивная застройка города и рытье глубоководных колодцев приводят к оседанию почвы. Джакарта уходит под воду быстрее, чем другие крупные города в мире – 5–10 см в год. По прогнозам, к 2050 г. в результате поднятия уровня воды в прибрежной зоне 95% территории столицы Индонезии будет полностью затоплено.

По мнению местных экспертов, чтобы затормозить этот процесс, у властей осталось в распоряжении всего 10 лет. На первый взгляд, решение задачи – простое: надо запретить бесконтрольное выкачивание грунтовых вод и строительство глубоководных колодцев. Но для этого требуется уже гораздо больше: расширить доступ населения к трубопроводной воде, провести очистку водных ресурсов от загрязнения, создать современную систему канализации, обеспечить выполнение соответствующих экологических предписаний.

А тем временем предпринимаются усилия по созданию системы дамб

для предупреждения угрозы затопления. В планах строительство к 2030 г. второй преграды – Гигантской морской стены в дополнение к Прибрежной стене. Проект предусматривает создание к 2035 г. 17 искусственных островов. Однако грандиозный проект воспринимается неоднозначно в экспертных кругах. Например, высказываются опасения по поводу возможного обрушения стены под напором воды, что приведет к затоплению огромной территории столицы Индонезии¹⁴. Предлагается засадить территорию северной части Джакарты мангровыми деревьями, которые будут выполнять роль буферной зоны от наводнений.

Президент Индонезии Джоко Видодо выдвинул инициативу перенести столицу на остров Калимантан. Регион был выбран с учетом его наименьшей уязвимости к стихийным бедствиям. Этот проект, который обойдется в 466 трлн рупий, – часть плана администрации президента по равномерному развитию всех регионов страны и снижению нагрузки на самый переселенный остров Ява. Джакарта при этом сохранит свой статус делового центра страны. Новая столица должна превратиться в очаг инновационного развития, воплотить в себе все черты «умного города».

Но перемещение столицы не решит экологических проблем Джакарты – ни загрязнения воздуха, ни незаконного рытья колодцев, ни перегруженности транспортными средствами и пробок на дорогах, не говоря уже о сохраняющейся угрозе затопления. К тому же строительство новой столицы на острове Калимантан вызывает озабоченность у защитников природы. Под угрозой – уничтожение уникальных

14 Kimmelman M. (2017) Jakarta Is Sinking So Fast, It Could End up Underwater // Today, December 22, 2017 // <https://www.todayonline.com/world/jakarta-sinking-so-fast-it-could-end-underwater>, дата обращения 21.04.2020.

тропических лесов, вытеснение со своей традиционной территории проживания местных племен даяки.

ОПЫТ СИНГАПУРА – УРОК ДЛЯ ДРУГИХ СТРАН ЮВА

Экологические последствия урбанизации, можно сказать, являются следствием неконтролируемого роста городов и неэффективного их планирования, наличия технически устаревшей инфраструктуры, нехватки финансовых средств. Не умаляя значения воздействия этих факторов на ухудшение городской среды, главную причину обострения экологических проблем следует искать в сфере политики. Осуществляемая на протяжении многих десятилетий экологическая политика в странах ЮВА была и остается заложницей экономической стратегии, игнорирующей экологические потребности развития.

По своей философии развития Сингапур выгодно отличается от других стран ЮВА. По данным Национального агентства по охране окружающей среды, качество воздуха в городе-государстве превосходит соответствующие показатели по другим странам Азии и соответствует уровню США¹⁵. Сейчас трудно представить, что в 1960–1970-х гг. Сингапур был «раем для загрязнителей». Потребовалось более 10 лет, чтобы он стал одним из самых чистых мест в мире. Достигнуто это было благодаря принятию курса на экологизацию экономического развития, что позволило Сингапuru на много обогнать своих соседей и по уровню экономического развития приблизиться к развитым индустриальным странам. То, что Сингапур смог отойти от традиционного видения приоритетов развития, свойствен-

ных индустриальному обществу на раннем этапе его развития, – прежде всего личная заслуга его политического лидера Ли Куан Ю, который понял, что страна сможет повысить свою конкурентоспособность только в случае строгого соблюдения экологических требований. Опыт Сингапура – наглядное подтверждение возможностей города экономически развиваться без ущерба для окружающей среды.

Уже к началу 1990-х гг. в стране сложилась эффективная система экологического регулирования, которая, в отличие от других стран ЮВА, позволила контролировать экологическое состояние промышленных объектов при поддержке и стимулировании их экологических инициатив. Были введены жесткие требования к транспортам средствам, количество автомобилей, находящихся в личном пользовании, строго регламентировалось. Стала активно развиваться чистая энергетика. Проблема водоснабжения города решается за счет ввода опреснительных заводов. Налажена служба мониторинга за состоянием окружающей среды, а население получило доступ к экологической информации.

В перечне стоящих перед городом задач – повышение эффективности системы управления твердыми отходами за счет 70% их вторичной переработки к 2030 г. Особое внимание будет уделяться утилизации пластика, использование которого в течение последних 15 лет возросло на 20%. А между тем перерабатывается только 6%. В настоящий момент весь этот мусор хранится на свалках, мощность которых будет исчерпана уже к 2035 г. Свою готовность отказаться от одноразовой пла-

¹⁵ Berretta M. (2020) Nations can Benefit from Singapore's Environmental Strides // Global-is-Asian, January 14, 2020 // https://lkyspp.nus.edu.sg/gia/article/nations-can-benefit-from-singapore-s-environmental-strides?utm_source=Global-is-Asian+%40Lee+Kuan+Yew+School+of+Public+Policy+List&utm_campaign=8c7dfca537-, дата обращения 21.04.2020.

стиковой тары выразили 38% жителей Сингапура, а 70% – включиться в процесс их рециклинга. Сингапур поставил перед собой цель стать «государством с нулевыми отходами»¹⁶.

Поиски решения экологических проблем

Список экологических рисков урбанизации не только не сокращается, но и возрастает по мере распространения этого процесса вширь и увеличения численности городского населения. И это несмотря на предпринимаемые местными и центральными властями попытки решить наиболее острые экологические проблемы, прежде всего в столицах, за счет развития системы общественного транспорта, расширения доступа населения к источникам чистой воды, совершенствования системы сбора и утилизации мусора, повышения энергоэффективности строений.

Анализируя причины сохранения экологической напряженности в городах, следует выделить следующие.

Административные просчеты, связанные с отсутствием координации между муниципальными и центральными структурами власти.

Недостатки законодательства. Многие законы, регулирующие качество окружающей среды, не пересматриваются годами.

Институциональные недостатки, выражающиеся в слабости системы экологического регулирования.

Ухудшение экологической ситуации в городах – это и результат просчетов, допущенных администрацией при осуществлении программ городского пла-

нирования, недооценки экологических потребностей развития. Некомпетентность местных чиновников по целому ряду экологических вопросов частично объясняется скудностью информационной базы, что затрудняет проведение детального анализа экологической ситуации.

Вложения в инфраструктуру отстают от потребностей населения в доступе к коммунальным услугам. По имеющимся оценкам, к 2035 г. необходимо будет потратить более 7 трлн долл. на создание новых объектов городской инфраструктуры и строительство жилья в странах АСЕАН [Sustainable Urban Infrastructure Transitions 2018, p. 7].

И тем не менее определенный прогресс в решении экологических проблем городов уже наметился. Главным достижением последних лет стало осознание властями приоритета экологических потребностей и необходимости их включения в планы городского строительства, что нашло отражение в формировании программы «Инициатива АСЕАН по созданию экологически устойчивых городов» (ASEAN Initiative on Environmentally Sustainable Cities (ESC)). ESC ставит задачу развития низкоуглеродной и ресурсо-энергоэффективной экономики. Например, создание в Джакарте скоростной автобусной транзитной системы позволяет сократить выбросы двуокиси углерода на 170 тыс. т и сэкономить потребление топлива на 70 млн л в год. Городские власти Манилы планирует засадить 1,6 млн га территории бамбуком, а 600 тыс. га – мангровыми лесами в Лагуне-де-Бай для улучшения водоснабжения столицы и предотвращения наводнений.

16 Geddie J. (2018) Singapore, Where Trash Becomes Ash, Plastics Are Still a Problem // Reuters, June 6, 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-singapore-waste/in-singapore-where-trash-becomes-ash-plastics-are-still-a-problem-idUSKCN1J20HX>, дата обращения 21.04.2020.

Понимая сложность решения одновременно всех экологических проблем, городские власти сконцентрировали свое внимание на наиболее неотложных, к которым относится совершенствование системы управления твердыми отходами при расширении практики вторичного использования сырья. Однако ее внедрение и распространение зависит не только от наличия соответствующей технологической и финансовой базы, но и от готовности населения ее принять. Формирование экологического сознания у населения – процесс достаточно длительный.

О том, что его культура поведения постепенно меняется, говорят многие факты. Например, жители Бангкока, крайне обеспокоенные антисанитарным размещением пластиковых отходов (ежедневно в Бангкоке собирается 10 тыс. т мусора, включая 80 млн пластиковых пакетов, иначе говоря, 8 одноразовых пакетов на каждого жителя в день), стали использовать для покупок многоразовые сумки и контейнеры. В добровольном порядке 43 супермаркета перешли на другие виды упаковки товаров.

В Индонезии получили развитие так называемые банки отходов, куда местные жители несут вторичное сырье для его последующей переработки в обмен на получение скромного материального вознаграждения. Цель этой программы – сформировать у горожан заинтересованность в рациональном использовании отходов. Сингапур, где в 2018 г. было собрано 7,7 млн т отходов (эквивалентно весу 530 тыс. дабл деккеров), поставил цель перейти к практике безотходного производства.

Создание «умных городов» – одно из очевидных проявлений стремления стран ЮВА сделать развитие городов социально- и экологически ориентированным без ущерба для развития их экономик при опоре на современные инфор-

мационные и коммуникационные технологий (ИКТ). Целью этой программы является улучшение качества жизни горожан с помощью технологии городской информатики для повышения эффективности обслуживания и удовлетворения нужд резидентов. ИКТ должны повысить эффективность работы общественного транспорта, системы водоснабжения и канализации, управления твердыми отходами, здравоохранения и т. п. В странах ЮВА уже разработана программа «Сеть «умных городов» АСЕАН», концепция которой предполагает обмен опытом между 26 «пилотными» городами региона по решению актуальных проблем перенаселенности, загрязнения воды и воздуха, бедности и безопасности.

Однако рассчитывать в скором времени на улучшение экологической обстановки в городах не приходится. Необходимо решать одновременно комплекс задач: улучшать городское коммунальное хозяйство, развивать транспортную систему, обеспечить жильем живущих в трущобах. А для этого требуются не только крупные инвестиции и современная технологическая база, но и политическая воля руководства стран ЮВА.

* * *

Одной из наиболее важных тенденций современного этапа социально-экономической эволюции стран Юго-Восточной Азии является ускорение процесса урбанизации. Являясь фундаментом экономического роста и социального прогресса, урбанизация в то же время таит в себе угрозу ухудшения среды обитания почти половины населения региона. При всем разнообразии социально-экономического развития и политического устройства стран региона на экологическая ситуация в их городах, прежде всего столицах, поразительно схожа, что свидетельствует о наличии общих причин, вызывающих обо-

стрение экологических проблем. Экологическая напряженность в городах, спровоцированная, в первую очередь, проблемами, связанными с урбанизацией, в то же время является и проявлением общенационального экологического кризиса, связанного с проведением программ экономической модернизации с ориентацией на достижение экономического роста «любой ценой» в ущерб охране окружающей среды.

Именно поэтому решение задачи по улучшению экологической обстановки в городах не ограничивается принятием мер только в экологической сфере, а требует учета всего комплекса факторов, разрушительно воздействующих на городскую экосистему. Это проблемы миграции, трудоустройства населения, развития производительных сил и повышения эффективности производства, рационального размещения промышленных объектов и совершенствования системы планирования города и т. п.

Чтобы предотвратить разрастание экологических проблем в городах ЮВА, необходимо осуществить реформы на различных уровнях: локально-городском, национальном и международном. Поскольку урбанизация является неотъемлемым следствием проводимой стратегии экономического развития, то внесение в нее экологического содержания является главным условием улучшения экологического состояния городов. В то же время обеспечение экологически безопасного развития в городе невозможно без осуществления социальной политики, призванной минимизировать дестабилизирующее воздействие демографического фактора на экосистему города. Третья сфера предполагаемых реформ – городское управление. Постановка этой задачи означает как совершенствование самого механизма муниципального управления, так и укрепление всей системы городского хозяйства, включая транспорт, стро-

ительство, коммунальные услуги. Четвертое направление связано с формированием и реализацией природоохранной политики и включает весь комплекс мер по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. Но на экологическое здоровье современного города все большее воздействие оказывают последствия изменения климата. Поэтому активное участие стран региона в международной климатической политике, непосредственно увязанной с их переходом к зеленому развитию, сегодня приобретает особую актуальность, учитывая то, что многие города ЮВА уязвимы к последствиям потепления климата. Города становятся лицом стран ЮВА, и по их экологическому состоянию будут судить о достигнутом регионом экономическом и социальном прогрессе. Путь к его обеспечению лежит через экологизацию экономики города.

Список литературы

ASEAN Sustainable Urbanisation Strategy (2018), ASEAN Secretariat.

Amit Jain (2017). Waste Management in ASEAN Countries. Summary Report, United Nations Environment Programme.

Florida R., Fasche M. (2017) The Rise of the Urban Creative Class in South-East Asia, Martin Prosperity Institute University of Toronto.

Groff S.P. (2017) The Price of Climate Change // ASEANFocus. Outlook at 50: Climate Change, no 1, pp. 10–11.

Investing in a More Sustainable Indonesia (2009) // Country Environmental Analysis // <http://documents.worldbank.org/curated/en/234451468267034152/pdf/507620v10ESW0P1Box342029B001PUBLIC1.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Steinberg F., Hakim J. (eds.) (2018) Urban Development In The Greater Mekong Sub-region, Asian Development Bank.

Sustainable Urban Infrastructure Transitions in the ASEAN Region: A Resource Perspective (2018), United Nations Environment Programme.

The Economics of Climate Change in Southeast Asia: A Regional Review (2009) // ADB // <https://www.adb.org/publications/economics-climate-change-south-east-asia-regional-review>, дата обращения 21.04.2020.

The Future of Asian & Pacific Cities. Transformative Pathways towards Sustainable Urban Development (2019)

// United Nations, October 14, 2019 // <https://www.unescap.org/publications/future-asian-and-pacific-cities-2019-transformative-pathways-towards-sustainable-urban>, дата обращения 21.04.2020.

Yap Kioe Sheng (2013) Urban Challenges in South-East Asia. DOI: 10.13140/2.1.1747.4563

Yusuke Suzuki (2019) Megacities in Southeast Asia – The Progression of Unipolar Concentration and Expansion into the Suburbs, Mitsui&Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-6

Environmental Challenges of Urbanization in Southeast Asia

Natalia G. ROGOZHINA

DSc in Politics, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: ngrogozhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9924-2493

CITATION: Rogozhina N.G. (2020) Environmental Challenges of Urbanization in Southeast Asia. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 102–118 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-6

Received: 29.02.2020.

ABSTRACT. One of the most important trends in the modern stage of the socio-economic development of the countries of Southeast Asia is the acceleration of the process of urbanization which will determine the future of the region. By 2050, the share of the urban population in the total population of the region is due to increase to 65% compared to 42% at present. The author stresses that the process of urbanization in SEA has a number of distinctive characteristics. Firstly, it should be noted the uneven distribution of the urban population among the countries of the re-

gion. Secondly, there is an accelerated growth of medium-sized cities. Thirdly, in the socio-economic and political systems of Southeast Asian countries, large cities and primarily capitals still dominate. Being the foundation of economic growth and social progress, urbanization at the same time has many challenges, one of which is the threat of environmental degradation for almost half of the region's population. With all the diversity of socio-economic development and the political structure of the countries of the region, the environmental situation in their cities, and especially the

capitals, is strikingly similar, which indicates the presence of common causes of environmental crisis. The article notes that environmental tension in cities, primarily subjected to problems associated with urbanization, are at the same time a consequence of the national environmental crisis, the cause of which is the realization of a model of extensive economic development, the implementation of which is accompanied by the over-exploitation of natural resources and increased pollution. The deterioration of the environmental situation in cities, which reveals itself in a high level of air and water pollution, restricting public access to drinking water sources and sanitary facilities, increasing the production of solid waste with imperfect disposal technologies, devalues the results of the economic and social progress of Southeast Asian countries.

The author discusses in detail the main environmental problems of cities, analyzes the causes of their occurrence and assesses the possibilities for their prevention. The latter involves an integrated approach to overcoming the environmental crisis along with implementing measures at different levels and in different areas. The author comes to the conclusion that despite the fact that in recent years there have been some positive changes in the approach of the authorities to solving the most acute environmental problems, nevertheless, it is doubtful that the environmental situation will noticeably improve in the near future without changing the philosophy of development itself.

KEY WORDS: Southeast Asia, urbanization, environmental problems, environmental infrastructure, climate change, economic development, Air pollution, smart town

References

- ASEAN Sustainable Urbanisation Strategy (2018), ASEAN Secretariat.
- Amit Jain (2017). *Waste Management in ASEAN Countries. Summary Report*, United Nations Environment Programme.
- Florida R., Fasche M. (2017) *The Rise of the Urban Creative Class in South-East Asia*, Martin Prosperity Institute University of Toronto.
- Groff S.P. (2017) The Price of Climate Change. *ASEANFocus. Outlook at 50: Climate Change*, no 1, pp. 10–11.
- Investing in a More Sustainable Indonesia (2009). *Country Environmental Analysis*. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/234451468267034152/pdf/507620v10ESW0P1Box342029B-001PUBLIC1.pdf>, accessed 21.04.2020.
- Steinberg F., Hakim J. (eds.) (2018) *Urban Development In The Greater Mekong Sub-region*, Asian Development Bank.
- Sustainable Urban Infrastructure Transitions in the ASEAN Region: A Resource Perspective* (2018), United Nations Environment Programme.
- The Economics of Climate Change in Southeast Asia: A Regional Review (2009). ADB. Available at: <https://www.adb.org/publications/economics-climate-change-southeast-asia-regional-review>, accessed 21.04.2020.
- The Future of Asian & Pacific Cities. Transformative Pathways towards Sustainable Urban Development (2019). *United Nations*, October 14, 2019. Available at: <https://www.unescap.org/publications/future-asian-and-pacific-cities-2019-transformative-pathways-towards-sustainable-urban>, accessed 21.04.2020.
- Yap Kioe Sheng (2013) *Urban Challenges in South-East Asia*. DOI: 10.13140/2.1.1747.4563
- Yusuke Suzuki (2019) *Megacities in Southeast Asia – The Progression of Unipolar Concentration and Expansion into the Suburbs*, Mitsui&Co. Global Strategic Studies Institute Monthly Report.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Латинская Америка: демографическая динамика и трансформация миграционных процессов

Надежда Юрьевна КУДЕЯРОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт Латинской Америки РАН, 115035, Б. Ордынка ул., д. 21, Москва,
Российская Федерация
E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6899-0763

ЦИТИРОВАНИЕ: Кудеярова Н.Ю. (2020) Латинская Америка: демографическая динамика и трансформация миграционных процессов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 119–140.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Статья поступила в редакцию 23.03.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00023.

АННОТАЦИЯ. Латинская Америка относится к регионам с высоким уровнем миграционной активности. История государств южной части Западного полушария более полутора веков сопряжена с массовыми переселенческими потоками, структура и направление которых существенно трансформировались. Если в конце XIX – начале XX вв. латиноамериканские государства выступали в качестве реципиентов трансатлантических миграционных потоков, то во второй половине XX в. они превратились в доноров человеческих ресурсов. Это было связано с глубокими демографическими преобразованиями. Целью работы является анализ влияния демографических трансформаций на становление эмиграционной модели мобильности в странах Латинской Америки и Карибского бассейна. Демографические изменения по-разному проявлялись в странах с большой долей

европейских мигрантов и тех, которые не были затронуты массовыми миграциями рубежа XIX–XX вв. Демографический взрыв с наибольшей силой проявился в странах Центральной Америки и Мексике. Впоследствии это отразилось на интенсивности миграционного движения в США. В работе изучены основные направления миграций жителей стран Латинской Америки и Карибского бассейна, выделены два базовых ареала мобильности, демонстрирующих различные стратегии в выборе стран – целей миграции. США стали лидирующей страной приема латиноамериканских мигрантов. Но если 93% мигрантов из Центральной Америки и Мексики направляются в США, то в Южной Америке преобладают внутрирегиональные передвижения. Это нашло отражение в реализации миграционной политики крупнейших региональных интеграционных объединений. Значимое

место во внерегиональных направлениях миграции из Южной Америки заняла Испания. В конце второго десятилетия XXI в. глобальные экономические трансформации влияют на миграционную динамику латиноамериканских субрегионов, продуцируя мощные миграционные кризисы и локальные напряжения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демографический взрыв, Латинская Америка, Южная Америка, Центральная Америка, США, Испания, миграция, миграционное давление, трансатлантическая миграция

Современный политический контекст миграционного движения выводит эту естественную форму территориальной мобильности в число противоречивых факторов глобального порядка. В последние несколько десятилетий мы могли наблюдать значительный рост миграционной активности и порождаемые ею локальные напряжения. Миграции все чаще позиционировались как инструмент конфронтации: они обозначались как «новая революция» [Крастев 2018, с. 24], вдохновленная не идеологическими образами, а потребностью перемен страны проживания. Мигранты становились одним из препятствий для возрождения «величия страны» (по выражению президента США Д. Трампа [Trump 2016]) или же использовались в качестве манипулятивного инструмента в решении политических задач, как это было сделано в марте 2020 г. лидером Турции Р.Т. Эрдоганом в вопросе с сирийскими беженцами. Эти примеры отражают симптомы оформления «идеологии» новых посткризисных форм глобализации.

Миграционная проблема артикулируется со стороны принимающих сообществ, где внимание уделяется вопросам интеграции, культурного единства и сохранения прежнего уровня благополучия. Но у территории исхода нет

столь же мощной общественной трибуны. Это приводит к тому, что миграции воспринимаются зачастую как процесс, стимулируемый лишь «революцией Google», – возможностью увидеть с помощью телефона жизнь людей в других местах и стремлением оказаться там. В такой системе причинно-следственных связей мигранты как бы «обрушиваются» на Запад, насмотревшись на блага цивилизации, к которым им хочется приобщиться. Но у всех миграционных кризисов последних лет были свои конкретные причины, проявившиеся после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Обрушение мировых цен на нефть и другие ископаемые ресурсы подорвало существовавшие экономические механизмы поддержания стабильности во многих, прежде всего развивающихся, странах. Наложённые на демографическую асимметрию между странами глобального Юга и Севера, они провоцировали исход населения. Иными словами, спусковой механизм массовых миграций был намного сложнее, чем фрустрация о красивой жизни.

Одним из следствий продолжающегося роста населения в развивающихся странах стала активизация мобильности жителей Юга. Начавшаяся с внутренних миграций и урбанизации, она все чаще выходит за границы государств. Как отмечали авторы «Доклада о мировой миграции 2020» Международной организации по миграции (International Organization for Migration, IOM), размер мировых международных миграций постепенно растет, по оценкам, «в 2019 г. за пределами стран рождения проживало 272 млн чел., что на 119 млн больше, чем в 1990 г. (153 млн), и более чем в 3 раза превзошло показатель 1970 г. в 84 млн мигрантов» [World Migration Report 2019, p. 21]. За 50 лет доля мигрантов в мировом населении увеличилась с 2,3 до 3,6%.

Вклад латиноамериканского региона в эти процессы значителен. Так, согласно оценкам Отдела народонаселения ООН, «численность мигрантов в странах Латинской Америки и Карибского бассейна составила 40,5 млн чел., или около 15% мировой численности мигрантов» [Panorama Social de América Latina 2019, p. 159]. Это значение фактически в 2 раза превышало долю жителей стран Латино-Карибской Америки (8,6%) в населении мира. Опираясь на данные Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL), регионально-го подразделения ООН, можно отметить, что за пределами родных стран находились 6,3% жителей региона. Он стал безусловным донором человеческих трудовых ресурсов. Приведенные значения подчеркивают очень высокую миграционную мобильность латиноамериканцев, фактически в 2 раза превосходящую среднемировую показатель. Это дает основание отнести Латинскую Америку и страны Карибского бассейна к пространству с высоким уровнем миграционного движения.

Основные демографические тенденции Латино-Карибской Америки

Активная территориальная мобильность – одна из базовых черт населения региона. История государств южной части Западного полушария более полутора веков сопряжена с массовыми переселенческими потоками, структура и направление которых существенно трансформировались. Именно миграции были важнейшим механизмом формирования современного облика латиноамериканских стран.

На интенсивность и направления современной мобильности в латино-

американском регионе влияют глобальные и региональные демографические тенденции. Уже с середины XIX – начала XX вв. латиноамериканские страны были плотно вплетены в глобальные миграционные процессы в качестве реципиентов человеческих ресурсов. В тот период переселенцы из государств Южной Европы доминировали в трансатлантическом потоке, искавшем счастье и новые возможности на южноамериканском континенте. Стимулом для столь дальнего переселения была потребность в рабочих руках и малая заселенность территории. Вкупе с демографическим ростом в странах Южной Европы это создавало условия для активной мобильности.

Так, в ходе свободного межконтинентального передвижения с 1870 по 1915 г. в Аргентину прибыло свыше 7 млн иностранцев, в основном из Испании, Италии, Франции и Португалии, из которых впоследствии около 58% покинули страну, вернувшись на родину либо продолжив путь в США. За этот период население Аргентины выросло фактически в 4 раза, а доля иностранцев достигла 30% [Recchini de Lattes, Lattes 1975, pp. 23, 65]. Активная фаза трансатлантической миграции также проявилась и в Бразилии, где на протяжении XIX – начала XX вв. прибыло суммарно более 3,6 млн чел. (около 15% также покинули страну либо реэмигрировали). В начале XX в. доля мигрантов в составе бразильского населения составляла 6,2% [Zamberlam 2004, p. 63]. Сходные процессы происходили и в Уругвае. Пик абсолютных значений иммиграции был зафиксирован переписью 1908 г., когда число уроженцев других стран составило 180 тыс., или 17,4% всего населения [Perfil Migratorio de Uruguay 2011, p. 45; Nahum 2007, p. 9]. В целом трансатлантические миграции достигли пика к 1914 г. и с началом Первой мировой войны стали со-

кращаться. Хотя конкретные абсолютные значения миграционного притока зависели от размеров принимающих стран, относительное влияние было колоссальным.

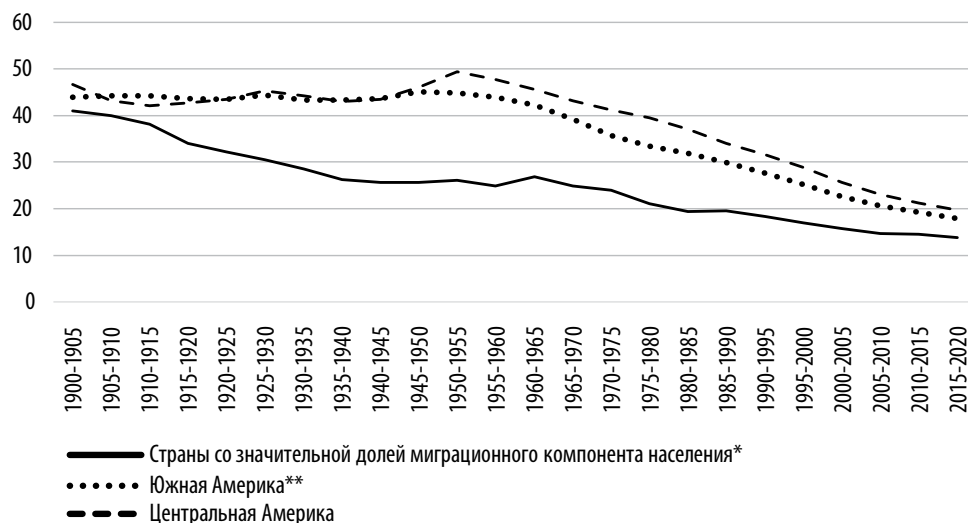
В XX в. в латиноамериканском регионе стали формироваться новые миграционные модели, которые наиболее четко проявились во второй половине века. Они воплотились в нарастающей эмиграции людей и становлении регионального формата мобильности. Статистически растущий объем пограничных миграций начал проявляться лишь после 1955 г. [Кудярова 2017, с. 83].

Превращение латиноамериканских стран в доноров миграции происходило в тесном переплетении с активным демографическим ростом. Середина XX в. стала периодом изменения модели воспроизводства населения в Латинской Америке, где на смену «традиционной» модели с высокими показателями рождаемости и смертности стала приходить «современная». Ее базо-

выми чертами являются низкие уровни рождаемости и смертности. Изменение не было одномоментным. В итоге инерция высокой рождаемости синхронизировалась с принципиальным сокращением смертности, прежде всего детей младенческого возраста. Переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения воплотился в активном росте населения стран Латинской Америки и Карибского бассейна: с 1900 г., когда суммарная численность составляла 63 млн чел., она выросла до 653,6 млн (2020 г.), или фактически в 10 раз [Miró 1968, р. 2; CEPAL. CEPALSTAT]. Это заложило фундамент последующей эмиграционной активности.

Демографическая трансформация стала важнейшим социально-экономическим процессом. В начале XX в. практически для всех латиноамериканских стран были характерны максимальные показатели коэффициентов рождаемости в диапазоне 40–50‰. Но бы-

Рисунок 1. Динамика коэффициента рождаемости в Латинской Америке (промилле)

* Аргентина, Уругвай (с 1910 г.), Куба (с 1930 г.)

** без Аргентины и Уругвая

Источник: Построено по данным: 1900–1950 [Miró 1968, pp. 6–7]; 1950–2020 [CEPAL. CEPALSTAT].

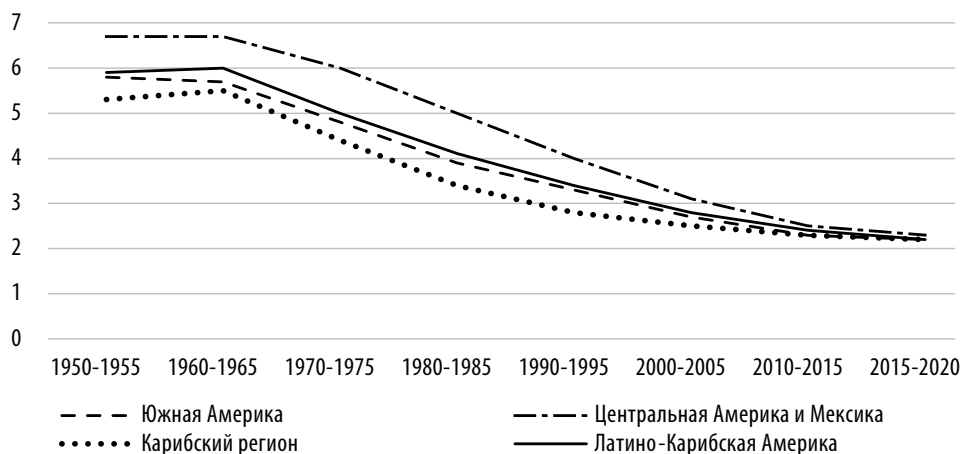
ло бы упрощением усреднять все данные по региону. Миграционная волна конца XIX – начала XX вв. проявилась также в характере воспроизводства населения. Как отмечалось в докладе «Население Латинской Америки в XX веке» Латиноамериканского центра демографии (Centro Latinoamericano de Demografía, CELADE), «в странах, не подверженных воздействию международных миграционных передвижений, возрастная структура определялась главным образом предшествовавшим поведением фертильности. Это отчетливо видно при сравнении структур двух популяций, которые в течение относительно длительных периодов демонстрировали различные уровни фертильности» [Miró 1968, p. 18]. В 1960-х гг. стали отчетливо заметны различия между странами, испытавшими мощный миграционный приток (Аргентина, Уругвай и Куба), и теми, где миграции не внесли столь же значимого вклада. Для стран первой группы было характерно воспроизведение европейских демографических траекторий (график 1). Это особенно заметно на фоне центрально-

американских государств и Мексики, где преобладало автохтонное и метисное население. Так, например, в Аргентине в 1900–1904 гг. коэффициент рождаемости составил 41,0‰, но в 1960 г. – лишь 22,3‰. В те же годы в Мексике этот показатель рождаемости составлял 46,5 и 46,0‰ соответственно.

После пиковых значений 1950–1960-х гг. наметилось постепенное сокращение уровня рождаемости: если в 1950–1955 гг. в среднем по региону коэффициент составлял 43,1‰, то к началу 2000-х гг. он сократился в 2 раза и продолжил траекторию снижения, достигнув 17,5‰ в 2015–2020 гг. Падение уровня рождаемости происходило синхронно со снижением среднего числа рожденных детей на одну женщину. Если в 1960–1965 гг. в среднем на женщину приходилось 6 детей, то в 2015–2020 гг. – лишь 2,2 [CEPAL. CEPALSTAT] (график 2).

После Второй мировой войны латиноамериканские страны вошли в фазу демографического перехода. Высокий уровень фертильности, характерный для традиционного типа воспроизводства населения, не являлся определяю-

Рисунок 2. Изменение коэффициента суммарной рождаемости (рождений на женщину)

Источник: Построено по данным [CEPAL. CEPALSTAT].

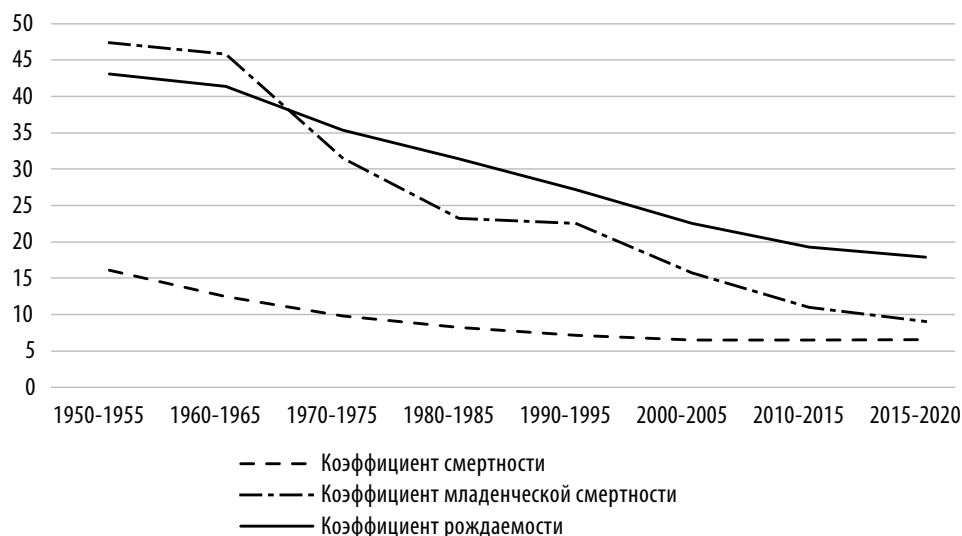
щим элементом произошедшей трансформации. Он предопределил высокие доли детей и молодых взрослых. «Улучшение санитарного состояния в наибольшей степени влияло на показатель смертности младенцев и в целом более молодых групп населения, тем самым увеличивая число выживших в этих возрастных группах, что неизбежно привело к омоложению возрастной структуры», – отмечалось в докладе CELADE [Miró 1968, pp. 18–19].

Эпидемиологическая революция XX в. внесла решающий вклад в демографическую трансформацию (график 3). Ее ключевым элементом принято считать изменение режима смертности, с одной стороны, приводящее к увеличению продолжительности жизни, с другой – к радикальному снижению уровня детской смертности. Совокупность этих факторов привела к «выигрышу» жизней во всех возрастных группах и, как следствие, к демографическому взрыву.

Вторая половина XX в. была периодом доминирования детской и молодежной когорт населения. Со временем стал наблюдаться характерный сдвиг, который свидетельствовал о снижении темпа роста населения (график 4). По мнению российского демографа А.Г. Вишневого, «по мере прекращения демографического взрыва «молодежный бугор» будет перемещаться в средние, а затем и в старшие возрасты и со временем усилит процесс демографического старения» [Вишневский 2019, с. 292]. Этот «молодежный бугор» стал наглядным отражением воздействия демографических процессов на миграционную активность. Высокие показатели рождаемости при добавлении 15–20-летнего интервала, необходимого для достижения трудоспособного возраста, впоследствии привели к волнообразному росту миграционных показателей.

Представляется, что постепенный поиск баланса низкой смертности и

Рисунок 3. Основные демографические показатели по Латино-Карибской Америке (промилле)

Источник: Построено по данным [CEPAL, CEPALSTAT].

низкой рождаемости – это неизбежная перспектива стран региона, но придти к ней они будут в разные периоды. Минимальный медианный возраст 18,6 лет в Латинской Америке был достигнут в 1965–1970 гг., и после этого он стал постепенно увеличиваться. Хотя в государствах Центральной Америки показатель опустился до 16,7 лет, в дальнейшем он повторил общую траекторию с сохранением обозначенного лага. Латинская Америка относится к «молодым» регионам. К 2020 г. средний возраст жителей составил 31 год [World Population Prospects 2019]. Тем не менее общая тенденция постепенного взросления уже обозначилась.

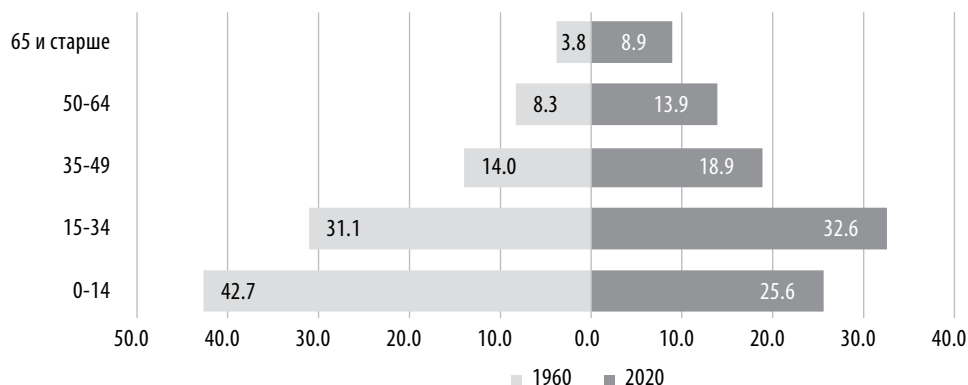
Продолжительность бурного роста населения составила около трех–четырех десятилетий. Однако на фоне снижающихся демографических показателей инерция демографического взрыва все еще способствует поддержанию роста численности населения в странах региона. Так, согласно данным доклада ООН «Перспективы мирового населения», к 2050 г. население региона достигнет 780 млн чел., а затем постепенно начнет сокращаться [World Population Prospects 2017, p. 1]. Насе-

ление Латинской Америки только начинает стареть, но в целом на протяжении нескольких десятилетий будет оставаться относительно молодым.

Географическая проекция миграционных процессов

Демографические трансформации заложили фундамент для высокой миграционной активности жителей Латинской Америки. Основные тенденции территориальной мобильности можно увидеть сквозь призму показателей накопленной миграции (stock migration). Традиционно в статистике категория «Латинская Америка» в большинстве случаев объединяет континентальные «латинские» государства, а также карибские Кубу, Доминиканскую Республику и Гаити, исключая из списка континентальные Гайану, Суринам, Белиз и большинство карибских государств. Современные группировки более демократичны, они все чаще отражают территориальное объединение вне зависимости от «латинизации». Тем не менее остается актуальным подход, когда анализ «по Латинской Америке»

Рисунок 4. Возрастная пирамида Латино-Карибской Америки (%)

Источник: Построено по данным [CEPAL, CEPALSTAT].

строится вокруг либо усредненного показателя по региону, либо на примере конкретных стран. Это нередко размывает четкость тенденций, прежде всего в их специфической субрегиональной проекции.

С 1980-х гг. за странами Латино-Карибской Америки закрепился стереотип донора миграций. Он особенно ярко проявился на примере латиноамериканского присутствия в США. Так, «Соединенные Штаты являются основным пунктом назначения региональной эмиграции. Хотя это утверждение относится не ко всем странам, оно отражает долгосрочную тенденцию. В 2010 г. в США концентрировалось три четверти латиноамериканских и карибских мигрантов, в то время как, например, другие страны Организации экономического развития и сотрудничества (ОЭСР) – Канада, Испания и Япония – привлекали только 13%» [Panorama Social de América Latina 2019, p. 168]. Даже исключение из общего подсчета Мексики (без объяснения оснований для этого шага), как это предложили авторы доклада «Социальная панорама Латинской Америки 2019», оставляет Соединенные Штаты в лидерах миграционных направлений, который концентрирует почти 50% региональных мигрантов [Panorama Social de América Latina 2019, p. 168]. Такое отсутствие методологической четкости не вносит ясности в понимание сложившейся системы регионального миграционного движения. Рассмотрение всех стран региона как единого целого на основе усредненных показателей во многом не продуктивно. Для исследования географической составляющей мобильности предлагаем отойти как от исключительно странового подхода, так и от обобщения тенденций по признаку латиноамериканской «лингвистической общности» и обратить внимание на субрегиональные группировки.

Анализ основных направлений миграций показывает, что устоявшиеся маршруты имеют стабильные привязки к странам-реципиентам. Они определяются целями миграции (куда и зачем), расстоянием до желаемых стран и возможностями (финансовыми, физическими и юридическими) преодоления этих расстояний. Географические условия стали важной составляющей развития субрегиональной мобильности. Так, например, наличие водных препятствий между Южной и Центральной Америкой фактически исключило южный вектор для массовой миграции из центральноамериканских стран.

Задача построения территориальных моделей субрегиональной мобильности может быть решена с помощью Двусторонней матрицы миграций (Bilateral Migration Matrix) Всемирного банка. Объединив страны по группам, можно увидеть устоявшиеся модели передвижения жителей континентальных государств Южной и Центральной Америки, а также Карибского бассейна.

Для жителей стран Центральной Америки и Мексики доминирующим вектором миграции стали США, на которые приходилось 93% накопленной миграции (график 5). В случае Мексики этот показатель стремился к абсолютным значениям и достигал 98%. Некоторая вариативность, выразившаяся в «остальных» 7%, была достигнута за счет двух факторов. Важным стало коста-риканское «исключение». Эта небольшая центральноамериканская страна на протяжении сорока лет принимает переселенцев из соседней Никарагуа, что привело к положительному миграционному сальдо. Также часть выходцев из Гватемалы, Сальвадора и Гондураса остается в Мексике, находя там работу в сельских районах. Эти центральноамериканские страны принято обозначать как Северный тре-

угольник, что подчеркивает их географическую близость и во многом сходные социально-экономические и политические проблемы.

Основные направления миграции жителей Северной части Латино-Карибской Америки

Направления миграции жителей государств Карибского бассейна во многом воссоздают сходную картину (график 6). США также доминируют в качестве основного реципиента, в них проживало 80% всех мигрантов из этого мультиостровного субрегиона. Но, в отличие от первого примера, здесь можно увидеть более активные внутрирегиональные передвижения, складывающиеся из статистики пары Гаити и Доминиканской Республики. Также в качестве устойчивого направления третье место прочно заняли европейские страны.

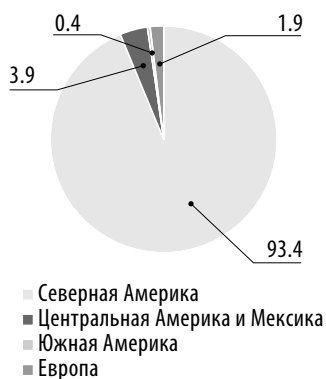
Несмотря на некоторое увеличение доли внутрирегиональной мобильности и значимости европейского направления, два приведенных примера во многом структурно сходны. Это дает основание объединить их в один северный миграционный ареал, суммарно охватывающий 24,6 млн чел.

Демографические изменения оказали прямое воздействие на миграционную динамику. Наиболее ярко они обозначились в северном миграционном ареале. Мексикано-американская граница стала символом проблем, связанных с массовыми людскими потоками в США.

Причины столь высокой активности на этом направлении очевидны. Наиболее ярко неравномерность субрегионального развития проявляется в экономической сфере. Так, в 1990 г. ВВП на душу населения (по ППС в международных долларах) в США превышал аналогичный показатель Мексики в 3,7 раза, Сальвадора – в 8,2, Гватемалы – в 7,2 и Гондураса – в 11,5 раза.

Рисунки 5 и 6. Основные направления миграции жителей северной части Латино-Карибской Америки

Центральная Америка и Мексика (%)
(16,3 млн)

Карибский регион (%)
(8,4 млн)

Источник: Рассчитано и построено автором по данным [Bilateral Migration Matrix 2017].

По прошествии тридцати лет, несмотря на рост номинальных значений, соотношение осталось, по сути, прежним: Мексика – 3,2 раза, Сальвадор – 7,5, Гватемала – 7,4, Гондурас – 12,2 раза [World Development Indicators]. Иными словами, установившиеся разрывы не менялись. Все это предопределяло направление миграционного движения. Мексика занимала своеобразное «промежуточное» положение в этой цепочке стран. Однако бедность, в которой проживало свыше 56% сельского населения Мексики, мало отличалась от ситуации центральноамериканских соседей [CEPAL. CEPALSTAT]. В государствах Северного треугольника более половины сельских жителей оставались за чертой бедности и трудно искореняемой нищеты. Поэтому лишь для незначительной части мигрантов Мексика становилась целью миграции, а подавляющее большинство предпочитало двигаться дальше на север. В случае успеха даже малоквалифицированная работа давала финансовое вознаграждение, оправдывавшее опасный нелегальный переход.

Помимо очевидных экономических факторов – различия уровня оплаты труда и качества жизни между США и близлежащими латиноамериканскими странами, – ключевую роль играл рост численности населения в трудоспособном возрасте, не находившего работу в родных странах. Интенсивность и массовость во многом предопределялись демографическими показателями. Так, статистические данные динамики роста населения Мексики устойчиво коррелировали с увеличением присутствия уроженцев страны на территории северного соседа. Особенно сильно связь проявлялась с 15–20-летним лагом, когда родившиеся в 1950–

1960-е гг. достигали трудоспособного возраста и выходили на рынок труда. В 1970-х гг. началась активная мексиканская эмиграция, приведшая за десятилетие к трехкратному увеличению числа иммигрантов в США (график 7). Хотя ее темп прироста постепенно снижался с 1980-х гг., абсолютные показатели продолжали расти.

В определенной мере мексиканский пример иллюстрирует усиливающее воздействие фактора диаспоры на интенсивность миграционных передвижений. Начало было положено Программой Брасеро¹ (Bracero Program, BP). Двусторонний американо-мексиканский договор о контрактации сельскохозяйственных рабочих, действовавший в 1942–1964 гг., был призван компенсировать нехватку североамериканских рабочих в годы Второй мировой войны. В послевоенное время программа была ориентирована на сельскохозяйственных рабочих и действовала вплоть до 1964 г. Система легального найма обросла сопутствующим недокументированным потоком, использующим социальные связи с диаспорой для поиска возможностей трудоустройства. Таким образом, к началу массовой миграционной волны «инфраструктура» трансграничного перехода была сформирована. Как следствие, легальное присутствие мексиканских мигрантов сопровождалось масштабным недокументированным потоком. В 1986 г. в США был принят Закон об иммиграционной реформе (Immigration Reform and Control Act, IRCA), позволивший урегулировать статус проживания 3 млн чел., 70% которых были мексиканцами [Baker 2013, p. 29], [Коробков 2008, с. 31]. Однако легализация не остановила процесс миграционного движения.

¹ Брасеро – разнорабочий (от исп. *bracero* – разнорабочий, батрак).

По оценкам американского Pew Research Center, максимальные значения нелегальной миграции в США были показаны в 2007 г., где из 12,2 млн чел. около половины составляли мексиканцы [Krogstad, Passel, D’Vera 2019]. Таким образом, в XXI в. на территории США находилось около 17 млн мексиканцев.

Во многом сходную динамику можно увидеть и для группы уроженцев стран Центральной Америки. Уже в 1970-е гг. наблюдалось значительное увеличение темпа прироста миграционного сообщества, численность которого стартовала с невысоких показателей (48 тыс. чел. в 1960 г.). Главную роль сыграли гражданские войны в ходе Центральноамериканского конфликта, в который были вовлечены Сальвадор, Никарагуа, Гондурас и Гватемала. В 1980-е гг. прием беженцев из этого региона стал основным механизмом увеличения сообщества в США. Численность выходцев из центральноамериканских государств в 1980-е гг. вырос-

ла с 354 тыс. (1980 г.) до 1 млн 134 тыс. (1990 г.) [O’Connor, Batalova, Bolter 2019].

Несмотря на нормализацию политической ситуации и урегулирование конфликта, интенсивность миграционного потока из центральноамериканских стран не спадала. Высокий уровень бедности, характерный для стран Северного треугольника, отсутствие работы в местах рождения, дисбаланс сфер формальной и неформальной занятости способствовали высокому миграционному давлению. С 1990-х гг. «миграция начала функционировать в качестве механизма, адаптирующего местный рынок труда к новой фазе транснационализации рабочей силы. На этом фоне исход населения выполнял роль своеобразного социального клапана, снижающего уровень давления на внутреннем рынке рабочей силы» [Ивановский 2017, с. 316].

Основу сообщества составили выходцы из Сальвадора, на которых при-

Рисунок 7. Темп прироста численности иммигрантов в США (%)

Источник: Рассчитано и построено автором по данным: O’Connor, Batalova, Bolter 2019.

ходило 40% всех иммигрантов данного региона, затем следовали мигранты из Гватемалы (27%) и Гондураса (18,6%). К 2017 г. суммарная численность выходцев из центральноамериканских стран достигла 3 млн 445 тыс. чел. и продолжила постепенный рост. В результате объем накопленной эмиграции варьировался в диапазоне от 6,7% численности населения Гватемалы до 25% жителей Сальвадора [Migration and Remittances Factbook 2016, pp. 115, 134].

В XXI в. в северном миграционном ареале, следуя за демографической динамикой, начала спадать интенсивность мексиканского потока. Наивысший показатель ежегодного притока мексиканцев в США был достигнут в 2000 г., когда в течение года в страну въехало 700 тыс. чел. После это началось постепенное снижение активности, приведшее к уровню 140 тыс. чел. в 2010 г. [Passel, Cohn, Gonzalez-Barrera 2012]. Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. заметно затормозил миграционную мобильность. Начавшийся с крахом игроков на рынке ипотечных кредитов, кризис нанес серьезный удар по строительной индустрии. Эта отрасль традиционно являлась одной из самых емких по привлечению труда мигрантов. Сокращение занятости и возможностей трудоустройства постепенно усиливали неопределенность жизненной перспективы. 2011 год стал переломным рубежом в миграционной активности мексиканцев, когда впервые за полвека непрерывного роста был зафиксирован отрицательный показатель. Это означало, что число мексиканских иммигрантов, покинувших США (уехавших, а также депортированных), превысило число приезжающих на североамериканскую землю. Эти наблюдения дают основание полагать, что сила действия исключительно демографических факторов

постепенно снижается, и все большее воздействие оказывают экономические и политические причины миграции (хотя четко отделить одно от другого не представляется возможным).

На этом фоне поток, основу которого составляли выходцы из стран Северного треугольника, продолжал расти в инерции демографического бума. Из сопутствующего он превратился в самостоятельный фактор субрегиональной миграционной системы. С одной стороны, последствия демографических трансформаций остаются важной составляющей выталкивающих факторов. С другой, усиливается воздействие проблем безопасности, нерешенных в центральноамериканских странах, бедности в сельских районах, низкого качества политических институтов. К ним добавляются последствия климатических изменений, вынуждающих значительную часть жителей сельских районов покидать свои привычные места.

В этом ключе новым явлением стали кризисы детской миграции. С особой остротой этот феномен проявился в 2014 г., когда за полгода мексиканоамериканскую границу пересекли около 57 тыс. детей и подростков из Центральной Америки без сопровождения взрослых. В последующие годы стало заметно изменение стратегии центральноамериканских мигрантов, когда в путь отправлялись целые семьи, а не только отдельные их представители. Нелегально пересекая границу США, они не стремились избегать контакта с патрулем, а во многих случаях запрашивали убежище в США. Эти примеры отражали качественные изменения миграционных стратегий.

Избрание Д.Трампа президентом США в 2016 г. существенно видоизменило американскую миграционную политику. Достижения предыдущей администрации были частично нейтра-

лизованы. Символом новой риторики стала «Стена» на мексикано-американской границе – ее модернизация и требование к Мексике оплатить возводимые новые блоки. Миграционный вопрос стал одним из инструментов давления на мексиканскую сторону при пересмотре НАФТА – действовавшего договора региональной интеграции. «Нападение на нашу страну на нашей южной границе, включая поступающие в страну преступные элементы и наркотики, гораздо важнее для меня как президента, чем торговля или USMCA²», – писал американский президент в своем аккаунте в Twitter [Trump 2018].

Односторонние решения в ужесточении миграционного контроля приводили в чем-то к обратному эффекту. В 2019 г. вместо снижения можно было увидеть нарастание активности. Ее воплощением стали «караваны» мигрантов из государств Северного треугольника, пытавшиеся пересечь мексиканскую территорию в надежде дойти до американской границы [Кудеярова (2) 2019]. В итоге статистика задержаний на мексикано-американской границе показала рост фактически в 2 раза по сравнению с предшествующим годом (977,5 тыс.) [Southwest Border Migration FY 2019].

Нет оснований полагать, что в ближайшем будущем миграционная активность в этом регионе будет снижаться. Демографическая асимметрия остается важнейшей составляющей миграционного давления. Изменение миграционной риторики американской администрации, нерешаемые проблемы безопасности в центральноамериканских государствах, синхронизированные с демографическими факторами, предо-

пределяют сохранение миграционной активности в этой части Западного полушария в среднесрочной перспективе.

Особенности миграций в Южной Америке

По мере географического удаления от Соединенных Штатов на юг структура миграционных потоков начинает меняться. В Южной Америке совокупная численность мигрантов составляла 12,3 млн чел. Модель передвижения, сформировавшаяся в субрегионе, значительно отличается от двух предыдущих, территориально более близких к США. Направления передвижений в Южной Америке заметно диверсифицированы (график 8). Роль и значение США отрицать невозможно, они были и остаются лидирующей страной приема мигрантов из этого региона. Это неудивительно, крупнейшая мировая экономика обладает неоспоримой мощностью и объемным рынком труда. Важную роль играют и многолетние связи национальных элит и бизнеса, влияние североамериканского капитала.

Глобализация конца XX в. дала импульс к усилению внерегиональных направлений мобильности: стал заметен азиатский (японский) вектор, но на первое место вышло европейское направление. В общем объеме второй после США страной по численности принятых переселенцев стала Испания. На рубеже веков иберийская страна стремительно превращалась из страны-донора в реципиента миграций. Изменение испанской миграционной модели произошло во многом благодаря массо-

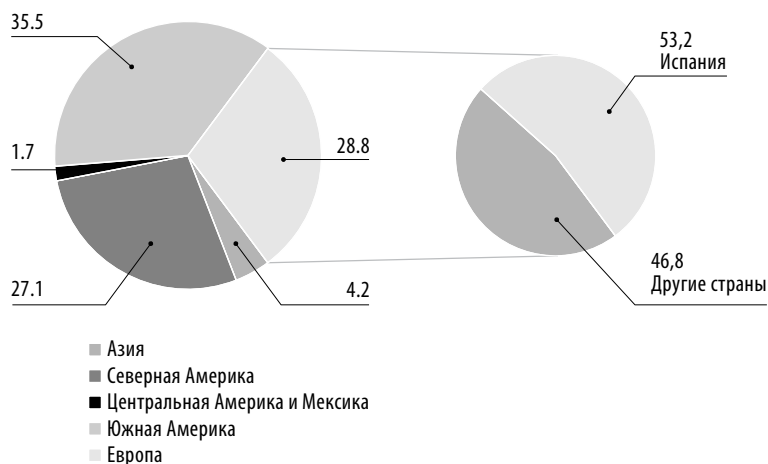
2 USMCA (United States – Mexico – Canada Agreement) – торговое соглашение между США, Мексикой и Канадой, подписанное в 2018 г. Договор стал итогом переговоров по пересмотру НАФТА (Североамериканского соглашения о свободной торговле) 1994 г.

вому переселению людей из стран Южной Америки. Если столетием ранее вектор трансатлантической мобильности был направлен из Европы в Америку, то на рубеже XX–XXI вв. он развернулся в противоположном направлении. Миграционный бум в Испании начался в 1998 г., до этого переломного момента в ней проживало 84,7 тыс. уроженцев южноамериканских стран [Anuario Estadístico de Extranjería 1998]. Бурный рост продолжался вплоть до глобального экономического кризиса 2008–2009 гг., когда численность латиноамериканцев достигла 2 млн 79 тыс. чел. [Cifras de Población]. За десять лет она выросла в 25 раз. Основной вклад внесли страны тихоокеанского побережья: Эквадор, Колумбия, Боливия, Перу, – а также Аргентина. Подавляющее большинство было настроено на долгосрочную миграцию и закрепление в иберийской стране. Тенденция старения испанского населения была смягчена значительным вливанием более молодой латиноамериканской когорты.

Однако кризис 2008–2009 гг. прервал восходящую траекторию. В последующее десятилетие численность проживающих в Испании латиноамериканцев колебалась в диапазоне от 1 млн 800 тыс. до 2 млн 240 тыс. Постепенный выход экономики на траекторию роста привел к плавному увеличению этой группы. Общая динамика численности сообществ фрагментировалась по странам происхождения [Кудеярова (1) 2019, с. 36]. Очевидной причиной, подталкивающей к эмиграции, стала политическая и экономическая нестабильность. Это проявилось в росте колумбийского сообщества (несмотря на провозглашенные успехи мирного процесса в этой стране), в неспадающей мобильности аргентинцев под влиянием хронических негативных процессов в экономике, в неуклонном увеличении числа уроженцев Венесуэлы.

Миграция в Испанию стала важнейшей частью нового этапа мобильности в Южной Америке. Она подтвердила тезис, что экономические и политиче-

Рисунок 8. Основные направления миграции жителей Южной Америки (%) (12,3 млн)

Источник: Рассчитано и построено автором по данным [Bilateral Migration Matrix 2017].

ские причины подталкивали к миграционному действию, но массовость потока достигалась лишь на фоне активного роста населения.

Наиболее значимым отличием южноамериканского формата миграций стало лидерство внутрирегиональных передвижений. Они носили преимущественно пограничный характер, образуя устойчивые двусторонние связи. В тихоокеанском регионе в качестве страны притяжения выступала Чили, ставшая привлекательной для жителей сопредельной Перу. В атлантической зоне на Аргентине фокусировались потоки из Парагвая и Боливии. Граница между Венесуэлой и Колумбией более полувека считается пространством с самой масштабной трансграничной мобильностью в регионе.

Основой внутрирегиональной миграции была так называемая миграция по уходу за людьми, вовлекшая в свою орбиту тысячи женщин. У мужчин преобладала занятость в строительстве и сельском хозяйстве. Перемещение в сопредельные страны не требовало значительных финансовых накоплений.

Внутрирегиональная миграция – явление относительно новое, оно шло в ногу с ростом численности южноамериканских стран. На примере Аргентины можно увидеть, как в 1980–1990-е гг. основную часть миграционного населения составляли выходцы из государств с более низким уровнем жизни и одновременно высоким темпом роста населения. Наибольшее число мигрантов из латиноамериканских стран приехали в Аргентину в первом десятилетии XXI в. На протяжении нескольких десятилетий преобладали парагвайцы (679 тыс.) и боливийцы (419 тыс.). В 2000-е гг. существенно выросло перуанское сообщество (195 тыс.) [Migración Laboral en América Latina y el Caribe]. Зачастую миграци-

онные анклавы в пригородах Буэнос-Айреса создавали новые очаги бедности. Тем не менее каждая община находила свои возможности для заработка на позициях, невостребованных у коренного населения. В то время как парагвайцы были востребованы в строительной отрасли, боливийцы находили работу в аграрной индустрии на различных этапах производства и сбыта овощей и фруктов, ориентированных на внутренний рынок. Часть перуанцев смогла вписаться в мировой гастрономический тренд автохтонной кухни, открывая национальные рестораны. Это создало новые возможности включения в рынок труда Аргентины. Хотя эта сфера не была ядром занятости, она поддержала оригинальный образ этой общины [Pombinho Soares 2018].

Формат внутрирегиональной миграции постепенно развивается. Становится заметным удлинение расстояний миграции и усложнение структуры занятости. Переезд в не-сопредельную страну характерен для людей с более высоким уровнем образования.

Становлению регионального формата мобильности способствовало постепенное развитие миграционного законодательства в рамках интеграционных объединений. В пространстве Общего рынка стран Южной Америки (Mercado Común del Sur, MERCOSUR) действует режим свободного передвижения, но остается необходимость оформления документов постоянного проживания и доступа на рынок труда. С 2009 г. были введены в действие инструменты, облегчившие свободное передвижение людей между странами – членами MERCOSUR, а также для граждан государств – ассоциированных членов объединения. В настоящее время они действуют для Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая, Боливии, Чили, Перу, Колумбии и Эквадора [Residencia en el MERCOSUR]. Хотя

законодательная база не привела к открытию общего рынка труда и профессиональной мобильности, существующий механизм облегчил процесс легальных долгосрочных передвижений между странами. Также в рамках другого регионального объединения Андского сообщества (Comunidad Andina, CAN)³ были реализованы шаги, облегчающие мобильность граждан в субрегионе в качестве туристов или в связи с изменением обычного места жительства (трудовая миграция). Так, национальные документы, удостоверяющие личность, признаются в качестве единственного требования для поездок по субрегиону в качестве туриста, а Андская миграционная карта – в качестве единого миграционного документа, использующегося в странах-членах [Migración y Movilidad Humana]. Таким образом, развитие внутрирегиональных миграций стало результатом не только персональной экономической мотивации, но и целенаправленной политики крупнейших региональных интеграционных объединений.

Глобальные экономические трансформации, последовавшие за кризисом 2008–2009 гг., завершили период процветания латиноамериканских экономик, прежде всего ориентированных на рынки углеводородов. От падения мировых цен на нефть пострадала Венесуэла, чья социальная модель базировалась на этом финансовом источнике. Постепенное сползание в политический и экономический кризис в конечном счете прорвалось в миграционной плоскости. Проблемы безопасности и роста преступности вкупе с нехваткой товаров первой необходимости и медикаментов спровоцировали массовый исход ее жителей. Страна, на протяжении второй половины XX в. игравшая

роль реципиента миграции, в XXI в. столкнулась с ситуацией сначала «утечки умов», а затем с массовым исходом жителей. Начавшийся в 2017 г. миграционный кризис достиг пиковых значений в 2018 г. По данным УВКБ ООН, на конец 2019 г. за пределами страны находилось около 4,5 млн чел., или 15,7% жителей страны [Venezuela Situation 2019].

Общая ситуация осложнялась тем, что подавляющее большинство венесуэльских мигрантов и беженцев перемещалось в сопредельные южноамериканские государства. Основная часть венесуэльцев обосновалась в Колумбии, Бразилии и Перу. По данным Migración Colombia, правительственной организации, осуществляющей контроль над миграцией и трансграничной мобильностью в Колумбии, по состоянию на 31 августа 2019 г. в стране находилось около полутора миллионов венесуэльских граждан [Cerca de un Millón y Medio de Venezolanos 2019].

Поскольку Колумбия вплоть до последнего времени страдала от внутреннего вооруженного конфликта и являлась миграционным донором, столь массовый приток из соседнего государства лег тяжелым бременем на социальную инфраструктуру. Также и Бразилия, принявшая часть венесуэльских беженцев, столкнулась с проблемами трудоустройства и легализации этих людей. Характерной чертой региональной проблемы стала спонтанность, финансовая и юридическая неподготовленность миграционного действия. Подавляющее большинство покидавших страну жителей намеревалось затем вернуться, а сам отъезд воспринимался как возможность переждать обострение в безопасном месте. Таким образом, миграция не строилась как дол-

3 В настоящее время в его состав входят Боливия, Перу, Эквадор и Колумбия.

госрочный проект, хотя на деле для многих она обрела именно такие черты. В 2018–2019 гг. разработка мер реагирования на венесуэльский миграционный кризис стала важной составляющей региональной межгосударственной политики.

* * *

Рассмотренные модели субрегиональной мобильности позволили в целом разделить регион Латинской Америки и стран Карибского бассейна на два миграционных ареала. Каждый из них обладает различными характеристиками в выборе стран – целей миграции – и стратегиями индивидуальных миграционных проектов. В обоих случаях США выступали в качестве лидирующей страны приема, но по мере географического отдаления интенсивность их магнетического воздействия снижалась. Так, в США направлялись 98% мигрантов из Мексики, в то время как, например, из Парагвая – лишь 3,5% [Bilateral Migration Matrix 2017]. Внутрорегиональные передвижения стали отличительной чертой населения Южной Америки. Именно здесь в перспективе может сформироваться пространство общего рынка труда.

Во второй половине XX в. под воздействием демографических процессов латиноамериканские страны начали выступать в качестве доноров миграции. Демографический взрыв привел к формированию избыточной рабочей силы в молодой возрастной когорте. Глобализация способствовала облегчению важнейших условий мобильности – ускоренному преодолению расстояний и сохранению контактов с родными местами, расширив рынок труда до мирового масштаба.

Начавшаяся после мирового финансово-экономического кризиса глобальная трансформация отразилась и на миграционном пространстве. Импульс

демографического взрыва постепенно ослабевает. Мобильность стала определяться не столько демографическими, сколько негативными экономическими и политическими процессами. Они стали важным катализатором мощных миграционных кризисов (Венесуэла), спонтанных массовых исходов граждан в виде «караванов» (Центральная Америка). При этом пространственная проекция миграционных кризисов все сильнее обуславливается особенностями миграционного ареала. Разделение на северную и южную части становится все более заметным. Учет сложившихся форматов мобильности в выделенных ареалах важен при анализе миграций в регионе, обозначаемом как Латинская Америка и страны Карибского бассейна.

Список литературы

Вишневский А.Г. (2019) Демографическая история и демографическая теория. М.: ВШЭ.

Ивановский З.В. (ред.) (2017) Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН.

Коробков А.В. (2008) Миграционная политика США: уроки для России // Россия в глобальной политике. № 3. С. 27–40 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23597397_72500893.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Крастев И. (2018) После Европы. М.: «Дело» РАНХиГС.

Кудеярова Н.Ю. (2017) Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // Латинская Америка. № 2. С. 76–91 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28912666_37172982.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Кудеярова Н.Ю. (1) (2019) Латиноамериканцы в Испании через де-

сять лет после миграционного бума // Латинская Америка. № 10. С. 31–47. DOI: 10.31857/S0044748X0006409-8

Кудеярова Н.Ю. (2) (2019) Политизация пограничной проблемы: США и Мексика в региональной миграционной системе // США и Канада: экономика, политика, культура. Т. 49. № 11. С. 55–70. DOI: 10.31857/S032120680007286-8

Anuario Estadístico de Extranjería-1998 (1998) // Portal de Inmigración // <http://extranjeros.mtramiss.gob.es/es/ObservatorioPermanenteInmigracion/Anuarios/index.html>, дата обращения 21.04.2020.

Baker S.R. (2013) Effects of Immigrant Legalization on Crime: The 1986 Immigration Reform and Control Act // SIEPR Discussion Paper, no 12–012 // https://siepr.stanford.edu/sites/default/files/publications/12-012_3.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Bilateral Migration Matrix-2017 (2017) // World Bank // <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaisues/brief/migration-remittances-data>, дата обращения 21.04.2020.

CEPAL. CEPALSTAT // <http://estadisticas.cepal.org/>, дата обращения 21.04.2020.

“Cerca de un Millón y Medio de Venezolanos Está Viviendo en Colombia”; Director de Migración Colombia (2019) // Migración Colombia, October 23, 2019 // <https://www.migracioncolombia.gov.co/noticias/200-octubre-2019/cerca-de-un-millon-y-medio-de-venezolanos-esta-viviendo-en-colombia-director-de-migracion-colombia>, дата обращения 21.04.2020.

Cifras de Población // Instituto Nacional de Estadística // <https://ine.es/>, дата обращения 21.04.2020.

Krogstad J.M., Passel J.S., D’Vera C. (2019) 5 Facts about Illegal Immigration in the U.S. // Pew Research Center, June 12, 2019 // <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-im>

migration-in-the-u-s/, дата обращения 21.04.2020.

Migration and Remittances Factbook-2016 (2016) // World Bank, Washington, DC: World Bank.

Migración Laboral en América Latina y el Caribe – Corredores Migratorios: Bolivianos, Paraguayos y Peruanos a Argentina – Perfil de los Migrantes // International Labour Organization (ILO) // <http://libguides.ilo.org/migracionlaboralALCcorredoresmigratorios/Bolivianos-paraguayos-y-peruanos-a-Argentina-perfilde losmig>, дата обращения 21.04.2020.

Migración y Movilidad Humana // Comunidad Andina // <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=311&tipo=TE&title=migracion-y-movilidad-humana>, дата обращения 21.04.2020.

Miró C.A. (1968) La Población de América Latina en el Siglo XX // CELADE. Serie A, no 48 // https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/7633/S7100416_es.pdf?sequence=1&isAllowed=y, дата обращения 21.04.2020.

Nahum B. (2007) Estadísticas Históricas del Uruguay, 1900–1950. Vol. 1, Montevideo: Universidad de la República.

O’Connor A., Batalova J., Bolter J. (2019) Central American Immigrants in the United States // Migration Information Source, August 15, 2019 // <https://www.migrationpolicy.org/article/central-american-immigrants-united-states>, дата обращения 21.04.2020.

Panorama Social de América Latina 2019 (LC/PUB.2019/22-P/Re v.1) (2019) // CEPAL // https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44969/5/S1901133_es.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Passel J., D’Vera C., Gonzalez-Barraera A. (2012) Net Migration from Mexico Falls to Zero – and Perhaps Less // Pew Hispanic Center, April 23, 2012 // <https://www.pewresearch.org/hispanic/2012/04/23/net-migration-from-mexico-falls-to-zero-and-perhaps-less/>, дата обращения 21.04.2020.

Perfil Migratorio de Uruguay-2011 (2011), Buenos Aires: Organización Internacional para las Migraciones.

Pombinho Soares V. (2018) Nuevos Migrantes: Qué Aportan a la Argentina Paraguayos, Bolivianos, Venezolanos, Peruanos y Colombianos // La Nación, March 9, 2018 // <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/nuevos-migrantes-que-aportan-a-la-argentina-paraguayos-bolivianos-venezolanos-peruanos-y-colombianos-nid2115547>, дата обращения 21.04.2020.

Recchini de Lattes Z., Lattes A.E. (eds.) (1975) La Población de Argentina, Buenos Aires.

Residencia en el MERCOSUR // MERCOSUR // <https://www.mercosur.int/ciudadanos/residir/>, дата обращения 21.04.2020.

Southwest Border Migration FY-2019 (2019) // U.S. Customs and Border Protection // <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration>, дата обращения 21.04.2020.

Trump D.J. (2016) Donald J. Trump's Vision // Yale Law School // https://law.yale.edu/sites/default/files/documents/pdf/Faculty/immigrationtalk_trumpimmigrationstatement_11-15-16.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Trump D.J. (2018) Donald J. Trump // Twitter, October 18, 2018 // <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1052888451199262725>, дата обращения 21.04.2020.

Venezuela Situation-2019 (2019) // UNHCR // <https://data2.unhcr.org/en/situations/venet>, дата обращения 21.04.2020.

World Development Indicators // World Bank // <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>, дата обращения 21.04.2020.

World Migration Report-2019 (2019), Geneva: International Organization for Migration.

World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables (2017) // United Nations. Working Paper no ESA/P/WP/248 // https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf, дата обращения 21.04.2020.

World Population Prospects-2019, Online Edition. Rev. 1. Median Age by Region, Subregion and Country (2019) // United Nations // <https://population.un.org/wpp/>, дата обращения 21.04.2020.

Zamberlam J. (2004) O Processo Migratório no Brasil e os Desafios da Mobilidade Humana na Globalização, Porto Alegre: Pallotti.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Latin America: Demographic Dynamics and the Migration Processes Transformation

Nadezhda Yu. KUDEYAROVA

PhD in History, Leading Researcher

Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, 115035,
B. Ordynka St., 21, Moscow, Russian Federation

E-mail: n.kudeyarova@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6899-0763

CITATION: Kudeyarova N.Yu. (2020) Latin America: Demographic Dynamics and the Migration Processes Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 119–140 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-7

Received: 23.03.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project no 20-014-00023.

ABSTRACT. *Latin America is one of the high level migration activity regions. The mass migration flows are the part of the Western Hemisphere South nations history for more than a century and a half. Both the structure and direction of that flows have been significantly transformed during that period. While being the transatlantic flows recipients at the end of the XIX – beginning of the XX centuries, the Latin American States turned into donors of human resources in the second half of the XX century due to the profound demographic transformation. The aim of this paper is to analyse the demographic transformations impact on the emigration mobility models development in Latin America and the Caribbean countries. Demographic changes were manifested in different ways in countries with a large share of European migrants and those that were not affected by mass migrations flows at the turn of the XIX – XX centuries. The Central America countries and Mexico have experienced the most profound population explosion that subsequently affected the intensity of the migration movement*

to the United States. The paper examines the main migration directions of Latin America and the Caribbean residents, identifies two basic mobility source areas that demonstrate different strategies via different destination countries choice. While the United States has become the leading destination country for Latin American migrants, accounting for 93% of migrants from Central America and Mexico, the South American migration is mostly intraregional. The largest regional integration associations migration policies implementation reflects this difference. Spain has become a significant extra-regional migration destination for South America. At the end of the second decade of the XXI century, global economic transformations affect the migration dynamics of Latin American sub-regions, producing powerful migration crises and local tensions.

KEY WORDS: *Demographic explosion, Latin America, South America, Central America, USA, Spain, migration, migration pressure, transatlantic migration*

References

- Anuario Estadístico de Extranjería-1998 (1998). *Portal de Inmigración*. Available at: <http://extranjeros.mtramiss.gob.es/es/ObservatorioPermanenteInmigracion/Anuarios/index.html>, accessed 21.04.2020.
- Baker S.R. (2013) Effects of Immigrant Legalization on Crime: The 1986 Immigration Reform and Control Act. *SIEPR Discussion Paper*, no 12–012. Available at: https://siepr.stanford.edu/sites/default/files/publications/12-012_3.pdf, accessed 21.04.2020.
- Bilateral Migration Matrix-2017 (2017). *World Bank*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data>, accessed 21.04.2020.
- CEPAL. *CEPALSTAT*. Available at: <http://estadisticas.cepal.org/>, accessed 21.04.2020.
- “Cerca de un Millón y Medio de Venezolanos Está Viviendo en Colombia”; Director de Migración Colombia (2019). *Migración Colombia*, October 23, 2019. Available at: <https://www.migracioncolombia.gov.co/noticias/200-octubre-2019/cerca-de-un-millon-y-medio-de-venezolanos-esta-viviendo-en-colombia-director-de-migracion-colombia>, accessed 21.04.2020.
- Cifras de Población. *Instituto Nacional de Estadística*. Available at: <https://ine.es/>, accessed 21.04.2020.
- Ivanovskij Z.V. (ed.) (2017) *Political Conflicts in Latin America: Challenges of Stability and New Opportunities*, Moscow: ILA ACR (in Russian).
- Korobkov A.V. (2008) Migration Policy of the USA: Lessons for Russia. *Russia in Global Affairs*, no 3, pp. 27–40. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23597397_72500893.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Krastev I. (2018) *After Europe*, Moscow: «Delo» RANKhiGS (in Russian).
- Krogstad J.M., Passel J.S., D’Vera C. (2019) 5 Facts about Illegal Immigration in the U.S. *Pew Research Center*, June 12, 2019. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/12/5-facts-about-illegal-immigration-in-the-u-s/>, accessed 21.04.2020.
- Kudeyarova N.Yu. (2017) The Mass Migration Epoch in Latin America: Globalization vs. Localization. *Latinskaya Amerika*, no 2, pp. 76–91. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28912666_37172982.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Kudeyarova N.Yu. (1) (2019) Latin Americans in Spain Ten Years after the Migration Boom. *Latinskaya Amerika*, no 10, pp 31–47 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0006409-8
- Kudeyarova N.Yu. (2) (2019) The Southwest Border Problem Politicization: the U.S. and Mexico in Regional Migration System. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, vol. 49, no 11, pp. 55–70 (in Russian). DOI: 10.31857/S032120680007286-8
- Migration and Remittances Factbook-2016 (2016). *World Bank*, Washington, DC: World Bank.
- Migración Laboral en América Latina y el Caribe – Corredores Migratorios: Bolivianos, Paraguayos y Peruanos a Argentina – Perfil de los Migrantes. *International Labour Organization (ILO)*. Available at: <http://libguides.ilo.org/migracion-laboralALCcorredoresmigratorios/Bolivianos-paraguayos-y-peruanos-a-Argentina-perfilde losmig>, accessed 21.04.2020.
- Migración y Movilidad Humana. *Comunidad Andina*. Available at: <http://www.comunidadandina.org/Seccion.aspx?id=311&tipo=TE&title=migracion-y-movilidad-humana>, accessed 21.04.2020.
- Miró C.A. (1968) La Población de América Latina en el Siglo XX. *CELADE*. Serie A, no 48. Available at: <https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/>

11362/7633/S7100416_es.pdf?sequence=1&isAllowed=y, accessed 21.04.2020.

Nahum B. (2007) *Estadísticas Históricas del Uruguay, 1900–1950*. Vol. 1, Montevideo: Universidad de la República.

O'Connor A., Batalova J., Bolter J. (2019) Central American Immigrants in the United States. *Migration Information Source*, August 15, 2019. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/article/central-american-immigrants-united-states>, accessed 21.04.2020.

Panorama Social de América Latina 2019 (LC/PUB.2019/22-P/Re v.1) (2019). CEPAL. Available at: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/44969/5/S1901133_es.pdf, accessed 21.04.2020.

Passel J., D'Vera C., Gonzalez-Barre-ra A. (2012) Net Migration from Mexico Falls to Zero – and Perhaps Less. *Pew Hispanic Center*, April 23, 2012. Available at: <https://www.pewresearch.org/hispanic/2012/04/23/net-migration-from-mexico-falls-to-zero-and-perhaps-less/>, accessed 21.04.2020.

Perfil Migratorio de Uruguay-2011 (2011), Buenos Aires: Organización Internacional para las Migraciones.

Pombinho Soares V. (2018) Nuevos Migrantes: Qué Aportan a la Argentina Paraguayos, Bolivianos, Venezolanos, Peruanos y Colombianos. *La Nación*, March 9, 2018. Available at: <https://www.lanacion.com.ar/sociedad/nuevos-migrantes-que-aportan-a-la-argentina-paraguayos-bolivianos-venezolanos-peruanos-y-colombianos-nid2115547>, accessed 21.04.2020.

Recchini de Lattes Z., Lattes A.E. (eds.) (1975) *La Población de Argentina*, Buenos Aires.

Residencia en el MERCOSUR. *MERCOSUR*. Available at: <https://www.mercosur.int/ciudadanos/residir/>, accessed 21.04.2020.

Southwest Border Migration FY-2019 (2019). U.S. *Customs and Border Protection*. Available at: <https://www.cbp.gov/newsroom/stats/sw-border-migration>, accessed 21.04.2020.

Trump D.J. (2016) Donald J. Trump's Vision. *Yale Law School*. Available at: https://law.yale.edu/sites/default/files/documents/pdf/Faculty/immigrationtalk_trumpimmigrationstatement_11-15-16.pdf, accessed 21.04.2020.

Trump D.J. (2018) Donald J. Trump. *Twitter*, October 18, 2018. Available at: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1052888451199262725>, accessed 21.04.2020.

Venezuela Situation-2019 (2019). *UN HCR*. Available at: <https://data2.unhcr.org/en/situations/vensit>, accessed 21.04.2020.

Vishnevskij A.G. (2019) *Demographic History and Demographic Theory*, Moscow: HSE (in Russian).

World Development Indicators. *World Bank*. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>, accessed 21.04.2020.

World Migration Report-2019 (2019), Geneva: International Organization for Migration.

World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables (2017). *United Nations*. Working Paper no ESA/P/WP/248. Available at: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf, accessed 21.04.2020.

World Population Prospects-2019, Online Edition. Rev. 1. Median Age by Region, Subregion and Country (2019). *United Nations*. Available at: <https://population.un.org/wpp/>, accessed 21.04.2020.

Zamberlam J. (2004) *O Processo Migratório no Brasil e os Desafios da Mobilidade Humana na Globalização*, Porto Alegre: Pallotti.

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-8

Соотношение общенациональной и городской политики в сфере миграции

Филипп Владимирович СЛЕЗНОВ

главный эксперт, отдел пространственного и отраслевого анализа
ГБУ «Аналитический центр» г. Москвы, 119019, ул. Новый Арбат, д. 11/1, Москва,
Российская Федерация
E-mail: sleznovfv@develop.mos.ru
ORCID: 0000-0002-8482-700X

ЦИТИРОВАНИЕ: Слезнов Ф.В. (2020) Соотношение общенациональной и городской политики в сфере миграции // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 141–158.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-8

Статья поступила в редакцию 28.10.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-014-00044 А «Роль глобальных городов в трансформации государственного регулирования территориального развития (опыт стран ОЭСР)».

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема согласованности политики в сфере миграции, проводимой центральным правительством страны и городскими органами власти. Объектами исследования выбраны четыре города из числа крупнейших в мире (Париж, Шанхай, Сеул, Москва), в которых представлены основные варианты соотношения национальной и городской миграционной политики. Исследуются отдельные особенности социально-экономического развития стран и городов, которые определяют текущий вектор миграционной политики и набор применяемых ее инструментов. Делается вывод о влиянии соотношения национальной и городской миграционной политики на характер динамики основных показателей миграционных процессов в городах. Для городов со схожими приоритетами ми-

грационной политики на уровне страны и города отмечается более устойчивая динамика базовых статистических показателей в миграционной сфере, а также превалирование более мягких инструментов регулирования миграции (как стимулирующих, так и ограничительных). Города с разнонаправленной миграционной политикой центральных и городских властей демонстрируют большую волатильность динамики статистических показателей, а применяемые меры государственного регулирования отличаются более кардинальным и затратным подходом к достижению поставленных целей. В случае разнонаправленности национальной и городской миграционной политики наблюдается также проявление управляемого оппортунизма во взаимодействии центральных и городских органов власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: миграция населения, миграционная политика, государственное регулирование территориального развития, городская политика, взаимодействие органов власти, социально-экономическое развитие, институциональная среда, мировые города

Введение и постановка проблемы

Тема миграции населения в глобальной повестке дня в настоящее время приобретает все более острый характер на фоне роста масштабов миграции вследствие различных причин: роста мобильности населения, развития процессов глобализации, обострения межнациональных конфликтов и т. д. Наиболее заметное влияние данные мировые тенденции оказывают не просто на страны, принимающие основной поток мигрантов, а в большей степени на их крупнейшие города.

Именно крупнейшие города мира к настоящему моменту стали ключевыми центрами притяжения внутренней и международной миграции населения. В 2010-е гг. только на 300 крупнейших городов мира приходилось около 70% суммарного миграционного потока. И в среднесрочной перспективе эта доля будет только расти. Прогнозируется, что уже к 2025 г. четверть всего мирового населения будет проживать в 600 крупнейших городах мира – численность населения в них, по прогнозам, будет расти в 1,6 раза быстрее, чем общая численность населения в мире. При этом доля этих же крупнейших городов в мировом ВВП превысит 60% [Urban World 2011].

Неудивительно, что тематика миграции населения и ее отдельных компонентов широко освещена как в отечественной, так и в зарубежной науч-

ной литературе. К настоящему времени создано большое число научных работ, включая фундаментальные, в которых описываются глобальные миграционные процессы и тренды, а также приводится факторный анализ первопричин миграции [Моисеенко 2004; Савоскул 2015; Pries 2013], особенности миграционных процессов (направления миграции и ее масштабы, процессы расселения мигрантов по территории страны или города-реципиенты, инструменты поддержки мигрантов или сдерживания миграционных потоков и др.) в отдельно взятых странах или макрорегионах [Migration and Remittance Trends 2009], городах или их агломерациях [Шатило 2017].

В публикациях по миграционной проблематике немалое внимание уделяется и государственной миграционной политике, однако вопрос соотношения миграционной политики (МП) национальных и городских властей, реализуемой на разных уровнях власти, инструментов этой политики, а также влияния скоординированности действий властей разных уровней на миграционные процессы и социально-экономическое развитие территорий практически не изучен. В России у такой ситуации есть вполне объективная причина – низкий уровень развития самостоятельной МП органов власти субъектов РФ и ее практически полное отсутствие на муниципальном уровне [Воробьева, Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. 2016]. К концу 2019 г. применительно к отечественной практике государственного управления можно говорить лишь об относительно сформированной МП (ее видения и развития инструментов регулирования) у Москвы и начале ее формирования в Санкт-Петербурге и Московской области (как составляющей Московской агломерации).

Методические подходы к анализу и новизна исследования

Политика национального правительства и городских органов власти в своем наиболее принципиальном виде может быть направлена либо в сторону активного привлечения населения на свою территорию, либо, наоборот, в сторону максимального ограничения миграции. В результате формируются четыре потенциальных варианта соотношения МП на этих двух управленческих уровнях.

Для настоящей статьи были отобраны четыре города из числа крупнейших в мире, которые бы отражали эти различные соотношения направлений МП: Париж в качестве примера политики преимущественного ограничения миграционных потоков на свою территорию как на городском, так и на национальном уровне; Шанхай – пример политики преимущественного ограничения миграции на городском уровне и политики стимулирования въездной миграции на уровне страны; Сеул – обратный пример политики преимущественного ограничения миграции на национальном уровне и политики ее благоприятствования на уровне города; последний пример, Москва – преимущественно политика благоприятствования миграции на обоих управленческих уровнях.

После рассмотрения каждого случая в отдельности анализируется динамика базовых статистических показателей в миграционной сфере по всем городам, таких как сальдо миграционного потока и среднегодовая численность населения. Наличие существенных отличий в характере изменения статистических показателей в течение определенного времени, равно как и различия в их абсолютных значениях, между отдельными вариантами соотношения МП на разных уровнях власти позво-

ляет сделать вывод о функциональной зависимости между явлениями. В дополнение к этому резкий характер изменения динамики статистических показателей в период принятия того или иного значимого управленческого решения в сфере МП также может указывать на наличие взаимосвязи.

Основная новизна настоящей работы заключается именно в рассмотрении взаимовлияния МП национальных и городских органов власти в их взаимосвязи с основными показателями развития миграционной сферы, а также, в целом, социально-экономического развития территории крупных городских агломераций. Исследование выполнено в области существующего научного пробела, который при всем широком многообразии работ по теме миграций сохраняется к настоящему моменту в сфере изучения практики взаимовлияния МП на разных уровнях власти.

Париж – опыт сонаправленной политики преимущественного сдерживания миграции

Франция на протяжении многих лет остается значимым направлением международной миграции в мире. По итогам доклада Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, в 2019 г. во Франции проживало 8,3 млн иностранных мигрантов. По этому показателю в Европе Франция уступает только Германии (13,1 млн чел.), России (11,6 млн) и Великобритании (9,6 млн). В течение длительного времени основным стимулом для активной миграции населения во Францию было сочетание высокого достигнутого уровня жизни в сравнении с большинством стран мира и достаточно мягкого миграционного законодательства (в особенности по отношению к странам – бывшим французским колониям).

Однако общее отношение представителей власти к вопросам миграции на уровне страны начало активно меняться в сторону ужесточения законодательства с 2014–2015 гг. – с начала так называемого миграционного кризиса в Европе. Уже по итогам 2015 г. чистая международная миграция во Францию составила 65,9 тыс. чел. против 17,7 тыс. годом ранее. Прогнозное значение чистой миграции на 2019 г. составляло уже около 80 тыс. чел.¹ При этом значимым трендом выступает увеличение доли нелегальной миграции, прежде всего из Сирии и стран Африки, которая не находит своего отражения в данных официальных статистических источников.

Переориентация национальной МП Франции от политики общего благоприветствования в сторону ограничения международной миграции в страну проявлялась, прежде всего, в ужесточении миграционного законодательства и сокращении финансовых ресурсов, направляемых на проекты по поддержке мигрантов. Основной вклад в части законодательных ограничительных мер внесли поправки в закон «Об иммиграции и интеграции», который был принят еще в 2006 г. Эти поправки предусматривали отмену положения об автоматическом предоставлении иностранным лицам французского гражданства по истечении 10 лет подтвержденного непрерывного проживания на территории страны, что было призвано сократить поток нелегальных мигрантов [Зверева 2015].

Новые положения также вводили обязательное ДНК-тестирование для граждан отдельных стран, усиливали контроль за фиктивными браками ради получения гражданства. Ужесточение законодательства также было на-

правлено и на легальные каналы миграции в части квотирования иммиграционных виз для граждан слаборазвитых стран [Стрельцова 2011]. Кроме того, косвенным решением, так или иначе повлиявшим на переориентацию общего отношения к мигрантам, стало принятие еще в конце 2010 г. закона, запрещающего ношение паранджи в общественных местах [Федоров 2015].

Миграционный фон в Париже за последние годы несколько отличен от общей ситуации во Франции. В течение всех лет, начиная с 2000 г., Париж и его метрополитенный район испытывает отрицательное сальдо миграции в диапазоне от –13,6 тыс. чел. в 2004 г. до –65,8 тыс. чел. в 2011 г., при том что общая численность населения продолжает расти. Важной составляющей в данном случае является разница в национальной структуре миграционного потока. Въездной миграционный поток представлен преимущественно «белыми» французами, переезжающими в другие районы Франции или в соседние страны ЕС. Въездной же поток представлен по большей части гражданами африканских стран и стран Ближнего Востока. Замещение структуры населения Парижа – один из выталкивающих факторов для выезда из города наиболее образованного слоя населения. Также Париж, наряду с отдельными городами севера Франции (прежде всего Кале), с 2014–2015 гг. наиболее сильно испытывает приток нелегальных мигрантов из других стран [Комиссарова, Глушков 2017].

Ужесточение МП на городском уровне в Париже проявлялось преимущественно за счет изменения в программе по предоставлению социального жилья для отдельных категорий населения – *Loi Relative à la Solidarité et au*

1 Прогноз Oxford Economics // <https://services.oxfordeconomics.com/data/>, дата обращения 21.04.2020.

Renouvellement Urbains. С начала миграционного кризиса произошло изменение программы в ее локальной версии: по ее обновленным правилам, на социальное жилье от города имеют право претендовать только малоимущие граждане, уже являющиеся резидентами Парижа, и только на условиях аренды. Сокрытию также подверглось и финансирование льготных кредитов и налоговых льгот для частных компаний, которые осуществляли строительство социального жилья в городе. В результате к концу 2018 г. очередь на получение социального жилья в Париже выросла до 125 тыс. чел., что также снижает шансы новых мигрантов на получение квартиры². Общенациональное правило по программе в не менее 20% социального жилья в городах с населением свыше 3500 чел. (1500 чел. для региона Иль-де-Франс) в столичном регионе Парижа систематически не выполнялось – т. е. усиление ограничительных мер в МП в Париже и регионе Иль-де-Франс нашло отражение и на уровне неформальных институтов – управляемого оппортунизма со стороны местных органов власти в отношении «неудобных» законов на общестрановом уровне.

Дополнительной мерой по перераспределению миграционных потоков может явиться высказанное действующим мэром Парижа желание строительства новых центров по приему мигрантов и беженцев за пределами административных границ Парижа в регионе Иль-де-Франс³. Предполагается также и перенос уже действующих социальных учреждений для мигрантов из центральных районов города на периферию с целью снижения социальной напряженности среди населения

в наиболее густонаселенных районах столицы.

Таким образом, несмотря на отличия в первоначальном миграционном фоне на национальном уровне во Франции и непосредственно в пределах Парижа, общее усиление миграционной нагрузки во второй половине 2010-х гг. предопределило пересмотр существовавшей ранее мягкой МП в сторону ее сонаправленного ужесточения на обоих уровнях власти.

Шанхай – опыт городских ограничительных мер в миграционной сфере

В ситуации жесткого вертикального регулирования социально-экономического развития страны со стороны одного властного института, как это сложилось в Китае, можно изначально предположить, что и частный случай – МП на всех уровнях власти – будет иметь общее направление, общие конечные цели. Однако даже при условии доминирования Коммунистической партии Китая во всех политических сферах общественной жизни в отдельных городах страны, прежде всего крупнейших, может возникать ситуация разнонаправленности существующих институтов регулирования миграции.

К текущему моменту Китай, несмотря на масштабы своей экономики, занимает весьма скромные позиции в вопросах приема международных мигрантов. К 2019 г., по данным ООН, на территории континентального Китая постоянно проживает чуть более 1 млн выехавших из других стран, что сопоставимо с уровнем куда меньших государств,

2 Paris Habitat // <https://www.parishabitat.fr/Pages/Anglais-About-us.aspx>, дата обращения 21.04.2020.

3 Префектура Парижа создаст новый центр для приема беженцев – СММ (2019) // ИА REGNUM. 10 апреля 2019 // <https://regnum.ru/news/polit/2608720.html>, дата обращения 21.04.2020.

например, Новой Зеландии или Белоруссии. С учетом двух специальных административных районов – Гонконга и Макао – эта цифра увеличивается до 4,4 млн чел. Однако и в этом случае нельзя говорить о какой-либо существенной миграционной нагрузке на страну, особенно в подушевом выражении.

С 1970-х гг. Китай проводил жесткую демографическую политику, направленную на сокращение рождаемости, в результате которой суммарный коэффициент рождаемости снизился с 6 детей на одну женщину за фертильный период в начале реализации программы до 1,5. Вследствие длительного проведения подобной политики к первой половине 2010-х гг. Китай начал испытывать сокращение населения в трудоспособном возрасте, что никогда не отмечалось до этого в современной истории страны. Успешно существовавшая до этого в Китае модель преимущественно экстенсивного экономического развития в условиях сокращения трудоспособного населения больше не могла обеспечить столь же высокие темпы роста ВВП, которые падали с уровня 14,2% годовых в реальном выражении в 2007 г. до 6,9% по итогам 2017 г.⁴ Жесткая демографическая политика прошлых лет стала одним из основных факторов потенциальной экономической стагнации будущих периодов.

Сочетание двух указанных факторов – высокие риски сокращения темпов роста ВВП страны и низкое сальдо международной миграции – предопределило выработку инструментов стимулирования иммиграции населения в страну для частичной компенсации существующих негативных тенденций в социально-экономическом развитии.

Ключевым направлением современной национальной МП Китая выступает политика либерализации въездной рабочей миграции населения из других стран мира [Чанхай, Коробеев 2010]. Первоочередной основой данного направления послужило принятие в 2004 г. закона «О контроле за въездом в страну и выездом из страны иностранцев». Закон подразумевал существенное снижение административных барьеров для иностранных граждан, желающих работать на постоянной основе на территории Китая, в получении соответствующих разрешительных документов. Несмотря на то, что речь шла именно о разрешении на работу для иностранцев, а не о получении полноценного гражданства страны, закон включал положения о допуске трудовых мигрантов к широкому кругу социальных услуг (образование, здравоохранение и др.), чего не было ранее.

Важным компонентом либерализации МП на национальном уровне в Китае выступила серия программ по привлечению высококвалифицированных трудовых ресурсов, в т. ч. бывших граждан самой страны, переехавших на постоянное проживание в другие страны мира. Инструментами стимулирования притока высококвалифицированных мигрантов являются:

- предоставление государственных гарантий в части оплаты труда на уровне, существенно выше среднего по стране (около 1200–1400 долл. США, в зависимости от города и провинции)⁵;
- упрощение получения права на длительное проживание на территории страны и увеличение самого срока разрешения;

4 China National Bureau of Statistics // <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2017/indexeh.htm>, дата обращения 21.04.2020.

5 Cyrill M. (2019) China Labor Market: Hiring Costs, Job Preferences, Talent Acquisition // China Briefing, April 15, 2019 // <https://www.china-briefing.com/news/china-labor-market-hiring-costs-job-preferences-talent-acquisition/>, дата обращения 21.04.2020.

- компенсация части затрат, связанных с переездом на постоянное место жительства в Китай;
- предоставление денежных пособий для отдельных категорий работников и др.

В отличие от ситуации на уровне страны в целом, Шанхай как крупнейший экономический центр Китая на протяжении всего современного периода истории испытывал серьезную миграционную нагрузку. Более 50% всех международных мигрантов в Китай приходится только на три региона: провинцию Гуандун и города центрального подчинения Шанхай и Пекин. Однако для Шанхая основную нагрузку на инфраструктуру города составляли не международные, а внутренние мигранты, переселявшиеся в город из сельской местности. С 2000 г. по показателю сальдо миграции населения (внутренней и внешней) Шанхай устойчиво занимает лидирующие позиции среди всех городов мира, уступая в отдельные годы только Пекину. За указанный период чистый миграционный приток населения в Шанхай в отдельные периоды (например, 2004–2005 гг.) превышал 700 тыс. чел.⁶ Подобный колоссальный прирост населения, безусловно, создает огромную нагрузку на всю инфраструктуру города, и возникает ситуация перенасыщения рынка трудовых ресурсов, особенно в сфере низкоквалифицированного труда. Результатом этого стало общее снижение качества жизни населения в городе, рост социальной напряженности в обществе и инфраструктурных ограничений экономической динамики.

По этим причинам власти Шанхая начиная с 2000-х гг., в отличие от национального правительства, проводят по-

литику сдерживания миграционного потока и его перераспределения. Ярким примером созданного в этот период инструмента городской МП является программа «1–9–6–6», подразумевающая под собой развитие вокруг центрального ядра Шанхайской агломерации 9 городов-спутников, 60 городских образований вокруг них и 600 деревень в отдаленных пригородах. План предполагает развитие территории площадью около 10 тыс. кв. км и создание в пределах этих населенных пунктов дополнительных рабочих мест, в т. ч. для высококвалифицированных работников. По планам городских властей, создание альтернативных точек притяжения вокруг основной территории Шанхая позволит перераспределить миграционный поток с соседних территорий на большую площадь агломерации.

Однако помимо «мягких» инструментов ограничения миграции власти Шанхая активно применяют и ряд весьма жестких мер по сдерживанию роста численности населения. В 2015 г. было принято решение о полном закрытии или выносе ряда промышленных предприятий, находившихся в черте города, на которых было занято около 0,5 млн чел. Также с начала 2010-х гг. власти города сносят целые районы жилой застройки, построенные с нарушением действующего законодательства. Тем самым власти города пытаются компенсировать накопившийся за предыдущие годы неактивной политики «миграционной избыток населения».

Как видим, приведенный опыт наглядно демонстрирует возможную разнонаправленность трендов МП на различных властных уровнях. Политика общего благоприятствования международной въездной миграции и либерализации соответствующих институ-

6 Euromonitor // <http://ehd.moscow/index.php?show=inds&source=-436>, дата обращения 21.04.2020.

тов на общенациональном уровне может сочетаться с развитием весьма кардинальных ограничительных механизмов регулирования миграционных потоков населения.

Сеул – опыт борьбы с концентрацией населения

В отличие от двух других рассмотренных случаев, где национальная МП базировалась на общестрановых интересах в некотором отрыве от интересов локальных, национальная МП Республики Корея объектом своего основного внимания считает именно крупнейший город страны – Сеул – и гиперконцентрацию в нем всей экономической активности. Доля Сеула в ВВП страны доходит до 49% при доле населения, проживающей в метрополитенном районе города, свыше 50% на начало 2019 г.⁷ Подобная концентрация трудовых ресурсов в одном центре в сочетании с потенциальным усилением влияния агломерационного эффекта накладывает значительные риски для развития остальной территории страны.

В этой связи основные усилия национального правительства Республики Кореи были направлены на сокращение разрыва в уровне экономической активности на территории страны, в т. ч. за счет регулирования миграции. И подобная политика к настоящему времени имеет уже длительную историю. Точкой отсчета в этом направлении можно считать 1972 г. и создание 1-го Комплексного плана Национальной территории, а также его дополнение в 1980 г. законом «О реформе столичного региона», в которых предусматривалось определение границ агломерации Сеула и перестройка

столичного региона с развитием крупных городов-спутников. В последующие годы Комплексный план получил 4 редакции, последняя из которых была принята в 2011 г. Каждый из них вовлекал все большую территорию страны в планы по децентрализации экономики. 3-я и 4-я редакции Комплексного плана (рассчитанные до 2020 г.) подразумевают создание отраслевых поясов вокруг Сеульской агломерации с сохранением в самом центральном городе преимущественно финансовых и бизнес-услуг. Предприятия обрабатывающей промышленности, транспортно-логистические предприятия, компании IT-сектора предполагалось разместить в других крупных городах страны с сопутствующим созданием особых налоговых режимов, что делало бы сохранение локализации в Сеуле экономически невыгодным.

Значимым ударом по миграционной динамике Сеула в разное время были решения национального правительства о выносе части административных функций (отдельных министерств и государственных ведомств) за пределы столицы. Подобная политика правительства Республики Корея начала проводиться с 1975 г. со строительства правительственного комплекса в городе Квачхон. В последующие годы административные функции выносились из Сеула в такие города, как Инчхон, Чонджу, Чхонвон, Тэджон. Наиболее сильное влияние на миграционные процессы оказало решение национального правительства о создании особого автономного города Седжон в 2012 г.: переезд более 20 министерств и ведомств затрагивал около 10 тыс. непосредственных сотрудников без учета их семей. В результате к 2019 г. в Седжоне находилось 40% административных уч-

7 Statistics Korea // <http://kostat.go.kr/portal/eng/surveyOutline/10/1/index.static>, дата обращения 21.04.2020.

реждений общенационального уровня, в то время как в Сеуле их осталось около 30% [Слезнов 2019].

Принятие компенсационных мер городскими органами власти Сеула ограничивалось скромным, в сравнении с национальным правительством, набором полномочий и значительной ограниченностью в финансовых ресурсах для противостояния столь крупным проектам. Одной из мер городских властей стала переориентация системы городского общественного транспорта на связь с периферийными районами агломерации и вовлечение трудовых ресурсов из пригородной зоны в центральную часть. Городские проекты развития транспортной сети часто вступали в противоречия с Комплексным планом, искусственно ограничивая транспортную доступность создаваемых точек притяжения трудовых ресурсов. Ярким примером подобного оппортунистического поведения является транспортная реформа Сеула в 2004 г., при которой запуск новых линий автобусных маршрутов в провинцию Кенгидо (административно окружает Сеул) привел к сокращению частных перевозчиков из провинции. В результате в ситуацию вмешалось центральное правительство Республики Кореи, которое обязало субсидировать частных перевозчиков на существовавших ранее направлениях.

Помимо этого, власти Сеула с 2010-х гг. проводят политику стимулирования переезда высококвалифицированных кадров за счет субсидирования арендных ставок по найму жилья и развития сети социального жилья с целью компенсации высокой стоимости жизни в городе. То есть политика предоставления социального жилья городскими властями Сеула направлена не только (и не столько) на граждан с низким уровнем дохода, как в большинстве стран и городов мира, но и

на граждан с высоким уровнем квалификации, привлекаемых компаниями в значимые сектора экономики города. Также органы власти столицы реализуют проект по развитию IT и медиакластера в черте города Seoul Digital Media City, целью которого, помимо общеэкономического развития города, является и привлечение качественных трудовых ресурсов.

Подобного рода разнонаправленность социально-экономической политики в отношении конкретного города со стороны органов власти различного уровня и несопоставимость имеющихся в распоряжении ресурсов для ее реализации явились одним из существенных факторов отрицательной миграционной динамики в Сеуле в последние годы (см. ниже).

Москва – российский опыт привлечения мигрантов

Москва на протяжении длительного периода российской истории выступала в качестве основного центра притяжения не только внутренних мигрантов, но и мигрантов из других стран. При этом МП была делом по большей части федерального правительства – это является еще следствием инерции советского периода и усиления вертикализации власти в 2000-х гг. В результате большинство субъектов РФ, особенно отдельные города, пусть и из числа крупнейших по стране, не смогли наработать компетенции в данной сфере регулирования социально-экономического развития территории [Новая Россия 2015].

Однако и федеральная повестка в части МП страны часто отличается своей ситуативностью, что осложняет ее анализ. Основу миграционного законодательства России в данный момент составляет Федеральный закон от

25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации». На основе вносимых изменений в данные законы и сопряженные с ними подзаконные акты можно говорить о наиболее общих трендах в национальной МП и их изменении с течением времени.

Начиная с 2007 г., когда в данные законы были внесены наиболее существенные изменения, можно говорить о постепенном смягчении миграционного законодательства России и его переориентации в сторону стимулирования притока международных мигрантов, хотя этот процесс только начался. Первоначальным поводом для корректировки миграционного законодательства послужило желание сократить долю нелегальной занятости в экономике и, как следствие, увеличить доходные поступления в бюджетную систему страны. В 2007 г. произошел принципиальный пересмотр процедуры получения разрешения на работу в РФ, который упростил процесс для самих трудовых иммигрантов. В результате этих изменений прирост зарегистрированной иностранной рабочей силы в РФ в 2008 г. составил около 40% к уровню предыдущего года, прежде всего вследствие ее легализации [Щербакова 2017].

Следующий значимый шаг в смягчении федеральной МП отмечается в 2010 г., когда был смягчен режим квот на иностранную рабочую силу и для граждан безвизовых с Россией стран была введена система патентов на осу-

ществление трудовой деятельности⁸. Патентная система также способствовала некоторой легализации рынка на первых этапах, однако реальные успехи в этом направлении появились существенно позже – с развитием соответствующей вспомогательной инфраструктуры в крупнейших городах.

В 2010-х гг. мотивацией федеральных органов власти по модернизации МП и введению принципиальных новшеств становятся неблагоприятные демографические прогнозы на будущие периоды [Зубаревич, Хасанова, Флоринская 2018]. Несмотря на то, что пик естественного прироста населения в России в целом был достигнут только к 2015 г. в 0,3 промилле (после этого начался спад рождаемости), уже в начале 2010-х гг. стал очевиден факт, что экономический рост страны не может быть обеспечен исключительно за счет внутренних демографических ресурсов, т. к. в основной детородный период начинает входить малочисленное поколение людей, рожденных в 1990-е гг., на смену, наоборот, многочисленному поколению 1980-х гг. с более высоким уровнем фертильности. Встал также вопрос и об увеличении качества привлекаемых трудовых ресурсов из-за рубежа.

Вследствие этих причин были приняты поправки в миграционное законодательство для высококвалифицированных трудовых мигрантов, нанимаемых на высокооплачиваемую работу или в значимые отрасли экономики (прежде всего, нанимаемых на предприятия сферы НИОКР за счет более низкого порога по заработной плате). Привлечение таких мигрантов происходит сверх установленных квот на миграцию, а самому нанимаемому ра-

8 Введение Федеральным законом от 19.05.2010 № 86-ФЗ Ст. 13.2 «Особенности осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами – высококвалифицированными специалистами» в текст Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

ботнику предоставляется возможность оформления вида на жительство для себя и членов своей семьи. Однако вклад высококвалифицированных мигрантов в общий масштаб международной трудовой миграции в России невелик: по итогам 2018 г. было выдано 28,2 тыс. разрешений на работу для них⁹. Однако Минэкономразвития России внесло предложение в Правительство РФ по снижению порога по уровню оплаты труда для получения статуса высококвалифицированного мигранта (сейчас это заработная плата не менее 2 млн руб. в год до налогообложения), чтобы увеличить число потенциальных трудовых мигрантов.

Вовлечение органов власти субъектов РФ и местного самоуправления в формирование текущей МП получило относительно недавнее развитие. Наиболее активным участником среди регионов выступает, безусловно, крупнейший город и реципиент мигрантов в России Москва. На ее долю приходится около 1/4 всех иностранных граждан, проживающих на территории России, и около 7% всей миграции по стране (по числу въездов с учетом внутренней и внешней миграции). С учетом Московской области, миграция в которую де-факто является миграцией в Москву, эти доли возрастают до 1/3 всех иностранных граждан и до 15% всей миграции (без учета маятниковой миграции)¹⁰. Поводом для активизации МП в Москве послужило создание в 2012 г. консолидированных групп налогоплательщиков, в результате чего город потерял значительную часть налоговых поступлений от нефтегазовых компаний: так, доходные поступления в консолидированный бюджет

Москвы по налогу на прибыль организаций в 2013 г. упали на 11% к уровню 2012 г. Это заставило власти города искать альтернативные источники доходов бюджета.

Одним из таких решений стало получение дополнительного дохода за счет предоставления трудового патента. В 2015 г. на территории Новой Москвы создается Миграционный центр города, в котором граждане 5 стран (Азербайджана, Молдавии, Таджикистана, Узбекистана и Украины) могут в рамках одной организации и одного помещения оформить все необходимые документы. Это решение носит в значительной мере институциональный характер, т. к. оно, принципиально не изменив российское законодательство в этой сфере, существенно повысило эффективность механизма трудового патента. Создание Миграционного центра позволило дополнительно привлечь или легализовать более 400 тыс. трудовых мигрантов на территории Москвы. Создание Миграционного центра сыграло одну из ведущих ролей в части легализации трудовой международной миграции на территорию Москвы, т. к. на долю указанных выше 5 стран пришлось около 64% всего международного миграционного потока в столицу за 2015–2018 гг.

Отдельные изменения нормативно-правовой базы в части правил получения разрешения на временное проживание, вида на жительство и гражданства сыграли менее значимую роль в регулировании миграционных потоков на территорию Москвы. Связано это со значительно меньшими масштабами данных каналов миграции (в т. ч. по трудовым причинам). В 2019 г. Пра-

9 Кадры позовут из-за рубежа: Минэкономики предлагает упростить миграцию высококвалифицированных работников (2019) // Коммерсантъ. 15 мая 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/3968231>, дата обращения 21.04.2020.

10 Миграция населения // Росстат // https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr1_bd.htm, дата обращения 21.04.2020.

вительством России было выделено 83,5 тыс. квот на временное проживание на территории страны для иностранных граждан, при этом только 2 тыс. из них отводились на Москву¹¹, что не превышает 1,5% суммарного объема международного миграционного потока столицы.

Тенденция последних лет в социально-экономической политике Москвы – стимулирование притока наиболее креативных и образованных международных мигрантов за счет развития городской среды, а также более активное вовлечение жителей Московской области и соседних регионов в экономическую жизнь столицы за счет увеличения транспортной доступности. Указанные цели нашли свое отражение в реализуемых в текущий момент государственных программах Москвы, прежде всего госпрограммы «Развитие городской среды» и «Развитие транспортной системы».

Сонаправленность федеральной МП и политики города Москвы в этой сфере, ее постепенное смягчение и переориентация на привлечение широкого круга мигрантов, тем не менее, сохраняет и ряд серьезных недостатков. К 2019 г. система МП в России не включала в себя инструменты по адаптации мигрантов на территории и снижению социальной напряженности в обществе, что, наоборот, свойственно МП в развитых странах мира и чему отдается приоритет. Почти все имеющиеся центры адаптации мигрантов в стране маломощны и созданы по частной инициативе. Развитие подобных инструментов МП станет следующим ее неотъемлемым этапом ввиду закладываемого органами власти роста миграционного потока в страну в целом и в Москву в частности.

Влияние соотношения общенациональной и городской миграционной политики на статистические показатели

Взаимосвязь общенациональной и городской политики находит свое отражение в основных показателях миграционных процессов на территории рассмотренных городов. Однако заметную (а в отдельных случаях и ведущую) роль при анализе динамики миграционных показателей начинают играть и другие факторы социально-экономического развития территории.

Города с сонаправленной общенациональной и городской МП – Париж и Москва – демонстрируют более устойчивую динамику в сравнении с другими двумя городами, а основной вектор этой динамики совпадает с направлением самой МП (рис. 1 и 2). Однако данное результирующее направление и в случае Парижа, и в случае Москвы не является четко выраженным: и в том и в другом случае отмечается своего рода компенсация влияния других факторов социально-экономического развития на данные показатели [Кузнецова 2014].

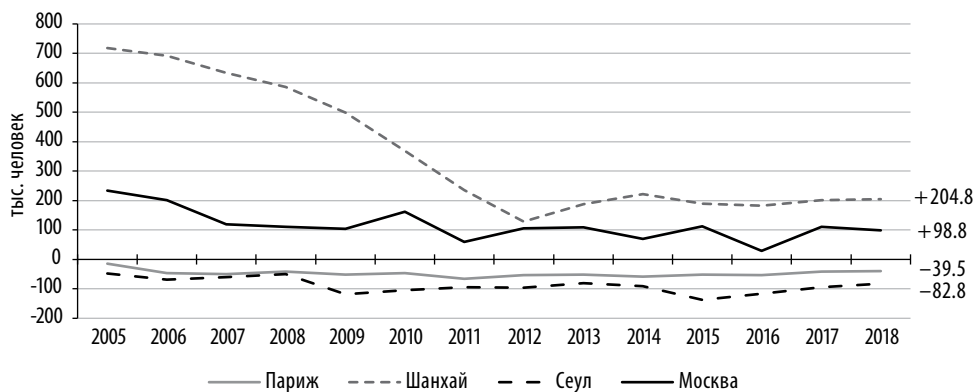
Динамика миграционного оттока населения в Париже находится примерно на одном уровне за весь промежуток 2005–2018 гг. и составляет в среднем 48 тыс. чел. в год. При этом за аналогичный период времени население города в среднем увеличивается на 0,5% в год. Подобная ситуация объясняется двумя основными факторами. Во-первых, это объективно сохраняющийся высокий уровень рождаемости во Франции (относительно других стран Европы) на уровне, близком к нормальному воспроизводству населения (особенно

11 Официальный сайт Мэра Москвы // <https://www.mos.ru>, дата обращения 21.04.2020.

в связи с увеличением доли мигрантского населения с более высоким уровнем фертильности). Во-вторых, сказывается особенность статистического учета мигрантов. Изначально нелегальные мигранты не учитываются в данных официальной статистики – по этой причине сальдо миграции Парижа находится в отрицательной зоне. После длительного проживания на территории города и прохождения процедуры натурализации бывший нелегальный мигрант начинает учитываться в ста-

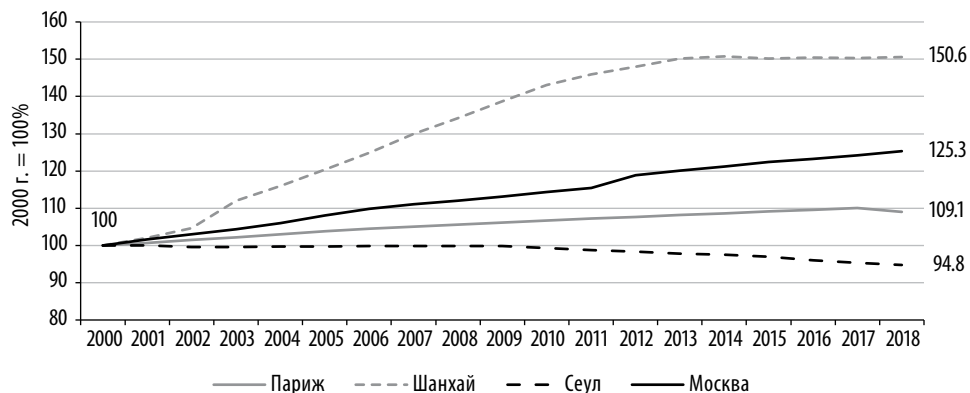
тистике общей численности населения, однако в данные миграционной статистики во многих случаях он так и не попадает. В целом можно говорить об относительно устойчивой динамике населения Парижа, при которой не столь жесткие и кардинальные методы регулирования миграционного потока не оказывают заметного влияния. Исключением можно считать только итоги за 2018 г., когда более чувствительные для мигрантов меры, направленные на сокращение программы социального

Рисунок 1. Динамика миграционного прироста (убыли) населения городов в 2005–2018 гг.

Источник: составлено автором по данным Мосгорстата, Eurostat, Euromonitor, Statistics Korea, Oxford Economics

Рисунок 2. Динамика среднегодовой численности населения городов к уровню 2000 г.

Источник: составлено автором по данным Мосгорстата, Eurostat, China National Bureau of Statistics, Statistics Korea, Oxford Economics

жилья, оказали влияние на динамику численности населения Парижа – отмечается первое за почти 20 лет снижение численности населения города.

Сонаправленная МП Москвы и России в целом, нацеленная на привлечение новых трудовых мигрантов, позволяет столице устойчиво компенсировать негативную динамику естественного прироста населения. Неустойчивость показателя сальдо миграции для Москвы во многом определяется факторами общей макроэкономической ситуации в стране: в кризисные годы внутренний миграционный поток падает вследствие существенного сокращения располагаемых денежных доходов населения в регионах – донорах мигрантов. Значимым фактором выступает и экономико-политическая ситуация в зарубежных странах, из которых идет основной поток международных мигрантов в Москву, т. к. при ее ухудшении усиливаются эмиграционные настроения населения. В целом неустойчивость миграционных показателей при сонаправленности векторов проводимой политики говорит о недостаточном уровне развития МП и преобладании прочих факторов социально-экономического развития.

В городах с разнонаправленной общенациональной и городской МП – Шанхае и Сеуле – динамика ключевых показателей в сфере миграции отличается большей чувствительностью к применяемым мерам регулирования (рис. 1 и 2). Наличие в городах открытого противоречия в вопросах миграции с центральными органами власти заставляет и тех и других применять более радикальные методы регуляции. Более сложные и дорогостоящие инструменты МП (такие как вынос административных функций, перенос промышленных предприятий, снос отдельных жилых кварталов и т. п.) на-

чинают преобладать над прочими факторами социально-экономического развития.

Применение органами власти Шанхая комплексной долгосрочной политики по развитию вторичных центров притяжения трудовых мигрантов позволило сильно сократить с 2006–2007 гг. темпы миграционного прироста и роста общей численности населения города. А применение с 2015 г. особо жестких и радикальных мер по переносу промышленных объектов и сносу домов позволило Шанхаю впервые за почти 100 лет сократить численность своего населения. Т. е. использованные инструменты МП в этот период доминировали даже над агломерационным эффектом как фактором стягивания трудовых ресурсов в ядро агломерации. Более мягкие методы общенациональной политики привлечения мигрантов на территорию Китая в краткосрочной перспективе не могли оказать конкуренцию радикальным методам городских властей.

В динамике миграционного оттока и снижения численности населения в Сеуле строго прослеживается, наоборот, доминирование политики центральных органов власти страны. В ситуации, когда национальное правительство с заведомо большими финансовыми ресурсами и властными полномочиями выбирает в качестве ключевого объекта своей политики отдельно взятый город, сколько бы развитый и богатый этот город не был, городские органы власти не смогут составить достаточную конкуренцию – они могут лишь сгладить отдельные последствия общенациональной политики. Например, в динамике миграционного оттока в Сеуле отмечается резкий спад в 2015 г. – именно в этот год значительная часть всех органов власти была переведена в специальный автономный город Седжон.

Выводы

В проведенном нами исследовании было рассмотрено соотношение МП на различных уровнях властной иерархии в крупнейших городах мира, что до текущего момента являлось существенным пробелом в научной литературе по миграционной тематике и что определяет практическую значимость настоящей статьи.

Представленный анализ показывает, что соотношение МП на общенациональном и городском уровне оказывает влияние на характер изменения основных показателей миграции в городе:

1. Города с сонаправленными векторами МП демонстрируют более устойчивую динамику в части миграционных процессов на длительном промежутке времени. Однако в этой ситуации другие факторы социально-экономического развития (макроэкономическая ситуация в стране, развитие транспортной инфраструктуры, геополитическая ситуация в регионе и др.) также оказывают заметный эффект на эти процессы. По этой причине эффективность проводимой МП сложнее оценить на основе базовых статистических показателей.

2. Несогласованность МП между городскими и центральными органами власти заставляет использовать более заметные и радикальные инструменты регулирования территориального развития: директивный перенос органов управления или переселение населения с последующим сносом отдельных жилых кварталов, вынос производственных предприятий и т. п. Их применение лучше проявляется в общей экономической динамике ввиду резкого характера изменения статистических показателей, который не может быть вызван другими факторами социально-экономического развития, имеющими большую инерцию изменения во времени.

3. Степень согласованности или несогласованности МП городских и центральных органов власти не имеет однозначной зависимости от текущего уровня развития политических институтов, уровня их свободы. Оба сценария могут развиваться как в более развитых политических системах (с большим уровнем политической самостоятельности между ее элементами), так и в менее развитых с жесткими институтами взаимодействия, что особенно ярко было продемонстрировано на примере Шанхая и центральных органов власти Китая. Ведущим фактором выбора того или иного метода проведения МП как на уровне города, так и всей страны в целом, становится текущий уровень напряженности в миграционной сфере и связанной с ней макроэкономической ситуацией на отдельном рассматриваемом административном уровне.

4. Во всех случаях проведения МП на каждом из властных уровней сохраняется функциональная зависимость с другими факторами социально-экономического развития, кроме собственно инструментов этой самой политики. Применение отдельно взятого из них не может полностью нивелировать остальные факторы развития территории даже сугубо в вопросах миграции населения. Как неоднократно было отмечено в статье, для крупнейших городских агломераций в числе значимых факторов развития миграционных процессов сохраняются общеэкономическая ситуация в стране и регионе, агломерационный эффект крупного города, факторы социальной напряженности в обществе.

Список литературы

Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. (2016) Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ.

Зверева Т.В. (2015) По следам департаментских выборов во Франции // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. № 2(4). С. 56–65 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23563413_24905373.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Зубаревич Н.В., Хасанова Р.Р., Флоринская Ю.Ф. (2018) Социальное положение и демографическая ситуация в регионах в первом полугодии 2018 г. (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. Т. 29. № 9. С. 75–88 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-i-demograficheskaya-situatsiya-v-regionah-v-pervom-polugodii-2018-g-po-rezultatam-regulyarnogo-monitoringa-insap/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Комиссарова Ж.Н., Глушков П.А. (2017) Иммиграция и иммиграционная политика во Франции // Мировое и национальное хозяйство. № 2(41) // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30046940_74643227.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Кузнецова О.В. (2014) Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Серия: География. № 2. С. 3–8 // <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/31/32#>, дата обращения 21.04.2020.

Моисеенко В.М. (2004) Теоретический анализ миграции в зарубежной литературе // Внутренняя миграция населения. М.: ТЕИС. С. 179–200.

Новая Россия: Политика и управление миграционными процессами (2015). Самара: БАХРАХ-М.

Савоскул М.С. (2015) Обзор теорий международной миграции населения второй половины XX в. // Региональные исследования. № 4(50). С. 56–65 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25408103_19641549.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Слезнов Ф.В. (2019) Опыт развития административных функций в пригородной зоне крупных агломераций // Региональные исследования. № 1. С. 62–74. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-6

Стрельцова Я.Р. (2011) Тема иммиграции во Франции накануне президентских выборов 2012 года // Мировая экономика и международные отношения. № 9. С. 81–94 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16755781_14358498.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Федоров С.М. (2015) Трудные поиски «республиканской модели» интеграции мигрантов // Миграционные проблемы в Европе и пути их решения: доклады института Европы. № 315. С. 54–67 // <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/315.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Чанхай Л., Коробеев А.И. (2010) Особенности миграционной политики современного Китая // Журнал российского права. № 9. С. 77–82.

Шатило Д.П. (2017) Социальная дифференциация территорий крупнейших европейских столиц // Вестник Московского университета. Серия: География. № 1. С. 100–102 // <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/280/280>, дата обращения 21.04.2020.

Щербакова Е.М. (2017) Миграция в России, итоги первого полугодия 2017 года // Демоскоп Weekly. № 743–744 // <http://demoscope.ru/weekly/2017/0743/barom01.php>, дата обращения 21.04.2020.

Migration and Remittance Trends 2009. Migration and Development Brief 11 (2009), Washington: World Bank.

Pries L. (2013) Internationale Migration, Bielefeld: Transcript Verlag.

Urban World: Mapping the Economic Power of Cities (2011), McKinsey Global Institute.

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-8

Relationship between National and City Policies in the Field of Migration

Filipp V. SLEZNOV

Chief Expert, Department of Spatial and Industrial Analysis
CBO “Moscow Analytical Center”, 119019, Novyj Arbat St., 11/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: sleznovfv@develop.mos.ru

ORCID: 0000-0002-8482-700X

CITATION: Sleznov F.V. (2020) Relationship between National and City Policies in the Field of Migration. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 141–158 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-8

Received: 28.10.2019.

ACKNOWLEDGMENT: The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Foundation for Basic Research no 18-014-00044 A “The role of global cities in the transformation of state regulation of territorial development (experience of OECD countries)”.

ABSTRACT. *The article discusses the issue of consistency in migration policy conducted by local and national governments. Four global cities (Paris, Shanghai, Seoul, Moscow) were chosen as the objects of the study, as these four cities represent common relationships between city and national migration policies. Several unique features of socioeconomic development of the countries and the cities in question that define the migration policy and its instruments are considered in this study. The findings indicate that the relationship between city and national migration policy affects the dynamics of migration indicators. In cities where national and local migration policies are consistent with each other the indicators of migration tend to be more stable overall, furthermore the regulatory instruments tend to be “softer” in cities with consistent policies. On the contrary, inconsistent city and national migration policy tends to produce*

more volatile outcomes despite harsher (and more costly) regulation, as well as guided opportunistic behavior in the interplay between national and city governments.

KEY WORDS: *human migration, migration policy, state regulation of territorial development, urban politics, interaction of authorities, socioeconomic development, institutional environment, global cities*

References

Chankhai L., Korobeev A.I. (2010) Features of the Migration Policy of Modern China. *Russian Law Journal*, no 9, pp. 77–82 (in Russian).

Fedorov S.M. (2015) Difficult Searches for a “Republican Model” of Migrant Integration. *Migration Problems in Europe and Ways to Solve Them: Reports of the In-*

stitute of Europe, no 315, pp. 54–67. Available at: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/315.pdf>, accessed 21.04.2020. (in Russian).

Komissarova Zh.N., Glushkov P.A. (2017) Immigration and Immigration Policy in France. *World and National Economy*, no 2(41). Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30046940_74643227.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Kuznetsova O.V. (2014) Typology of Factors Governing the Social-economic Development of Russian Regions. *Bulletin of Moscow State University. Series: Geography*, no 2, pp. 3–8. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/31/32#>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Migration and Remittance Trends 2009. Migration and Development Brief 11 (2009), Washington: World Bank.

Moiseenko V.M. (2004) Theoretical Analysis of Migration in Foreign Literature. *Internal Migration of the Population*, Moscow: TEIS, pp. 179–200 (in Russian).

New Russia: Politics and Migration Management (2015), Samara: BAHRAH-M (in Russian).

Pries L. (2013) *Internationale Migration*, Bielefeld: Transcript Verlag.

Savoskul M.S. (2015) Review of Theories of International Population Migration in the Second Half of the 20th Century. *Regional Studies*, no 4(50), pp. 56–65. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_25408103_19641549.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Shatilo D. (2017) Social Differentiation of the Territories of the Largest European Capital Cities. *Bulletin of Moscow State University. Series: Geography*, no 1, pp. 100–102. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/280/280>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Shcherbakova E.M. (2017) Migration in Russia, the Results of the First Half of

2017. *Demoscope Weekly*, no 743–744. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0743/barom01.php>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Sleznov F.V. (2019) Experience of Government Functions Development in a Suburban Zone of Large Agglomerations. *Regional Studies*, no 1, pp. 62–74 (in Russian). DOI: 10.5922/1994-5280-2019-1-6

Streltsova Ya.R. (2011) The Topic of Immigration in France on the Eve of the 2012 Presidential Election. *World Economy and International Relations*, no 9, pp. 81–94. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16755781_14358498.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Urban World: Mapping the Economic Power of Cities (2011), McKinsey Global Institute.

Vorobeva O.D., Rybakovskij L.L., Rybakovskij O.L. (2016) *Migration Policy of Russia: History and Modernity*, Moscow: Ekon-Inform (in Russian).

Zubarevich N.V., Khasanova R.R., Florinskaya Yu.F. (2018) Social Situation and Demographic Situation in the Russian Regions in the First Half of 2018 (According to the Results of Regular Monitoring by INSAP RANEPa). *Economic Development of Russia*, vol. 29, no 9, pp. 75–88. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-polozhenie-i-demograficheskaya-situatsiya-v-regionah-v-pervom-polugodii-2018-g-po-rezultatam-regulyarnogo-monitoringa-insap/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Zvereva T.V. (2015) On the Wake of Departmental Elections in France. *Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia and the World*, no 2(4), pp. 56–65. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23563413_24905373.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-9

Динамика дневного и ночного населения как индикатор структурно-функциональных изменений территории города в зоне влияния Московского центрального кольца с использованием данных операторов сотовой связи

Алла Георгиевна МАХРОВА

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, географический факультет

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, географический факультет, Москва, Российская Федерация;

ведущий научный сотрудник, Совет по изучению производительных сил Всероссийская академия внешней торговли при Министерстве экономического развития Российской Федерации, 119285, Воробьевское ш., д. 6А, Москва, Российская Федерация

E-mail: almah@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4432-1095

Роман Александрович БАБКИН

младший научный сотрудник, научная лаборатория региональной политики и региональных инвестиционных процессов

Научно-исследовательское объединение ФГБОУ Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Стремянный переулок, д. 36, Москва, Российская Федерация;

аспирант, географический факультет

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, географический факультет, Москва, Российская Федерация

E-mail: babkin_ra@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7054-6450

Эдуард Эдуардович КАЗАКОВ

научный сотрудник, руководитель группы геоинформационных технологий ФГБУ Государственный гидрологический институт, 199004, 2-я линия В.О., д. 23, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: ee.kazakov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7942-302X

ЦИТИРОВАНИЕ: Махрова А.Г., Бабкин Р.А., Казаков Э.Э. (2020) Динамика дневного и ночного населения как индикатор структурно-функциональных изменений территории города в зоне влияния Московского центрального кольца с использованием данных операторов сотовой связи // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 1. С. 159–179. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-9

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

БЛАГОДАРНОСТИ/ФИНАНСИРОВАНИЕ: Авторы выражают благодарность Департаменту информационных технологий правительства г. Москвы за возможность использовать предоставленные данные о передвижениях абонентов сотовой связи для написания данной работы. Раздел «Функциональная трансформация территорий вблизи МЦК в 2015–2018 гг.» написан А.Г. Махровой и Р.А. Бапкиным в рамках госбюджетной научно-исследовательской работы МГУ им. М.В. Ломоносова (проект № 0148-2019-0008 «Социально-экономические факторы трансформации территориальной организации общества в России и сопредельных странах» (ГЗ) (НИОКР № АААА-А16-116032810087-1).

АННОТАЦИЯ. Москва как мировой город сочетает в себе территории с различным функциональным наполнением. При этом сложность морфологического устройства столицы дополняется высоким динамизмом протекающих в ней социально-экономических процессов. В этом контексте важной задачей служит оценка роли крупных инфраструктурных проектов, интенсифицирующих процессы трансформации городской структуры и в короткое время меняющих исторически сложившиеся функциональные роли обширных городских пространств. В статье с использованием данных сотовых операторов анализируются функциональные изменения в зоне влияния крупнейшего городского мегапроекта – Московского центрального кольца (МЦК) с 2015 по 2018 г. Имеющиеся сведения мобильной телефонии о распределении населения в ночные и дневные часы позволяют характеризовать степень дневной и ночной аттрактивности городских районов вблизи МЦК, а соответственно, и их функциональные роли. Проведенный анализ выявил,

что в рассматриваемый период дневная и ночная людность 43 районов, окружающих МЦК, показала равновеликий рост в 0,35 млн чел. при существенной дифференциации ее темпов в отдельных районах. Соотношение между дневным и ночным населением районов, а также его изменение с 2015 по 2018 г. позволили выделить характерные функциональные типы районов и рассмотреть их динамику. Проведенная типология продемонстрировала, что роль МЦК в пространственном развитии для территорий, относящихся к центру и субцентру Москвы, оказалась значительно менее заметной, чем для районов, расположенных с внешней по отношению к центру города стороны МЦК. Более заметным это влияние было также в районах, где железнодорожное кольцо стало первым видом скоростного внеуличного транспорта, а также в районах, имеющих значительные площади промышленных зон, с синергией реновации которых связано большинство наблюдаемых структурно-функциональных подвижек в городской морфологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Москва, Московское центральное кольцо, данные сотовых операторов, морфология города, промышленные зоны*

Введение и постановка проблемы

Современная практика развития мировых городов показывает, что их функциональная структура не является константой и способна трансформироваться в относительно короткое время. Основным катализатором подобных изменений служат крупные инфраструктурные проекты, реализация которых может качественно изменить функциональную насыщенность территории и ее привлекательность для населения и экономики. Хрестоматийный пример такого проекта – реновация Лондонских доков, которая всего за 10–15 лет превратила промышленно-складскую окраину британской столицы в деловой центр общенационального значения. При этом трансформационные процессы здесь стимулировались созданием на базе имеющихся железных дорог системы легкого метро, интегрированной в общегородской транспортный комплекс.

Транспортно-инфраструктурные проекты имеют особую актуальность для крупнейших городов планеты, поскольку они позволяют преодолеть одни из наиболее ощутимых барьеров их развития. Москва как один из мировых городов также реализует подобного рода масштабные проекты, включая формирование новых типов пассажирского сообщения, таких как Московские центральные диаметры (МЦД) и Московское центральное кольцо (МЦК).

Проекты, аналогичные МЦК, реализовывались или реализуются в настоящее время во многих городах (Лондон, Париж, Карачи, Берлин, Штут-

гарт и др.), опыт которых показывает, что смена функционального назначения железных дорог благоприятно влияет на пространственную консолидацию и интенсификацию функционального использования территорий, повышая их привлекательность для жизни, работы, досуга и стимулируя мобильность горожан. При этом со временем новые инфраструктурные объекты органично встраиваются в существующие системы общественного транспорта и формируют новые пространственные паттерны городской структуры.

Новизна и актуальность

Говоря о роли транспортно-инфраструктурных проектов, в первую очередь необходимо отметить влияние, оказываемое ими на аттрактивность городской территории, и связанную с этим мобильность населения. При этом точность исследований пространственно-временной динамики городского социума напрямую связана со «зрелостью» технологий сбора информации. Привлечение данных сотовых операторов о мобильности населения дает возможность выйти за рамки упрощенных концептуализаций пространства и места, синтезируя многоаспектные подходы к их измерению и осмыслению, что позволяет лучше понять человеческую динамику через синергетическое рассмотрение и самой территории, и ее функционального наполнения [Tuan 1977; Shaw, Sui 2020].

Подход к анализу пространственной структуры, предложенный в данной статье, позволяет с новых позиций изучить структурно-функциональные изменения городских пространств, расширяет представления об использовании мобильных технологий для изучения городов и понимание последствий влияния мегапроектов на их морфоло-

гию. Изучение функционально-структурных изменений территории города в зоне влияния МЦК на основе динамики дневной и ночной численности населения, которые используются в качестве индикаторов происходящих изменений, – одна из первых попыток комплексного анализа подобных процессов под воздействием проектов инфраструктурного развития с использованием данных мобильной телефонии.

Изученность вопроса

Внедрение мобильных технологий в сферу научного анализа мобильности населения и городских пространственных паттернов является востребованным направлением современных урбанистических исследований за рубежом, включая изучение демографических и структурно-функциональных изменений крупнейших городов. На примере Абиджана, Лондона, Сингапура и Пекина исследователями показаны эффекты от транспортных проектов на систему расселения [Berlingerio at al. 2013; Zhong at al. 2016]. Связь многообразия проявлений городской жизни и транспорта наглядно демонстрируется в проектах «Грац в реальном времени» и «Рим в реальном времени» [Ratti 2005; Calabrese at al. 2013]. Исследования внутригородских пространственных структур, в частности изучение аттрактивности урбанизированных территорий и определение моно/полицентричности городов, осуществлялись испанскими специалистами [Louail at al. 2014]. Сведения сотовых операторов в целях функционального районирования и городского планирования широко используются и в постсоциа-

листических странах, например в Эстонии и Чехии [Ahas at al. 2009; Nemeškal, Ouředníček, Pospíšilová 2020].

При этом если за рубежом данные сотовых операторов используют уже более 15 лет, то в российской практике исследования на их основе появились относительно недавно. Среди работ в этом направлении можно выделить работы по Москве и Московской области, проводившиеся компанией Habidatum, КБ Стрелка, специалистами Высшей школы экономики и МГУ имени М.В. Ломоносова [Богоров и др. 2013; Махрова, Кириллов, Бочкарев 2016; Махрова, Бабкин 2018]¹. Близкой по тематике можно считать исследование компании Яндекс по анализу насыщенности территории Москвы различными функциями [Москва для жизни и для развлечений 2017].

Тем не менее изучение подвижек в функциональной структуре города, происходящих под воздействием инфраструктурных проектов в России, пока не получило широкого распространения. При этом, как показывает зарубежный опыт, данные сотовых операторов обладают значительным потенциалом для формирования ресурсной базы изучения различного рода трансформационных процессов.

Материалы и методы исследования

Изучение изменений, вызванных строительством МЦК, в рамках настоящей работы базировалось на использовании обезличенных данных «большой четверки» операторов сотовой связи («Билайн», МТС, «Мегафон», «Теле 2») о локализации абонентов сети, кото-

¹ Компания Habidatum имеет значительный опыт использования мобильных данных в исследованиях других российских и зарубежных городов (Лондон, Рио-де-Жанейро, Санкт-Петербург и др.) [Habidatum Projects 2020].

рые с июля 2015 г. собираются Департаментом информационных технологий (ДИТ) города Москвы.

Точность и трактовка данных мобильных операторов – особый методологический вопрос. Главными уязвимыми сторонами мобильных сведений служат их неперсонализированный характер и связанные с этим проблемы учета мобильных телефонов, зарегистрированных на других лиц (например, на родственников), или людей, вовсе не имеющих мобильных телефоны. Кроме того, определенную роль играет недоучет сим-карт других операторов и выключенных устройств. Эти проблемы отчасти решает калибровка, выполняемая ДИТ Москвы, однако полностью очистить и актуализировать массив данных по понятным причинам она не может.

Одновременно с этим мобильные данные обладают уникальными преимуществами: высокое соответствие реальности во времени и пространстве, возможности калибровки существующих данных, отсутствие привязки к административно-территориальному делению, применимость к использованию в разных пространственных масштабах и временных срезах, сопоставимость и интегрируемость с другими источниками пространственной информации в силу практически 100% охвата населения.

Численность населения и его динамика – простые и универсальные показатели, довольно полно отражающие социально-экономическое развитие, особенно для условий России, где рост практически отождествляется с развитием. При этом появление данных сотовых операторов о дневной и ночной численности населения позволяет расширить возможности данного вида ин-

формации и использовать ее для анализа изменений в структурно-функциональных характеристиках территории. В этой связи в данной работе для исследования подвижек, которые произошли на территориях столицы, прилегающих к МЦК, были использованы данные о дневном и ночном населении усредненного буднего дня октября 2015 и 2018 г. (т. е. за год до открытия МЦК и через два года после его запуска), а также данные Мосгорстата о численности населения на 01.01.2019 для 43 районов, попадающих в зону влияния МЦК.

Результаты исследования

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Малое кольцо Московской железной дороги (МК МЖД)², построенное в 1908 г., с самого начала своего существования имело важнейшую структурообразующую роль для территории города, соответственно, основные вехи его истории переплетены с историей развития столицы в XX–XXI вв. (рис. 1).

Существование Малого кольца тесно связано с быстрой индустриализацией и концентрацией промышленности в Москве, основными местами размещения которой с конца XIX в. становились территории вокруг железных дорог. Исторически сложившаяся преимущественная ориентация Москвы на связи с южными и восточными районами страны привела к формированию более разветвленной сети железных дорог в этой части города и к появлению полукольца промышленных зон на базе МК МЖД. Во время Первой мировой войны в результате эвакуации из Прибалтики и Санкт-Петербурга ряда предприятий появились новые про-

2 Название железной дороги, на инфраструктуре которой в 2016 г. было открыто МЦК.

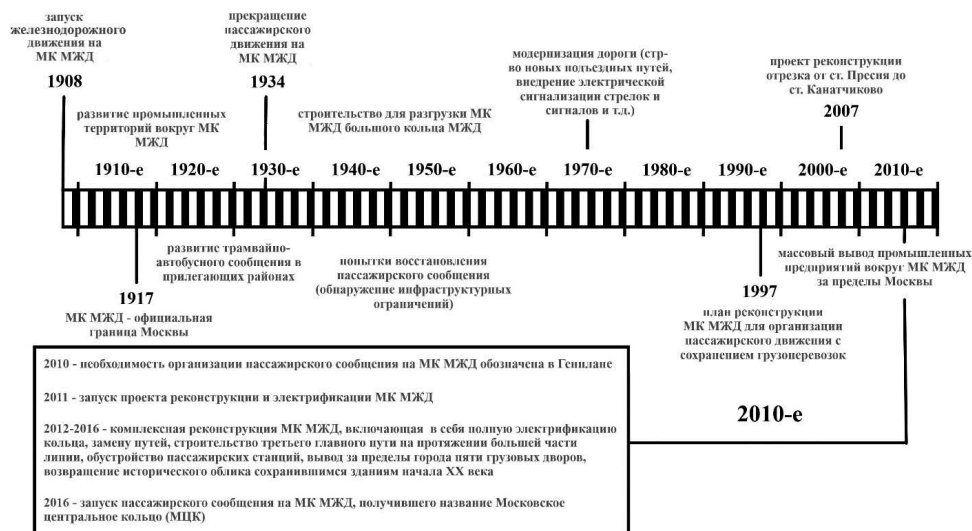
мышленные площадки, размещение которых определялось прежде всего наличием свободной земли и транспортной инфраструктуры, что привело к чересполосице промышленных и жилых районов вблизи железной дороги, а также оформлению современного «перекоса» промышленных площадей в городе в пользу восточной части³.

С 1917 г. на некоторое время Малое кольцо стало границей города, а пассажирское сообщение, существовавшее до 1934 г., даже выполняло определенную связующую роль между тогдашними периферийными районами Москвы⁴. Несмотря на то, что с этого времени дорога использовалась сугубо под грузовые функции, организация полноценного пассажирского движения задумывалась еще не раз. Так, в 1950-е гг. в ходе активной организации пригородного железнодорожного сооб-

щения существовали планы восстановления пассажирского сообщения, которые не были реализованы по инфраструктурным причинам: старые мосты с низкими порталами не позволяли без значительных вложений электрифицировать трассу, помимо этого, препятствием для запуска пассажирского движения стала чрезмерная загруженность трассы грузовыми перевозками [История Малого кольца 2016].

В очередной раз к организации пассажирского движения на железнодорожном кольце вернулись в конце 1980-х гг., когда было решено реставрировать сохранившиеся здания и впоследствии возобновить перевозку пассажиров. К этому времени уже была произведена частичная реконструкция трассы (построены новые подъездные пути, внедрена электрическая сигнализация стрелок и сигналов и т. д.), кроме

Рисунок 1. Основные вехи истории МК МЖД

Источник: составлено авторами по данным [История Малого кольца 2016].

3 Именно в восточном и юго-восточном секторах МЦК сегодня тесно окружено мощными промзонами.

4 При этом пассажирское сообщение в сравнении с грузовым никогда не было преобладающим.

того, строительство Большого кольца МЖД на расстоянии 40–50 км от Малого в некоторой мере разгрузило МК МЖД.

Однако лишь в 1997 г. Министерство путей сообщения РФ и Правительство Москвы подписали протокол, предусматривавший реконструкцию МК МЖД для обеспечения пассажирского движения с сохранением при этом грузовых перевозок (впрочем, этот проект не был осуществлен). На протяжении последующих 15 лет вопрос об организации пассажирского сообщения по Малому кольцу неоднократно поднимался, но каких-либо реальных подвижек не происходило⁵. Тем не менее на протяжении 2000-х гг. сформировались ключевые предпосылки к превращению кольца из грузовой магистрали в линию городского транспорта: массово выводились за пределы столицы промышленные предприятия, происходило запускание обширных территорий промышленных/производственных зон (промзон) и началась их активная реновация⁶.

Реальные изменения стали происходить уже в 2010-х гг. В генеральном плане Москвы 2010 г. была предусмотрена необходимость организации на МК МЖД пассажирского сообщения, электрификация дороги, строительство третьего пути и оборудование 30 остановочных пунктов. При этом первоочередным был запуск пассажирского сообщения между станциями Москва-Сити (Пресня) и Канатчиково [Закон города Москвы 2010; Москва на рубеже XX–XXI вв. 2003].

В 2011 г. началась реализация проекта комплексной реконструкции МК МЖД с целью организации на нем пассажирского сообщения. В 2012–2016 гг. была осуществлена электрификация дороги, заменены пути, построен третий путь, оборудованы пассажирские станции. Все это позволило в сентябре 2016 г. запустить новый вид пассажирского транспорта под брендом «Московское центральное кольцо», или МЦК, которое было интегрировано в общегородскую систему общественного транспорта.

В настоящее время тесная связь МЦК с промышленными территориями столицы служит уникальным фактором, определяющим развитие обширного массива городских территорий в контексте организации пассажирского сообщения. В целом из существовавших в 2015 г. 82 московских промзон около 25 находилось в зоне непосредственного влияния МЦК, при этом их суммарная площадь составляла порядка 6 тыс. га, или 40% площади всех промзон, которая в 2015 г. достигала 16 тыс. га, в т. ч. в пределах МКАД – 13,5 тыс. га⁷. При этом, как уже отмечалось, именно усилившийся вывод промышленных предприятий за пределы Москвы и их реорганизация сделали возможным организацию пассажирского сообщения на МЦК. Соответственно, можно утверждать, что реновация почти половины старопромышленных территорий столицы внутри кольцевой автодороги так или иначе связана с МЦК. Так, по данным аналитиков Knight Frank, перспективная

5 Наиболее значимым стало подписание в 2007 г. соглашения между мэром Москвы и руководством РЖД о реализации в 2007–2009 гг. проекта реконструкции части МК МЖД от станции Пресня до станции Канатчиково с электрификацией участка и строительством пяти пассажирских станций, который так и не был реализован [История Малого кольца 2016].

6 Термин «промзона» имеет более узкую трактовку, чем «производственная зона», однако в рамках настоящей статьи они будут использоваться как синонимы и подразумевать определенные генпланом г. Москвы 1971 г. территории производственного использования.

7 По данным ГУП «НИИПИ Генплана Москвы».

реорганизация допустима для 3500 га территории промзон вблизи МЦК [Ни холодно, ни жарко 2019]. Таким образом, сегодня для Старой Москвы промышленные зоны (промзоны) – крупнейшие перспективные точки роста с высочайшим, благодаря своему выгодному положению и размерам территорий, градостроительным потенциалом для смены выполняемых функций.

Важно отметить, что в большинстве районов МЦК стало дополнительным элементом уже развитой системы внеуличного общественного транспорта, однако в некоторых из них (Бескудниковский, Котловка, Коптево, Метрогородок, Нижегородский и Хорошево-Мневники) железнодорожное кольцо существенно улучшило транспортную ситуацию, отчасти компенсировав отсутствие станций метрополитена.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ РАЙОНОВ ВБЛИЗИ МЦК

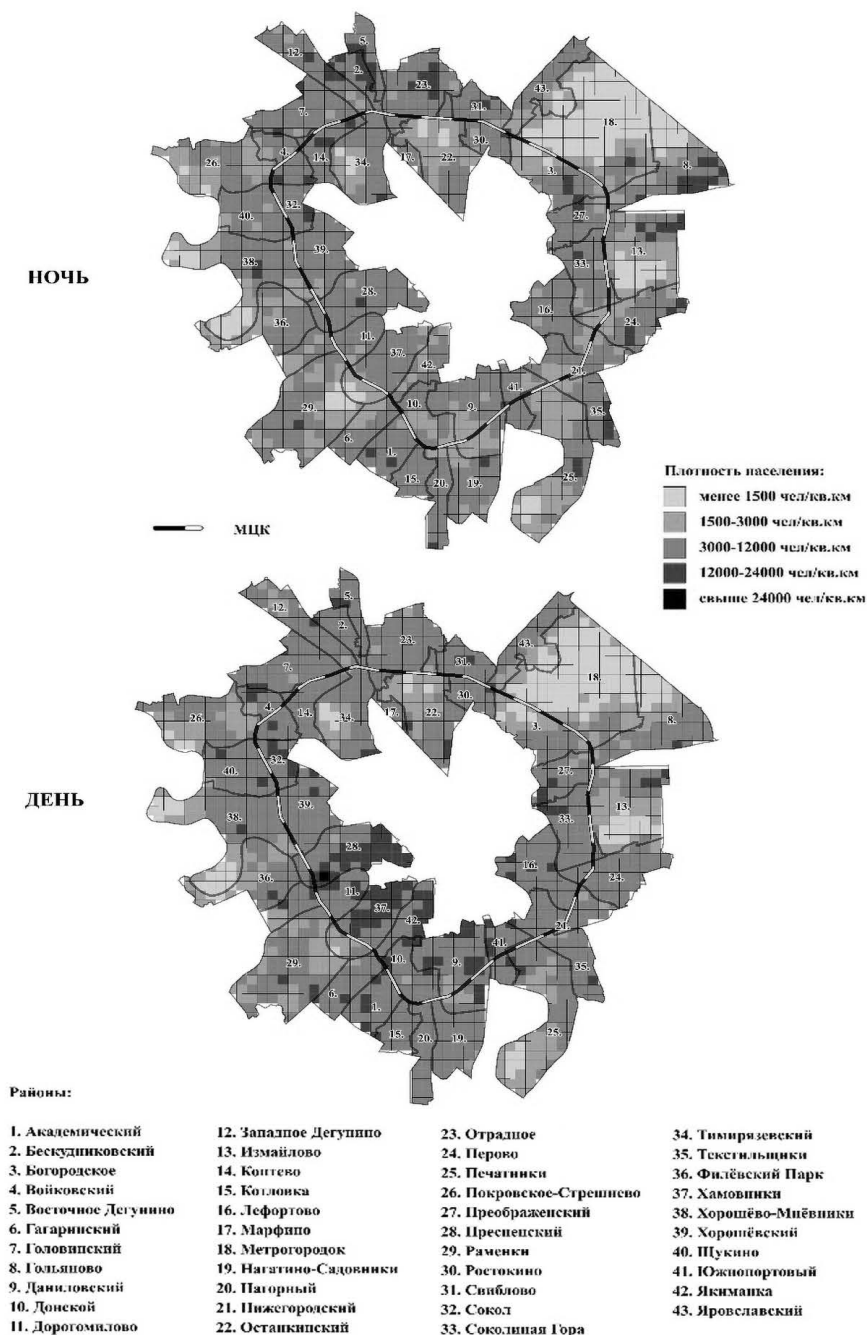
Пространственная структура Москвы в зоне влияния МЦК отличается сложностью и многосоставностью, поскольку здесь присутствует весь спектр различных функций (жилая, общественно-деловая, промышленная, рекреационная, торговая и т. д.). Это отражается на режиме пульсаций дневного и ночного населения. Данные мобильного позиционирования в масштабе сетки 500 x 500 м позволяют увидеть основные места или локальные экстремумы концентрации населения в ночные (рис. 2а) и дневные часы (рис. 2б), что фактически является проекцией спальных и общественно-деловых функций соответствующих территорий.

В ночные часы, характеризующие спальные функции территории и характер застройки, в зоне непосредственного контакта с МЦК (в радиусе 1 км) максимальная плотность населения наблюдается в Даниловском райо-

не, где активно осваивается территория завода ЗИЛ. Кроме того, высокой плотностью ночного населения отличаются территории вблизи станций Коптево и Лихоборы (район Коптево), возле станции Ростокино в одноименном районе, а также около станции Бульвар Рокоссовского в районе Богородское.

Анализ распределения населения в районах, прилегающих к железнодорожному кольцу, в дневные часы позволяет выявить локальные экстремумы дневного населения или основные места концентрации общественно-деловых функций. Наибольшая плотность дневного населения наблюдается во внутренних частях железнодорожного кольца, максимально приближенных к центру города (юго-западное и северо-западное направления). Особенно выделяется территория Московского международного делового центра (ММДЦ) Москва-Сити с плотностью населения более 24 тыс. чел./кв. км, а также территории, примыкающие к станции МЦК Лужники в районе Хамовники, район застройки промзоны «ЗИЛ» в Даниловском районе, прилегающие к станциям МЦК Стрешнево и Балтийская территории районов Сокол и Войковский. Во внешней зоне плотность более 12 тыс. чел./км² наблюдается только вблизи станции Площадь Гагарина в районах Академический и Гагаринский и на застраиваемой промзоне «ЗИЛ» в районе Даниловский, которые относятся к территориям-аттракторам субцентра столицы с развитыми локальными рынками труда. Среди других территорий можно выделить зону вокруг станций Ростокино и Ботанический сад на стыке районов Ярославский, Ростокино и Свиблово. Все остальные территории с высокими значениями дневной плотности тяготеют не к станциям МЦК, а к станциям метрополитена. Соответствен-

Рисунки 2а, 2б. Плотность ночного и дневного населения в районах вокруг МЦК, будний день октября 2018 г.

Источник: составлено авторами по данным операторов сотовой связи

но, привлекательность частей города вблизи остановочных пунктов не является очевидной, скорее, как будет показано далее, роль МЦК заключается в стимулировании комплексного освоения территории, а не в формировании полюсов высокой занятости на основе появившихся станций.

В целом положение МЦК в теле города уникально и обуславливается трассировкой железной дороги через территории Москвы с различной функциональной специализацией и уровнем социально-экономического развития. Среди 43 районов, расположенных в зоне влияния МЦК, представлены и типичные районы-спальни (Гольяново, Бескудниковский, Богородский), и разнообразные районы-аттракторы, например, районы центра столицы (Дорогомилово, Якиманка, Хамовники), и районы с выраженным индустриальным профилем (Печатники, Нижегородский, Перово)⁸. Особо выделяются территории с крупнейшими рекреационными зонами: национальный парк «Лосиный остров» располагается в Метрогородке и Богородском, в районе Измайлово находится крупный Измайловский парк, в Останкинском районе – Главный Ботанический сад РАН и достаточно крупный парк «Останкино», в районе Тимирязевский – Лесная опытная дача МСХА им. К.А. Тимирязева.

В целом в 43 рассматриваемых районах дневная людность в будний день октября 2018 г. составила порядка 4,75 млн чел., в то время как ночная – 3,85 млн чел., что позволяет обобщенно характеризовать территории города, расположенные вблизи станций МЦК, как места с доминированием общественно-деловых функций над спальными.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИЙ ВБЛИЗИ МЦК В 2015–2018 гг.

По данным Мосгорстата, численность населения исследуемых районов за 3 года выросла менее чем на 100 тыс. чел. (примерно на 2,5%), что позволяет довольно скептически смотреть на МЦК как на ареал роста. Однако, по данным сотовых операторов, и дневная, и ночная людность рассматриваемой территории выросла более заметно – на 0,35 млн чел. (соответственно с 4,4 млн чел. и с 3,5 млн чел.). Близкие значения дневного и ночного прироста говорят о сбалансированном характере развития территорий около кольца с сохраняющимися функциональными пропорциями между ними. При этом если в общем виде наблюдается относительный паритет роста числа мест приложения труда и численности населения, детальный анализ отдельных районов позволяет выделить те из них, в которых наблюдается гипертрофированный рост численности ночного или дневного населения, что является отражением неравнозначного объема строительства жилой или общественно-деловой недвижимости соответственно. В свою очередь значительные подвижки соотношения дневной и ночной людности могут свидетельствовать о трансформации функций территории или наметившихся трендах.

Для удобства анализа трансформационных процессов все районы, расположенные в зоне влияния железнодорожного кольца, были разделены на типы в зависимости от соотношения дневного и ночного населения и его динамики в период с 2015 по 2018 г. В результате среди них можно выделить аттрактивные (со значительным превосходством дневного населения над ночным), спаль-

8 В рамках настоящей статьи под «районом-аттрактором» понимается район с повышенной дневной, а под «районом-спальней» – ночной концентрацией населения, аналогично под «повышением аттрактивности» подразумевается увеличение дневной привлекательности, а под «увеличением спальности» – растущее ночное притяжение района.

ные (с преобладающим ночным населением) и спально-аттрактивные (с примерным равенством дневной и ночной людности). При этом направления трансформации или ее отсутствие образуют соответствующие функциональные типы, представленные в табл. 1.

В 12 районах вблизи МЦК наблюдается явное доминирование спальных функций. В пяти из них за рассматриваемый период не произошло качественных сдвигов в соотношении дневного и ночного населения (эти районы образуют группу *стабильных спальных районов*) (рис. 3). Например, в Богородском и Гольяново наблюдается уме-

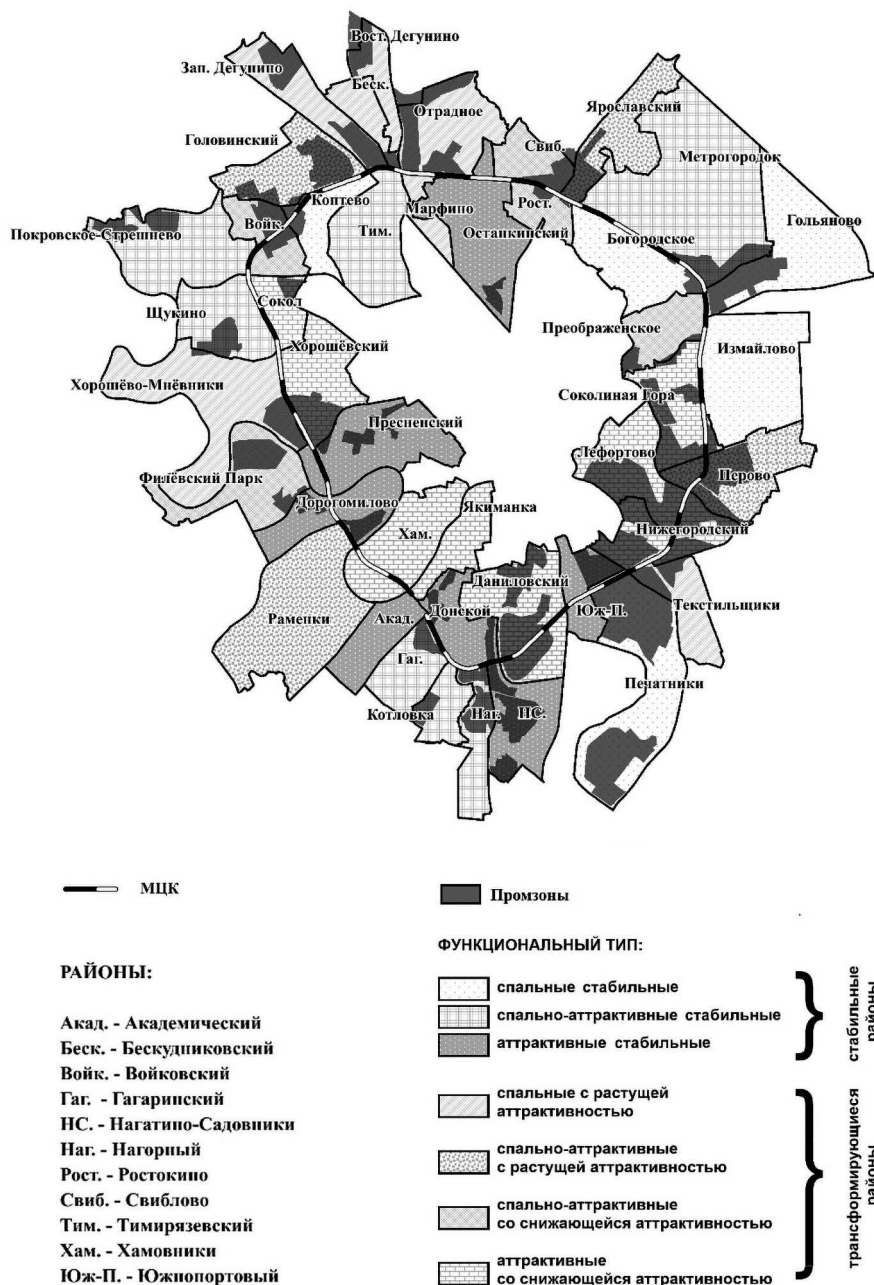
ренный рост как дневного, так и ночного населения, что говорит о достаточно активном и разнофункциональном освоении территории. При этом в настоящее время ведется строительство крупных жилых комплексов (ЖК) «Преображение» в Богородском и «Level Амурская» в Гольяново. Развитие этих районов базируется на реновации промзоны «Калошино», которая на данный момент пока только начинается [Реновация 2019]. Вследствие этого в ближайшие годы стоит ожидать значительного прироста их людности. В Коптево также наблюдался равновеликий рост численности дневного и ночного насе-

Таблица 1. Типология районов в зоне тяготения к МЦК по соотношению и динамике спальных и деловых функций, 2015–2018 гг.

Тип района	Характеристика типа	Состав типа
Спальные стабильные (5 районов)	Доля дневного населения менее 0,85 от ночного с примерно одинаковым приростом дневного и ночного населения	Богородское, Гольяново, Измайлово, Коптево, Печатники
Спальные с возрастающей аттрактивностью (7 районов)	Доля дневного населения менее 0,85 от ночного с ускоренным приростом дневного населения	Хорошево-Мневники, Западное Дегунино, Восточное Дегунино, Бескудниковский, Отрадное, Текстильщики, Марфино
Спально-аттрактивные стабильные (7 районов)	Доля дневного населения 0,85–1,25 от ночного с примерно одинаковым приростом дневного и ночного населения	Покровское-Стрешнево, Щукино, Тимирязевский, Метрогородок, Гагаринский, Котловка, Нагорный
Спально-аттрактивные с возрастающей аттрактивностью (4 района)	Доля дневного населения 0,85–1,25 от ночного с ускоренным приростом дневного населения	Раменки, Головинский, Ярославский, Перово
Спально-аттрактивные со снижающейся аттрактивностью (5 районов)	Доля дневного населения 0,85–1,25 от ночного с ускоренным приростом ночного населения	Свиблово, Ростокино, Войковский, Преображенское, Филевский парк
Аттрактивные стабильные (7 районов)	Доля дневного населения более 1,25 от ночного с примерно одинаковым приростом дневного и ночного населения	Академический, Донской, Нагатинско-Садовники, Южнопортовый, Останкинский, Пресненский, Дорогомилово
Аттрактивные со снижающейся аттрактивностью (8 районов)	Доля дневного населения более 1,25 от ночного с ускоренным приростом ночного населения	Хамовники, Якиманка, Даниловский, Лефортово, Соколиная Гора, Нижегородский, Хорошевский, Сокол

Источник: составлено авторами

Рисунок 3. Типология районов в зоне тяготения к МЦК по соотношению и динамике спальных и деловых функций, 2015–2018 гг.

Источник: составлено авторами

ления. Здесь, как и в упомянутых ранее районах, в ближайшие годы планируется строительство около 80 тыс. кв. м жилья на базе промзоны «Коптево», непосредственно рядом со станцией МЦК Коптево, что грозит усилить спальные функции района [Capital Group 2019]. В Печатниках, где реновация территории осуществляется на основе промзоны «Южный порт», влияние МЦК пока невелико. Наконец, в Измайлово нет заметных подвижек плотности, т. к. любое крупное строительство блокируется парком «Измайлово».

В составе *спальных районов с растущей аттрактивностью* прежде всего стоит отметить район Марфино, в котором ускоренный рост дневной плотности связан не только с МЦК, но и со строительством трех новых станций метрополитена, а также с формированием в зонах пересадок с линий метро на МЦК крупных транспортно-пересадочных узлов («Окружная» и «Владыкино»). В состав этого типа районов также входят соседние районы Северного и Северо-Восточного административных округов: Бескудниковский, Отрадное, Восточное и Западное Дегунино. В них в условиях изначально «низкой базы» обеспеченности рабочими местами относительный рост дневного населения превышает ночной, что, однако, не вносит существенных качественных изменений, сохраняя за этими районами статус типичных «спален». В западной части МЦК выделяется район Хорошево-Мневники, где на старопромышленных территориях, непосредственно прилегающих к МЦК, были построены крупные жилищные комплексы и бизнес-центры. В Текстильщиках освоение территории делает привлекательным наличие обширных промышленных территорий (промзоны «Южный порт» и «Грайворово»). При этом обширность массива промзон и высокая мозаичность их землепользования пока не способству-

ют активному вводу здесь жилой недвижимости.

Среди районов, расположенных вблизи МЦК, количественно преобладают районы смешанного функционального профиля, где примерно в равном соотношении представлены спальные и деловые функции (16 районов). Функциональная роль (*стабильные спально-аттрактивные*) семи из них не изменилась. В состав этого типа вошли «зеленые» районы – Тимирязевский и Метрогородок, выделяющиеся наличием обширных заповедных зон, блокирующих новое строительство. В районе Покровское-Стрешнево с другой крупной заповедной территорией, напротив, наблюдаются высокие темпы роста как дневного, так и ночного населения. Однако при детальном рассмотрении можно заметить, что к МЦК примыкает сам парк, соответственно, рост численности населения здесь не связан с железнодорожным кольцом. В соседнем районе Щукино вблизи станции Панфиловская также заметных изменений в соотношении дневной и ночной плотности не произошло. Помимо «парковых», в состав данного типа входят районы со сформировавшейся жилой и общественно-деловой застройкой, а также с почти полным отсутствием пригодных к реновации промзон: Котловка, Нагорный и Академический, где реновация имеющейся промзоны «Донские улицы» невозможна из-за ТЭЦ № 20.

Менее представительна группа *спально-аттрактивных районов с растущей аттрактивностью* (4 района), где наблюдается ускоренный рост деловых функций. В ее состав входит мало-связанный с МЦК район Раменки, в котором рост дневной привлекательности связан прежде всего с вводом в 2017 г. сразу трех новых станций метро Солнцевской линии. В другом представителе этого типа – районе Головинский – значительный прирост дневного и ночного

населения обусловлен освоением промзон «Братцево» и «Дегунино-Лихоборы», а в районе Ярославский – реновацией промзоны «Северянин» (в условиях «низкой базы» имеющихся общественно-деловых функций их прирост в относительном выражении более заметен). В районе Перово, несмотря на наличие обширных территорий промзон с высоким потенциалом реорганизации («Соколиная гора», «Карачарово» и «Прожектор»), также более заметно влияние ввода новых коммерческих площадей.

В состав типа *спально-аттрактивных районов со снижающейся аттрактивностью*, которые за последние 3 года усилили «спальные» функции, входят Свиблово и Ростокино, тяготеющие к станциям МЦК Ботанический сад и Ростокино, где ведется активная застройка промзоны «Северянин» и некоторых других территорий (в частности возводится крупный ЖК «Life – Ботанический сад»). Еще одним ярким представителем этого типа является район Филевский парк, где в Филевской пойме и на бывшей территории промзоны «Западный порт» возводятся сразу несколько новых ЖК. За рассматриваемый период ночная людность этого района возросла на 20%, а дневная – на 12%. При этом стоит отметить, что по планам Правительства Москвы на площадке ГКНПЦ им. Хруничева в промзоне «Фили» будут построены Национальный космический центр, технопарк и новое жилье, что в ближайшей перспективе будет способствовать значительному росту как ночной, так и дневной численности населения района [Национальный космический центр 2019]. Масштабное новое жилищное строительство также предполагается в районе Войковский в непосредственной близости от станции МЦК Балтийская на базе промзоны «Коптево» [Макарова 2019]. В районе Преображенское имеется достаточно плотная застройка, а ведущееся строительство дис-

лоцируется преимущественно на территории единственной промзоны «Хачиловка», расположенной в относительной удаленности от МЦК.

Благодаря трассировке МЦК через субцентр города группа районов-аттракторов почти также представительна, как и группа районов со смешанными деловыми и спальными функциями (всего 15 районов). Почти половина из них отличается стабильным на протяжении трех рассматриваемых лет соотношением дневной и ночной людности (*аттрактивные стабильные районы*). Для большинства районов данного типа строительство МЦК не оказало значимого воздействия. Развитие таких районов, как Дорогомилово, Пресненский, Гагаринский, Донской, Нагатинно-Садовники и Останкинский, мало связано с МЦК. При этом за исключением Пресненского района дневная и ночная людность в этих районах изменилась незначительно. В Пресненском районе некоторый рост обоих типов численности населения (5–7%) связан с продолжающимся развитием ММЦД Москва-Сити. Отдельно стоит выделить только Южнопортовый район, где начинается жилищная реорганизация промзоны «Волгоградский проспект», что в ближайшие годы приведет к некоторому повышению его спальных функций.

Для большинства *аттрактивных районов со снижающейся аттрактивностью*, т. е. районов-аттракторов с усиливающимися жилищными функциями, как и для большинства районов предыдущего типа, характерна высокая степень насыщенности существующей транспортной инфраструктуры и структурная принадлежность к центру и субцентру Москвы. Поэтому на развитие таких районов, как Якиманка, Хамовники, Сокол и Хорошевский, строительство МЦК не оказало значительного влияния, а флуктуации людности происходили по каким-то другим при-

чинам. При этом в Хорошевском районе строительство МЦК в перспективе способно повлиять на реорганизацию промзоны «Магистральные улицы».

Еще один представитель этого типа – район Лефортово – фактически служит продолжением центра города в юго-восточном направлении и является наиболее аттрактивным районом ЮВАО. В отличие от предыдущих районов почти половину его территории занимают промзоны, имеющие большой потенциал для реорганизации. В частности, активно идет застройка территории промзоны «Серп и Молот», однако влияние МЦК в этом процессе относительно невелико, т. к. строительство пока ведется вдали от железной дороги.

Высокий уровень развития транспортной инфраструктуры и высокоплотная застройка для упомянутых районов этого типа не способствует приросту новых жилых и коммерческих площадей (за исключением индустриального Лефортово, а также Пресненского района, где в ММЦД Москва-Сити продолжается жилое и офисное строительство).

В отличие от Лефортово расположенные рядом районы Нижегородский и Соколиная Гора испытывают более значимое воздействие МЦК. В частности, в Нижегородском происходит активное жилищное освоение территории промзоны «Грайворонovo», а также существуют предпосылки для реновации промзон «Карачарово» и «Волгоградский проспект», вследствие этого здесь наблюдаются значительные темпы прироста дневного и ночного населения. В Соколиной Горе активного освоения промзон пока не происходит из-за наличия здесь ряда стратегических предприятий. Наконец, к районам этого типа, на которые МЦК оказал заметное влияние, относится район Даниловский. Здесь МЦК (наряду с запуском станции метро «Технопарк»)

в значительной мере поспособствовало жилищной реновации промзоны «ЗИЛ». Именно Даниловский район отличается максимальными показателями прироста ночного населения (14% за последние 3 года) при незначительном уровне роста дневной людности.

В целом данная типология позволяет констатировать высокую динамику социально-экономического развития территории вокруг МЦК, что выражается в ускорении реорганизации старопромышленных территорий, в росте ночной и дневной людности и в улучшении уровня доступности. Одновременно формируются предпосылки для становления новых центров аттрактивности на основе отдельных станций МЦК. При этом за рассмотренный период не выявлено значительного роста «спальности» в большинстве районов, что свидетельствует о действительно комплексном подходе к brownfield освоению и является позитивным трендом в развитии внешней зоны МЦК.

Заключение

Данные сотовых операторов по сути представляют собой гибрид физического и виртуального пространств. Обладая возможностями значительной пространственной и временной детализации, они позволяют улавливать недоступные прочим источникам (например, данными традиционной или ведомственной статистики) мелкомасштабные колебания в численности и распределении населения. Применение метода анализа дневной и ночной людности, характеризующих структурно-функциональный профиль территории, позволяет получить представление о направлениях морфологической и функциональной трансформации городского пространства за период реализации инфраструктурного проекта.

В целом на территории, расположенной в зоне влияния железной дороги, появление МЦК к 2018 г. привело к сбалансированному росту жилья и рабочих мест, однако изменения сильно отличаются в зависимости от района. В ходе анализа не было выявлено гипертрофированного роста уровня «спальности» слабо аттрактивных районов или привлекательности районов-аттракторов, притягивающих дневное население, что говорит об устойчивом характере их развития.

Рост «спальных» функций пришелся на районы с достаточно высокими показателями концентрации дневного населения и, соответственно, их аттрактивности (привлекательности), а наибольший рост дневного населения наблюдался в классических спальных районах, что позволяет говорить о благоприятной роли МЦК в процессе создания рабочих мест в наиболее нуждающихся для этого территориях. В то же время типология районов по степени аттрактивности/спальности и их изменению в рассматриваемый период позволяет выявить некоторые «рисковые» районы, в которых планируемое строительство может вызвать эффект усиления спальных функций (Богородское, Гольяново, Коптево).

В пространственном отношении наиболее заметные изменения, вызванные МЦК, характерны для районов внешней зоны Москвы, в то время как для внутренней зоны, представляющей собой по сути центр и субцентр города, роль железнодорожного кольца сильно сглажена наличием развитой транспортной инфраструктуры и высокой степенью сформированности пространственного каркаса.

На примере МЦК можно увидеть, как крупный транспортно-инфраструктурный проект увязывается с другим городским мегапроектом – реновацией промзон. Дополняя друг друга, они освобож-

дают город от «ржавого» пояса – наследия индустриального периода его развития, формируя новую функциональную структуру городской ткани. Появление МЦК не только привело к образованию мощного линейного и многих новых узловых элементов его каркаса, наполнив территорию новыми объектами и функциями, но также изменило систему связей и имидж территории, консолидируя городское пространство столицы и унифицируя его структуру с крупнейшими мировыми городами, которые уже прошли этот этап развития.

Список литературы

Богоров В., Новиков А., Серова Е. (2013) Самопознание города // Григорян Ю. (ред.) Археология периферии. М. С. 380–405.

Закон города Москвы «О Генеральном плане города Москвы» от 05.05.2010 № 17 (2010) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. Спецвыпуск № 1 // https://niac.mos.ru/upload/iblock/2fc/zakon-g_-moskvy-ot-05_05_2010-n-17_-red_-ot-26_10_2011_.pdf, дата обращения 21.02.2020.

История Малого кольца Московской железной дороги (2016) // ТАСС. 9 сентября 2016 // <https://tass.ru/info/3609046>, дата обращения 21.02.2020.

Capital Group застроит промзону на севере Москвы (2019) // РБК. 11 октября 2019 // <https://realty.rbc.ru/news/5da036449a79479006d179e6>, дата обращения 21.02.2020.

Макарова Е. (2019) «Инград» дошел до промзоны // Коммерсантъ. 10 июля 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/4026081>, дата обращения 21.02.2020.

Махрова А.Г., Бабкин Р.А. (2018) Анализ пульсаций системы расселения Московской агломерации с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. № 2(60).

С. 68–78 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35417472_16517312.pdf, дата обращения 21.02.2020.

Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. (2016) Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. № 3(53). С. 71–82 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27443033_79434640.pdf, дата обращения 21.02.2020.

Москва для жизни и для развлечений (2017) // Яндекс. 16 февраля 2017 // https://yandex.ru/company/researches/2017/moscow_districts, дата обращения 21.02.2020.

Москва на рубеже XX–XXI вв. (2003). М.: Московские учебники и картолитография.

Национальный космический центр, технопарк и жилье построят на площадке завода им. Хруничева (2019) // Новости Комплекса градостроительной политики и строительства города Москвы. 2 июля 2019 // <https://stroimsk.ru/news/natsionalnyi-kosmicheskii-tsentr-postroiat-k-2023-ghodu-khusnullin>, дата обращения 21.02.2020

Ни холодно, ни жарко: МЦК не очень-то влияет на посещаемость ТЦ (2019) // CRE: Портал коммерческой недвижимости Москвы и Подмосковья. 30 января 2019 // <https://www.cre.ru/analytics/74209>, дата обращения 21.02.2020

Реновация промзон // Реновации Москвы // <https://renovar.ru/>, дата обращения 21.04.2020.

Ahas R., Silm S., Saluveer E., Järv O. (2009) Modelling Home and Work Locations of Populations Using Passive Mobile Positioning Data // Location Based Services and Telecartography II, pp. 301–315. DOI: 10.1007/978-3-540-87393-8_18

Berlingerio M., Calabrese F., Lorenzo G., Nair R., Pinelli F., Sbodio M. (2013) AllAboard: A System for Exploring urban Mo-

bility and Optimizing Public Transport Using Cellphone Data // Joint European Conference on Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases, pp. 663–666.

Calabrese F., Diao M., Lorenzo D., Ferreira J., Ratti C. (2013) Understanding Individual Mobility Patterns from Urban Sensing Data: A Mobile Phone Trace Example // Transportation Research Part C: Emerging Technologies, vol. 26, pp. 301–313. DOI: 10.1016/j.trc.2012.09.009

Habidatum Projects (2020) // Habidatum // <https://projects.habidatum.com/>, дата обращения 21.02.2020.

Louail T., Lenormand M., Ros O.-K., Picornell M., Herranz R., Frias-Martinez E., Ramasco J., Barthelemy M. (2014) From Mobile Phone Data to the Spatial Structure of Cities // Scientific Reports, vol. 4, pp. 1–12. DOI: 10.1038/srep05276

Nemeškal J., Ouředníček M., Pospíšilová L. (2020) Temporality of Urban Space: Daily Rhythms of a Typical Week Day in the Prague Metropolitan Area // Journal of Maps, vol. 16, no 1, pp. 30–39. DOI: 10.1080/17445647.2019.1709577

Ratti C. (2005) Mobile Landscape – Graz in Real Time // Proceedings of 3rd Symposium on 1 & TeleCartography, Vienna: Vienna University of Technology, pp. 28–30.

Shaw Sh.-L., Sui D. (2020) Understanding the New Human Dynamics in Smart Spaces and Places: Toward a Spatial Framework // Annals of the American Association of Geographers, vol. 110, no 2, pp. 339–348. DOI: 10.1080/24694452.2019.1631145

Tuan Y.F. (1977) Space and Place: The Perspective of Experience, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Zhong C., Batty M., Manley E., Wang J., Wang Z., Chen F., Schmitt G. (2016) Variability in Regularity: Mining Temporal Mobility Patterns in London, Singapore and Beijing Using Smart-card Data // PLoS ONE, vol. 11, no 2, pp. 1–17. DOI: 10.1371/journal.pone.0149222

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-9

The Dynamics of the Day and Night Population as an Indicator of Structural and Functional Changes in the Territory of the City in the Zone of Influence of the Moscow Central Ring Using Data from Mobile Operators

Alla G. MAKHROVA

PhD in Geography, Leading Researcher, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia

Lomonosov Moscow State University, 119991, GSP-1, Leninskie gory, Faculty of Geography, Moscow, Russian Federation;

Leading Researcher

SOPS VAVT of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 119285, Vorob'ovskoe Highway, 6A, Moscow, Russian Federation

E-mail: almah@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4432-1095

Roman A. BABKIN

Junior Researcher, Research Laboratory of Regional Policy and Regional Investment Processes

Plekhanov Russian University of Economics, 117997, Stremyannyj Lane, 36, Moscow, Russian Federation;

Postgraduate, Faculty of Geography, Department of Economic and Social Geography of Russia

Lomonosov Moscow State University, 119991, GSP-1, Leninskie gory, Faculty of Geography, Moscow, Russian Federation

E-mail: babkin_ra@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7054-6450

Eduard E. KAZAKOV

Researcher, Head of Geoinformatics Group

State Hydrological Institute, 199004, Vasilyevskij Island, 2nd line, 23, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: ee.kazakov@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7942-302X

CITATION: Makhrova A.G., Babkin R.A., Kazakov E.E. (2020) The Dynamics of the Day and Night Population as an Indicator of Structural and Functional Changes in the Territory of the City in the Zone of Influence of the Moscow Central Ring Using Data

from Mobile Operators. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 159–179 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-9

Received: 10.03.2020.

ACKNOWLEDGMENTS: The authors are grateful to the Department of Information Technologies of the Government of Moscow for the opportunity to use the provided data of mobile operators to write this work.

The section “Functional transformation of territories nearby the MCC in 2015–2018” were prepared by A. G. Makhrova and R.A.Babkin under the state-ordered research theme of Lomonosov Moscow State University (project no 0148-2019-0008 “Socio-economic factors of the transformation of the territorial organization of society in Russia and adjoining states (GM)” (NIOKTR no AAAA-A16-116032810087-1).

ABSTRACT. *Moscow as a world city combines territories with various functional content. At the same time, the complexity of the morphological structure of the capital is supplemented by the high dynamism of the socio-economic processes taking place in it. In this context, an important task is to assess the role of large infrastructure projects, intensifying the processes of transformation of the urban structure and in a short time changing the historically established functional roles of vast urban spaces. The article uses the data of mobile operators to analyze functional changes in the zone of influence of the largest urban megaproject – the Moscow Central Ring (MCC) from 2015 to 2018. The available information on mobile telephony about the distribution of the population at night and daytime allows us to characterize the degree of “dormancy” and “attractiveness” of urban areas near the MCC, and accordingly their functional roles. The analysis showed that during the period under review, the day and night population of 43 municipalities surrounding the MCC showed an equal increase of 0.35 million people with a significant differentiation of its pace in certain areas. The ratio between the day and night population of the areas, as well as its change from 2015 to 2018 allowed to distinguish the characteristic functional types of districts. The typology demonstrated that the role of the MCC in spatial development for the attractive ter-*

ritories of the center and subcenter of Moscow turned out to be significantly less noticeable than for areas located on the side of the MCC external to the city center. This influence was more replaceable in municipalities, where the railway ring became the first type of high-speed off-street transport, as well as in areas that have significant areas of industrial zones, the majority of the observed structural and functional movements in urban morphology are associated with the synergy of renovation.

KEY WORDS: *Moscow, Moscow Central Ring, data of mobile operators, city morphology, industrial zones*

References

- Ahas R., Silm S., Saluveer E., Järv O. (2009) Modelling Home and Work Locations of Populations Using Passive Mobile Positioning Data. *Location Based Services and Telecartography II*, pp. 301–315. DOI: 10.1007/978-3-540-87393-8_18
- Berlingerio M., Calabrese F., Lorenzo G., Nair R., Pinelli F., Sbodio M. (2013) AllAboard: A System for Exploring urban Mobility and Optimizing Public Transport Using Cellphone Data. *Joint European Conference on Machine Learning and Knowledge Discovery in Databases*, pp. 663–666.

Bogorov V., Novikov A., Serova E. (2013) Self-Knowledge of the City. *Archeology of the Periphery*, Moscow, pp. 380–405 (in Russian).

Calabrese F., Diao M., Lorenzo, D., Ferreira J., Ratti C. (2013) Understanding Individual Mobility Patterns from Urban Sensing Data: A Mobile Phone Trace Example. *Transportation Research Part C: Emerging Technologies*, vol. 26, pp. 301–313. DOI: 10.1016/j.trc.2012.09.009

Capital Group Will Build up an Industrial Zone in the North of Moscow (2019). *RBC*. October 11, 2019. Available at: <https://realty.rbc.ru/news/5da036449a79479006d179e6>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Habidatum Projects (2020). *Habidatum*. Available at: <https://projects.habidatum.com/>, accessed 21.02.2020.

History of the Small Ring of the Moscow Railway (2016). *TASS*, September 9, 2016. Available at: <https://tass.ru/info/3609046>, accessed 21.02.2020 (in Russian).

Louail T., Lenormand M., Ros O-K., Picornell M., Herranz R., Frias-Martinez E., Ramasco J., Barthelemy M. (2014) From Mobile Phone Data to the Spatial Structure of Cities. *Scientific Reports*, vol. 4, pp. 1–12. DOI: 10.1038/srep05276

Makarova E. (2019) “Ingrad” Reached the Industrial Zone. *Kommersant*, July 10, 2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4026081>, accessed 21.02.2020 (in Russian).

Makhrova A.G., Babkin R.A. (2018) Analysis of Moscow Agglomeration Settlement System Pulsations Based of Mobile Operators Data. *Regional Studies*, no 2(60), pp. 68–78. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35417472_16517312.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Makhrova A.G., Kirillov P.L., Bochkarev A.N. (2016) Labor Commuting in Moscow Metropolitan Area: Evaluation of Flows Using Data from Mo-

bile Network Operations. *Regional Studies*, no 3(53), pp. 71–82. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27443033_79434640.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Moscow at the Turn of the XX–XXI Centuries (2003), Moscow: Moskovskie uchebniki i Kartolitografiya (in Russian).

Moscow for Life and Entertainment (2017). *Yandex*, February 16, 2017. Available at: https://yandex.ru/company/researches/2017/moscow_districts, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Neither Cold nor Hot: the MCC Does not Really Affect the Attendance of the Shopping Center (2019). *CRE*, January 30, 2019. Available at: <https://www.cre.ru/analytics/74209>, accessed 21.02.2020 (in Russian).

Nemeškal J., Ouředníček M., Pospíšilová L. (2020) Temporality of Urban Space: Daily Rhythms of a Typical Week Day in the Prague Metropolitan Area. *Journal of Maps*, vol. 16, no 1, pp. 30–39. DOI: 10.1080/17445647.2019.1709577

Ratti C. (2005) Mobile Landscape – Graz in Real Time. *Proceedings of 3rd Symposium on 1 & TeleCartography*, Vienna: Vienna University of Technology, pp. 28–30.

Renovation of Industrial Zones (2019). *Renovar*. Available at: <https://renovar.ru/>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Shaw Sh.-L., Sui D. (2020) Understanding the New Human Dynamics in Smart Spaces and Places: Toward a Splatial Framework. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 110, no 2, pp. 339–348. DOI: 10.1080/24694452.2019.1631145

The Law of Moscow “On the General Plan of the City of Moscow”, May 5, 2010, no 17 (2010). *Bulletin of the Mayor and Government of Moscow*. Special Issue 1. Available at: https://niac.mos.ru/upload/iblock/2fc/zakon-g_-moskvy-ot-05_05_2010-n-17-_red_-ot-26_10_2011_.pdf, accessed 21.02.2020 (in Russian).

The National Space Center, an Industrial Park and Housing Will Be Built on

the Site of the Khrunichev Plant (2019). *News of the Complex of Urban Planning Policy and Construction of the City of Moscow*, February 7, 2019. Available at: <https://stroim.mos.ru/news/natsional-nyi-kosmichieskii-tsientr-postroiat-k-2023-ghodu-khusnullin>, accessed 21.02.2020 (in Russian).

Tuan Y.F. (1977) *Space and Place: The Perspective of Experience*, Minneapolis: University of Minnesota Press.

Zhong C., Batty M., Manley E., Wang J., Wang Z., Chen F., Schmitt G. (2016) Variability in Regularity: Mining Temporal Mobility Patterns in London, Singapore and Beijing Using Smart-card Data. *PLoS ONE*, vol. 11, no 2, pp. 1–17. DOI: 10.1371/journal.pone.0149222

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-10

Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации

Евгений Викторович АНТОНОВ

кандидат географических наук, научный сотрудник
Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, Москва,
Российская Федерация;
заместитель заведующего кафедрой по научной работе, географический
факультет
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, ГСП-1,
Ленинские горы, географический факультет, Москва, Российская Федерация
E-mail: antonov@igras.ru
ORCID: 0000-0002-0433-4417

ЦИТИРОВАНИЕ: Антонов Е.В. (2020) Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 180–202. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-10

Статья поступила в редакцию 21.01.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-014-00044 А «Роль глобальных городов в трансформации государственного регулирования территориального развития (опыт стран ОЭСР)».

АННОТАЦИЯ. В настоящее время в России заявлена необходимость разработки Федерального закона «О городских агломерациях», развитие городских агломераций продекларировано как необходимое условие обеспечения экономического роста и инновационного развития в стране. Однако однозначных подходов к выделению и делимитации городских агломераций не существует; данные в Стратегии пространственного развития России определения носят очень общий характер. В этой связи цель данной статьи – обобщить сложившиеся в зарубежной и российской науке и практике подходы к работе с агломерациями. В статье показано, что в экономиче-

ски развитых странах основным подходом к выделению агломераций является функциональный, при котором определяется область взаимодействия между «ядром» агломерации и его «хинтерландом», прежде всего по интенсивности маятниковых трудовых миграций; функциональный подход постепенно трансформируется в сетевой, подразумевающий полицентричность агломераций. Выделение и делимитация агломераций в стране может основываться на унифицированном или индивидуальном подходах. В статье предлагается использовать в России оба варианта: унифицированный подход в целях совершенствования статистического учета происходящих изменений в системе

расселения, близкий к методике ОЭСР, и индивидуальный для целей стратегического планирования и развития межмуниципального сотрудничества. Преимуществом методики ОЭСР является отсутствие необходимости опираться на сложившиеся территориальные основы местного самоуправления, заметно различающиеся по субъектам РФ. Предлагается также провести широкое обсуждение закрепляемых в законе «О городских агломерациях» подходов к их выделению и делимитации, совершенствовать систему статистического учета маятниковых миграций населения, в т. ч. в переписях населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *выделение и делимитация городских агломераций, ядро и периферия агломерации, метрополитенские и урбанизированные ареалы, сетка административно-территориального деления, интенсивность маятниковых миграций, статистический учет, межмуниципальное сотрудничество, стратегическое планирование*

Введение

В последние годы при обсуждении перспектив пространственного развития России все большее внимание уделяется городским агломерациям. Так, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года «обеспечение расширения географии и ускорения экономического роста, научно-технологического и инновационного развития Российской Федерации за счет социально-экономического развития перспективных крупных центров экономического роста Российской Федерации – крупных городских агломераций и крупнейших городских агломераций» названо одним из основных направлений пространственного развития страны [Стратегия пространствен-

ного развития 2019]. Более того, и в плане реализации данной стратегии [План реализации 2019], и в плане законопроектной деятельности федерального правительства на 2020 год предусматривается разработка Федерального закона «О городских агломерациях».

Разработка такого закона неизбежно потребует закрепления в нем подходов к выделению и делимитации городских агломераций (ГА). В Стратегии пространственного развития дается определение ГА – это совокупность компактно расположенных населенных пунктов и территорий между ними с общей численностью населения от 500 тыс. чел., связанных совместным использованием инфраструктурных объектов и объединенных интенсивными экономическими, в т. ч. трудовыми, и социальными связями. Как видим, определение ГА носит очень общий характер, а подходы к выделению ГА в стратегии не раскрываются. Хотя, как будет показано ниже, при довольно широкой распространенности понятия ГА однозначных подходов к их определению не существует.

Соответственно, цель данной статьи – показать сложившееся в зарубежной и российской науке и практике многообразие подходов и методов выделения и делимитации ГА. Авторским вкладом можно считать рассмотрение перспектив их применения в России, в т. ч. в зависимости от тех целей и задач, которые предполагается решать благодаря принятию Федерального закона «О городских агломерациях».

Разнообразие подходов к определению агломерации

Существует несколько различных подходов к определению понятия агломерация. Один из них выделяет агломерацию как разновидность так называемого интегрированного расселения,

представляющего из себя одну из высших стадий ее трансформации [Зайончковская 1985]. Интегрированное расселение предполагает формирование «ареалов непосредственно и всесторонне взаимодействующих сельских и городских поселений на основе разносторонних и интенсивных взаимосвязей между всеми типами поселений» [Полан 2014]. Как правило, основу (ядро) таких систем составляют города, образующие в результате городские агломерации, которые более конкретно определяются как «компактные системы территориально сближенных и экономически взаимосвязанных населенных мест, объединенных устойчивыми и многообразными связями (прежде всего трудовыми, культурно-бытовыми, производственными, рекреационными), общей социальной и технической инфраструктурой» [Махрова 2013]. При таком подходе (условно – функционально-расселенческом), исторически преобладающем в мире и в нашей стране, ГА – это прежде всего сложно устроенная расселенческая структура, для выявления которой используется своеобразный набор методов, в основном из экономической географии, сферы территориального планирования и градостроительства.

Альтернативный подход к определению сущности агломерации (в т. ч. городской) предполагает ее рассмотрение как экономической категории. Агломерации формируются естественным образом как проявление «агломерационных эффектов» – экономической «выгоды от территориальной концентрации производств и других экономических объектов в городах и агломерациях, в относительно близких друг от друга пунктах» [Лопатников 2003]. В таком понимании ключевой характеристикой ГА является свойство эмерджентности («системного эффекта»), который выливается прежде всего в повышенную экономическую отдачу от ис-

пользования территориальных и иных ресурсов [Проектирование пространства б/г], а агломерационный эффект формирует «общую экономическую, деловую, социокультурную и жилую среду города и пригорода в пределах агломерационного ареала, опирающуюся на тесные инфраструктурные связи» [Калашникова 2015]. В рамках данного подхода расселенческая структура и производственные связи играют значительно меньшее значение, а на первый план выходят пространственные различия в таких чисто экономических категориях, как производительность труда, степень концентрации промышленности и сферы услуг, мультипликативные эффекты и т. п. [Стрижкина, Стрижкина 2015], которые и являются индикаторами для выделения агломераций и их границ. Экономический подход при выделении агломераций в постсоветское время значительно увеличил свою популярность как за счет активного развития теоретических основ в рамках концепций «Пространственной экономики» [Fujita, Krugman, Venables 1999] и «Новой экономической географии» [Fujita, Krugman 2004], так и за счет укоренившегося восприятия (но неоднозначного даже в экспертном сообществе, см. [Мельникова 2017]) процессов территориальной концентрации и агломерирования как основы для формирования точек роста для национальной экономики.

Среди существующих в развитых зарубежных странах подходов к выделению метрополитенских ареалов, наиболее близких по своей сути к понятию ГА, выделяются три основных: административный, морфологический, функциональный или сетевой [Project 3.1 ESPON 2006].

Административный предполагает выделение метрополитенских ареалов путем различения урбанизированных и сельских территорий (используя критерии пороговой людности, законода-

тельных норм) на основе уже существующих административных границ. При таком подходе ареал выделяется в основном с целью управления и контроля и во многом обусловлен историческими причинами, наличием ранее юридически оформленных межмуниципальных соглашений.

Второй подход определяет метрополитенские ареалы как непрерывную зону городских поселений, имеющую определенные пороговые значения плотности населения, людности или степени урбанизации. Согласно данному подходу важнейшим критерием выделения ареала являются связи между территориальными единицами без привязки к их фактическим административным границам.

При функциональном подходе [Klapka, Halas 2016] метрополитенский ареал определяется как область взаимодействия между «ядром» (которое может быть выделено с использованием тех же морфологических критериев на основе пороговых значений людности или занятости) со своим «хинтерландом», состоящим из соседних муниципалитетов, которые демонстрируют значительную взаимосвязь с ядром (обычно по критерию интенсивности маятниковых трудовых миграций). В настоящий момент функциональный подход является мейнстримовским в странах Европы и Северной Америки [Knapp, Schmitt 2003; Freedman 2005] и, концептуально развиваясь в сторону рассмотрения метрополитенского ареала как полицентричной и все более многоуровневой системы, трансформируется в так называемый сетевой подход [Boix, Veneri, Almenar 2012, см. DMA в табл. 2]. Его суть состоит в том, что развитие ГА приводит к появлению нескольких центров первого порядка, и усложняющиеся функциональные связи между ними требуют применения методов из теории систем (в т. ч. на ос-

нове теории графов), лучше подходящих для полицентричных территориальных образований и позволяющих описать всю сложность сетевого взаимодействия [Liang, Li, Mao 2010].

Использование той или иной трактовки сущности агломерации (и, соответственно, методов выделения и делимитации агломераций) во многом зависит от поставленных целей. Для выделения агломераций как узловых элементов опорной сети расселения (преимущественно в СССР и России [Полян 2002]) или как объединений для решения исключительно внутренних задач координированного развития группы муниципалитетов (во многих европейских странах [Граф, Жаромских 2006; Одинцова 2013]) более популярным является функционально-расселенческий подход. В настоящее время в России в стратегическом планировании (как на федеральном, так и на региональном уровне) превалирует экономический подход к определению ГА. И в Стратегии пространственного развития РФ, и в предшествующем ему президентском указе об основах государственной политики региональное развитие ГА рассматривается прежде всего «как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках» [Указ Президента РФ 2017].

Методики выделения и делимитации городских агломераций

В отличие от зарубежных стран, где понятие агломерации (в т. ч. городской) давно нашло отражение в ряде нормативно-правовых актов и позволяет подходить к управлению ими и их

изучению на единых и общепринятых методологических основаниях, в России к настоящему моменту не сложилось каких бы то ни было официально закрепленных подходов ни к выделению ГА как таковых, ни к проведению пространственной делимитации агломерационных зон. В этих условиях научное и экспертное сообщество вынуждено либо прибегать к нескольким сложившимся еще в советское время методическим подходам (как в академической науке, так и в прикладной деятельности организаций территориального планирования), либо пытаться перенести зарубежный опыт, адаптировав его под конкретные российские условия.

В зарубежной практике ГА урбанизированные, метрополитенские зоны и ареалы выделяются, в основном, исходя из двух ключевых критериев: людности территориального образования и интенсивности протекающих в нем маятниковых миграций населения (табл. 2). При этом интенсивность маятниковых миграций оценивается не расчетным путем (как в отечественной практике путем оценки численности населения, проживающего внутри изохрон транспортной доступности), а по фактическим потокам по данным подробных и относительно достоверных переписей населения. Обычно делимитация агломераций осуществляется по ячейкам административно-территориального деления уровня муниципалитета (в европейских странах – как правило, на уровне NUT3, которые в зависимости от страны могут быть сопоставлены субъектам РФ либо муниципальным районам и городским округам).

Перенесение данного подхода в российскую действительность затруднено фактическим отсутствием необходимых данных по трудовым миграциям, в связи с чем еще в советское время бы-

ло разработано несколько альтернативных методик, использующих доступный в нашей стране набор данных.

Первые подходы к выделению ГА на основе строго определенного и аргументированного перечня критериев в отечественной науке появляются одновременно с укреплением самого понятия агломерации среди профильных специалистов (географов, градостроителей, социологов) в конце 1960-х – начале 1970-х гг. За это время в рамках функционально-расселенческой парадигмы к выделению ГА был пройден путь от многочисленных индивидуальных эмпирических методик (основанный на опыте изучения конкретных агломераций (см. [Давидович 1964; Давидович 1967; Вишневский 1967; Бурьян 1973; Скутин 1975; Рейбайн (1) 1974; Рейбайн (2) 1974; Гуджиабидзе 1983]) до появления универсального общесетевого подхода к выделению агломераций и методик на его основе в 80-е гг. XX в. [Листенгурт 1975; Полян 1988; Полян, Заславский, Наймарк 1988; Лейзерович 1990]. Эти две группы методик (индивидуальная и унифицированная, табл. 1) имеют между собой методические различия. Работы первой группы, основанные на уникальном в своем роде выделении границ общепринятой и бесспорной по своей сути ГА, основываются на подробном и разнообразном материале, характеризующем отдельные поселения и разнохарактерные связи. На основе данных, полученных в т. ч. в ходе полевых исследований (транспортных потоков и транспортной доступности, реально протекающих миграций населения, тяготения населения к тем или иным центрам и др.), удается наиболее полно обосновать границы зон влияния ядер агломерации. Исследования подобного рода относительно многочисленны и в настоящее время [Сергеева, Буруль 2014; Федорова, Понома-

рева 2014; Чугунова 2014; Аверкиева и др. 2015; Кашин, Кудрявцев., Лекомцев 2016; Уляева 2016]. Необходимый для анализа набор подробных данных, характеризующих внутренние связи, необходимость учета региональных особенностей делает данный подход и используемые в нем критерии плохо масштабируемыми и не подходящими для выявления сети ГА в масштабах всей страны.

Унифицированные методики выделения и делимитации ГА использовали опыт статистического изучения развития ГА в СССР и предусматривали использование наиболее простых и универсальных критериев, которые могли быть применены к любой территории «интегрированного» расселения. Таковыми стали число и людность городских населенных пунктов, расположенных в пределах определенной временной доступности от центра агломерации. Городские населенные пункты (города и поселки городского типа) в этих ме-

тодиках отделялись от сельской местности исходя из принципиально иной функциональной (центры контроля, управления, снабжения и обслуживания населения) и экономической (места сосредоточения предприятий промышленности) роли для территории, а временная/транспортная доступность выступала в роли меры проницаемости и так называемого трения пространства или падения интенсивности пространственного взаимодействия [Смирнягин 2012].

В современных условиях при изучении ГА и грубого очерчивания ее потенциальных границ используется, как правило, одна из универсальных методик, а на втором этапе в зависимости от поставленных целей происходит уточнение принадлежности тех или иных территорий к ГА и реальной включенности населенных пунктов в социально-экономическую ткань города с использованием индивидуального подхода.

Таблица 1. Подходы к выделению городских агломераций
Table 1. Approaches to the allocation of urban agglomerations

Критерии	Методология	
	Индивидуальная	Унифицированная
Цель	Точная делимитация одной или нескольких конкретных агломераций	Выявление сети агломераций в масштабах региона или страны
Степень субъективизма	Высокая	Относительно низкая
Транспортная доступность до центра	По данным о реальных миграционных потоках	По условным изохронам
Ключевые критерии	Множество критериев	Миграции населения, людность, число населенных пунктов и коэффициенты на их основе
Учет административно-территориального (муниципального) деления	Гибкий подход, позволяющий включать в состав агломерации территории разных территориальных уровней	Использование, как правило, одного территориального уровня
Полицентричность	Выявляется	Выявление затруднено
Примеры	Отечественные методики выделения и делимитации (п. 7, 9, 10 табл. 3)	Зарубежные методики статистических органов (см. табл. 2), отечественные методики (п.1–3, 6 табл. 3).

Источник/Source: составлено по [Глазычев, Стародубровская 2008].

Во многих экономически развитых зарубежных странах критерии и понятия ГА установлены органами статистического учета (табл. 2). В Северной Америке ключевым критерием выделения ГА является преодоление необходимого порога людности при интенсивно протекающих маятниковых трудовых миграциях населения. В европейских странах перечень возможных критериев значительно шире, в него включены различные характеристики рынка труда, плотности населения и жилой застройки. Отечественные методики выделения и делимитации ГА (табл. 3), выполненные в рамках функционально-расселенческой парадигмы, включают несколько ключевых критериев [Полян 2014]:

- критерий ядра – численность населения центрального города;
- критерий границ – прежде всего пространственный, временной или иной радиус;
- критерий спутниковой зоны – число и людность городских поселений, функциональная связь с ядром;
- критерий реального взаимодействия – интенсивность различных потоков и связей, прежде всего маятниковых миграций;
- интегральный критерий – показатель, характеризующий целостность, сформированность и развитость городской агломерации.

В универсальных методиках (п. 1–3 табл. 3) в качестве пороговой людности принимается численность населения для ядра от 50 до 250 тыс. чел., в пригородной зоне – не менее 50 тыс. чел. в городских населенных пунктах, расположенных в 1,5–2-часовой транспортной доступности. Классификация агломераций в наиболее распространенных методиках производится на основе коэффициента развитости ГА

(формула 1, табл. 3 п. 1) или коэффициента агломеративности (формула 2, табл. 3 п. 2), которые учитывают людность и структуру распределения населения в городских населенных пунктах.

$$K_{разв} = P \cdot (M \cdot m + N \cdot n), \quad (1)$$

где P – людность ГА (млн чел.), M и N – число городов и поселков городского типа в составе ГА, m и n – их доли в суммарной численности населения агломерации; ГА считается сформированной, если $K_{разв}$ превышает 1.

$$Ka = \frac{P \cdot B}{R \cdot 100}, \quad (2)$$

где P – плотность населения в пределах ГА (чел./км²), B – удельный вес городского населения в общем населении ГА (%); R – среднее расстояние между городов-ядром и остальными городскими поселениями.

Многие проблемы делимитации ГА свойственны всем методикам. Это прежде всего касается неизбежной генерализации границ ГА на уровне границ элементарных статистических ячеек информации (округов в США, коммун во Франции, муниципальных районов в России и т. д.). Другой немаловажной проблемой для применения универсальных методик выделения ГА является фактическое размытие понятия городского населенного пункта. В настоящий момент в практике муниципального устройства происходит активное изменение статуса поселков городского типа (включение их в состав городов или преобразование в сельские поселения). За постсоветское время коренным образом поменялась и сама суть поселков городского типа, многие из которых лишились присущих им отличительных черт (прежде всего промышленной градообразующей базы), и наоборот – сельские населенные пун-

кты, расположенные в пригородной зоне крупных городов, полностью утратили сельскохозяйственные функции, приняв на себя значительные сервисные и производственные. Таким образом, применение существующих универсальных методик выделения и делимитации ГА в чистом виде в современных условиях имеет определенный методологический изъян.

Попытки унификации подходов к выделению ГА (урбанизированных ареалов) предпринимаются и на международном уровне для обеспечения межстрановой сопоставимости. В методике ОЭСР (OECD) предусматривается выделение функциональных урбанизированных ареалов (табл. 2) по критериям плотности населения и интенсивности трудовых миграций.

Таблица 2. Подходы к выделению и делимитации городских агломераций в зарубежных странах на основе статистических методов
Table 2. Approaches to the allocation and delimitation of urban agglomerations in foreign countries based on statistical methods

Страна	Критерии выделения и делимитации городских агломераций
США	Выделение по сетке округов, иногда называемых в русскоязычной литературе графствами (АТД 2-го порядка, близкое к муниципалитетам) на основе интенсивности трудовых миграций населения как мере тяготения окружающей территории к ядру. Деление по критериям совокупной людности: метрополитенский ареал (МСА, > 50 тыс. чел.), микрополитенский ареал (МСА, 10–40 тыс. чел.) [Смирнягин 2009]. Центр агломерации – историческое ядро (одно или группа графств, город или близлежащие города) [Тимиргалеев 2014]. Критерии округа-спутника: 25% его рабочей силы работают в центральном округе или 25% рабочих мест занимают рабочие из центрального округа [2010 Standards for Delineating Metropolitan 2010]. Периферия МСА – все остальные графства за пределами ядра. Источник данных для выделения – перепись населения.
Канада	Выделение по сетке муниципалитетов (Census subdivisions – переписные подразделения, CSD) на основе интенсивности маятниковых трудовых миграций населения. Два класса агломерационных образований – переписные метрополии (переписная городская зона, census metropolitan area, CMA) и переписная агломерация (census agglomeration, CA). Состав агломерации – одно или несколько ядер, пригородная (frindge) и сельская местность (rural areas). Пороговая людность для CMA – 100 тыс. чел. и 50 тыс. чел. в ядре; для CA – 10 тыс. чел. для ядра [Агломерации Канады б/г]. Включение муниципалитета (CSD) в состав CMA или CA, если выполняется хотя бы 1 из 3 основных условий [CMA and CA n/y]: (1) CSD полностью или частично находится внутри ядра агломерации; (2) => 50% мигрантов, проживающих в CSD, работают в ядре агломерации; (3) => 25% мигрантов, работающих в CSD, проживают в ядре агломерации. Кроме того, существуют дополнительные критерии: (а) историческая сопоставимость – CSD включаются в состав CMA или CA, даже если они не соответствуют критериям миграционных потоков по последней переписи, но входили в них ранее; (б) пространственная близость и ручное регулирование – CSD могут быть включены и исключены из CMA или CA исходя из пространственной близости и целостности, независимо от выполнения критериев 1–3. Возможно образование смежной соседской агломерации CMA и CA при доле маятниковых мигрантов между ними => 35%. Выделение зоны влияния агломерации (metropolitan influenced zones, MIZ) – CSD, не входящие в CMA или CA, но со статистически значимой долей маятниковых мигрантов (4 градации интенсивности). Источник данных для выделения – перепись населения.
Швейцария	Выделение по сетке муниципалитетов на основе множества критериев: интенсивность пассажирского сообщения и маятниковых трудовых миграций из муниципалитета в ядро, непрерывность застройки, соотношение численности занятого и постоянного населения, структура экономики (не более 2 средних значений по стране по занятым в первичном секторе экономики), людность – не менее 20 тыс. чел. при положительной динамике численности (не менее 110% от среднего по стране) и др. [Развитие городских агломераций б/г].

Франция	Несколько агломерационных форм: городские сообщества (Communauté urbaine), сообщества агломераций (Communauté d'agglomération), сообщества коммун (Communauté de communes) [Цыкалов, Кузьменков 2016]. Выделение агломераций на уровне коммун на основе множества критериев: каждая коммуна в составе агломерации с людностью не менее 2 тыс. чел., половина из которых проживают в зоне сплошной застройки (расстояние между зданиями не более 200 м), центральная коммуна – => 5 тыс. рабочих мест, доля маятниковых мигрантов из пригородов на рынке труда ядра > 40% [Развитие городских агломераций б/г; Ижгузина 2014]. Сообщества агломераций – центральный город (людность => 15 тыс. чел.) и пригородные коммуны (общая людность => 50 тыс. чел.) [Цыкалов, Кузьменков 2016]. Городские сообщества – городские районы с людностью => 500 тыс. чел.
Великобритания	Выделение метрополитенских трудовых ареалов (standard metropolitan labour area) по сетке муниципалитетов на основе критериев развитости рынка труда и людности. Состав ареала – центральный город (ядро) и пригороды (корона) с суммарным населением > 70 тыс. чел. Ядро ареала включает в себя один или несколько муниципалитетов, в которых число рабочих мест на единицу площади > 5/акр (13,75/га), либо один муниципалитет, где работающее население превышает 20 тыс. чел. Корона состоит из соседних с ядром муниципалитетов, => 15% активного населения которых работает в центральном городе [Стрельников, Семенова 2010].
Испания	Выделение крупных и малых городских урбанизированных ареалов на основе множества критериев, основными из которых являются динамика, численность и плотность населения городов и соседних муниципальных образований, а также дополнительные: структура занятости и трудовая мобильность, жилищное строительство, структура использования и цены на жилье и др. [Metodología 2016]. В крупных ареалах муниципалитеты с численностью населения от 50 тыс. жителей, в малых – в основе города с людностью от 20 до 50 тыс. и муниципалитеты с людностью от 5 до 20 тыс. чел.
Италия	Выделение локальных урбанизированных систем (Sistemi locali delle grandi città) [Rapporto Annuale 2015] по критерию людности крупнейшего города (>250 тыс. чел.) по сетке районирования локальных рынков труда (Local labor markets) [Consiglio dei Ministri 2006].
ОЭСР (OECD)	Выделение функциональных урбанизированных ареалов (functional urban areas) по сетке 1x1 км (палетке) по критериям плотности населения и интенсивности трудовых миграций. 1-й этап делимитации – выделение ядер ареалов по ячейкам палетки с плотностью населения > 1500 чел./км². Ареал выделяется, если совокупная людность всех смежных ядер составляет от 50 (Европа, США, Канада, Чили) до 100 тыс. чел. (Япония, Корея, Мексика) [Brezzi, Piacentini, Sanchez-Serra 2012]. Муниципальный район (территориальная ячейка) включается в состав ареала, если => 50% его населения проживает внутри высокоплотных ячеек палетки (высокоплотные кластеры – urban cluster). 2-й этап – объединения интегрированных ядер (не менее 15% жителей работают в другом ядре) в единый функциональный урбанизированный ареал. 3-й этап – выделение урбанизированных хинтерландов метрополитенских ареалов или зоны тяготения к ядрам в случае, если => 15% занятых жителей муниципалитета работают в ядрах ареала. Источник данных – перепись населения [Definition 2013].
Functional urban regions (FUR) Функциональные урбанистические регионы	Выделение региона из ядра и его хинтерланда по критерию развитости рынка труда и интенсивности трудовых миграций. Ядро – один или несколько смежных муниципалитетов с общей численностью рабочих мест 20 тыс. при плотности => 7 мест/га [Knapp, Schmitt 2003] или ≈ 12 мест/га [Cheshire, Magrini 2008]; хинтерланд – все смежные друг с другом муниципалитеты, => 10 % занятых из которых работают в ядре, а также муниципалитеты, полностью окруженные хинтерландом. Источник данных – перепись населения. FUR – моноцентричное образование.
Dynamic Metropolitan Areas (DMAs) Динамический метрополитенский ареал	Выделение ареала с использованием сетевых методов (методов графов) по сетке муниципальных образований по критерию людности и интенсивности трудовых миграций. 1. Определение ядер сети, формирующих центры первого порядка ареала, и муниципалитетов, тяготеющих к ним: порог людности ядра – 50 тыс. чел, в муниципалитетах зоны тяготения – не менее 15% работников, занятых в ядре (далее – критерий интенсивности маятниковых миграций). 2. Определение хинтерланда в 4 последовательные итерации по критерию интенсивности маятниковых миграций из муниципалитета в ядро+хинтерланд предыдущей итерации [Boix, Veneri, Almenar 2012]. Источник данных – перепись населения. DMAs – полицентричное образование.

Источник/Source: составлено по приведенным источникам с использованием [Ижгузина 2014].

Таблица 3. Отечественные подходы к выделению и делимитации городских агломераций**Table 3.** Domestic approaches to the allocation and delimitation of urban agglomerations

№	Методика/автор	Критерии выделения и делимитации городских агломераций
1	Методика Института географии РАН	Выделение агломерации по населенным пунктам по критерию временной доступности до ядра. Группа взаимосвязанных поселений ($\Rightarrow > 5$), способных стать в перспективе агломерацией. Численность населения в ядре – не менее 250 тыс. чел., в спутниковой зоне – не менее 50 тыс. чел. Временная доступность от окраин до центра – 1,5 ч. Уровень развития – коэффициент развитости не менее 1 (рассчитывается на основе численности городского населения ядра и спутниковой зоны) [Полян 1988].
2	Методика ЦНИИПГрад (Ф.М. Листенгурт)	Выделение агломерации по населенным пунктам по критерию временной доступности до ядра. Группа взаимосвязанных поселений ($\Rightarrow > 5$, в т. ч. 3 города помимо центрального), способных стать в перспективе агломерацией. Численность населения в ядре – не менее 100 тыс. чел., в спутниковой зоне – не менее 50 тыс. чел. Численность городского населения в агломерации – не менее 110 тыс. чел. Временная доступность от окраин до центра – 2 ч. Доля населения городских населенных пунктов агломерационной зоны – не менее 10% от общей численности городского населения. Уровень развития – индекс агломеративности не менее 0,1 [Полян 2014].
3	Унифицированная методика (П.М. Полян, Н.И. Наймарк, И.Н. Заславский)	Выделение агломерации по населенным пунктам по критерию временной доступности до ядра двух видов агломераций (крупногородские – 1,5-часовая доступность от ядра + 0,5-часовая от больших и средних городов-спутников, численность населения ядра > 250 тыс. чел.; большегородские – 1 час от ядра + 0,5 часа от средних городов-спутников, численность населения ядра > 100 тыс. чел.). Уровень развития – коэффициент развитости не менее 1 (для крупногородских) или 2 (для большегородских) [Полян, Заславский, Наймарк 1988].
4	Г.М. Лаппо	Выделение агломерации по городским населенным пунктам ($\Rightarrow > 5$) по критерию временной доступности до ядра (2-часовая изохрона). Территориальная сближенность городских поселений, общая численность жителей зоны спутников – не менее 50 тыс. чел. Функциональное разделение труда между поселениями. Развитие межселенных производственных, трудовых и культурно-бытовых связей. Отсутствие меры развития помимо людности [Лаппо 1984; Уляева 2016].
5	Е.Н. Перцик	Выделение агломерации по множеству критериев, основные из которых – плотность городского населения и непрерывность застройки, людность города-ядра ($\Rightarrow 100$ тыс. чел.). Без строгих количественных критериев – интенсивность и дальность трудовых и культурно-бытовых поездок, доля занятых за пределами места проживания и вне с/х, количество городских поселений-спутников и интенсивность их связей с городом-центром, коммуникационная связность (транспортные, информационные, инженерные и коммунальные сети), производственные связи. Отсутствие меры развитости помимо людности [Перцик 2009; Уляева 2016].
6	Е.Е. Лейзерович	Выделение специального типа по сетке экономических микрорайонов – «Районы тяготения крупных городов или их сростков», схожего с агломерацией по сетке административных/муниципальных районов. Основные критерии – людность, площадь, внутренней связность, функциональный состав. Пороговая людность $\Rightarrow > 300$ тыс. чел., тесная сближенность поселений (общая S не более 45 тыс. км ² , желательно до 30 тыс. км ²), наличие между ними развитых путей сообщения. Отсутствие меры развитости помимо людности, индивидуальный подход при делимитации [Лейзерович 2004; Смирнягин 2009].
7	Н.И. Наймарк	Выделение агломерации по населенным пунктам по критериям структуры и транспортной доступности ($\Rightarrow > 2$ городских поселения в пределах 2-часовой изохроны от города-ядра) и людности центра ($\Rightarrow > 100$ тыс. чел.). Отсутствие меры развитости помимо людности [Наймарк 1988].

8	Ю.Л. Пивоваров	Выделение агломераций по контактным зонам не менее 3 городов (людность => 50 тыс. чел.) на расстоянии не более 25 км, зона влияния агломерации прямо пропорциональна корню кубическому от численности населения города [<i>Пивоваров 1999</i>].
9	Д.Г. Ходжаев	Выделение агломерации по городам и сетке административных районов по критерию людности и транспортной доступности. Общая численность населения ГА > 100 тыс. чел., в т. ч. в городе-ядре > 50 тыс. чел., территория в пределах 1,5-часовой изохроны с долей населения, занятого в сельском хозяйстве < 25% [<i>Ходжаев 1970</i>].
10	М.Л. Стронгина	Выделение агломерации по городам и сетке административных районов по критерию людности, транспортной доступности и интенсивности трудовых миграций. Общая численность населения ГА > 100 тыс. чел., в т. ч. в городе-ядре > 50 тыс. чел. Негородская периферия – плотнонаселенная (от 200–250 чел./км ²) территория в пределах 1,5-часовой изохроны с долей населения, занятого в сельском хозяйстве < 25%, интенсивно совершающая трудовые миграции (> 20% трудоспособного населения занято за пределами района, в т. ч. > 12% – в город-ядро) [<i>Стронгина 1970; Полян, Заславский, Наймарк 1988</i>].
11	В.А. Скутин	Выделение агломерации по сетке административных районов по множеству критериев по методу «суммарного показателя признаков»: степень влияния ядра агломерации на территорию, концентрацию (плотность) населения и населенных пунктов, взаимосвязи между населенными пунктами и др. [<i>Скутин 1975; Полян 2014</i>].
12	А.П. Бурьян	Выделение агломерации по отдельным населенным пунктам по множеству критериев, ключевой из которых (синтетический) – временная доступность (1,5- и 2,5-часовая изохрона). Учет зон тяготения на основе трудовых, производственных, культурно-бытовых, коммунально-хозяйственных, сбытовых (снабженческих), рекреационных связей ядра с окружающей территорией [<i>Бурьян 1973, Полян 2014</i>].
13	А.Г. Вишневский	Выделение агломераций по городским населенным пунктам и административным районам по критериям структуры рынка труда и людности: в периферийных районах и городах-спутниках доля занятых в сельском хозяйстве < 40%, доля работников, занятых в ядре, => 25%, рост численности населения (за межпереписной период) при его относительно высокой плотности (> 70 чел./км ²) [<i>Вишневский 1967</i>].
14	В.Г. Давидович	Выделение агломераций по критериям интенсивности маятниковых миграций в составе близкорасположенных городов и ПГТ (от 8–10) в пределах 2-часовой изохроны от ядра [<i>Давидович 1964; Давидович 1967</i>].

Отличительной особенностью методики ОЭСР является выделение ядер ареала не на основе границ административно-территориального деления, а по плотности всего населения (не только формально городского) внутри наложенной палетки со стороной 1 км, что позволяет исключить влияние субъективных факторов территориального устройства различных стран. На основе данных о маятниковой трудовой миграции населения смежные ядра объединяются в функциональный ареал,

у которого также имеется периферийная часть – хинтерланд трудовых ресурсов, где интенсивно протекают трудовые миграции, но плотность населения недостаточна для отнесения муниципалитета к ядру агломерации. Выделенные по единой методике урбанизированные ареалы (с вариациями по критериям плотности населения и людности для отдельных стран) позволяют проводить корректные сравнения социально-экономических характеристик по набору из более чем 25 показателей.

Заключение

Таким образом, как было показано, подходы к выделению и делимитации ГА могут быть разными. Как нам представляется, выбор оптимального (или оптимальных) для России определяется теми целями, для которых будет проводиться выделение ГА. Их может быть несколько:

- формирование представлений о происходящих изменениях в системе расселения, что невозможно сделать только по сетке административно-территориальных единиц [Кузнецова 2019];
- развитие межмуниципального сотрудничества в границах ГА; в плане законопроектной деятельности правительства закон о городских агломерациях увязывается именно с межмуниципальным сотрудничеством; в ряде случаев можно говорить и о взаимодействии соседних субъектов РФ (прежде всего Москвы и Московской области);
- разработка документов стратегического планирования для ГА, которые могут быть основой для разработки стратегий развития входящих в состав ГА муниципальных образований (регионов), развития межмуниципального сотрудничества, формирования региональных аспектов деятельности федеральных органов власти.

Для решения первой задачи – обеспечения качественного статистического учета происходящих изменений в системе расселения – наилучшим вариантом представляется методика ОЭСР, которая не использует систему территориального деления. Для России это важно, поскольку в разных субъектах федерации де-факто по-

разному подходят к формированию территориальных основ местного самоуправления.

Для решения управленческих задач – стратегического планирования, межмуниципального сотрудничества – вполне допустимы индивидуальные и даже субъективные подходы к выделению и делимитации ГА, позволяющие максимально учесть не только количественные показатели, но и экспертные знания реальной ситуации в регионах. Правда, и в этом случае некоторые унифицированные подходы необходимы, особенно если речь пойдет о поддержке ГА в рамках федеральной социально-экономической политики.

На наш взгляд, в России целесообразно сочетать оба подхода: совершенствовать систему статистического учета в рамках деятельности Росстата, а в Федеральном законе «О городских агломерациях» основной акцент сделать на решении управленческих задач с помощью ГА. Тем не менее общие подходы к делимитации ГА в законе должны быть обозначены. При этом многообразие существующего опыта говорит о том, что необходимо будет провести достаточно широкое экспертное обсуждение законопроекта для выработки наиболее приемлемого для России варианта.

Еще один важный вывод из анализа зарубежного опыта – необходимость совершенствования в России статистического учета маятниковых миграций населения, в т. ч. в переписях населения. Значимые изменения в переписи населения 2020 г., конечно, уже вряд ли возможны, но необходимо предусмотреть дальнейшие шаги в указанном направлении. Кроме того, существуют и другие способы оценки масштабов маятниковой миграции, которые также должны совершенствоваться.

Список литературы

Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Денисов Е.А., Фаддеев А.М. (2016) Территориальная структура городской системы севера Свердловской области // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 24–38. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-4-24-38

Агломерации Канады // Развитие городских агломераций. Вып. 2. ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» // <http://giprogor.ru/sites/default/files/Развитие%20городских%20агломераций%20-%20аналитический%20обзор.%20Выпуск%202.pdf>, дата обращения 03.03.2019.

Бурьян А.П. (1973) Делимитация городских агломераций (на примере Челябинской агломерации) // Ученые записки Пермского ун-та им. А.М. Горького. Вып. 311. Пермь. С. 44–53.

Вишневский А.Г. (1967) Городские агломерации и экономическое регулирование их роста (на примере Харьковской агломерации). Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. экономических наук.

Глазычев В.Л., Стародубровская И.В. (2008) Челябинская агломерация: потенциал развития. Челябинск.

Гохман В.М., Костиницкий Г.Д. (1979) Особенности урбанизации и тенденции расселения в Западной Европе // Известия Академии наук. № 5. С. 78–91.

Граф И.В., Жаромских Д.Г. (2006) Межмуниципальное экономическое сотрудничество: опыт правового регулирования в зарубежных странах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. № 1. С. 150–156 // https://elibrary.ru/download/elibrary_9208126_60834786.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Гуджиабидзе В.В. (1983) Городские агломерации Грузии (проблема дели-

митации больших городских агломераций) // Проблемы географии населения и пространственной организации. Тбилиси. С. 132–174.

Давидович В.Г. (1964) Городские агломерации в СССР // Основные вопросы экономической географии. Материалы к IV съезду ГО СССР. Симпозиум «Б». Доклады. Ч. I. Ленинград. С. 34–47.

Давидович В.Г. (1967) О взаимосвязанном расселении в городских агломерациях // В помощь проектировщику-градостроителю. Вып. 7. Киев. С. 32–35.

Зайончковская Ж.А. (1985) Некоторые направления эволюции расселения // Достижения и перспективы. Вып. 52. С. 42–51.

Ижгузина Н.Р. (2014) Подходы к делимитации городских агломераций // Дискуссия. № 9(50). С. 44–52 // <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-delimitatsii-gorodskih-aglomeratsiy/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Калашникова О.Г. (2015) Агломерационные эффекты при создании и управлении агломерациями // Управление городом: теория и практика. № 3. С. 40–46 // <https://cyberleninka.ru/article/n/aglomeratsionnye-effekty-pri-sozdanii-i-upravlenii-aglomeratsiy/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Кашин А.А., Кудрявцев А.Ф., Лекомцев А.Л. (2016) Ижевская агломерация: геоэкономический анализ // Часопис економічних реформ. № 4(24). С. 100–107.

Кузнецова О.В. (2019) Трансформация расселения и проблемы ее адекватного учета в стратегии пространственного развития // Население и экономика. № 3(1). С. 53–62. DOI: 10.3897/popecon.3.e34777.

Лаппо Г.М. (1978) Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука.

Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.В. (2007) Агломерации Рос-

сии в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. № 1. С. 45–52 // http://www.frrio.ru/uploads_files/Lappo.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.В. (2010) Городские агломерации России // Демоскоп Weekly. № 407–408 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php>

Лейзерович Е.Е. (1990) Экономические микрорайоны СССР (опыт типологического исследования). Автореферат. М.

Лейзерович Е.Е. (2004) Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М.: Трилобит.

Листенгурт Ф.М. (1975) Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Известия Академии наук. № 1. С. 41–49.

Лопатников Л.И. (2003) Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. М.: Дело.

Махрова А.Г. (2013) Городская агломерация // Горкин А.П. (ред.) Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена. С. 74.

Мельникова Л.В. (2017) Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. № 7. С. 5–19 // <https://cyberleninka.ru/article/n/razmery-gorodov-efektivnost-i-ekonomicheskij-rost/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Наймак Н.И. (1988) Динамическая типология городских агломераций СССР // Наймак Н.И., Заславский И.Н. (ред.) Проблемы изучения городских агломераций. М.

Одинцова О.А. (2013) Межмуниципальное сотрудничество: уроки зарубежного опыта // Федерализм. № 2. С. 145–158 // https://elibrary.ru/download/elibrary_19143418_97919137.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Перцик Е.Н. (2009) Крупные городские агломерации: развитие, проблемы

проектирования // Проблемы развития агломераций России. М.: КРАСАНД. С. 34–46.

Петров Н.В. (1988) Городские агломерации: состав, подходы к делимитации // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск.

Пивоваров Ю.Л. (1999) Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы. М.: Владос.

План законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации на 2020 года. Утвержден распоряжением Правительства РФ от 26 декабря 2019 г. № 3205-р (2019) // <http://static.government.ru/media/files/acokCPrAI-Q2THkZ3liuFPUoDdtLWb58h.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

План реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 3227-р (2019) // https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_realizacii_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2025_goda.html, дата обращения 21.04.2020.

Полян П.М. (1982) Крупные городские агломерации Советского Союза // Известия РГО. Т. 114. № 4. С. 305–314.

Полян П.М. (1988) Методика выделения и анализа опорного каркаса населения. М.: ИГ РАН.

Полян П.М. (2014) Территориальные структуры – урбанизация – расселение. Теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый Хронограф.

Полян П.М., Заславский И.Н., Наймак Н.И. (1988) Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск. С. 26–40.

Проектирование пространства для будущего // Развитие городских агло-

мераций. Вып. 2. ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» // http://www.giprogor.ru/sites/default/files/Giprogor_Preview.pdf, дата обращения 03.03.2019.

Развитие городских агломераций // Развитие городских агломераций. Вып. 2. ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор» // <http://giprogor.ru/sites/default/files/Развитие%20городских%20агломераций%20-%20аналитический%20обзор.%20Выпуск%202.pdf>, дата обращения 03.03.2019.

Рейбайн Т.Я. (1) (1974) Влияние изменение транспортной доступности на формирование границ агломерации // Архитектура, планировка и благоустройство населенных мест. Ростов-на-Дону.

Рейбайн Т.Я. (2) (1974) История образования Ростовской агломерации // Архитектура, планировка и благоустройство населенных мест. Ростов-на-Дону.

Сергеева А.С., Буруль Т.Н. (2014) К вопросу о выделении границ южной части волгоградской агломерации // Современные проблемы и пути их решения в науке, производстве и образовании. № 1(1). С. 83–87 // https://elibrary.ru/download/elibrary_22368864_82944772.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Скутин В.А. (1979) Городские агломерации как объект экономико-географического исследования // Размещение производительных сил Урала. Свердловск.

Смирнягин Л.В. (2009) Система расселения России: тенденции к переменам // Демоскоп Weekly. № 517–518 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/analit01.php>, дата обращения 21.04.2020.

Смирнягин Л. В. (2012) Место вместо местоположения? (О сдвигах в фундаментальных понятиях географии) //

Агирречу А.А. (ред.) Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф. С. 421–456.

Соколов С.Н. (2015) Агломерационные формы расселения Югры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 12–8. С. 55–59 // https://elibrary.ru/download/elibrary_25284020_24269540.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-п (2019) // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/>, дата обращения 21.04.2020.

Стрельников А.И., Семенова О.С. (2010) Варианты определения границ агломерации в современных условиях на основе анализа социальных и экономических связей и с применением расчетного моделирования // Транспортное дело России. № 8. С. 145–155 // https://elibrary.ru/download/elibrary_20137326_82534158.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Стрижкина В.Н., Стрижкина И.В. (2015) Некоторые аспекты агломерационного эффекта крупных городов и поселков // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. № 12. С. 34–37 // https://elibrary.ru/download/elibrary_27219039_41371133.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Стронгина М.Л. (1970) Социально-экономические проблемы развития больших городов в СССР. М.: Наука.

Тимиргалеев Р.Ф. (2014) Современные тенденции в рамках городских агломераций США // Региональные исследования. № 3. С. 100–107 // https://elibrary.ru/download/elibrary_22487755_35169351.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государ-

ственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (2017) // Президент Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641>, дата обращения 21.04.2020.

Уляева А.Г. (2016) Разработка и апробация методики определения пространственной локализации агломерации (на материалах республики Башкортостан) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. № 10. С. 48–54 // <http://www.nauteh-journal.ru/files/74030711-81c9-405a-9ef7-c2cf65b992cb>, дата обращения 21.04.2020.

Федорова Е.Н., Пономарева Г.А. (2014) Аспекты агломерационного развития Якутска // Экономический анализ: Теория и практика. № 39(391). С. 18–25 // <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-aglomeratsionnogo-razvitiya-yakutskaya/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Фомин И.А. (1968) Количественные признаки городских агломераций // Градостроительство. Районная планировка. Городские агломерации. Киев.

Харитонов В.М. (1968) К определению границ конурбации // ВМУ. № 4. С. 91–98.

Ходжаев Д.Г. (1970) Некоторые проблемы регулирования роста и развития населенных мест // В помощь проектировщику-градоостроителю. Вып. 1. Киев.

Цыкалов В.А., Кузьменков К.И. (2016) Особенности межмуниципального сотрудничества во Франции // Мир новой экономики. № 3. С. 131–138 // <https://wne.fa.ru/jour/article/view/90/91>, дата обращения 21.04.2020.

Чугунова Н.В. (2014) Белгородская агломерация в региональной системе расселения // Управление городом: теория и практика. № 1(12). С. 30–36 // https://elibrary.ru/download/elibrary_21791063_59016549.pdf, дата обращения 21.04.2020.

2010 Standards for Delineating Metropolitan and Micropolitan Statistical Areas; Notice (2010) // Federal Register, vol. 75, no 123 // <https://www.federalregister.gov/documents/2010/06/28/2010-15605/2010-standards-for-delineating-metropolitan-and-micropolitan-statistical-areas>, дата обращения 20.02.2019.

Boix R., Veneri P., Almenar V. (2012) Polycentric Metropolitan Areas in Europe: Towards a Unified Proposal of Delineation // Defining the Spatial Scale in Modern Regional Analysis. Advances in Spatial Science (The Regional Science Series) (eds. Fernández Vázquez E., Rubiera Morollón F.), Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 45–70. DOI: 10.1007/978-3-642-31994-5_3

Brezzi M., Piacentini M., Sanchez-Serra D. (2012) Measuring Metropolitan Areas: A Comparative Approach in OECD Countries // Defining the Spatial Scale in Modern Regional Analysis. Advances in Spatial Science (The Regional Science Series) (eds. Fernández Vázquez E., Rubiera Morollón F.), Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 71–89. DOI: 10.1007/978-3-642-31994-5_4

Cheshire P., Magrini S. (2008) Urban Growth Drivers in a Europe of Sticky People and Implicit Boundaries // Journal of Economic Geography, vol. 9, no 1, pp. 85–115. DOI: 10.1093/jeg/lbn044

CMA and CA: Detailed Definition // Statistics Canada Service // <http://www.statcan.gc.ca/pub/92-195-x/2011001/geo/cma-rmr/def-eng.htm>, дата обращения 21.04.2020.

Consiglio dei Ministri La Statistica per le Aree Metropolitane e Sulle Aree Metropolitane: Proposta per un Sistema Informativo Integrato (2006). Rapporto di Indagine 06.2, Roma: Presidenza del Consiglio dei Ministri.

Definition of Functional Urban Areas (FUA) for the OECD metropolitan database (2013) // OECD // <https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/Definition-of-Functional-Urban-Areas-for-the-OECD->

metropolitan-database.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Freeman A. (2005) Towards a Common Standard: Comparing European and American Cities // MPRA Paper, no 18104 // https://mpra.ub.uni-muenchen.de/18104/1/MPRA_paper_18104.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Fujita M., Krugman P. (2004) The New Economic Geography. Past, Present and the Future // Fifty Years of Regional Science. Advances in Spatial Science (eds. Florax R.J.G.M., Plane D.A.), Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 139–164.

Fujita M., Krugman P., Venables A. (1999) The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Klapka P., Halas M. (2016) Conceptualising Patterns of Spatial Flows: Five Decades of Advances in the Definition and Use of Functional Regions // Moravian Geographical Reports, vol. 24, no 2, pp. 2–11. DOI: 10.1515/mgr-2016-0006

Knapp W., Schmitt P. (2003) Re-structuring Competitive Metropolitan Regions in North-west Europe: On Territory and Governance // European Journal of Spatial Development, no 6 // <https://archive.nor->

[dregio.se/Global/Publications/Publications%202017/Refereed_6_Knapp\(2003\).pdf](https://dregio.se/Global/Publications/Publications%202017/Refereed_6_Knapp(2003).pdf), дата обращения 21.04.2020.

Liang J., Li F., Mao L. (2010) Review of the Methods of Delimitation for the Spatial Scope of Urban Agglomeration. 18th International Conference on Geoinformatics, Beijing, pp. 1–10. DOI: 10.1109/GEOINFORMATICS.2010.5567776

Metodología Utilizada para la Delimitación de las Áreas Urbanas. Las Áreas Urbanas (2016) // Ministry of Housing of Spain // https://www.fomento.gob.es/MFOM/LANG_CASTELLANO/_ESPECIALES/SIU/ATLAS, дата обращения 03.02.2019.

Project 3.1 ESPON Atlas: Mapping the Structure of the European Territory (2006) // Federal Office for Building and Regional Planning // https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/Inception_report_ESPON_ATLAS.pdf, дата обращения 10.02.2019.

Rapporto Annuale 2015. La Situazione del Paese. ISTAT (2015) // Istituto Nazionale di Statistica // <https://www.istat.it/it/files/2015/05/Rapporto-Annuale-2015.pdf>, дата обращения 20.02.2019.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-10

Urban Agglomerations: Approaches to the Allocation and Delimitation

Evgenij V. ANTONOV

PhD in Geography, Researcher

Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 119017, Staromonetnij Lane, 29, Moscow, Russian Federation;

Deputy Chief of Department by Scientific Work, Faculty of Geography Lomonosov Moscow State University, 119991, GSP-1, Leninskie gory, Faculty of Geography, Moscow, Russian Federation

E-mail: antonov@igras.ru

ORCID: 0000-0002-0433-4417

CITATION: Antonov E.V. (2020) Urban Agglomerations: Approaches to the Allocation and Delimitation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 180–202 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-10

Received: 21.01.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out at the expense of the Russian Foundation for basic research grant no 18-014-00044 A “Role of global cities in the transformation of state regulation of territorial development (experience of the OECD countries)”.

ABSTRACT. Currently, Russia has declared the need to develop a federal law “On urban agglomerations”; the development of urban agglomerations is declared as a necessary condition for ensuring economic growth and innovative development in the country. However, there are no evident approaches to the allocation and delimitation of urban agglomerations; the definitions given in the Russian spatial development strategy are very general. In this regard, the purpose of this article is to summarize the existing approaches to working with agglomerations in foreign and Russian science and practice. The article shows that in economically developed countries, the main approach to the allocation of agglomerations is functional, in which the area of interaction between the “core” of the agglomeration

and its “hinterland” is determined, first of all, by the intensity of pendulum labor migrations; the functional approach is gradually transformed into a network approach, implying the polycentricity of agglomerations. The allocation and delimitation of agglomerations in a country can be based on a unified or individual approach. The article suggests using both options in Russia: a unified approach for improving statistical accounting of changes in the settlement system, which is close to the OECD methodology, and an individual approach for strategic planning and development of inter-municipal cooperation. The advantage of the OECD methodology is that there is no need to rely on the existing territorial boundaries of local self-government, which differ markedly across the subjects of the Russian Feder-

ation. It is also proposed to conduct a broad discussion of the approaches to the allocation and delimitation of agglomerations for the law "On urban agglomerations"; to improve the system of statistical accounting for pendulum population migrations, including in population censuses.

KEY WORDS: allocation and delimitation of urban agglomerations, core and periphery of the agglomeration, metropolitan and urbanized areas, administrative-territorial division grid, intensity of pendulum migrations, statistical accounting, inter-municipal cooperation, strategic planning

References

- 2010 Standards for Delineating Metropolitan and Micropolitan Statistical Areas; Notice (2010). *Federal Register*, vol. 75, no 123. Available at: <https://www.federalregister.gov/documents/2010/06/28/2010-15605/2010-standards-for-delineating-metropolitan-and-micropolitan-statistical-areas>, accessed 20.02.2019.
- Agglomerations of Canada. *Development of Urban Agglomerations. Issue 2. Russian Institute of Urban Planning and Investment Development "Giprogor"*. Available at: <http://giprogor.ru/sites/default/files/Развитие%20городских%20агломераций%20-%20аналитический%20обзор.%20Выпуск%202.pdf>, accessed 03.03.2019.
- Averkina K.V., Antonov E.V., Denisov E.A., Faddeev A.M. (2015) Territorial Structure of the Urban System in the Northern Sverdlovsk Oblast. *Regional Research of Russia*, vol. 5, no 4, pp. 349–361 (in Russian). DOI: 10.15356/0373-2444-2015-4-24-38
- Boix R., Veneri P., Almenar V. (2012) Polycentric Metropolitan Areas in Europe: Towards a Unified Proposal of Delimitation. *Defining the Spatial Scale in Modern Regional Analysis. Advances in Spatial Science (The Regional Science Series)* (eds. Fernández Vázquez E., Rubiera Morollón F.), Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 45–70. DOI: 10.1007/978-3-642-31994-5_3
- Brezzi M., Piacentini M., Sanchez-Serra D. (2012) Measuring Metropolitan Areas: A Comparative Approach in OECD Countries. *Defining the Spatial Scale in Modern Regional Analysis. Advances in Spatial Science (The Regional Science Series)* (eds. Fernández Vázquez E., Rubiera Morollón F.), Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 71–89. DOI: 10.1007/978-3-642-31994-5_4
- Bur'yan A.P. (1973) Delimitation of Urban Agglomerations (on the Example of the Chelyabinsk Agglomeration). *Scientific Notes of the Gorky Perm University*. Issue 311, Perm, pp. 44–53 (in Russian).
- Cheshire P., Magrini S. (2008) Urban Growth Drivers in a Europe of Sticky People and Implicit Boundaries. *Journal of Economic Geography*, vol. 9, no 1, pp. 85–115. DOI: 10.1093/jeg/lbn044
- Chugunova N.V. (2014) The Belgorod Agglomeration in the Regional Settlement System. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*, no 1(12), pp. 30–36. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_21791063_59016549.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- CMA and CA: Detailed Definition. *Statistics Canada Service*. Available at: <http://www.statcan.gc.ca/pub/92-195-x/2011001/geo/cma-rmr/def-eng.htm>, accessed 21.04.2020.
- Consiglio dei Ministri *La Statistica per le Aree Metropolitane e Sulle Aree Metropolitane: Proposta per un Sistema Informativo Integrato* (2006). Rapporto di Indagine 06.2, Roma: Presidenza del Consiglio dei Ministri.
- Davidovich V.G. (1964) Urban Agglomerations in the USSR. *Main Issues of Economic Geography. Materials for the IV Congress of the USSR. Symposium "B"*. Reports. Part I. Leningrad, pp. 34–47 (in Russian).

Davidovich V.G. (1967) On Interconnected Settlement in Urban Agglomerations. *To Help a City Planner*. Issue 7, Kiev, pp. 32–35 (in Russian).

Decree of the President of the Russian Federation dated 16.01.2017 no 13 “On Approval of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the Period up to 2025”. *President of Russian Federation*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41641>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Definition of Functional Urban Areas (FUA) for the OECD metropolitan database (2013). *OECD*. Available at: <https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/Definition-of-Functional-Urban-Areas-for-the-OECD-metropolitan-database.pdf>, accessed 21.04.2020.

Designing Space for the Future. *Development of Urban Agglomerations. Issue 2. Russian Institute of Urban Planning and Investment Development “Giprogor”*. Available at: http://www.giprogor.ru/sites/default/files/Giprogor_Preview.pdf, accessed 03.03.2019 (in Russian).

Development of Urban Agglomerations. *Development of Urban Agglomerations. Issue 2. Russian Institute of Urban Planning and Investment Development “Giprogor”*. Available at: <http://giprogor.ru/sites/default/files/Развитие%20городских%20агломераций%20-%20аналитический%20обзор.%20Выпуск%202.pdf>, accessed 03.03.2019 (in Russian).

Fedorova E.N., Ponomareva G.A. (2014) Aspects of Agglomeration Development of Yakutsk. *Economic Analysis: Theory and Practice*, no 39(391), pp. 18–25. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aspekty-aglomeratsionnogo-razvitiya-yakutsk/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Fomin I.A. (1968) Quantitative Characteristics of Urban Agglomerations. *City Building. District Planning. Urban Agglomeration*, Kiev (in Russian).

Freeman A. (2005) Towards a Common Standard: Comparing Europe-

an and American Cities. *MPRA Paper*, No 18104. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/18104/1/MPRA_paper_18104.pdf, accessed 21.04.2020.

Fujita M., Krugman P. (2004) The New Economic Geography. Past, Present and the Future. *Fifty Years of Regional Science. Advances in Spatial Science* (eds. Florax R.J.G.M., Plane D.A.), Berlin, Heidelberg: Springer, pp. 139–164.

Fujita M., Krugman P., Venables A. (1999) *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Glazychev V.L., Starodubrovskaya I.V. (2008) *Chelyabinsk Agglomeration: Development Potential*, Chelyabinsk (in Russian).

Gokhman V.M., Kostinitskij G.D. (1979) Features of Urbanization and Settlement Trends in Western Europe. *Proceedings of the Academy of Sciences*, no 5, pp. 78–91 (in Russian).

Graf I.V., Zharomskikh D.G. (2006) Inter-municipal Economic Cooperation: Experience of Legal Regulation in Foreign Countries. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and Legal Research*, no 1, pp. 150–156. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_9208126_60834786.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Gudzhiabidze V.V. (1983) Urban Agglomerations of Georgia (the Problem of Delimitation of Large Urban Agglomerations). *Problems of Population Geography and Spatial Organization*, Tbilisi, pp. 132–174 (in Russian).

Izhguzina N.R. (2014) Approaches to the Delimitation of the Urban Agglomerations. *Discussion*, no 9(50), pp. 44–52. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-delimitatsii-gorodskih-aglomeratsiy/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Kalashnikova O.G. (2015) Agglomeration Effects in the Creation and Management of Agglomerations. *City Management: Theory and Practice*, no 3, pp. 40–

46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aglomeratsionnye-effekty-pri-sozdanii-i-upravlenii-aglomeratsiy/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Kashin A.A., Kudryavtsev A.F., Le-komtsev A.L. (2016) Izhevsk Agglomeration: Geo-economic Analysis. *Chasopis ekonomichnikh reform*, no 4(24), pp. 100–107 (in Russian).

Kharitonova V.M. (1968) To Determining the Boundaries of the Conurbation. *VMU*, no 4, pp. 91–98 (in Russian).

Khodzhaev D.G. (1970) Some Problems of Regulating the Growth and Development of Localities. *To Help a City Planner*. Issue 1, Kiev (in Russian).

Klapka P., Halas M. (2016) Conceptualising Patterns of Spatial Flows: Five Decades of Advances in the Definition and Use of Functional Regions. *Moravian Geographical Reports*, vol. 24, no 2, pp. 2–11. DOI: 10.1515/mgr-2016-0006

Knapp W., Schmitt P. (2003) Re-structuring Competitive Metropolitan Regions in North-west Europe: On Territory and Governance. *European Journal of Spatial Development*, no 6. Available at: [https://archive.nordregio.se/Global/Publications/Publications%202017/Refereed_6_Knapp\(2003\).pdf](https://archive.nordregio.se/Global/Publications/Publications%202017/Refereed_6_Knapp(2003).pdf), accessed 21.04.2020.

Kuznetsova O.V. (2019) Settlement Transformation and the Problems of Its Adequate Consideration in the Spatial Development Strategy. *Population and Economics*, no 3(1), pp. 53–62. DOI: 10.3897/popecon.3.e34777

Lappo G.M. (1978) *Development of Urban Agglomerations in the USSR*, Moscow: Nauka (in Russian).

Lappo G.M., Polyan P.M., Selivanova T.V. (2007) Agglomerations of Russia in the XXI Century. *Bulletin of the Irkutsk Regional Development Fund*, no 1, pp. 45–52. Available at: http://www.frrio.ru/uploads_files/Lappo.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Lappo G.M., Polyan P.M., Selivanova T.V. (2010) Urban Agglomerations of

Russia. *Demoscope Weekly*, no 407–408. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0407/tema01.php>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Lejzerovich E.E. (1990) *Economic Districts of the USSR (Experience of Typological Research)*, Moscow (in Russian).

Lejzerovich E.E. (2004) *Economic Districts of Russia (Grid and Typology)*, Moscow: Trilobite (in Russian).

Liang J., Li F., Mao L. (2010) *Review of the Methods of Delimitation for the Spatial Scope of Urban Agglomeration*. 18th International Conference on Geoinformatics, Beijing, pp. 1–10. DOI: 10.1109/GEOINFORMATICS.2010.5567776

Listengurt F.M. (1975) Criteria for Allocation of Large-scale Agglomerations in the USSR. *Proceedings of the Academy of Sciences*, no 1, pp. 41–49 (in Russian).

Lopatnikov L.I. (2003) *Economic and Mathematical Dictionary: Dictionary of Modern Economic Science*, Moscow: Delo (in Russian).

Makhrova A.G. (2013) Urban Agglomeration. *Socio-economic Geography: Concepts and Terms. Dictionary-reference* (ed. Gorkin A.P.), Smolensk: Ojkumena, p. 74 (in Russian).

Melnikova L.V. (2017) City Size, Efficiency and Economic Growth. *EKO*, no 7, pp. 5–19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmery-gorodov-effektivnost-i-ekonomicheskij-rost/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Metodología Utilizada para la Delimitación de las Áreas Urbanas. Las Areas Urbanas (2016). *Ministry of Housing of Spain*. Available at: https://www.fomento.gob.es/MFOM/LANG_CASTELLANO/_ESPECIALES/SIU/ATLAS, accessed 03.02.2019.

Najmark N.I. (1988) Dynamic Typology of Urban Agglomerations of the USSR. *Problems in the Study of Urban Agglomerations* (eds. Najmark N.I., Zaslavskij I.N.), Moscow (in Russian).

Odintsova O.A. (2013) Inter-municipal Cooperation: Lessons of Foreign Ex-

perience. *Federalizm*, no 2, pp. 145–158. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_19143418_97919137.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Pertsik E.N. (2009) Large Urban Agglomerations: Development, Design Problems. *Problems of Development of Agglomerations in Russia*, Moscow: KRASAND, pp. 34–46 (in Russian).

Petrov N.V. (1988) Urban Agglomerations: Composition, Approaches to Delimitation. *Problems of Territorial Organization of Space and Settlement in Urbanized Areas*, Sverdlovsk (in Russian).

Pivovarov Yu.L. (1999) *Fundamentals of Geo-urbanism: Urbanization and Urban Systems*, Moscow: Vldos (in Russian).

Plan of Implementation of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2019, no 3227-R (2019). Available at: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_realizacii_strategii_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2025_goda.html, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Plan of Legislative Activity of the Government of the Russian Federation for 2020. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation no 3205-R of December 26, 2019 (2019). Available at: <http://static.government.ru/media/files/acokCPrAIQ2THkZ3IiuFPuOdDtLWb58h.pdf>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Polyan P.M. (1982) Major Urban Agglomerations of the Soviet Union. *Proceedings of RGO*, vol. 114, no 4, pp. 305–314 (in Russian).

Polyan P.M. (1988) *Methodology for Selecting and Analyzing the Population Reference Frame*, Moscow: IG RAS (in Russian).

Polyan P.M. (2014) *Territorial Structures-urbanization – Settlement. Theoretical Approaches and Methods of Study*, Moscow: Novyj Khronograf (in Russian).

Polyan P.M., Zaslavskij I.N., Najmark N.I. (1988) The Problem of

Delineation of Urban Agglomerations: A Comparison and Synthesis of the Leading Techniques. *Problems of Territorial Organization of Space and Settlement in Urbanized Areas*, Sverdlovsk (in Russian).

Project 3.1 ESPON Atlas: Mapping the Structure of the European Territory (2006). *Federal Office for Building and Regional Planning*. Available at: https://www.espon.eu/sites/default/files/attachments/Inception_report_ESPON_ATLAS.pdf, accessed 10.02.2019.

Rapporto Annuale 2015. La Situazione del Paese. ISTAT (2015). *Istituto Nazionale di Statistica*. Available at: <https://www.istat.it/it/files/2015/05/Rapporto-Annuale-2015.pdf>, accessed 20.02.2019.

Rejbajn T.Ya. (1) (1974) Influence of Changes in Transport Accessibility on the Formation of Agglomeration Boundaries. *Architecture, Planning and Improvement of Localities*, Rostov-on-Don (in Russian).

Rejbajn T.Ya. (2) (1974) The History of Education of the Rostov Agglomeration. *Architecture, Planning and Improvement of Localities*, Rostov-on-Don (in Russian).

Sergeeva A.S., Burul' T.N. (2014) On the Issue of Defining the Borders of the Southern Part of the Volgograd Agglomeration. *Modern Problems and Ways to Solve Them in Science, Production and Education Journal*, no 1(1), pp. 83–87. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22368864_82944772.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Skutin V.A. (1979) Urban Agglomerations as an Object of Economic and Geographical Research. *Placement of Productive Forces in the Urals*, Sverdlovsk (in Russian).

Smirnyagin L.V. (2009) The Settlement System of Russia: Trends of Change. *Demoscope Weekly*, no 517–518. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0517/analit01.php>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Smirnyagin L.V. (2012) Place instead of Location? (On Shifts in Fundamental

Concepts of Geography). *Geographical Location and Territorial Structures: in Memory of I.M. Maergoiz* (ed. Agirrechu A.A.), Moscow: Novyj Khronograf, pp. 421–456 (in Russian).

Sokolov S.N. (2015) Agglomeration Forms of Ugra Settlement. *Current Problems of Humanities and Natural Sciences*, no 12–8, pp. 55–59. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_25284020_24269540.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2025. Approved by order of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019, no 207-R (2019). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Strelnikov A.I., Semenova O.S. (2010) Variants for Determining the Boundaries of Agglomeration in Modern Conditions Based on the Analysis of Social and Economic Relations and Using Computational Modeling. *Transport Business in Russia*, no 8, pp. 145–155. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20137326_82534158.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Strizhkina V.N., Strizhkina I.V. (2015) Some Aspects of the Agglomeration Effect of Major Cities and Towns. *Altaj Bulletin of the State and Municipal Service*, no 12, pp. 34–37. Available at: <https://elibrary.ru/>

[download/elibrary_27219039_41371133.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_27219039_41371133.pdf), accessed 21.04.2020 (in Russian).

Strongina M.L. (1970) *Socio-economic Problems of the Development of Large Cities in the USSR*, Moscow: Nauka (in Russian).

Timirgaleev R.F. (2014) Recent Trends in U.S. Urban Agglomerations. *Regional Studies*, no 3, pp. 100–107. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_22487755_35169351.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Tsykalov V.A., Kuz'menkov K.I. (2016) Peculiarities of the Inter-municipal Cooperation in France. *The World of New Economy*, no 3, pp. 131–138. Available at: <https://wne.fa.ru/jour/article/view/90/91>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Ulyayeva A.G. (2016) Development and Approbation Methods of Determining the Spatial Localization of Agglomeration (on Materials of Republic Bashkortostan). *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, no 10, pp. 48–54. Available at: www.nauteh-journal.ru/files/74030711-81c9-405a-9ef7-c2cf65b-992cb, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Vishnevskij A.G. (1967) *Urban Agglomerations and Economic Regulation of Their Growth (on the Example of the Kharkiv Agglomeration)*. Abstract PhD thesis in Economic Sciences (in Russian).

Zayonchkovskaya Zh.A. (1985) Some Trends in the Evolution of Settlement. *Achievements and Prospects*. Issue 52, Moscow, pp. 42–51 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-11

Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов¹

Николай Александрович СЛУКА

доктор географических наук, профессор, географический факультет, кафедра географии мирового хозяйства

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, географический факультет, Москва, Российская Федерация

E-mail: sluka2011@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2974-1027

Владимир Васильевич КАРЯКИН

кандидат военных наук, преподаватель, факультет иностранных языков, кафедра военного регионоведения

Военный университет Министерства обороны, 123001, ул. Большая Садовая, д. 14, Москва, Российская Федерация

E-mail: vladimirkaryakin41@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5714-0050

Евгений Федорович КОЛЯСЕВ

магистрант, географический факультет, кафедра географии мирового хозяйства

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, ГСП-1, Ленинские горы, географический факультет, Москва, Российская Федерация

E-mail: udjinkolyasev@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Слукa Н.А., Карякин В.В., Колясев Е.Ф. (2020) Глобальные города как хабы новых транснациональных акторов // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 1. С. 203–226.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-11

Статья поступила в редакцию 14.03.2020.

АННОТАЦИЯ. В условиях смены парадигмы мирового развития и перехода к сетевому укладу все большее значение в процессах глобального управления начинают играть так называемые новые транснациональные акторы, активность которых перманентно растет, а состав расширяется. Их ядро в экономической сфере составляют

транснациональные корпорации, в политической – разного профиля и статуса международные организации. Размещающая штаб-квартиры в городах, подобные структуры, вкупе с институтами традиционных субъектов международных отношений, во многом определяют как совокупность командных и контрольных функций агломераций,

¹ В геополитике принято различать две большие группы акторов международных отношений: классические, или традиционные (государство, армии, церкви), и новые, в число которых входят прежде всего транснациональные корпорации и международные организации.

их конкурентоспособность и устойчивость развития, так и изменчивость конфигурации общего каркаса «центров силы», действующих на мировой арене. Нарастание их влияния в условиях развития процесса десуверенизации означает приближение исторического перехода в пространственной организации международного сообщества от традиционалистской модели «стран – наций» к «архипелагу городов», представляющего собой совокупность центров разного ранга и функционального профиля, тесно взаимодействующих в общепланетарном масштабе.

На раскрытие данного феномена нацелена концепция глобальных городов, возникшая в 1990-е гг., объяснительная часть которой строится на основе суперпозиции в городах сетевых структур глобальных фирм высокоспециализированных деловых услуг. В статье рассматриваются основные направления современных исследований глобальных городов, аргументируется необходимость качественного обновления сложившихся подходов, значимость в их формировании новых транснациональных акторов. Дается оценка особенностей динамики и локализации штаб-квартир ведущих ТНК мира и международных организаций. Выявленная асимметрия в их размещении опровергает гипотезу о равноценной привлекательности глобальных городов. На основе рейтингования и группировки центров определено несколько типов хабов новых транснациональных акторов, включая комплексные, возглавляемых «городами-гегемонами» (Нью-Йорк, Лондон, Париж), и разного ранга специализированные: геоэкономические и геополитические. С учетом актуальности и значимости феномена новых транснациональных акторов, базирующихся в городских агломерациях, предполагается, что продуктивное изучение особенностей их формирования,

состава, специализации, размещения и механизмов взаимодействия может стать предметным полем новой научной проблемной области на стыке ряда дисциплин – геополитической урбанистики, способной внести существенный вклад в изучение контуров глобальных трансформаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобализация, мировая система, пространственная организация, сетевая структура, глобальные города, новые транснациональные акторы, транснациональные корпорации, международные организации, размещение штаб-квартир, геополитическая урбанистика

Под воздействием эффектов глобализации, 5-й научно-технической революции и 3-й революции в социальных коммуникациях (распространение интернет-технологий), по мнению большей группы зарубежных и отечественных ученых (см. например, [Сморodinская 2012; Смородинская 2015]), мир решительно уходит от любых иерархичных конструкций с замкнутым контуром и вертикальной субординацией и переходит к сетевому укладу, основанному на динамичных горизонтальных взаимодействиях. Современный глобализированный мир все в большей мере начинает напоминать многомерное сетевое сообщество, за формирование которого во многом отвечают так называемые новые транснациональные акторы (transnational actors), чья деятельность связана с сетевыми взаимодействиями поверх национальных границ, а руководство их мыслит и принимает решения в общепланетарном масштабе [Лебедева 2013; Лебедева 2017; Тормошова 2017 и др.]. Согласно французскому геополитику Ф. Моро Дефаржу, в их число входит многочисленный круг сообществ, движений, институтов и иных аген-

тов, которые вырабатывают, выражают и реализуют свои намерения и цели [Moreau Defarges 1998, р. 46]. Несмотря на то, что функционирование глобальной хозяйственной и политической системы все еще основывается на парадигме примата государств, к началу XXI в. новые транснациональные акторы утвердились как авторитетные участники международных отношений [Наумов 2013]. Их ядро в экономической сфере составляют транснациональные корпорации (ТНК)², а в политической – разного профиля и статуса международные организации (МО), в т. ч. неправительственные (МНПО).

Базируясь в городах, подобные структуры во многом определяют как совокупность командных и контрольных функций отдельных агломераций, их конкурентоспособность, устойчивость развития и международный престиж, так и изменчивость конфигурации общего каркаса «центров силы», действующих на мировой арене. Нарастание их влияния в условиях развития процесса десувверенизации – передачи управленческих функций государства неформальным сетям – означает приближение исторического перехода в пространственной организации международного сообщества от традиционалистской модели национальных государств к «архипелагу городов» – ансамблю центров разного ранга и функционального профиля, тесно взаимодействующих в общепланетарном масштабе³. Исследование фор-

мирования и географии хабов новых транснациональных акторов и характера их взаимодействия способно дополнить сложившиеся представления о современных нодальных точках глобально-городских сетевых структур. Цель данной работы – на основе анализа доступных статистических данных выявить особенности динамики и размещения штаб-квартир ТНК и МО в элите мирового урбанистического сообщества – глобальных городах.

Генезис концепции глобального города

Формирование транснациональных сетевых сообществ и углубление интеграционных процессов, обуславливающих рост открытости мировых рынков, активизацию диффузии человеческого капитала и информации, легальное и нелегальное заимствование технологий, неизбежно сказываются на качественном изменении роли больших городов в международном сообществе. В условиях глобализации они уже превратились в центры, во-первых, управления мировой экономикой; во-вторых, сосредоточения фирм, специализирующихся на финансовых и деловых услугах; в-третьих, генерации инноваций; в-четвертых, сбыта товаров и услуг; в-пятых, обслуживания глобальных потоков. Таким образом, крупнейшие агломерации стали теми местами, в которых, собственно, и происходят про-

2 С 2014 г. ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию – в отчетах о мировых инвестициях перестала использовать термин «транснациональная корпорация (ТНК)», заменив его понятием MNE (Multinational Enterprise) – мультинациональное предприятие. Учитывая существующий ранее компромиссный вариант ООН по критериям отнесения компаний к ТНК и последние уточнения этого понятия, можно с уверенностью подтвердить, что термины «транснациональная корпорация», «мультинациональное предприятие», «мультинациональная компания», «международная компания» стали практически синонимами [Ефремов, Владимирова 2018]. В статье мы будем пользоваться термином ТНК.

3 Наличие немало числа примеров формирования мини-ансамблей городов в экономической сфере и их суперпозиции, с одной стороны, а с другой – относительная новизна и большая неопределенность концепта десувверенизации в политологии позволяют поразмышлять о применимости градоцентристского подхода к системе международных отношений. В целом, как представляется, детальному и профессиональному обсуждению темы десувверенизации может быть посвящен отдельный выпуск журнала «Контуры глобальных трансформаций».

цессы экономической глобализации и транснационализации, а их значение и идентичность выходят далеко за пределы страны базирования [Карякин 2013; Хватов 2015]. В силу особых позиций в международном разделении труда такие центры в специальной литературе часто именуются глобальными. Если обратиться к истории, то термин «глобальный город» введен в широкий научный оборот в начале 1990-х гг. американским социологом С. Сассен. По ее определению, глобальный город – это постиндустриальный центр, глубоко интегрированный в структуру мировой экономики и черпающий ресурсы развития путем функционирования в глобальном сетевом сообществе [Sassen 1991]. Однако высказанные ею гипотезы о «глобальной модели города» получили апробацию много позже. Лишь на рубеже XX–XXI вв. международная исследовательская группа «Глобализация и мировые города» (Globalization and World Cities, сокр. – GaWC; руководитель – П. Тейлор) предложила метод оценки значимости и связности городов в глобальном масштабе на основе изучения размещения офисов ведущих ТНК мира, предоставляющих высоко-специализированные деловые услуги [Beaverstok, Smith, Taylor 1999]. Это обеспечило свершение качественного перехода от изучения позиционирования в мирохозяйственном процессе отдельных агломераций к познанию свойств и взаимодействий в сетевом сообществе собственно городов. В результате сбора и математической обработки по специальному алгоритму колоссально-го объема корпоративной информации группа GaWC предложила так называемую α , β , γ -классификацию глобальных центров, усовершенствованные итерации которой выходят и поныне [GaWC 2000–2018].

Достижения GaWC привлекли внимание авторитетных научных кру-

гов и стимулировали подъем интереса к проблематике, что привело как к значительному увеличению числа тематических публикаций (для примера упомянем [Abrahamson 2004; Abu-Lughod 1999; Clark 2003; Taylor 2001; Taylor 2004; Taylor 2005 и др.]), так и разработке самостоятельных классификаций и группировок глобальных городов, в т. ч. силами экспертно-консалтингового сообщества. Начиная со второй половины первого десятилетия XXI в. популярные рейтинги регулярно стали выпускать многие известные международные структуры, включая, например, A.T. Kearney, Knight Frank, PWC, The Economist и др. Массовая апробация разнообразных подходов, приемов и методик окончательно закрепила представление о процессе транснационализации мировой экономики как первоисточнике и базисе возникновения феномена сети глобальных центров. Мощный пул международных компаний с разветвленной сетью подразделений, локализованных в городах, через пульсацию системы внутри- и межфирменных связей консолидирует все мировое урбанистическое сообщество. Оценка глобальности городов через филиальные сети ТНК стала традиционной в международной научной среде. Итогам изучения глобально-городской проблематики в первое десятилетие XXI в. посвящен специальный выпуск авторитетного научного журнала *Urban Studies*, 2010, 47(9) [Derudder, Timberlake, Wiltox 2010].

Современное состояние исследований в области глобальных городов можно охарактеризовать как устойчиво-значимое при лидирующей роли коллектива GaWC и перманентно расширяющейся географии вовлеченных организационных структур (например, Институт городских стратегий в Токио, который регулярно готовит Global

Power City Index) и персоналий из разных отраслей знания и стран. Общая логика и методика группы продолжает получать апробацию в трудах с вовлечением в исследование широкого спектра функциональных признаков городов, в которых анализируются промышленно-отраслевые, финансовые, деловые и университетские центры [Kratke (1) 2014; Kratke (2) 2014; Verhet-sel 2009; Wyly 2011; Godfrey, Zhou 2013; Wall, van der Knaap 2011 и др.]. Активно развивается еще ряд направлений:

- коммуникативное, в котором делается акцент на оценку роли городов как узлов и регуляторов глобальных материальных и виртуальных потоков (международные портовые комплексы, узлы авиационного сообщения, фокусы туристских потоков, интернет-трафика и др.) (для примера назовем хотя бы [Vinciguerra, Frenken, Valente 2010]);
- полимасштабное – с использованием пересечений двунаправленной модели – «сверху вниз» и «снизу вверх» (см. детальный обзор литературы в [Lüthi, Thierstein, Hoyer 2018]), включая нацеленность на познание городов в глобальных сетях на национальном, региональном и локальном уровне;
- комплексное, или рейтинговое, заключающееся в оценке международной значимости центров по большой совокупности индикаторов (Global Cities Index, Global City Competitiveness, Cities of Opportunity 7, Global Power City Index и др.);
- эксклюзивное – с применением оригинальных индикаторов и приемов исследования городов, например, на базе концепции цепочек добавленной стоимости, библиометрического анализа, центральности положения в сети, рас-

селения членов советов директоров ТНК и др. (упомянем некоторые работы [Carroll 2007; Derudder, Wiltox 2010; Kentor, Sobek, Timberlake 2011; Neal 2011]).

Анализ результатов отечественных и зарубежных исследований за 1990–2000-е гг. свидетельствует об объективном существовании и конкретном списочном составе иерархии глобальных городов, а также особенностях их размещения – явном преобладании в наиболее богатых странах и стратегически важных регионах мира. В состав глобальных центров обычно включается от 25 до 150 городов. Правда, в одном из последних рейтингов группы GaWC от 2012 г. выделяется 526 глобальных центров разного ранга, а в рейтинге 2018 г. – уже более 700 (в 2000 г. – 55 и 67 формирующихся) [GaWC 2000–2018]. Но вне зависимости от выбранных показателей и методик перечень городов-лидеров остается практически неизменным. Первые две позиции традиционно занимают Нью-Йорк и Лондон. На ступень ниже располагается большая группа столиц стран экономической триады: Токио, Париж, Брюссель, а также крупнейшие города НИС Азии (Сеул, Сингапур), БРИКС (Пекин, Шанхай, Москва) и экономически развитых стран (Лос-Анджелес, Чикаго, Сидней, Торонто). Результаты дальнейшего ранжирования уже во многом зависят от применяемой методики. Например, акцент на экономике возвышает города Китая и Индии, а на качестве жизни – некрупные европейские центры.

Несмотря на достаточную степень проработки вопросов в области дефиниций, состава, классификаций, рейтингов начиная с 1990-х гг., изученность роли глобальных городов в ходе трансформации мирового хозяйства под влиянием глобализации нельзя

считать исчерпывающей. До настоящего времени критерии их выделения четко не сформулированы. В современной географии и смежных с ней дисциплинах уже давно назрела необходимость сопоставления взглядов различных научных школ, международной унификации понятийно-терминологического аппарата исследования феномена и интерпретации его общего видения. В современных условиях освоение определенных предметных полей феномена объективно требует модернизации «идейного багажа». В частности, оценка роли агломераций как центров притяжения совокупности новых транснациональных акторов разного генезиса может стать одним из подходов в экономической и политической географии к анализу, с одной стороны, пространственной проекции процессов транснационализации мировой системы в целом, а с другой – факторов привлекательности городов для международных структур и роста их конкурентоспособности.

«Местные» ТНК как основополагающий критерий глобальности городов

Общая экономико-центрическая направленность исследований глобальных городов вполне объяснима особым весом и все возрастающей ролью корпораций в мирохозяйственном развитии. Неслучайно эксперты отмечают признаки перехода от классической формы международного разделения труда к транснациональному разделению труда. На долю ТНК приходится уже более 50% мирового промышленного производства и свыше 70% мировой торговли; корпорации контролируют примерно 80% патентов и лицензий на изобретения и высокие технологии. Впечатляют масштабы авангарда кор-

поративного мира. Так, на 2000 крупнейших компаний в совокупности приходится 39,1 трлн долл. продаж, 3,2 трлн долл. прибыли, 189 трлн долл. активов и 56,8 трлн долл. рыночной стоимости [Ефремов, Владимирова 2018]. По данным ЮНКТАД на 2017 г., объем произведенной добавленной стоимости филиалов ТНК в других странах с персоналом 73,2 млн чел. превышает 9% мирового ВВП, а экспорт составляет треть всей мировой торговли [World Investment Report 2018, p. 20]. По сравнению с 1990 г. вклад зарубежных подразделений ТНК в мировой ВВП увеличился в 1,7 раза, число занятых – в 2,7 раза, а объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) – в 14 раз. Аккумулированный объем ПИИ в мире к концу 2017 г. оказался на уровне примерно 31 трлн долл., в т. ч. ежегодный поток ПИИ составил свыше 1,4 трлн долл. (это около 7% всех вложений в основной капитал в мире за год) [Кузнецов 2019].

С учетом колоссальных возможностей крупнейших ТНК мира территориальная концентрация их штаб-квартир вкупе с филиалами корпораций других стран оказывает решительное воздействие на конкурентоспособность отдельных центров, характер общей пульсации межгородского взаимодействия и распределение властных полномочий среди мегаполисов, а также на функционально-территориальную структуру их хозяйства. Однако в градovedческо-глобалистской литературе в последнее время можно отметить снижение интереса и числа научных работ, выполненных в духе «раннего классицизма» (за исключением, пожалуй, только городов США [Csomós 2013; Csomós 2017]). Многие эксперты сходятся во мнении, что метод определения значимости городов в процессах мировой экономики через число штаб-квартир местных ТНК уже неприго-

ден. Но, с нашей точки зрения, он остается актуальным, т. к. позволяет выявить «переломные моменты» в эволюции пространственной структуры крупного транснационального бизнеса и, в частности, хорошо отражает выход в XXI в. на мировую арену городов НИС Азии. В плане изучения контуров глобальных трансформаций показательны результаты анализа ротации в иерархии топ-15 городов мира по числу штаб-квартир ТНК рейтинга Fortune Global 500 за последние десятилетия (табл. 1).

В 1995 г. 95% штаб-квартир крупнейших ТНК приходилось на города разви-

тых стран; а 40% были сконцентрированы всего в пяти центрах: Токио, Осака, Лондон, Париж и Нью-Йорк. За следующие десять лет рейтинг существенно обновился и за счет потери позиций Токио и Осакой заметно сократилась доминанта топ-10 (с 48 до 36% головных офисов ТНК). Наконец, к 2015 г., подчеркивая колоссальный прогресс китайской экономики, рейтинг возглавил Пекин, а в топ-15, наряду с Москвой и Мумбаи, вошли Шанхай и Гонконг. В результате продолжающегося «падения» Токио, а также, пусть и менее выраженного, Лондона, Парижа и Нью-Йорка доля развитых стран по числу

Таблица 1. Изменения в составе топ-15 городов мира по числу штаб-квартир ТНК рейтинга Fortune Global 500, 1995–2015 гг.

Table 1. Top-15 world cities by the number of TNC' headquarters, under Fortune Global 500, 1995–2015

Город	Число штаб-квартир, 1995 г.	Город	Число штаб-квартир, 2005 г.	Город	Число штаб-квартир, 2015 г.
Токио	93	Токио	56	Пекин	51
Осака	32	Париж	27	Токио	38
Лондон	27	Лондон	23	Лондон	19
Париж	26	Нью-Йорк	22	Париж	18
Нью-Йорк	22	Пекин	12	Нью-Йорк	17
Сеул	11	Сеул	9	Сеул	13
Мюнхен	9	Осака	9	Хьюстон	9
Цюрих	7	Торонто	7	Шанхай	8
Франкфурт-на-Майне	7	Мюнхен	7	Осака	8
Атланта	7	Атланта	7	Гонконг	6
Брюссель	6	Цюрих	7	Торонто	6
Базель	5	Стокгольм	6	Цюрих	6
Мадрид	5	Мадрид	6	Москва	5
Рим	5	Хьюстон	6	Мумбаи	5
Сан-Франциско	5	Дюссельдорф	5	Мадрид	5

Источник: Составлено по: [Fortune Global 500].

штаб-квартир ТНК в рейтинге снизилась до 68%. О глобальном перераспределении центральных управленческих функций транснационального капитала в пользу «вторичных» центров свидетельствует и такой факт: если в 1995 г. не более двух штаб-квартир ТНК насчитывалось в 147 городах, то в 2015 г. – уже в 180. Это связано как с появлением в рейтингах новых «игроков», так и с активным переносом штаб-квартир из центрального делового района городов развитых стран в пригородную зону. Тем не менее иерархия внутри стран экономической триады мира отличается постоянством.

В результате обработки данных уже рейтинга Forbes Global 2000 четко выделяются три ведущих урбоареала скопления штаб-квартир ТНК с единством моноцентрической структуры (рис. 1): восточноазиатский как крупнейший в мире с лидерством Токио (149 штаб-квартир), за которым следуют Пекин (75), Сеул (58), Гонконг (58), Тайбэй

(42), Осака (41), Шанхай (40) и Гуанчжоу (33); североамериканский с доминантой Нью-Йорка (107 штаб-квартир), который в несколько раз опережает Чикаго (38), Сан-Хосе (36), Лос-Анджелес (24), Хьюстон (23), Торонто (23), Бостон (22), Атланту (20), Вашингтон (20), Даллас (20), Филадельфию (19), Миннеаполис (18) и Сан-Франциско (17); западноевропейский, где существенно за последнее время упрочил позиции Лондон (75 штаб-квартир), обойдя Париж (55), Цюрих (28), Стокгольм (23) и Дублин (18).

Важно отметить, что процесс ротации в иерархии крупнейших корпоративных центров в глобальном и региональном масштабе происходит на фоне затухания общих темпов роста как новых ТНК, так и объема филиальной сети. Так, если в 1976 г. в мире насчитывалось около 11 тыс. ТНК с 86 тыс. зарубежных филиалов, в начале 1990-х гг. – 30 тыс. и 150 тыс., то спустя всего 10 лет – уже около 60 тыс. ТНК, имею-

Рисунок 1. Размещение штаб-квартир крупнейших ТНК по городам мира, 2017 г. (составлено авторами)

Figure 1. Distribution of the largest TNC' headquarters in world cities, 2017 (compiled by authors)

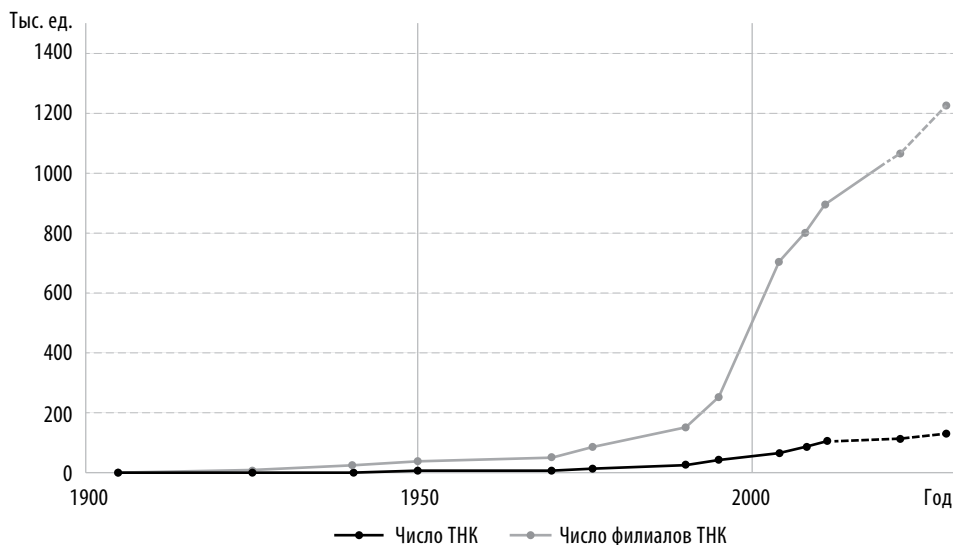
щих более 800 тыс. зарубежных филиалов. Однако в 2000-е гг. их численность стабилизировалась на уровне 100 тыс. и 900 тыс., соответственно (рис. 2). Подобное закономерно по причине частичного исчерпания резервов экстенсивного роста ТНК, сдвига интересов в развитии крупного бизнеса в пользу процессов слияния и поглощения, а также возможности «выращивания» новых ТНК, только опираясь на национальную экономику и при участии государства. Попутно отметим, что, по данным ЮНКТАД, на 2017 г. в мире действовало около 1,5 тыс. государственных ТНК⁴ с более чем 86 тыс. зарубежными филиалами. Примерно 1/3 из них сосредоточена в Европейском союзе (420 компаний) и, что показательно, свыше 50% – в развивающихся

странах [Ефремов, Владимирова 2018]. Закономерно, что наибольшим числом государственных ТНК располагает Китай (18%, 257 компаний), где проект по их приумножению активно осуществляется в рамках политики «идти вовне» и модернизации национальной экономики [Калашиников 2019].

Для глобальных городов понижающийся тренд в динамике общего числа ТНК и их иностранных дочек означает, с одной стороны, усиление конкуренции за привлечение филиалов как местных, так и зарубежных ТНК [Пилька, Слука 2014; Пилька, Слука 2017; Pilka, Sluka 2019], а с другой – поиск новых ресурсов роста конкурентоспособности и партнеров в развитии, в т. ч. среди новых транснациональных акторов вне экономической сферы.

Рисунок 2. Рост числа ТНК и их зарубежных филиалов в XX – начале XXI в. (составлено авторами)

Figure 2. Growth of TNC' numbers and their foreign branches in XX – beginning XXI century (compiled by authors)

4 В определении ЮНКТАД государственные ТНК представляют собой компании, которые не менее чем на 10% принадлежат государству или государственным организациям или в которых государство или государственное учреждение является крупнейшим акционером или имеет «золотую акцию».

Международные организации как драйверы конкурентоспособности глобальных городов

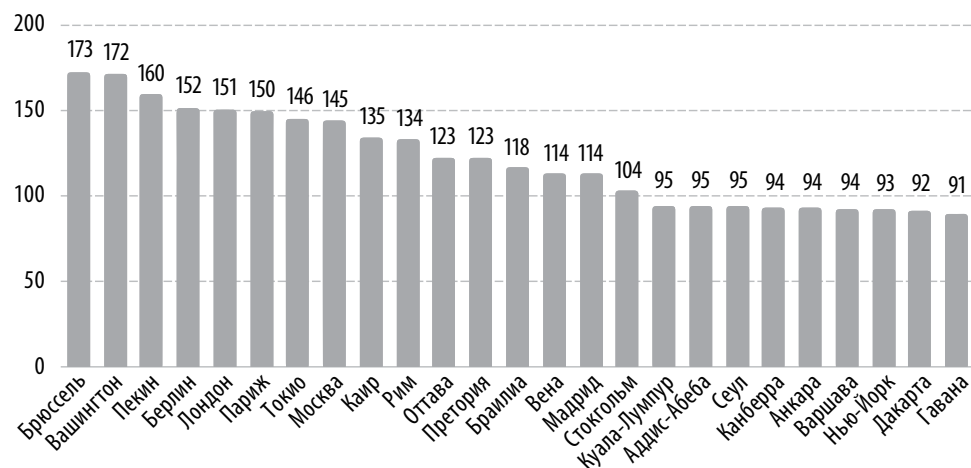
Крупные города традиционно играют большую роль в международной политике через дислоцированные в них институты традиционных субъектов международных отношений. Согласно нашим расчетам, рейтинг городов по числу дипломатических миссий возглавляет элита глобальных городов, часто совмещающих функции официальной и неофициальной столичности (рис. 3). Но в качестве источника устойчивости и конкурентоспособности городов, а также перспективных глобальных трансформаций в урбанистическом сообществе, безусловно, особым потенциалом обладают новые транснациональные акторы, прежде всего в лице МНПО. Согласно основателю концепции «мягкой силы» американскому ученому Дж. Наю, именно некоммерческие организации и фонды имеют большее влияние на аудиторию и располага-

ют широким спектром возможностей по переформатированию социально-политических пространств [Nye 1991; Nye 2004; Nye 2011]. Неслучайно в целях минимизации негативного воздействия МНПО других государств в США – на родине большинства из них – с 1938 г. действует Закон «О регистрации агентов влияния». Аналогичная норма (Федеральный закон № 121 «Об иностранных агентах») в начале второго десятилетия 2000-х гг. была разработана и введена в практику в России. «О признании роли МНПО в международных делах можно судить по количеству организаций, получивших консультативный статус при ЭКОСОС ООН, которые на сегодняшний день насчитывают 4189 организаций» [Славчева 2016, с. 200].

Многие организации гуманитарного, экономического и политического характера существуют несколько столетий. Но традиционно начало эпохи МНПО принято отсчитывать с середины XX в. Их количество и политическое влияние резко возросло с момента включения категории «неправительственная

Рисунок 3. Рейтинг топ-25 городов мира в разрезе дипломатических миссий (составлено авторами)

Figure 3. Top-25 world cities in accordance with diplomatic missions (compiled by authors)

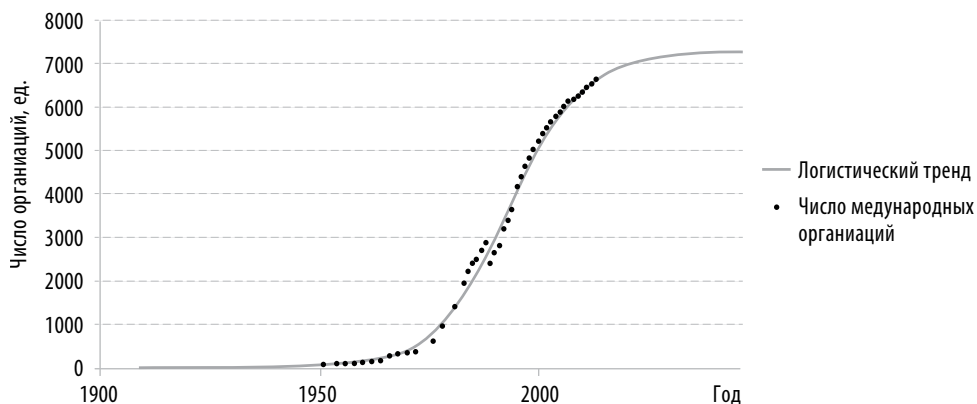

организация» в международно-юридический лексикон в ходе создания устава ООН в 1945 г. и повсеместной легализации деятельности МНПО [Наумов 2013, с. 50]. В результате именно за счет неправительственных организаций в последние десятилетия число МО увеличивается стремительными темпами. В 2019 г., по данным Союза международных ассоциаций, оно приблизилось к 72 тыс. [The Yearbook of International Organizations 2017] (рис. 4). Пространственная неравномерность бума МО привела к возникновению заметной региональной диспропорции, подавляющая часть их штаб-квартир располагается в развитых странах Севера при противоборстве за лидерство полюсов геополитической силы – Западной Европы и Северной Америки. Однако в результате активной территориальной диффузии и опережающих темпов роста МО в других регионах

мира обозначился выраженный тренд к расширению географии их местонахождения. Если после Второй мировой войны на долю Северной Америки и Западной Европы в общей сложности приходилось более 70% всех МО, то в настоящее время – уже чуть более половины – 23,5 и 32% соответственно. Не последнюю роль в этом играет как обращение международного сообщества (в т. ч. в лице негосударственных транснациональных акторов) к проблемам развития Юга, так и быстрый ход процесса урбанизации в развивающихся странах, обеспечивший относительное выравнивание условий городской среды для пребывания и деятельности организаций.

В своих амбициях на вхождение в клуб глобальной элиты мегаполисы охотно идут на союз с МНПО, доказавшими свою эффективность как инструмента «мягкой силы»⁵. Это лишний раз

Рисунок 4. Рост числа международных организаций в XX – начале XXI вв.
Figure 4. Growth of international organizations numbers in XX–XXI – beginning XXI century

Источник: [Каверин, Малков 2014, с. 203].

⁵ С учетом многообразия МНПО и разветвленности их филиальных сетей при удачно найденном компромиссе в конструкте отношений город становится не просто «местом» взаимодействия группы международных агентов, а активным «игроком», получая с их помощью неограниченные возможности приращения хинтерланда, проведения своей политики в различных областях, улучшения имиджа, обмена передовыми практиками и пр. При этом инициатором диалога могут выступать разного рода как собственно муниципальные структуры, так и неформальные городские сообщества.

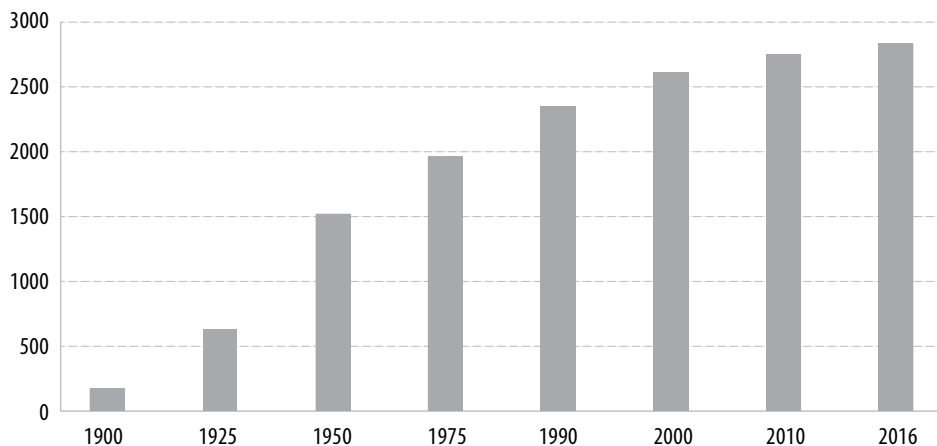
подтверждает прозорливость апологетов теории мирового города, утверждавших, что одним из его признаков, помимо прочего, является концентрация штаб-квартир международных экономических и геополитических организаций [Friedmann 1986]. Если в начале XX в. штаб-квартирами МО располагали менее 200 городов, то ныне – уже более 2,5 тыс. Пик прироста таких центров приходится на период между двумя мировыми войнами (рис. 5). Начиная с 1950-х гг. идет плавное снижение темпов их роста, которое разнится по странам и регионам. Например, устойчиво теряют позиции в глобальном рейтинге ряд городов Западной и Южной Европы, включая Рим, уверенно возглавлявший его в начале XX в. на почве аккумуляции организаций религиозного толка. Напротив, согласно траекториям социально-политического и экономического развития стран и их интеграции в мирохозяйственный и мирополитический процесс, активно

набирают вес в 1980-е гг. центры Латинской Америки, в 1990-е – Восточной Европы, а чуть позже – Азии, прежде всего Китая, который в 2016 г. занял место в первой двадцатке государств по числу МО и при сохранении набранных темпов, по мнению экспертов, способен войти в ближайшие 10 лет в топ-5 глобальной иерархии.

Общее распределение МО по городам мира носит весьма неравномерный характер и в проекции соответствует форме песочных часов с широким основанием. С одной стороны, более 1/4 из них сосредоточены в ограниченном числе городов, преимущественно столичных, с другой, основная масса расплывлена по сотням тысяч центров. Последнее свидетельствует о многообразии факторов размещения и большой степени свободы в условиях третьей революции в социальных коммуникациях при выборе конкретного места базирования головного офиса организации.

Рисунок 5. Рост числа городов с базированием штаб-квартир международных организаций

Figure 5. Numbers of cities with dislocation of international organizations headquarters in XX-XXI – beginning XXI century

Составлено по: [The Yearbook of International Organizations 2017].

Составление рейтинга городов по количеству штаб-квартир МО на основе шкалы с увеличением кратности шага в 2 раза позволяет выделить несколько категорий. Безоговорочный лидер современной иерархии – Брюссель, испытавший подъем в результате развития процессов евроинтеграции и ныне располагающий более чем 2 тыс. штаб-квартир МО. Второй эшелон – крупные центры (800–1600 ед.) – представлен триумвиратом столиц ведущих мировых держав: Лондоном, Парижем и Вашингтоном. К ним явно тяготеют Нью-Йорк и Женева (по 760), попавшие по выборке данных, согласно шагу шкалы, в третью группу – большие центры (400–800) – наряду с Римом (604) и Веной (412). Средние центры (200–400), в число которых входят 8 городов с разной историей и геополитическим весом – Токио, Страсбург, Берлин, Найроби, Мадрид, Гаага, Амстердам, Сингапур, – и малые центры (100–200), на долю которых суммарно приходится около 15% всех МО, составляют своего ро-

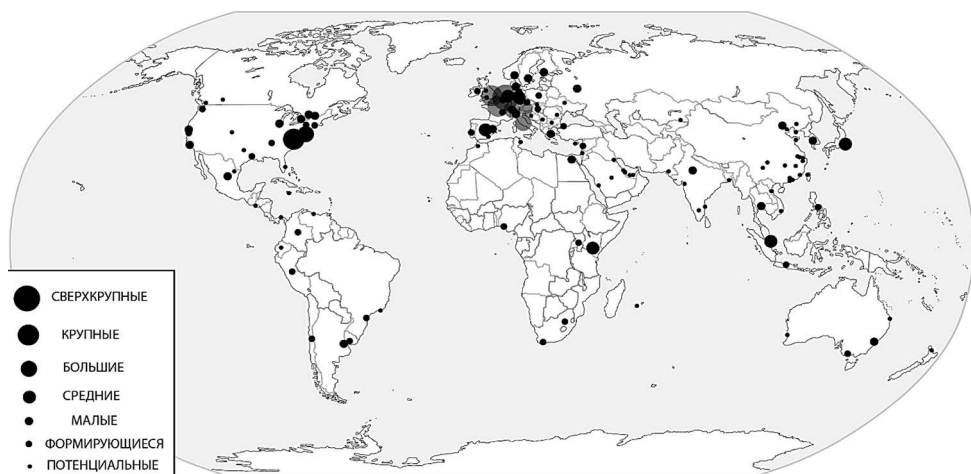
да узкую горловину «песочных часов». Таким образом, главные мировые хабы МО опираются на широкую платформу только формирующихся центров (менее 100) (рис. 6). В их число входит и подавляющее большинство крупных городов России, лишь 62 МНПО которой, согласно данным МИД РФ на 2019 г., получили консультативный статус при ЭКОСОС ООН.

Своеобразие элиты глобальных городов как аттракторов новых транснациональных акторов

Обращаясь к подведению некоторых итогов, уместно вспомнить слова выдающегося экономико-географа Н.Н. Баранского, который в свое время писал: «Большие города – это ответ на насущную потребность территории в опорных центрах; ...маяки и опорные точки всей хозяйственной географии (страны), фокусы ее культурной и политической жизни. Они образуют своего ро-

Рисунок 6. Современная иерархия и география центров штаб-квартир международных организаций (составлено авторами)

Figure 6. Contemporary hierarchy and geography of cities with dislocation of international organizations headquarters

да координатную сетку на экономической карте (страны), истинный каркас территории» [Ланно 1972]. Другое дело, что каркас территории любого масштаба, включая весь мир, видоизменяется в зависимости от выбора критериев, будь то чисто размерные [Sluka, Tinkunov, Chereshnia 2019] или качественные характеристики, и в ходе исторического процесса. В доиндустриальную и индустриальную эпоху, часто опираясь на ресурсы вассальных территорий, политику определяли мировые города или «ограниченный круг мест», в которых, согласно П. Холлу, осуществляется весьма непропорциональная часть всемирных наиболее важных дел [Hall 1966]. В постиндустриальную эпоху на волне формирования глобального рынка услуг возник до сих пор активно обсуждаемый в научных кругах каркас из десятков глобальных городов преимущественно развитых стран, организующих и обслуживающих нужды всего мирового хозяйства. В условиях формирования сетевого уклада вполне приемлемым основанием выделения «опорных точек» мирового пространства представляется скопление совокупности новых транснациональных акторов, через паутину связей объединяющих уже сотни городов, в т. ч. развивающихся стран.

Несмотря на широкую географию головных офисов ТНК и МО, а также международный авторитет глобальных городов, требует проверки изначально подспудно возникающая гипотеза о равноценности их привлекательности для сетевых агентов разного генезиса. С целью ее подтверждения или опровержения был проведен анализ распределения новых экономических и политических транснациональных акторов на базе 133 глобальных центров, которые, согласно последнему рейтингу GaWC от 2018 г., входят в категории уровнем β - и выше ($\alpha++$, $\alpha+$, α , $\alpha-$, $\beta+$,

β , $\beta-$). Именно на них ныне приходится значительная часть штаб-квартир ТНК из списка Forbes Global 2000 и свыше половины всех МО (более 16 тыс. из 30 тыс. реально действующих). Однако рейтингование городов по выраженности признаков и группировка по 7 категориям (сверхкрупные (1), крупные (2), большие (3), средние (4), малые (5), формирующиеся (6) и прочие (7)) свидетельствуют о резкой неравномерности распределений в обоих случаях, минимуме элиты, относительной ограниченности «промежуточных» центров и массовости группы аутсайдеров (табл. 2).

Более того, сопоставление рейтингов и группировка рассматриваемых городов по комплексности (сочетанию признаков) приводит к несколько неожиданным результатам. Почти половина из них располагает весьма скромным числом как домашних ТНК, так и МО, что означает присутствие среди глобальных центров, согласно главному критерию классификации GaWC, исключительно за счет высокой концентрации филиалов глобальных фирм – производителей высокоспециализированных деловых услуг. Среди остальных асимметрия размещения новых транснациональных акторов ведет к возникновению ряда особенностей кластеров глобальных городов (табл. 3). Во-первых, относительно узкой оказывается прослойка «комплексных» центров, удачно сочетающих ТНК и МО (лишь 29 центров, 40,3%), которые с большим отрывом возглавляет триумвират «городов-гемоннов», включая Нью-Йорк, Лондон и Париж. Отметим, что Москва входит в число «комплексных средневесов» наряду с Берлином, Лос-Анджелесом, Чикаго, Сингапуром и рядом других агломераций. Во-вторых, налицо неравнозначность подгрупп «специализированных» городов, принимающих пре-

Таблица 2. Распределение элиты глобальных городов по числу штаб-квартир ТНК и МО
Table 2. Rating of global cities in accordance with the TNC headquarters' and International organizations headquarters' number.

Категории и размерность центров по числу штаб-квартир ТНК	Категории и размерность центров по числу штаб-квартир МО							Всего
	(1) Более 2000	(2) 800–1600	(3) 400–800	(4) 200–400	(5) 100–200	(6) 50–100	(7) Менее 50	
(1) Более 100			1	1				2
(2) 75–100		1			1			2
(3) 50–75		1		1			1	3
(4) 25–50					2	1	5	8
(5) 5–25	1	1	2	4	8	7	13	36
(6) 1–5			1	1	7	12	19	40
(7) Менее 1				2	3	9	28	42
Всего	1	3	4	9	21	29	66	133

Составлено авторами.

имущественно либо ТНК (41,7%), либо МО (18,1%). Они условно названы «геополитическими» и «геоэкономическими» центрами. В-третьих, «специализированные» города в целом отличаются весьма скромным числом «лидеров». В-четвертых, среди «геополитических» центров тон задают европейские столицы, прежде всего Брюссель, Вена и Рим; а среди «геоэкономических» – азиатские мегаполисы во главе с Токио, Пекином и Сеулом, что в целом соответствует современной раскладке «центров силы» в мирохозяйственной и мирополитической системе.

Влиятельность новых транснациональных акторов высоко оценивается и привлекает внимание все более широкого круга ученых разных областей знания; их число перманентно растет, а состав усложняется. Например, В.С. Тормосевой среди современных только политических акторов выделяется транснациональная элита, международные мигранты, транснациональные интеллектуалы, социальные движения без границ, религиозно-этнические сообщества, международные террористические объединения, надна-

циональные политические институты, а также такое явление, как транснациональная общественность [Тормосева 2017]. И, как представляется, это далеко не полный и окончательный перечень, который можно дополнить, в частности, за счет социально-гуманитарной и культурной сферы мировой политики. Кроме того, к числу знаковых, по мнению М. Лебедевой, можно отнести, по крайней мере, два тренда. Во-первых, параллельно с процессом дальнейшей транснационализации активно происходит гибридизация новых акторов по пути наращивания партнерства как между собой, так и с традиционными субъектами международных отношений. Во-вторых, наряду с вовлечением все новых территорий и расширением сферы влияния налицо существенное изменение общей направленности вектора действий новых транснациональных акторов в мировом пространстве. «Если ранее они действовали, как правило, из регионов «глобального Севера» в отношении регионов «глобального Юга», то теперь наблюдается и обратный процесс» [Лебедева 2013, с. 41].

Таблица 3. Типы глобальных городов по составу новых транснациональных акторов
Table 3. Global cities types in accordance with the structure of new international actors

Размерность центров по числу штаб-квартир ТНК	Размерность центров по числу штаб-квартир МО		
	Более 400	100–400	Менее 100
Более 50	ГОРОДА-ГЕГЕМОНЫ	ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ	ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЯЖЕЛОВЕСЫ
	Лондон, Нью-Йорк, Париж	Пекин, Сеул, Токио,	Гонконг
5–50	ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЛИДЕРЫ	КОМПЛЕКСНЫЕ ЛИДЕРЫ	ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ СРЕДНЕВЕСЫ
	Брюссель, Вашингтон, Вена, Рим	Амстердам, Барселона, Берлин, Лос-Анджелес, Мехико, Монреаль, Москва, Сан-Франциско, Сидней, Сингапур, Стокгольм, Торонто, Чикаго, Цюрих	Атланта, Бостон, Ванкувер, Гамбург, Гуанчжоу, Даллас, Дубай, Дублин, Дюссельдорф, Люксембург, Майами, Мумбаи, Мюнхен, Осака, Рио-де-Жанейро, Роттердам, Сан-Паулу, Сан-Хосе, Тайбэй, Тель-Авив, Турин, Филадельфия, Франкфурт-на-Майне, Хьюстон, Шанхай, Шэньчжэнь
Менее 5	ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЯЖЕЛОВЕСЫ	ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СРЕДНЕВЕСЫ	ФОРМИРУЮЩИЕСЯ «КОМПЛЕКСНИКИ»
	Женева	Афины, Бангкок, Копенгаген, Мадрид, Милан, Нью-Дели, Осло, Оттава	Антверпен, Варшава, Йоханнесбург, Кейптаун, Куала-Лумпур, Лагос, Лион, Лиссабон, Мельбурн, Сантьяго, Сиэтл, Стамбул

Составлено авторами.

Широкое вовлечение в анализ новых транснациональных акторов перспективно не только на глобальном уровне, но и с использованием полимасштабного подхода, в т. ч. для развития политической и геополитической регионалистики [Карякин 2018]. Значимостью феномена и существенным обновлением полномочий городов, становящихся центрами «увязки» сложных сетевых структур, диктуется необходимость разработки новой научной проблемной области на стыке ряда дисциплин при прерогативе геополитики, давно занимающейся изучением акторов международных отношений, – геополитической урбанистики, предметным полем которой может стать исследование особенностей формирования, состава, специализации, размещения и механизмов взаимодействия транснациональ-

ных акторов в городском пространстве и которая способна внести существенный вклад в познание контуров грядущих глобальных трансформаций.

Список литературы

Ефремов В.С., Владимирова И.Г. (2018) Международные компании: масштабы, структура и тенденции развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 8. № 10А. С. 400–412 // <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2018-10/40-efremov-vladimirova.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

Каверин М.А., Малков С.Ю. (2014) Тенденции развития международных организаций в контексте эволюции глобальной политической системы // Вестник РУДН. Серия: Между-

народные отношения. № 2. С. 200–209 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21698522_64425942.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Калашников Д.Б. (2019) Роль ТНК Китая в решении задач модернизации национальной экономики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: МГИМО (Университет) МИД РФ.

Карякин В.В. (2013) Крупный город в современной архитектуре мироустройства // Проблемы национальной стратегии. № 4(19). С. 207–209 // <https://riss.ru/bookstore/journal/2013-2/j19/>, дата обращения 21.04.2020.

Карякин В.В. (2018) Геополитическая регионалистика. М.: АНО ЦЭМИ, Архонт.

Кузнецов А.В. (2019) ТНК – усиление международной роли или усложнение адаптации к трендам мирового развития? Доклад на Международных Лихачевских чтениях. Санкт-Петербург. 28.05.2019 // https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/KuznetsovAV_plen_rus_izd.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Лаппо Г.М. (1972) Рассказы о городах. М.: Наука.

Лебедева М.М. (2013) Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. № 1. С. 38–42 // <https://cyberleninka.ru/article/n/aktory-sovremennoy-mirovoy-politiki-trendy-razvitiya/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Лебедева М.М. (2017) «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. № 3. С. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223

Наумов А.О. (2013) Международные неправительственные организации и проблемы глобального управления // Государственное управление. Электронный вестник. № 39. С. 49–76 // <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-nepravitelstvennye-organi>

zatsii-i-problemy-globalnogo-upravleniya/viewer, дата обращения 21.04.2020.

Пилька М.Э., Слукa Н.А. (2014) Размещение представительств зарубежных транснациональных корпораций в глобальных городах США // Вестник Московского университета. Серия: География. № 4. С. 75–82 // <https://cyberleninka.ru/article/n/razmeschenie-predstavitelstv-krupneyshih-transnatsionalnyh-korporatsiy-v-globalnyh-gorodah-ssha/viewer>, дата обращения 21.04.2020.

Пилька М.Э., Слукa Н.А. (2017) Глобальные города США как хабы зарубежных ТНК // Вестник МГИМО-Университета. № 6(57). С. 196–206. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-196-206

Славчева П. (2016) Неправительственные организации как инструмент дипломатии «мягкой силы» // Актуальные вопросы инновационной экономики. № 13. С. 197–203 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32614679_71141335.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Смординская Н.В. (2012) Смена парадигмы мирового развития и переход экономических систем к сетевому укладу // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 15. № 5. С. 186–210 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20310471_41236550.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Смординская Н.В. (2015) Глобализованная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М.: Институт экономики РАН.

Тормошева В.С. (2017) Акторы современного политического пространства в контексте транснационализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 37. С. 280–290 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29025201_50509011.pdf, дата обращения 21.04.2020.

Хватов Ю.Ю. (2015) Сравнительный анализ рейтингов конкуренто-

способности глобальных городов // Европейский вектор економічного розвитку. № 1(18). С. 195–202.

Abrahamson M. (2004) *Global Cities*, Oxford: Oxford University Press.

Abu-Lughod J.L. (1999) *New York, Chicago, Los Angeles: America's Global Cities*, The University of Minnesota Press.

Beaverstock J.V., Smith J.V., Taylor P.J. (1999) A Roster of World Cities // *Cities*, no 16, pp. 445–458. DOI: 10.1016/S0264-2751(99)00042-6

Carroll W.K. (2007) *Global Cities in the Global Corporate Network* // *Environment and Planning*, vol. 39, pp. 2297–2323. DOI: 10.1068/a38372

Clark D. (2003) *Urban World, Global City*, London: Routledge.

Csomós G. (2013) The Command and Control Centers of the United States (2006/2012): An Analysis of Industry Sectors Influencing the Position of Cities // *Geoforum*, no 50, pp. 241–251. DOI: 10.1016/j.geoforum.2013.09.015

Csomós G. (2017) *Cities as Command and Control Centers of the World Economy: An Empirical Analysis (2006–2015)* // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no 38, pp. 7–26. DOI: 10.1515/bog-2017-0031

Derudder B., Timberlake M., Wiltox F. (2010) Introduction: Mapping Changes in Urban Systems // *Urban Studies*, vol. 47, no 9, pp. 1835–1841. DOI: 10.1177/0042098010373504

Derudder B., Wiltox F. (2010) *World Cities and Global Commodity Chains: An Introduction* // *Global Networks*, vol. 10, no 1, pp. 1–11. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2010.00271.x

Forbes Global 2000 (2016–2017). *The World's Biggest Public Companies* // <https://www.forbes.com/global2000/>, дата обращения 21.04.2020.

Fortune Global 500 List of the World's Biggest Corporations (2016) // <https://fortune.com/global500/2016/>, дата обращения 21.04.2020.

Friedmann J. (1986) *The World City Hypothesis* // *Development and Change*, no 4, pp. 69–83. DOI: 10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x

GaWC. *The World According to GaWC (2000–2018)* // <http://www.lboro.ac.uk/gawc/index.html>, дата обращения 21.04.2020.

Godfrey B.J., Zhou Y. (2013) *Ranking World Cities: Multinational Corporations and the Global Urban Hierarchy* // *Urban Geography*, vol. 20, no 3, pp. 268–281. DOI: 10.2747/0272-3638.20.3.268

Hall P. (1966) *The World Cities*, London: Weidenfeld and Nicolson.

Kentor J., Sobek A., Timberlake M. (2011) *Interlocking Corporate Directorates and the Global City Hierarchy* // *American Sociological Association*, vol. 17, no 2, pp. 498–514. DOI: 10.5195/jwsr.2011.415

Kratke S. (1) (2014) *Global Pharmaceutical and Biotechnology Firms' Linkages in the World City Network* // *Urban Studies*, vol. 51, no 6, pp. 1196–1213. DOI: 10.1177/0042098013494420

Kratke S. (2) (2014) *How Manufacturing Industries Connect Cities Across the World: Extending Research on "Multiple Globalizations"* // *Global Networks*, vol. 14, no 2, pp. 121–147. DOI: 10.1111/glob.12036

Lüthi S., Thierstein A., Hoyler M. (2018) *The World City Network: Evaluating Top-down versus Bottom-up Approaches* // *Cities*, vol. 72, part B, pp. 287–294. DOI: 10.1016/j.cities.2017.09.006

Moreau Defarges Ph. (1998) *La Mondialisation*, Paris: Presses Universitaires de France – PUF.

Neal Z.P. (2011) *Differentiating Centrality and Power in the World City Network* // *Urban Studies*, vol. 48, no 13, pp. 2733–2748. DOI: 10.1177/0042098010388954

Nye J. (1991) *Bound To Lead: The Changing Nature of American Power*, New York: Basic Books.

Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs Group.

Nye J. (2011) *The Future of Power*, New York: Public Affairs.

Pilka M., Sluka N. (2019) US Global Cities as Centres of Attraction of Foreign TNCs // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, vol. 46, no 46, pp. 137–147. DOI: 10.2478/bog-2019-0039

Sassen S. (1991) *The Global City*: New York, London, Tokyo, Princeton, New Jersey.

Sluka N., Tikunov V., Cheresnia O. (2019) The Geographical Size Index for Ranking and Typology of Cities // *Social Indicators Research*, vol. 144, no 2, pp. 981–997. DOI: 10.1007/s11205-019-02069-0

Taylor P.J. (2001) Specification of the World City Network // *Geographical Analysis*, vol. 33, no 2, pp. 181–194. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2001.tb00443.x

Taylor P.J. (2004) *World City Network: A Global Urban Analysis*, Routledge.

Taylor P.J. (2005) Leading World Cities: Empirical Evaluations of Urban Nodes in Multiple Networks // *Urban Studies*, vol. 42, no 9, pp. 1593–1608. DOI: 10.1080/00420980500185504

The Yearbook of International Organizations (2017). Brussels: Union of Interna-

tional Associations // <https://uia.org/year-book>, дата обращения 21.04.2020.

UNCTAD. The World Investment Report. 2002–2018.

Verhetsel A., Sel S. (2009) World Maritime Cities: From Which Cities do Container Shipping Companies Make Decisions? // *Transport Policy*, vol. 16, no 5, pp. 240–250. DOI: 10.1016/j.tranpol.2009.08.002

Vinciguerra S., Frenken K., Valente M. (2010) The Geography of Internet Infrastructure: An Evolutionary Simulation Approach Based on Preferential Attachment // *Urban Studies*, vol. 47, no 9, pp. 1969–1984. DOI: 10.1177/0042098010372685

Wall R.S., van der Knaap G.A. (2011) Sectoral Differentiation and Network Structure within Contemporary Worldwide Corporate Networks // *Economic Geography*, vol. 87, no 3, pp. 267–308. DOI: 10.1111/j.1944-8287.2011.01122.x

Wyly E. (2011) Mapping Global Firms and World Cities // *Global 350, Introduction to Urban Geography* // <http://ibis.geog.ubc.ca/~ewyly/g350/gawc.pdf>, дата обращения 21.04.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-11

Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors

Nikolaj A. SLUKA

DSc in Geography, Professor, Faculty of Geography, Department of World Economy Geography

Lomonosov Moscow State University, 119991, GSP-1, Leninskie gory, Faculty of Geography, Moscow, Russian Federation

E-mail: sluka2011@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2974-1027

Vladimir V. KARYAKIN

PhD in Military Sciences, Lecturer of Military Regional Studies Department

Military University, 123001, Bolshaya Sadovaya St., 14, Moscow, Russian Federation

E-mail: vladimirkaryakin41@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5714-0050

Evgeny F. KOLYASEV

Master's Degree, Faculty of Geography, Department of World Economy Geography

Lomonosov Moscow State University, 119991, GSP-1, Leninskie gory, Faculty of Geography, Moscow, Russian Federation

E-mail: udjinkolyasev@gmail.com

CITATION: Sluka N.A., Karyakin V.V., Kolyasev E.F. (2020) Global Cities as the Hubs of New Transnational Actors. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 1, pp. 203–226 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-1-11

Received: 14.03.2020.

ABSTRACT. *In the context of the world development paradigm shift and the transition to a network structure, so-called new transnational actors are beginning to play an increasing role in global governance processes, their activity is constantly growing and their composition is expanding. In the economic sphere their core is made up of transnational corporations (TNC), in the political sphere – of international organizations of different profiles and status. Placing their headquarters in cities, such structures, together with the institutions of traditional subjects of international relations, largely determine both the set of command and control functions over urban agglom-*

erations, their competitiveness, sustainability of development and the variability of the configuration of the General framework of “centers of power” operating on the world stage. Their influence growth in the context of desovereignization process development means the approximation of the historical transition in the spatial organization of the international community from its traditional “countries-nations” model to the “archipelago of cities”, which is a set of centers of different rank and functional profile, closely interacting on a global scale.

The global cities concept, which emerged in the 1990s, is aimed at revealing this phenomenon. The explanatory part of this con-

cept is based on the superposition of network structures of global firms highly specialized business services in global cities. The article discusses the main directions in modern research of global cities, argues for the need for a qualitative update of existing approaches, and the importance of new transnational actors in their formation. An assessment of the dynamics and localization of the headquarters of the world's leading TNCs and international organizations is given. The revealed asymmetry in their placement refutes the hypothesis that global cities are equally attractive. Based on the rating and grouping of centers, several types of hubs of new transnational actors were identified, including complex ones headed by "hegemonic cities" (New York, London, Paris), and specialized ones of various ranks – geoeconomic and geopolitical. Given the relevance and significance of the phenomenon of new transnational actors based in urban agglomerations, it is assumed that a productive study of the features of their formation, composition, specialization, placement and interaction mechanisms can become the subject field of a new scientific problem area at the intersection of a number of disciplines – geopolitical urbanism, which can make a significant contribution to the study of the contours of future global transformations.

KEY WORDS: globalization, world system, spatial organization, network-node structure, global cities, new transnational actors, transnational corporations, international organizations, headquarters placement, geopolitical urbanism

References

- Abrahamson M. (2004) *Global Cities*, Oxford: Oxford University Press.
- Abu-Lughod J.L. (1999) *New York, Chicago, Los Angeles: America's Global Cities*, The University of Minnesota Press.
- Beaverstock J.V., Smith J.V., Taylor P.J. (1999) A Roster of World Cities. *Cities*, no 16, pp. 445–458. DOI: 10.1016/S0264-2751(99)00042-6
- Carroll W.K. (2007) Global Cities in the Global Corporate Network. *Environment and Planning*, vol. 39, pp. 2297–2323. DOI: 10.1068/a38372
- Clark D. (2003) *Urban World, Global City*, London: Routledge.
- Csomós G. (2013) The Command and Control Centers of the United States (2006/2012): An Analysis of Industry Sectors Influencing the Position of Cities. *Geoforum*, no 50, pp. 241–251. DOI: 10.1016/j.geoforum.2013.09.015
- Csomós G. (2017) Cities as Command and Control Centers of the World Economy: An Empirical Analysis (2006–2015). *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no 38, pp. 7–26. DOI: 10.1515/bog-2017-0031
- Derudder B., Timberlake M., Wiltox F. (2010) Introduction: Mapping Changes in Urban Systems. *Urban Studies*, vol. 47, no 9, pp. 1835–1841. DOI: 10.1177/0042098010373504
- Derudder B., Wiltox F. (2010) World Cities and Global Commodity Chains: An Introduction. *Global Networks*, vol. 10, no 1, pp. 1–11. DOI: 10.1111/j.1471-0374.2010.00271.x
- Efremov V.S., Vladimirova I.G. (2018) International companies: Scale, structure and development tendencies. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 8, no 10A, pp. 400–412. Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-economy-2018-10/40-efremov-vladimirova.pdf>, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Forbes Global 2000* (2016–2017). The World's Biggest Public Companies. Available at: <https://www.forbes.com/global2000/>, accessed 21.04.2020.
- Fortune Global 500 List of the World's Biggest Corporations* (2016). Available at: <https://fortune.com/global500/2016/>, accessed 21.04.2020.

- Friedmann J. (1986) The World City Hypothesis. *Development and Change*, no 4, pp. 69–83. DOI: 10.1111/j.1467-7660.1986.tb00231.x
- GaWC. *The World According to GaWC* (2000–2018). Available at: <http://www.lboro.ac.uk/gawc/index.html>, accessed 21.04.2020.
- Godfrey B.J., Zhou Y. (2013) Ranking World Cities: Multinational Corporations and the Global Urban Hierarchy. *Urban Geography*, vol. 20, no 3, pp. 268–281. DOI: 10.2747/0272-3638.20.3.268
- Hall P. (1966) *The World Cities*, London: Weidenfeld and Nicolson.
- Kalashnikov D.B. (2019) *Role of China's TNCs in Solving the Problems of Modernizing the National Economy*, Moscow: MGIMO (in Russian).
- Karyakin V.V. (2013) Big City in Modern World System. *Problem of National Strategy*, no 4(19), pp. 207–209. Available at: <https://riss.ru/bookstore/journal/2013-2/j19/>, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Karyakin V.V. (2018) *Geopolitical Regional Studies*, Moscow: Archont (in Russian).
- Kaverin M.A., Malkov S.U. (2014) Trends of International Organizations in Context of Global System Evolution. *Bulletin of RUND University, International Relations*, no 2, pp. 200–209. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21698522_64425942.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Kentor J., Sobek A., Timberlake M. (2011) Interlocking Corporate Directorates and the Global City Hierarchy. *American Sociological Association*, vol. 17, no 2, pp. 498–514. DOI: 10.5195/jwsr.2011.415
- Khvatov U.U. (2015) Comparative Analysis of Global Cities Competitiveness. *European Vector of Economic Development*, no 1(18), pp. 195–202 (in Russian).
- Kratke S. (1) (2014) Global Pharmaceutical and Biotechnology Firms' Linkages in the World City Network. *Urban Studies*, vol. 51, no 6, pp. 1996–1213. DOI: 10.1177/0042098013494420
- Kratke S. (2) (2014) How Manufacturing Industries Connect Cities Across the World: Extending Research on “Multiple Globalizations”. *Global Networks*, vol. 14, no 2, pp. 121–147. DOI: 10.1111/glob.12036
- Kuznetsov A.V. (2019) *TNC – Growing of International Role or Adaptation Complication of World Development Trends?* Report on International Lichachev's Readings. Saint Petersburg. Available at: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihacht/2019/dokladi/KuznetsovAV_plen_rus_izd.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Lappo G.M. (1972) *Stories about Sites*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Lebedeva M.M. (2013) Actors of Modern World Politics: Trends of Development. *Bulletin of MGIMO*, no 1, pp. 38–42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktory-sovremennoy-mirovoy-politiki-trendy-razvitiya/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).
- Lebedeva M.M. (2017) Soft Power: Notion and Approaches. *Bulletin of MGIMO*, no 3, pp. 212–223 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
- Lüthi S., Thierstein A., Hoyer M. (2018) The World City Network: Evaluating Top-down versus Bottom-up Approaches. *Cities*, vol. 72, part B, pp. 287–294. DOI: 10.1016/j.cities.2017.09.006
- Moreau Defarges Ph. (1998) *La Mondialisation*, Paris: Presses Universitaires de France – PUF.
- Naumov A.O. (2013) International Nongovernment Organizations and Global Control Problems. *State Government. Electronic Bulletin*, no 39, pp. 49–76. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-nepravitelstvennye-organizatsii-i-problemy-globalnogo-upravleniya/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Neal Z.P. (2011) Differentiating Centrality and Power in the World City Network. *Urban Studies*, vol. 48, no 13, pp. 2733–2748. DOI: 10.1177/0042098010388954

Nye J. (1991) *Bound To Lead: The Changing Nature of American Power*, New York: Basic Books.

Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs Group.

Nye J. (2011) *The Future of Power*, New York: Public Affairs.

Pilka M.E., Sluka N.A. (2014) Location of Foreign Transnational Corporations in USA Global Cities. *Bulletin of Moscow University, Series: Geography*, no 4, pp. 75–82. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razmeschenie-predstavitelstv-krupneyshih-transnatsionalnyh-korporatsiy-v-globalnyh-gorodah-ssha/viewer>, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Pilka M.E., Sluka N.A. (2017) Global Cities as the Hubs of Foreign TNC. *Bulletin of MGIMO University*, no 6(57), pp. 196–206 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-196-206

Pilka M., Sluka N. (2019) US Global Cities as Centres of Attraction of Foreign TNCs. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, vol. 46, no 46, pp. 137–147. DOI: 10.2478/bog-2019-0039

Sassen S. (1991) *The Global City: New York, London, Tokyo*, Princeton, New Jersey.

Slavcheva P. (2016) Nongovernment Organizations as Soft Power Diplomatic Tool. *Actual Problems of Innovation Economics*, no 13, pp. 197–202. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32614679_71141335.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Sluka N., Tikunov V., Cheresnia O. (2019) The Geographical Size Index for Ranking and Typology of Cities. *Social Indicators Research*, vol. 144, no 2, pp. 981–997. DOI: 10.1007/s11205-019-02069-0

Smorodinskaya N.V. (2012) Change of World Economic Development Paradigm and Network Economic Formation. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 15, no 5, pp. 186–210. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20310471_41236550.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

Smorodinskaya N.V. (2015) *Globalized Economics: from Hierarchy to Network Mode*, Moscow: Economics Institute of Russian Academy of Science (in Russian).

Taylor P.J. (2001) Specification of the World City Network. *Geographical Analysis*, vol. 33, no 2, pp. 181–194. DOI: 10.1111/j.1538-4632.2001.tb00443.x

Taylor P.J. (2004) *World City Network: A Global Urban Analysis*, Routledge.

Taylor P.J. (2005) Leading World Cities: Empirical Evaluations of Urban Nodes in Multiple Networks. *Urban Studies*, vol. 42, no 9, pp. 1593–1608. DOI: 10.1080/00420980500185504

The Yearbook of International Organizations (2017). Brussels: Union of International Associations. Available at: <https://uia.org/yearbook>, accessed 21.04.2020.

Tormosheva V.S. (2017) Actors of Modern Political Space in Contest of Transnationalization. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Politology*, no 37, pp. 280–290. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29025201_50509011.pdf, accessed 21.04.2020 (in Russian).

UNCTAD. The World Investment Report. 2002–2018.

Verhetsel A., Sel S. (2009) World Maritime Cities: From Which Cities do Container Shipping Companies Make Decisions? *Transport Policy*, vol. 16, no 5, pp. 240–250. DOI: 10.1016/j.tranpol.2009.08.002

Vinciguerra S., Frenken K., Valente M. (2010) The Geography of Internet Infrastructure: An Evolutionary Simulation Approach Based on Preferential Attachment. *Urban Studies*, vol. 47, no 9, pp. 1969–1984. DOI: 10.1177/0042098010372685

Wall R.S., van der Knaap G.A. (2011) Sectoral Differentiation and Network Structure within Contemporary Worldwide Corporate Networks. *Economic Geography*, vol. 87, no 3, pp. 267–308. DOI: 10.1111/j.1944-8287.2011.01122.x

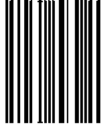
Wyly E. (2011) Mapping Global Firms and World Cities. *Global 350*, Introduction to Urban Geography. Available at: <http://ibis.geog.ubc.ca/~ewyly/g350/gawc.pdf>, accessed 21.04.2020.

ISSN 2542-0240

9 772542 024004

20001

>